

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№4 2022

Казань - 2022

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №4 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022. – 288.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>В.В. Агеносов, С.С. Царегородцева, Е.В. Шерчалова</i> СПЕЦИФИКА ХРОНОТОПА РОМАНА «НЕПОБЕДИМОЕ СОЛНЦЕ» В. ПЕЛЕВИНА	11
<i>В.А. Бодров</i> «НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО. НЕКОТОРЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ	14
<i>С.А. Ларин</i> КОЛЛЕЖСКИЙ СЕКРЕТАРЬ ОБЛОМОВ: ЗАГАДКА ЧИНА	17
<i>Е.П. Лынова</i> ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»	20
<i>Г.И. Модина</i> ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА «ПРОРИЦАНИЙ НЕВЕДЕНИЯ» УИЛЬЯМА БЛЕЙКА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ	23

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Г.А. Абрамова, В.П. Абрамов, В.В. Костенкова</i> К ВОПРОСУ ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ СМИ	27
<i>Г.А. Абрамова, В.П. Абрамов, В.В. Тихонов</i> ИНТЕГРАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В СЕТЕВОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО	30
<i>Аль-Баидхани Валид Абдулкарим Саид, Р.П. Баканов</i> СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ТЕМЫ ПАТРИОТИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ЖУРНАЛИСТА И БЛОГЕРА ЛЕОНИДА ПАРФЕНОВА	33
<i>Альтамем Мохамедалмустафа Шукур Махмуд</i> ОБРАЗ ИРАКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ АРАБСКИХ СТРАН И РФ	36
<i>О.Н. Горячева, М.Г. Яковлева</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	40
<i>А.У. Киньябулатов, Н.Х. Шарафутдинова, С.Г. Аксенов, В.Д. Чистонов, Э.А. Гурьянова, А.А. Хазиманова, С.М. Шамсутдинов, Р.Н. Зигитбаев, М.Р. Гайсин</i> ЮБИЛЕЙНЫЙ ПРОЕКТ «65 ЛЕТ СОЮЗУ ЖУРНАЛИСТОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН— 65 ПЕРВЫХ ЧЛЕНОВ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР ИЗ БАШКОРТОСТАНА (1957—2022 ГГ.)»	43
<i>В.Л. Кондратская</i> БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА. КРЫМСКИЙ ФОРМАТ	46
<i>Г.В. Мишина, Т.А. Цыганкова</i> «ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ» КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОВОКАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. АКУНИНА ОБ ЭРАСТЕ ФАНДОРИНЕ	49
<i>М.С. Штейман</i> СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)	52
<i>Ю.В. Шуйская, О.О. Богомолов, К.С. Смекалина</i> РОЛЬ МЕТОДОЛОГИИ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СМИ	56

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Н.И. Белунова</i> ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ТЕКСТАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ	59
<i>Гао Минхун, Ци Гоцзян</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА ВЫВЕСОК С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В ПОГРАНИЧНОМ ПОРТЕ ХЭЙЛУНЦЗЯН	64

<i>Р.Г. Гатаулина</i> ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА КАК МОТИВИРУЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ УСТНОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ	67
<i>А.Л. Голованевский, Н.В. Атаманова, Н.В. Трошина, Т.А. Распопов</i> ЭПИСТОЛЯРИЙ ТЮТЧЕВА 1820-1849 ГОДОВ И «СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ПУШКИНА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ	70
<i>А.В. Грудина</i> РОЛЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ В СОЗДАНИИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА «ПОЛТАВА»)	73
<i>А.Р. Дадаева</i> АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ ЛИЦО / СОВЕСТЬ / ЧЕСТЬ В МЕТАЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКОВ	76
<i>З.М. Дударева</i> ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК ЭРГОНИМ	80
<i>Е.Р. Зайцев</i> НОВОСТНЫЕ МЕДИАТЕКСТЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА	84
<i>С.М. Керимова</i> КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В ТРУДАХ РУССКОГО ФИЛОСОФА ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЛЬИНА	88
<i>П.А. Колобаев</i> МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «ДУХОВНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ» И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ	92
<i>Т.С. Кондратьева, И.М. Любина</i> СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО АНТРОПОНИМА МОИСЕЙ В МАСС-МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ	99
<i>Е.С. Константинов</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В ЛЕТОПИСЯХ XIII–XV ВЕКОВ	102
<i>Е.А. Кузнецова</i> СЛАВЯНСКОЕ ДОХРИСТИАНСКОЕ ИМЯ В ОЙКОНИМИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ	105
<i>А.С. Лебедева, О.А. Салтымакова</i> ЦЕННОСТНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ВОЕННЫХ ПИСЬМАХ ВОВ	109
<i>С.В. Минибаева, Д.Г. Дмитриева</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЮРИЯ ДУДЯ	112
<i>Ни Цзюнься</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА “ЧАЙ” В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ	115
<i>О.О. Петрова</i> О МЕТОНИМИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ И МОДЕЛЯХ ПЕРЕНОСА, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ГРАНИЦЕ СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ	118
<i>Е.П. Филиппова, О.С. Шемонаева</i> СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ К КОНТЕКСТУ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. БУЛГАКОВА)	121
<i>Яо Цянь</i> РАЗЛИЧИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ	124

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>С.Н. Аверкина, Г.И. Родина, Е.А. Сакулина</i> ЭПИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОЗДНИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТОМАСА МАННА	126
<i>Н.Д. Белоножко</i> СМЕЩЕНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ФОКУСА АЛЛЮЗИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ	130
<i>Е.А. Боброва, Ю.Б. Косова</i> О СПЕЦИФИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОСНОВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА К КОНЦЕПТУ	134
<i>Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман</i> АМПЛИФИКАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ В КИНОДИСКУРСЕ	137

<i>Ю.А. Гаврикова, Е.Е. Белова, М.А. Мальцева, Т.Е. Никольская, С.Ю. Филиппова, Э.Д. Шапиро, А.А. Степичева</i> РОЛЬ И ФУНКЦИИ ПОЭТОНИМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ	140
<i>Л.М. Гараева, Г.М. Ильдуганова, Г.Р. Нуриева</i> ЛИНГВОЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕРБАЛЬНЫХ ИНВЕКТИВ	144
<i>В.Е. Глызина, Н.Е. Горская, Н.В. Максимова</i> РОЛЬ ФРАЗЕЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНИФИКАТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОГЕРЕНТНОСТИ ДИСКУРСА	148
<i>Л.М. Зиннатуллина, Г.Н. Фахретдинова</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	151
<i>Ю.Н. Зинцова, Е.А. Хроменкова</i> ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ	154
<i>А.А. Котельникова, Н.А. Лаврова</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ С ПОЗИЦИИ ЭКОЛИНГВИСТИКИ	157
<i>И.И. Курмаева, М.Н. Винникова, О.В. Бабенко</i> СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ И МНОГОКРАТНОСТЬ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	164
<i>Н.А. Левковская, А.Е. Локонова</i> ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СВЕРХТЕКСТА	167
<i>А.Е. Локонова</i> ОСОБЕННОСТИ СВЕРХТЕКСТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	171
<i>Т.Ю. Ма, Н.В. Пинчукова</i> ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ «THE PATIENCE OF JOB» В ПУБЛИКАЦИЯХ ГАЗЕТЫ «THE NEW YORK TIMES» КАК ПРИМЕР СЕКУЛЯРИЗАЦИИ УЗУСА БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	174
<i>Е.Л. Малышева, Ю.Г. Романова, И.В. Чеснокова</i> ДОСТИЖЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК РЕЧЕВЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ КАК КЛЮЧА К ПОНИМАНИЮ ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ» В ПЕРЕВОДЕ Р.РАЙТ – КОВАЛЕВОЙ)	178
<i>Н.Б. Мухина</i> ПОТЕНЦИАЛ ФОРМИРОВАНИЯ СИНОНИМОВ И АНТОНИМОВ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПОНЯТИЙНОЙ СФЕРЫ «ОДЕЖДА И МОДА» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	181
<i>Е.И. Никанорова, М.В. Аксенова</i> ОБРАЗ ВОЛГИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ВОСПРИЯТИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ТРАВЕЛОГАХ XVI - XVIII ВЕКОВ	184
<i>И.В. Уварова, И.А. Борисенко</i> ОБУЧЕНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ	187
<i>В.В. Федоров, Е.В. Плисов, Л.В. Гусева</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭПАТАЖНОЙ СТРАТЕГИИ В ПУБЛИЧНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ	190
<i>Ю.В. Шуйская, А.В. Арепьев, Е.Л. Малышева</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ДАННЫХ КВАНТИТАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ХОДЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО)	193
<i>С.С. Шумбасова</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	196
<i>Л.Г. Юсупова</i> ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЯЗЫКЕ	199

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Р.К. Ахметгареева, М.К. Гулкян</i> ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ И ВНЕДРЕНИЯ НА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ УЧЕБНО-РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ	201
---	-----

<i>А.Ф. Барышников, В.В. Белоконь</i> КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕННОЙ ЧАСТИ ПЕРСИДСКОГО СЛОЖНОГО ГЛАГОЛА	204
<i>А.Ф. Барышников, В.В. Белоконь</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И КРАТКИЙ АНАЛИЗ ИМЕННОЙ ЧАСТИ ПЕРСИДСКОГО СЛОЖНОГО ГЛАГОЛА	208
<i>Р.И. Бачиева, Е.В. Казанская, Г.С. Саидова, В.Б. Черемина</i> ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИФРОВИЗАЦИИ	211
<i>А.А. Бен Шушан</i> ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕАКТОВОЙ СТРУКТУРЫ ОБОДРЯЮЩЕГО ЭМПАТИЙНОГО ПОСЛАНИЯ	214
<i>А.А. Бен Шушан</i> ИЛЛОКУТИВНЫЙ ТИП «БЛАГОДАРЕНИЕ» КАК ИНСТРУМЕНТ ЭМПАТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ	217
<i>С.Х. Битокова, Т.А. Битокова</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ МОГОЗНАЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ	220
<i>А.К. Булатова, Ф.К. Сагдеева</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	223
<i>Н.В. Возмищева, Н.М. Люкина, Г.Е. Поторочина, М.Н. Смирнова</i> ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ГЕРМАНСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ, ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРАХ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВ)	226
<i>Л.М. Гиниятуллина</i> ВНЕШНЯЯ СТРУКТУРА СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)	230
<i>Л.Б. Здановская</i> ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПАНТЕОН ВЛАСТИ» / “PANTHEON OF POWER” / “PANTHEON DER MASCHT” В АСПЕКТЕ РАССМОТРЕНИЯ КОНЦЕПТОВ СОЗИДАНИЯ	233
<i>А.С. Кисельников, М.К. Гулканян, И.И. Кузнецова</i> ФОРМУЛА ЧИТАБЕЛЬНОСТИ SON-METRIX L2 READING EASE КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЧИТАБЕЛЬНОСТИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА	236
<i>Х.Х. Кузьмина, Г.К. Хадиева, Г.Р. Шакирова</i> АВТОРСКАЯ ИНТЕНЦИЯ В ПОЭМЕ КУЛ ГАЛИ «КЫССА-И ЙУСУФ»	239
<i>В.Н. Лим</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОРЕЙСКИХ ВИДЕОИГР НА РУССКИЙ ЯЗЫК	242
<i>В.М. Липицкая, В.А. Тубальцева, Д.Б. Закирова</i> АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ DIGITAL NATIVES: КОНВЕРГЕНЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ	245
<i>А.И. Мамедбейли</i> РОЛЬ ЧАСТИЦ В РИТОРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА (НА ОСНОВЕ АНГЛИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ)	248
<i>Е.В. Соболева</i> ЦЕННОСТНО-ИНФОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	251
<i>Э.Э. Тундума</i> ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ В АССОЦИАТИВНОМ ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА	256
<i>О.Р. Хисамов</i> ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ РЕКУ В ВОСТОЧНОМ ДИАЛЕКТЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА	259
<i>А.Н. Холстинина, Т.В. Холстинина, А.В. Поройков</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛОКУСА ЭФФЕКТА ВЕРБАЛЬНОГО НАСЫЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХО- И НЕЙРОЛИНГВИСТИКЕ	262
<i>Е.О. Чурюканова</i> ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН	265
АННОТАЦИИ	268

THE RELEASE MAINTENANCE

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>V.V. Agenosov, S.S. Tsaregorodtseva, E.V. Sherchalova</i> THE SPECIFICITY OF CHRONOTOPE OF THE NOVEL «THE INVINCIBLE SUN» BY V. PELEVIN	11
<i>V.A. Bodrov</i> «NETOCHKA NEZVANOVA» BY F.M. DOSTOEVSKY. SOME ARTISTIC ASPECTS OF THE WORK	14
<i>S.A. Larin</i> COLLEGIATE SECRETARY OBLOMOV: THE MYSTERY OF THE RANK	17
<i>E.P. Lynova</i> FEATURES OF THE ARTISTIC REALIZATION OF THE IMAGE OF THE MAIN CHARACTER OF THE STORY F.M. DOSTOEVSKY "NETOCHKA NEZVANOVA"	20
<i>G.I. Modina</i> GENRE PECULIARITIES OF WILLIAM BLAKE'S «AUGURIES OF INNOCENCE» IN RUSSIAN TRANSLATIONS	23

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>G.A. Abramova, V.P. Abramov, V.V. Kostenkova</i> TO THE QUESTION OF THEMATIC CLASSIFICATION OF SPECIAL VOCABULARY OF THE LANGUAGE OF MODERN MEDIA	27
<i>G.A. Abramova, V.P. Abramov, V.V. Tikhonov</i> INTEGRATION OF TRADITIONAL PERIODICALS INTO THE ONLINE MEDIA SPACE	30
<i>Al-Baidhani waleed Abdulkareem saeed, R.P. Bakanov</i> THE SPECIFICS OF THE MANIFESTATION OF THE THEME OF PATRIOTISM IN THE WORK OF A JOURNALIST AND BLOGGER LEONID PARFENOV	33
<i>Altamemi Mohamedalmustafa Shukur Mahmud</i> THE IMAGE OF IRAQ IN THE JOURNALISM OF ARAB COUNTRIES AND THE RUSSIAN FEDERATION	36
<i>O.N. Goryacheva, M.G. Yakovleva</i> A PRECEDENT PHENOMENON IN THE HEADLINES OF NEWSPAPERS IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN	40
<i>A.U. Kinyabulatov, N.Kh. Sharafutdinova, S.G. Aksenov, V.D. Chistonov, E.A. Guryanova, A.A. Khazimanova, S.M. Shamsutdinov, R.N. Zigitbaev, M.R. Gaysin</i> JUBILEE PROJECT "65 YEARS OF THE UNION OF JOURNALISTS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN - 65 FIRST MEMBERS OF THE UNION OF JOURNALISTS OF THE USSR FROM BASHKORTOSTAN (1957-2022)"	43
<i>V.L. Kondratskaya, V.I. Vernadsky</i> CHARITY AS A TREND OF MODERN SOCIETY. CRIMEAN FORMAT	46
<i>G.V. Mishina, T.A. Tsygankova</i> "SECONDARY TEXT" AS AN INTELLECTUAL PROVOCATION IN THE WORKS OF B. AKUNIN ABOUT ERAST FANDORIN	49
<i>M.S. Shteyman</i> STRATEGIES FOR THE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL PRESS (ON THE EXAMPLE OF THE LIPETSK REGION)	52
<i>Yu.V. Shuiskaya, O.O. Bogomolov, K.S. Smekalina</i> THE ROLE OF THE METHODOLOGY OF JOURNALISM IN THE POPULARIZATION OF HISTORICAL KNOWLEDGE IN THE MEDIA	56

10.02.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>N.I. Belunova</i> LEXICAL-SYNTACTIC REPETITION AND FEATURES ITS FUNCTIONING IN THE TEXTS OF JOURNALISTIC STYLE	59
<i>Gao Minghong, Qi Guojiang</i> PECULIARITIES OF TRANSLATION OF THE ORIGINAL TEXT OF SIGNS FROM CHINESE INTO RUSSIAN IN THE BORDER PORT OF HEILONGJIANG	64

<i>R.G. Gataulina</i> THE LANGUAGE ENVIRONMENT AS A MOTIVATING FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF SPEECH OF FOREIGN STUDENTS	67
<i>A.L. Golovanevsky, N.V. Atamanova, N.V. Troshina, T.A. Raspopova</i> TYUTCHEV'S EPISTOLARY OF 1820-1849 AND «PUSHKIN LANGUAGE DICTIONARY» FROM THE POINT OF VIEW OF BORROWING	70
<i>A.V. Grudina</i> THE ROLE OF ARCHAIC WORDS IN THE CREATION OF TEMPORAL RETROSPECTION (ON THE EXAMPLE OF A. S. PUSHKIN'S POEM "POLTAVA")	73
<i>A.R. Dadaeva</i> ANALYSIS OF THE CONCEPTS PERSON / CONSCIENCE / HONOR IN THE METAL-LANGUAGE SYSTEM OF THE RUSSIAN, GERMAN AND CHECHEN LANGUAGES	76
<i>Z.M. Dudareva</i> PRECEDENT NAME AS AN ERGONYM	80
<i>E.R. Zajcev</i> NEWS MEDIA TEXTS IN REGIONAL MEDIA SPACE	84
<i>S.M. Kerimova</i> THE CONCEPT OF "WOMAN" IN THE WORKS OF THE RUSSIAN PHILOSOPHER IVAN ALEXANDROVICH ILYIN	88
<i>P.A. Kolobaev</i> MODEL OF DESCRIPTION OF "THE SPIRITUAL MEMORIES" GENRE AND ITS IMPLEMENTATION	92
<i>T.S. Kondratieva, I.M. Lyubina</i> SEMANTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRECEDENT ANTHROPONYM MOSES IN MASS MEDIA TEXTS	99
<i>E.S. Konstantinov</i> SEMANTIC COMPATIBILITY OF THE COMPONENTS OF A VERBAL-NOMINAL PHRASES IN THE ANNALS XIII–XV CENTURIES	102
<i>E.A. Kuznetsova</i> SLAVIC PRE-CHRISTIAN NAME IN THE OIKONYMY OF THE VLADIMIR REGION	105
<i>A.S. Lebedeva, O.A. Saltyrnakova</i> VALUE CONCEPTS IN WWII MILITARY LETTERS	109
<i>S.V. Minibaeva, D.G. Dmitrieva</i> LANGUAGE PERSONALITY OF YURI DUD	112
<i>Ni Junxia</i> NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF THE CONCEPT "TEA" IN CHINESE AND RUSSIAN CULTURES	115
<i>O.O. Petrova</i> ON METONYMIC MEANINGS AND TRANSFER MODELS LOCATED ON THE BORDER OF SYNCHRONY AND DIACHRONY	118
<i>E.P. Filippova, O.S. Shemonaeva</i> STRUCTURE MODIFICATION OF IDIOMS AS A RESULT OF AN ADJUSTMENT TO THE CONTEXT (BASED ON THE MATERIAL OF THE WORKS BY M. BULGAKOV)	121
<i>Yao Qian</i> DIFFERENCES IN ETHNOCULTURAL SEMANTICS IN RUSSIAN AND CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS	124

10.02.04 – PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>S.N. Averkina, G.I. Rodina, E.A. Sakulina</i> EPIC DISCOURSE IN THE LATER WORKS BY THOMAS MANN	126
<i>N.D. Belonozhko</i> SHIFT OF THE EVALUATIVE FOCUS OF ALLUSIONS IN BELLES-LETTRES TEXTS	130
<i>E.A. Bobrova, Yu.B. Kosova</i> ON SPECIFICS OF LINGUISTIC RESEARCH BASED ON LINGUOCULTURAL APPROACH TO CONCEPT	134
<i>E.V. Butenko, G.A. Tsimmerman</i> AMPLIFICATION OF AXIOLOGICAL SEMANTICS OF PHRASEOLOGISMS AS A RESULT OF THEIR TRANSFORMATION IN FILM DISCOURSE	137
<i>Yu.A. Gavrikova, E.E. Belova, M.A. Maltseva, T.E. Nikolskaya, S.Yu. Filippova, E.D. Shapiro, A.A. Stepicheva</i> ROLE AND FUNCTIONS OF A POETONYM IN FICTION	140
<i>L.M. Garaeva, G.M. Ilduganova, G.R. Nurieva</i> LINGVO-ETHNOCULTURAL ASPECT OF ENGLISH VERBAL INVECTIVES	144
<i>V.E. Glyzina, N.E. Glyzina, N.V. Maksimova</i> THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL INTENSIFIERS IN THE FORMATION OF PRAGMATIC COHERENCE OF DISCOURSE	148

<i>L.M. Zinnatullina, G.N. Fakhretdinova</i> LEXICAL VARIANTS OF ADVERBIAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES	151
<i>Yu.N. Zintsova, E.A. Chromenkova</i> LINGUISTIC IMPLEMENTATION OF PERSUASIVENESS IN GERMAN NON-COMMERCIAL ADVERTISING	154
<i>A.A. Kotelnikova, N.A. Lavrova</i> SOCIOCULTURAL ASPECTS OF ENGLISH EUPHEMISMS WITHIN THE FRAMEWORK OF ECOLINGUISTICS	157
<i>I.I. Kurmaeva, M.N. Vinnikova, O.V. Babenko</i> SEMANTICS OF VERBS EXPRESSING DURATION AND FREQUENCY IN THE ENGLISH LANGUAGE	164
<i>N.A. Levkovskaya, A.E. Lokonova</i> THE FUNCTIONAL ASPECT OF SUPERTEXT	167
<i>A.E. Lokonova</i> SUPERTEXT PARTICULARITIES IN POLITICAL DISCOURSE	171
<i>T.Yu. Ma, N.V. Pinchukova</i> THE PRECEDENT PHRASE "THE PATIENCE OF JOB" IN "THE NEW YORK TIMES" PUBLICATIONS AS AN EXAMPLE OF BIBLICAL PHRASEOLOGY USUS SECULARIZATION	174
<i>E.L. Malysheva, Y.G. Romanova, I.V. Chesnokova</i> ACHIEVING EQUIVALENCE IN THE TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN OF THE MAIN CHARACTER'S SPEECH UTTERANCES AS A KEY TO UNDERSTANDING HIS PSYCHOLOGICAL IMAGE (ON THE EXAMPLE OF J. D. SALINGER'S NOVEL "THE CATCHER IN THE RYE" TRANSLATED BY R. WRIGHT - KOVALEVA)	178
<i>N.B. Mukhina</i> POTENTIAL TO FORM SYNONYMS AND ANTONYMS OF LEXICAL UNITS OF "CLOTHES AND FASHION" SPHERE IN THE ENGLISH LANGUAGE	181
<i>E.I. Nickanorova, M.V. Aksenova</i> THE IMAGE OF THE VOLGA AND THE PECULIARITIES OF ITS PERCEPTION IN FOREIGN TRAVELOGUES OF THE XVI - XVIII CENTURIES	184
<i>I.V. Uvarova, I.A. Borisenko</i> TEACHING DIALOGICAL SPEECH AT GERMAN LANGUAGE CLASSES AT A MEDICAL UNIVERSITY	187
<i>V.V. Fyodorov, E.V. Plisov, L.V. Guseva</i> VERBALIZATION OF THE OUTRAGEOUS STRATEGY IN PUBLIC SPEAKING	190
<i>Yu.V. Shuiskaya, A.V. Arepyev, E.L. Malysheva</i> USING QUANTITATIVE LINGUISTICS DATA COMPARISON IN TEACHING GERMANIC LANGUAGES (ON THE EXAMPLE OF ENGLISH AND GERMAN)	193
<i>S.S. Shumbasova</i> LINGUISTIC FEATURES OF POLITICAL DISCOURSE	196
<i>L.G. Yusupova</i> THE HUMAN FACTOR IN A LANGUAGE	199

10.02.19 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>R.K. Akhmetgareyeva, M.K. Gulkanyan</i> PROBLEMS OF DESIGNING AND IMPLEMENTING EDUCATIONAL AND SPEECH SITUATIONS IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES	201
<i>A.F. Baryshnikov, V.V. Belokon</i> CATEGORICAL CHARACTERISTICS OF THE NOMINAL PART OF THE PERSIAN COMPOUND VERB	204
<i>A.F. Baryshnikov, V.V. Belokon</i> THE HISTORICAL ASPECT OF THE STUDY AND A BRIEF ANALYSIS OF THE NOMINAL PART OF THE PERSIAN COMPOUND VERB	208
<i>R.I. Bacheva, E.V. Kazanskaya, G.S. Saidova, V.B. Cheremina</i> VERBALIZED BASIC VALUES OF THE RUSSIAN-SPEAKING LINGUISTIC PERSONALITY THROUGH THE PRISM OF DIGITALIZATION	211
<i>A.A. Ben Shushan</i> PECULIARITIES OF THE SPEECH-ACT STRUCTURE OF THE ENCOURAGING EMPATHIC MESSAGE	214
<i>A.A. Ben Shushan</i> ILLOCUTIONARY TYPE OF "GRATITUDE" AS A TOOL OF EMPATHETIC COMMUNICATION	217
<i>S.Ch. Bitokova, T.A. Bitokova</i> SEMANTIC DERIVATION OF POLYSEMIOUS ADJECTIVES	220

<i>A.K. Bulatova, F.K. Sagdeeva</i> FUNCTIONING OF EUPHEMISMS IN THE TATAR LANGUAGE	223
<i>N.V. Vozmishcheva, N.M. Lukina, G.E. Potorochina, M.N. Smirnova</i> GERMANIC AND FINNO-UGRIAN PROVERBS AND FOLK SAYINGS: SIMILARITIES AND DIFFERENCES, TRANSLATION DIFFICULTIES (ON THE BASIS OF THE ENGLISH, GERMAN AND UDMURT LANGUAGES)	226
<i>L.M. Giniyatullina</i> THE EXTERNAL STRUCTURE OF A DIFFICULT SYNTACTIC UNIT (BASED ON THE MATERIAL OF THE TATAR LANGUAGE)	230
<i>L.B. Zdanovskaya</i> LINGUO-COGNITIVE REPRESENTATION OF THE CONCEPT "PANTHEON OF POWER" /"PANTHEON DER MACHT" IN THE ASPECT OF CONSIDERATION OF CONCEPTS OF CREATION	233
<i>A.S. Kisel'nikov, M.K. Gulkanyan, I.I. Kuznetsova</i> COH-METRIX L2 READING EASE FORMULA TO EVALUATE ACADEMIC TEXT READABILITY	236
<i>K.K. Kuzmina, G.K. Khadieva, G.R. Shakirova</i> THE AUTHOR'S INTENTION IN THE POEM KUL GALI "KISSA-I YUSUF"	239
<i>V.N. Lim</i> LINGUOCULTURAL PROBLEMS OF VIDEO DISCOURSE LOCALIZATION FROM KOREAN INTO RUSSIAN LANGUAGE	242
<i>V.M. Lipitskaya, V.A. Tubaltseva, D.B. Zakirova</i> ENGLISH IN THE ERA OF DIGITAL NATIVES: CONVERGENCE OF TRADITIONAL AND MODERN METHODS OF TEACHING	245
<i>A.I. Mammadbeyli</i> THE ROLE OF PARTICLES IN THE RHETORICAL STRUCTURE OF THE TEXT (BASED ON ENGLISH LITERARY TEXTS)	248
<i>E.V. Soboleva</i> VALUE-INFORMATIVE ASPECT OF LANGUAGE MANIPULATION IN POLITICAL AND PUBLICISTIC DISCOURSE	251
<i>E.E. Tunduma</i> PECULIARITY OF ETHNIC STEREOTYPING IN ASSOCIATIVE PERCEPTION OF THE RESIDENTS OF THE REPUBLIC OF TUVA	256
<i>O.R. Hisamov</i> GEOGRAPHICAL TERMS DESIGNATING A RIVER IN THE EASTERN DIALECT OF THE TATAR LANGUAGE	259
<i>A.N. Kholstinina, T.V. Kholstinina, A.V. Poroikov</i> THE MAIN TRENDS AND PRINCIPLES OF STUDYING THE LOCUS OF THE EFFECT OF VERBAL SATIATION IN MODERN PSYCHO- AND NEUROLINGUISTICS	262
<i>E.O. Churyukanova</i> GENDER DIFFERENTIATION OF ENGLISH FOLK SONGS	265
ABSTRACTS	268

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

**В.В. Агеносов д-р филол. наук,
С.С. Царегородцева канд. филол. наук, Е.В. Шерчалова**Московский университет имени А.С. Грибоедова,
кафедры истории журналистики и литературы,
Москва**СПЕЦИФИКА ХРОНОТОПА РОМАНА «НЕПОБЕДИМОЕ СОЛНЦЕ» В. ПЕЛЕВИНА**

В статье представлено описание пространства и времени романа В. Пелевина «Непобедимое солнце», выполненное посредством фокусировки исследовательского внимания на отдельно взятых топосах, в которых действуют персонажи произведения, а также осмысления работы автора со временем как художественной категорией, в частности, субъективным восприятием времени героями, представленными интроспективно или репрезентативно. Акторы оказываются в локациях, которые не просто обозначают географию места действия, но также характеризуют персонажей, что позволяет нам применять тезис В.Н. Топорова о взаимосвязи пространства и героя к постмодернистскому произведению.

Ключевые слова: *хронотоп, постмодернизм, двоимирие, В. Пелевин.*

Статья посвящена разбору романа В. Пелевина «Непобедимое солнце», который был впервые опубликован в 2020 году. Для того, чтобы охарактеризовать хронотоп произведения, что является целью работы, мы остановимся на основных топосах, в которых находятся персонажи, а также времени произведения. При исследовании хронотопа мы обратились к структурному анализу. М.М. Бахтин отмечает взаимосвязь категорий времени и пространства, так как действия разворачиваются в пространстве, имеющем физические характеристики, в течение определенного промежутка времени, что позволяет читателю более полно представить картину [3].

Роман «Непобедимое солнце» редко становится предметом исследования, художественный мир произведения не был исследован ранее, что обуславливает актуальность и новизну результатов анализа, представленных в статье.

Композиционно произведение является романом в романе: параллельно с основными событиями, происходящими в современных реалиях (Индия, Москва, Стамбул, Варадеро (Куба), Тенерифе (Канарские острова), Таиланд), главной героине сначала рассказывается, а после она видит во снах историю о правлении Каракаллы и его сына Элагабала Римом начала I века нашей эры. Пространство романа можно структурировать и несколько иначе: *реальный мир* (Москва, Таиланд) и мир снов, *«иной мир»* (Стамбул, Варадеро, Тенерифе, а также вершина горы Аруначала в Индии). Такая классификация отражает двоимирие, которое является главной особенностью хронотопического построения романа.

Докажем, что Стамбул и последующие локации, в которых оказывается главная героиня, можно отнести к «иному миру». Главная героиня романа, дочь макаронного магната москвичка Саша Орлова, выбирая направление путешествия, слышит слова песни и отмечает словосочетания «огненная река» и «край вулкана». После этого Перевин «перемещает» угол зрения: она видит панораму Стамбула и принимает решение отправиться туда. Таким образом, Стамбул – это «город за огненной рекой», что в мифологии понимается как граница между реальным и «иным» миром, пространством по ту сторону [2].

В романе подчеркивается двойственность героев (к примеру, имя главной героини может принадлежать как мужчине, так и женщине, а император Варий, герой «римской истории», похож на девочку, и т.д.) Дихотомическая природа некоторых персонажей подчеркивается с помощью пространственных метафор.

К примеру, главная героиня раскрывает образ одного из второстепенных персонажей, Тима, посредством приема сравнения: *«Если сравнивать Тима с домом, у него было два уровня – надземный и подземный. Наверху возвышался солидный приличный особняк с распахнутыми дверями и окнами, открытый для всех и обставленный по последнему мейнстримному каталогу ... [речь идет об убеждениях, которые герой транслировал в ходе общения с другими персонажами]. В этом верхнем строении не имелось ни червоточин, ни тайн. Но под домом была лестница, черными зигзагами уходящая вниз – и, даже побывав на нескольких подземных площадках, я не знала, куда она ведет»* [6; 448].

Образ этого персонажа отражен и в описании его личного пространства, а именно кабинета на яхте: это большое пространство, разделенное на две части – внешняя, в которой находятся социальные маркеры (главная героиня характеризует пространство так: *«...кабинет корпоративного экзекьютива, привыкшего жить с кишками наизнанку: жизненные трофеи в виде малопонятных кубков...»* [6; 235]), и, обозначим условно, внутренняя, скрытая от глаз посторонних. В скрытой части кабинета находится магический артефакт, с которым связан сюжет. Таким образом, личное пространство персонажа дихотомично и отражает его сущность.

В романе есть пример характеристики персонажа, выраженный в пространстве: *«Обелиск покоился на четырех металлических кубиках под углами – фактически висел в воздухе. Выглядело это как-то не слишком надежно. Даже подозрительно. То же относилось к Гекчену»* [6; 365], Таким образом, каменный обелиск Константина выражает отношение Саши к Ахмету Гекчену.

В романе особое внимание уделяется описанию пространства: встречаются как реальные, так и вымышленные локации, возникающие во сне. Пространство состоит из фрагментов, не являясь единым целым, что соответствует постмодернистской традиции. Более того, автор описывает реальные географические координаты, что представляет собой прием псевдодокументальности, что так же является чертой постмодернизма [4].

В романе использована зеркальная композиция: в завершающей части главная героиня осознает, что во время путешествия на гору Аруначала, в ходе которого она испытала мистический опыт общения с богом Шивой, она видела саму себя, таким образом прошлое накладывается на настоящее (или будущее на настоящее – в зависимости от угла зрения). Явно выражена нелинейность времени повествования, являющаяся характерным приемом для прозы В. Пелевина, что отмечает, к примеру, А.Ю. Мельникова при анализе романа «Священная книга оборотня» [5].

Время субъективно и отражает восприятие событий главной героиней: к примеру, на вилле Тенерифе время, как и пространство, растягивается, а после вмешательства Ахмета Гекчена возвращается в прежнее состояние. Более того, на «современную» историю накладывается «римская», действия развиваются параллельно.

После того, как мир был разрушен и создан вновь, у главной героини остались воспоминания об обеих реальностях и двух последовательностях событий, что вновь возвращает нас к двомирию. Как уже упоминалось ранее, двомирие является характерной чертой творчества В. Пелевина вне зависимости от времени публикации, жанра и объема произведения [1].

Вольная работа с композицией, нелинейность как времени, так и развития сюжета, двомирие, фрагментарность пространства являются инструментами повествования В. Пелевина, реализованные, в частности, в романе «Непобедимое солнце». Пространство, являясь описанием места действия, дополнительно становятся авторским способом выстроить коммуникацию с читателем [7].

Список литературы

1. *Аюпов Т.Р.* Художественный мир раннего Пелевина // Мир науки, культуры, образования. – № 4 (89). – 2021. – С. 453.
2. *Баркова А.Л.* Мировая мифология. – М.: РИПОЛ Классик, 2019. – С. 19.
3. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. [Электронный ресурс]: М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407. – URL: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html> (дата обращения 15.04.2022).
4. *Лиотар Ж.-Ф.* Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ad Marginem'93. М., 1994. – С. 307.
5. *Мельникова А.Ю.* Виртуальное пространство в время в постмодернистском тексте (В. Пелевин «Священная книга оборотня») // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – № 3. – 2009. – С. 123–125.
6. *Пелевин В.О.* Непобедимое солнце. – М.: Эксмо, 2020. – 704 с.
7. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – 1983. – С. 227–284.

10.01.01

В.А. Бодров

Государственный гуманитарно-технологический университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Орехово-Зуево, v-bodrov@list.ru

**«НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО.
НЕКОТОРЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

В работе исследуются некоторые художественные аспекты незавершенного произведения Ф.М. Достоевского «Нечка Незванова», рассматриваются признаки, характерные для романа-воспитания, жанровые особенности произведения, его психологизм.

Ключевые слова: *Нечка Незванова, роман-воспитание, психологизм.*

Середина сороковых годов XIX столетия открыли отечественному читателю имя нового яркого автора – Федора Михайловича Достоевского. Именно в этот период формируется его художественный мир, возникает понимание диссонанса между внутренней жизнью человека и общественной средой, делаются попытки постичь движения человеческой души, включить в ткань художественного произведения детективный элемент. Все это в той или иной мере отразилось в таких произведениях писателя, как «Бедные люди» (1844), «Двойник» (1846), «Хозяйка» (1847), «Белые ночи» (1848). В этом ряду нельзя не упомянуть незавершенный роман «Нечка Незванова» (1848), над которым Ф.М. Достоевский работал с небольшими перерывами на протяжении нескольких лет, как раз в период некоторого спада интереса к своему творчеству со стороны критиков и читателей.

Отложив работу над повестью «Сбритые бакенбарды» в октябре 1846 г. (осталась незаконченной, рукописи были уничтожены автором либо были изъяты и уничтожены после ареста писателя), Ф.М. Достоевский увлекается идеей написания нового сочинения, которое мыслит как большой воспитательный роман минимум в шести частях.

Писатель верил в успех своего произведения и прямо высказывался об этом.

«Мне все кажется, что я завел процесс со всею нашею литературою, журналами и критиками и тремя частями романа моего <...> устанавливаю и за этот год мое первенство назло недоброжелателям моим» [3, с. 129]. «Я знаю, что это произведение серьезное. Говорю, наконец, это не я, а говорят все <...> я люблю мой роман» [3, с. 129].

В планах писателя было закончить произведение уже к осени 1847 г. Однако этого не произошло. Достоевский признается, что в это же самое время он «свежо, легко и успешно» [5, с. 494] работал над повестью «Хозяйка», которую планировал завершить к январю 1847 г. Однако и эта работа была прервана, и писатель вновь вернулся к идее романа о воспитании.

Хотя первоначально предполагался более ранний выход произведения, первая часть «Нечки Незвановой» вышла в свет лишь в первом номере «Отечественных записок» А.А. Краевского за 1849 год. Вторая часть выходит в следующем номере, а третья – в майском номере, но уже без подписи Ф.М. Достоевского, который к этому времени был арестован.

Итак, идея широкомасштабного полотна вследствие целого ряда причин так и не была реализована.

Все три части «Нечки Незвановой» имеют собственные названия – «Детство», «Новая жизнь», «Тайна».

Но как, собственно, расценивать жанр этого незавершенного произведения? Практически всегда о нем говорят как о повести либо деликатно обходят вопрос жанра. По сути, «Неточка Незванова» – это никакой не роман, не повесть, а три отдельные новеллы, объединенные образом Анны Незвановой.

Одна из особенностей «Неточки Незвановой» как раз и состоит в том, что каждая из написанных частей вполне может быть рассмотрена как произведение самостоятельное, имеющее свою завязку, конфликт, кульминацию и, соответственно, развязку конфликта. Однако все эти части объединяет не только главная героиня, но и «смешение планов, соединение нескольких повествовательных зон, размытость их границ, а также «литературность» мышления рассказчика, ощущающего себя профессиональным «автором» своей жизни»[3, с. 129-132].

Все это будет развито в последующих произведениях писателя.

Страдания маленькой Неточки, загубленная судьба ее отчима – объекты исследования писателя первой новелле, имеющий сдвоенный центр. Неточка и Ефимов.

Во второй новелле Неточка живет в «доме с красными занавесями», и здесь писатель полностью погружается в интимный мир героини, ее наивной и искренней любви к Кате, переживания, связанные с этим сильным чувством. На наш взгляд, именно эта часть получилась наиболее психологически убедительной и стилистически яркой. Именно внутренний сюжет является доминирующим.

В третьей новелле перед читателем взрослеющая барышня семнадцати лет и новые переживания, тайны. Здесь появляется еще одна «жертва». Это Александра Михайловна, старшая сестра Кати, добрая, мягкая женщина, в доме которой Неточка проживает. Ее на протяжении многих лет терзает бесконечными укорами собственный муж, некогда узнавший о невинном увлечении супруги и в свое время защитивший Александру Михайловну перед обществом. И, наконец, появляется новый персонаж, помощник Петра Александровича, удержавший Неточку от ее решения покинуть дом.

«История одной женщины», именно такой подзаголовок своему роману дал автор, не была рассказана даже наполовину, заставляя гадать, что сюжетно могло происходить далее.

Очевидно одно: попытка Ф.М. Достоевского создать произведение сугубо «воспитательное» успехом не увенчалось. Логика повествования, романная техника, делающая акцент на душевные переживания главной героини, ее внутренний мир, постоянный анализ ситуаций сделали «Неточку Незванову», прежде всего, произведением с явно выраженным психологическим оттенком. Хотя главные характеристики «воспитательного романа» в произведении Ф.М. Достоевского наличествуют, именно «реализм симптомов» (П.А. Николаев) в полной и яркой мере проявился в нем.

Трудно не согласиться с исследователем из Донецка Н.В. Майбородой, отметившей, что в «Неточке Незвановой» «можно выделить ряд признаков романа воспитания, среди которых сиротство героини, мотивы болезни после жизненных потрясений, воспитания в другой семье. Формирование посредством искусства, повествование от первого лица» [4, с. 2].

Несколько слов о рассказчике. Думается: интерес именно к внутреннему миру героини повлияли на смену героя-рассказчика. В первоначальной редакции повествование ведется от третьего лица, тогда как в итоговом варианте повествователь – сама Неточка. Вначале повествования она восьмилетний ребенок, а в третьей части – семнадцатилетняя девушка.

Здесь необходимо отметить, что романские события в первых двух частях показаны не глазами шести – восьмилетней девочки, они даны ретроспективно, на что постоянно указывает автор. Это принципиально важно, чтобы снять вопрос о ненадежности рассказчика.

Кроме того, Ф.М. Достоевский начинает свое произведение историей жизни Ефимова (примечательно, что имени героя автор не дает), отчима героини, талантливого в прошлом музыканта, человека, так и воспользовавшимся этим своим талантом, загубившем его и свою жизнь. Столь обстоятельное описание истории Ефимова, возможно, сочеталось с замыслом Ф.М. Достоевского сделать Неточку причастной к миру музыки.

Перерыв в написании «Неточки Незвановой», связанный с переключением писателя на работу над повестью «Хозяйка», в целом оказался весьма полезным. Именно на герое «Хозяйки» писатель опробовал образ человека, живущего в отвлеченном мире, полном мечтаний и абстрактных философских размышлений. Правда, у Ордынова они лежат в области представлений философско-религиозных, тогда как Неточка – прежде всего, натура художественная.

Справедливой будет мысль о том, что именно главная героиня незаконченного произведения Ф.М. Достоевского, такая, какой мы видим ее в финале третьей части, открыла собой галерею «эмансипированных» героинь произведений писателя. Попутно обратим внимание на смысл ее имени: Анна – «благая», «благодарная».

Произведение заканчивается открытым конфликтом Анны с Петром Александровичем и появлением нового персонажа Оврова, довольно перспективного для последующего поворота сюжета. Однако далее ничего не последовало, и таким образом, произведение осталось логически не завершенным.

И все же, несмотря на свою незавершенность, «Неточка Незванова» занимает особое место в художественном наследии Ф.М. Достоевского. Опыт глубокого психологизма, исследование нравственных терзаний героев станут тем фундаментом, на котором писатель впоследствии создаст свои великие романы.

Список литературы

1. Гус М.С. Идеи и образы Ф.М.Достоевского. – М.: Издательство «Художественная литература», 1971. – 592 с.
2. Достоевский: сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. – СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2008. – 470 с.
3. Загидуллина М.В. Неточка Незванова // Достоевский: сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. – СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2008. – С. 129
4. Майборода Н.В. Бахтинская концепция романа воспитания и «Неточка Незванова» Ф.М.Достоевского // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. № 11 (67). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/bakhtinskaya-kontsepsiya-romana-vozpitaniya-i-netochka-nezvanova-fm-dostoevskogo.html>
5. Соломина Н.Н. Примечания // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах / под ред. А. С. Долинина и Е. И. Кийко. — Ленинград: Наука, 1972. – Т. 2. – 528 с.

10.01.01

С.А. Ларин

Воронежский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра истории и типологии русской и зарубежной литературы,
Воронеж, larin-s@yandex.ru, larin@phil.vsu.ru

КОЛЛЕЖСКИЙ СЕКРЕТАРЬ ОБЛОМОВ: ЗАГАДКА ЧИНА

В статье рассматривается один из наиболее дискуссионных вопросов поэтики романа И.А. Гончарова «Обломов» – трансформация, которая происходит с чином заглавного героя: от «губернского секретаря» в рукописи к «коллежскому секретарю» в окончательном печатном тексте. Анализ существующих редакций и вариантов романа позволяет предположить, что такое «переозначивание» было связано не только с выстраиванием особой «обломовской» характерологии, но и с влиянием образа Агафьи Матвеевны Пиеницыной, подобно своей предшественнице и обладательнице того же чина Настасье Петровне Коробочке из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» во многом предопределившей сюжетную судьбу своего как бы «случайного» гостя.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; Н.В. Гоголь; Обломов; Пиеницына; чин; коллежский секретарь.

Происхождение чина заглавного героя романа И.А. Гончарова «Обломов» коллежский секретарь продолжает вызывать «недоумение» и вопросы. Ведь, как показывает А.Г. Гродецкая, ни продолжительность службы Ильи Ильича [3, 6: 507; 4, 501; 5, 152], ни его *нерадивое* учение [3, 6: 507; 5, 151] как будто не дают герою права на получение того чина, которым его «награждает» автор. Особенно это становится очевидным, если вспомнить, что чин коллежского секретаря в творчестве писателя имеет и Борис Райский [3, 7: 41], который, однако, в отличие от своего «предшественника» Обломова (а сам Гончаров указывал на «генетическую» связь персонажей), учился в Московском университете, служил, правда недолго, и в военной, и в *статской* службе. «Досюжетная» биография Райского во многом повторяет, «дублирует» обломовскую: им обоим *за тридцать лет*, более десяти лет они живут в столице и *оставляют* службу вскоре после вступления, «будто нарочно, наперекор всем» остаются *недорослями* в Петербурге [3, 7: 41].

В рукописи романа Обломов имел «правильный» чин и был *губернским секретарем* [3, 5: 79], и сказать определенно, в какой момент происходит его превращение в коллежского, сложно.

Казалось бы, у писателя не было никаких формальных оснований отказываться от своего первоначального варианта. Тем более Гончаров (сам профессиональный чиновник) не мог не осознавать, что в этом случае придется отступить от существующей и узаконенной практики. Неслучайно в романе присутствуют и другие лакуны, и Гончаров в большинстве случаев очень скупо сообщает о персонажах, на протяжении всего романа прямо связанных с заглавным героем. Так, например, мы узнаем, что второй гость Ильи Ильича Судьбинский, с которым они «вместе канцелярскими чиновниками служили» [3, 4: 21], стал коллежским советником, однако о служебных «успехах» Алексеева, Тарантьева и Мухоярова говорится крайне мало и неопределенно [3, 4: 30, 38–39, 297–298, 394–395, 486].

Невысокий чин Обломова позволяет Гончарову подчеркнуть исключительность героя, его родовитость, принадлежность к *старинной фамилии*, противопоставив Илью Ильича прочим персонажам романа [6, 198–199], в первую очередь так называемым *другим, мертвецам*, населяющим петербургский свет и всю свою жизнь проводящим в погоне за «карьерой» и «фортуной». Большой чин, скорее, мог бы «скомпрометировать» Обломова, сделать его одним из многих, а его историю *обыкновенной*, как это произошло с Александром Адуевым, повторившим судьбу своего дяди.

В романе есть еще один герой, который имеет тот же самый чин, что и Илья Ильич. Это муж Пшеницыной. Но невысокий чин Обломова, как будто сближая его с подобными незначительными, мелкими чиновниками, наоборот, позволяет оттенить его исключительность, личные качества, которые и производят неотразимое впечатление на Пшеницыну, заставляют её сердце покориться: «Агафья Матвеевна мало прежде видела таких людей, как Обломов, а если видела, так издали... <...> Илья Ильич ходит не так, как ходил ее покойный муж, коллежский секретарь Пшеницын – мелкой, деловой прытью, не пишет беспрестанно бумаг, не трясется от страха, что опоздает в должность, не глядит на всякого так, как будто просит оседлать его и поехать, а глядит он на всех и на все так смело и свободно, как будто требует покорности себе. Лицо у него не грубое, не красноватое, а белое, нежное; руки не похожи на руки братца – нет трясутся, не красные, а белые... небольшие. <...> ...весь он так хорош, так чист, может ничего не делать и не делает, ему делают все другие: у него есть Захар и еще триста Захаров... Он барин, он сияет, блещет! <...> И глядит он и говорит так же мягко, с такой добротой...» [3, 4: 381–382].

Вообще формула «коллежский секретарь» встречается в романе шесть раз. Трижды она возникает в связи с образами и Обломова (два раза в V гл. 1 ч. и один раз в III гл. 4 ч.), и Пшеницыной (по одному разу во II гл. 3 ч. и в I и III гл. 4 ч.). Особенно выразительно последнее появление этой формулы в романе – в III главе 4 части Мухояров рассказывает Тарантьеву о *законном деле с заемными письмами*: «мы с тобой будем в стороне: сестра будет иметь претензию на коллежского секретаря Обломова, а я на коллежской секретарше Пшеницыной» [3, 4: 396].

Очевидно, что, когда у писателя окончательно сложилась концепция образа *хозяйки, кумы* Тарантьева, которая должна была излечить Илью Ильича от любви-страсти, но одновременно и разрушить его связь с внешним миром [7, 409–411], ускорить его гибель [8, 55–60, 63–66], Гончаров не мог позволить своему герою жениться на *вдове*, которая имела бы чин выше, чем у самого Обломова, не мог допустить такой мезальянс. А то, что Пшеницына – *коллежская секретарша*, читатель узнает сразу, как только Илья Ильич отправляется на Выборгскую сторону, чтобы сообщить о своем намерении отказаться от квартиры. «“Дом вдовы коллежского секретаря Пшеницына”, – прочитал Обломов на воротах и велел въехать на двор» [3, 4: 295].

Неслучайно в рукописи романа Илья Ильич назван *губернским секретарем* только один раз в самом начале [3, 5: 79]. Даже в медицинском свидетельстве, помещенном через несколько страниц, будет уже указан новый, «финальный» чин Обломова – *коллежский секретарь* [3, 5: 90]. Правда, оно появится в тексте позже, вместо лаконичной записи «Обломов... сказался больным, а на другой день прислал просьбу об отставке» [3, 5: 90], и будет вписано на полях.

Гончаров, разумеется, мог сделать Пшеницыну «губернской секретаршей». Однако, по-видимому, это показалось писателю еще менее убедительным, учитывая продолжительный срок службы ее мужа (характерно, что в романе нигде не говорится о его возрасте). Заметим, что сам Гончаров получил чин коллежского секретаря в 1837 г. – через 2 года после начала службы «губернским секретарем» в Департаменте внешней торговли Министерства финансов [1, 19–21]. Кроме того, могли бы возникнуть нежелательные ассоциации с действительно мелким чиновником и ничтожным человеком Тарантьевым.

В этой связи показательно, что в романе не назван чин и *братца* Пшеницыной, Ивана Матвеевича Мухоярова. Ведь оборотистый, предприимчивый Мухояров [9, 97–99], прослуживший уже более *двадцати лет, девять* из которых *секретарем* [3, 4: 394], вероятно, должен был бы иметь чин не меньше чем у Обломова [10, 140].

Чин самой Агафьи Матвеевны мог быть «подсказан» Гончарову знаменитой и очень колоритной героиней Н.В. Гоголя – Настасьей Петровной Коробочкой из поэмы «Мертвые души», так же, как и Пшеницына, сыгравшей определяющую роль в судьбе своего «ночного» гостя Чичикова. И не в последнюю очередь это стало возможно из-за крайней ограниченности героини, ее чрезмерной сосредоточенности на своих сиюминутных

интересах. По крайней мере, в целом ряде эпизодов Пшеницына очень напоминает свою предшественницу, в погоне за собственной выгодой разрушившую не только жизненные планы, но и репутацию своего «случайного» гостя.

«Скрывая» от читателя «подлинный» чин Обломова и заменяя его *условным* [5, 152], Гончаров не просто попал «под обаяние» *одного образа и вместе главного мотива* [2, 105], но и предложил читателю новый *ключ* для постижения своего художественного мира.

Список литературы

1. *Алексеев А.Д.* Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 367 с.
2. *Гончаров И.А.* Лучше поздно, чем никогда (Критические заметки) // Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 99–148.
3. *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – СПб.: Наука, 1997. – издание не завершено.
4. *Гродецкая А.Г.* Где учился, кем служил Илья Ильич Обломов и кто такая Милитриса Кирбитьевна // Гончаров И.А. Обломов: Роман в четырех частях / Статья и примечания А.Г. Гродецкой. – СПб.: Пушкинский Дом, 2012. – С. 496–505.
5. *Гродецкая А.Г.* Проза И.А. Гончарова: 1830–1860-е (биографика, контекст, поэтика): дисс. ... док. филол. наук. – СПб., 2016. – 398 с.
6. *Кормилов С.И.* Столбовой дворянин и знаки социального престижа: чины, ордена, титулы в «Обломове» И. Гончарова // Вопросы литературы. – 2012 – № 6. – С. 197–215.
7. *Ларин С.А.* Агафья Матвеевна Пшеницына: имя, прототипы, функция // Классические и неклассические модели мира в русской и зарубежных литературах. – Волгоград : Издательство ВолГУ, 2006. – С. 408–411.
8. *Ларин С.А.* «Водка, пиво и вино...» в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Филологические записки. – 2013. – № 31. – С. 50–74.
9. *Ларин С.А.* «Щенком изволил бранить...» (О «собачьих» мотивах в романе И.А. Гончарова «Обломов») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 5 (11). – С. 96–103.
10. *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. – СПб., 1999. – 479 с.

10.01.01

Е.П. Лынова

Кубанский государственный университет,
факультет журналистики,
кафедра издательского дела, стилистики и медиаиндустрии,
Краснодар, lin_krasnodar@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»

В статье речь идет об использовании Ф. М. Достоевским в его раннем творчестве реалистических принципов изображения характера главной героини. Автор статьи попытался показать, что разработка детского образа Неточки у Достоевского явилась более достоверной по сравнению с романтическим изображением характера Козетты из романа «Отверженные» В. Гюго. В статье приведены мнения А. В Дружинина – критика, осуществлявшего анализ изображения детских характеров в повести Достоевского.

Ключевые слова: *реализм, «натуральная школа», воздействие социальной среды, приемы углубленного психологизма, романтизм, детские образы.*

Повесть Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» вышла в 1849 году, в период, который биографы писателя называют «каторжным». Как раз в этот год Федор Михайлович был арестован за участие в революционном кружке Петрашевского и за организацию тайной типографии для печатания антиправительственных деклараций. Именно во второй половине 1840-х гг. основной в его творчестве становится тема «униженных и оскорбленных», расширяется проблематика, углубляется психоанализ. В повести «Неточка Незванова», задумывавшейся сначала как роман, как и в других произведениях этого периода, Достоевский показал бедного, задавленного нуждой человека, находящегося под властью среды и тяжелых обстоятельств жизни. В «Неточке Незвановой» эти факторы усугубляются рассказом о несчастных детских годах невинного ребенка.

Все несчастья жизни девочки проистекают из несчастий в семье. Дети в несчастных семьях вырастают такими же несчастными. С этой мысли начинается рассказ Неточки о своем детстве, о том, как ее мать, будучи сначала «гувернанткой, прекрасно образованной» сначала «по бедности вышла замуж за старика чиновника» [2], а после его смерти, оставшись «с малолетним ребенком на руках» влюбилась, как ей показалось, в талантливого музыканта, а на деле выяснилось – в «жалкого», «заносчивого», болезненно самолюбивого Ефимова, который быстро промотал ту «ничтожную сумму», что была в распоряжении несчастной женщины.

Достоевский с самого начала повести, в духе «натуральной школы», определяет власть среды над человеком, в данном случае власть семейных неурядиц, крайней бедности над матерью Неточки, которые не давали ей возможности проявлять материнскую любовь и ласку к собственному ребенку, в результате чего, девочка боялась свою мать «больше всякого страха» [2]. Естественно, что подобные «резкие и грустные впечатления» «набросили темный и странный колорит» [2] на жизнь Неточки в дальнейшем.

Единственное проявление ласки в раннем возрасте девочка увидела от отчима во время ссоры с матерью, когда хотела «заслонить его собой» от летящих в него «щеток и посуды». Проявление каких-либо чувств к девочке, хотя бы от отчима, «первой родительской ласки» направило вектор ее чувств по отношению к матери в ложном направлении. Матушку Неточка тоже стала обвинять во всех страданиях отчима, а заодно и своих, истолковав это тем, что матушка была к ней «слишком строга», и девочке не оставалось ничего, кроме привязанности к отчиму, который, по ее мнению, «страдал вместе с ней, заодно» [2].

В таких, казалось бы, чрезвычайно мелких деталях, с подробнейшим описанием всех изменений чувств, и состоит особенный анализ Достоевского, его умение проникнуть в глубину психологии героев, уловить динамику переходных состояний их мыслей и поступков. Однако в критике, в частности А. В. Дружининым, утверждалось, что перед героями «Домби и сына» Ч. Диккенса «потускнели детские образы, нарисованные автором «Неточки»; «Диккенс - великий мастер рисовать детские фигуры» [3]. В «Письме Иногороднего подписчика о русской журналистике...» за апрель 1849 г. Дружининым было сказано много нелестных слов по поводу создания детских образов в сравнении с диккенсовскими героями. Нам же представляется интересным провести небольшой сравнительный анализ подходов в создании детских образов В. Гюго и Ф. Достоевского.

В показе сложности человеческой души Достоевский-реалист совсем не уступал писателям современникам, как в России, так и за рубежом. Он высоко ценил проявления углубленного психологизма и постановки моральных, религиозных проблем, например, в зрелом творчестве В. Гюго. Так, в предисловии к переводу на русский язык романа Гюго «Собор Парижской Богоматери» Достоевский высказался о своем современнике, как о родственной душе: «Его мысль есть основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия... Это мысль христианская и высоконравственная; формула ее – восстановление погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков. Эта мысль – оправдание униженных и всеми отринутых парий общества» [4].

Несомненно, Гюго-романтик широко использовал реалистические методы и приемы в своих поздних произведениях – «Соборе Парижской Богоматери» и «Отверженных», в том числе и в создании детских образов. Тем не менее, при всей схожести судеб Неточки из повести Ф. М. Достоевского и Козетты из «Отверженных» Гюго, можно наблюдать большую разницу в развитии реалистической и романтической модели поведения героинь и их социально обусловленную характеристику.

Фантина из «Отверженных» Гюго, как и мать Неточки Незвановой, верила в любовь и хотела счастья с любимым человеком, получив в ответ только грубый обман. С той же полнотой и глубокой скорбью описывает Гюго тяжелое детство Козетты.

Для Козетты Жан Вальжан стал спасением, она прониклась к нему доверием, ощутив впервые за много лет чувство искренней заботы о себе, а затем и практически родительской любви. Для Неточки же отчим – это сначала объект детской доверчивой любви, а затем стыда, после того, как Ефимов выманил у падчерицы последнюю монету, а придя навеселе вселил в ребенка еще большее смущение рассказами о том, что «денег у матушки брать стыдно» [2]. Козетте повезло больше Неточки – в этом проявляется у Гюго еще романтическая направленность, хотя и с признаками реалистической мотивированности. У Достоевского же наблюдаем развитие «жестокоего» критического реализма с аналитическим подходом, результатом которого становится приговор жестокой действительности.

Козетта от всей души любила Жана Вальжана, считая его своим отцом, так как видела искреннюю любовь с его стороны [1]. У Неточки же любовь к «батюшке» возникла из безысходности, из-за того, что мать была к ней строга, из-за того, что Ефимов поразил ее детскую «фантазию» [2]. Эта девочка куда более взрослая и сильная, чем ее отчим. Предметом своей любви и защиты она выбрала наиболее слабого из родителей – отчима, который имел время ей иногда улыбнуться, приласкать, в то время, как мать, надрывалась на работе, чтобы хоть как-то содержать свою непутевую семью.

Ефимов – весьма посредственный, а потом и вовсе сумасшедший, опустившийся человек, утративший всякую волю, и, растерявший свои, пусть и скромные, способности к музыке из-за лени и никчемности, внушивший себе идею о собственном сверхталанте только ради успокоения совести, неверно понявший предназначения творческой личности в ее бескорыстном служении искусству, никогда даже не собиравшись защитить Неточку от нужды и горя, а после смерти матери и вовсе бросил ребенка.

Состояние Неточки после смерти матери и того, как она попала в княжеский дом не улучшилось, это не принесло ей облегчения. Дом большой, богатый, но «угрюмый и мрачный» [2] вполне соответствовал тяжелым душевным переживаниям девочки, понявшей, что осталась круглой сиротой.

Новым поворотом для Неточки можно считать спасение ее князем X, смотревшим на нее с «глубоким состраданием» [2]. Неточка «вступала в новую жизнь с недоверчивостью» [2], тогда как Козетта, попав под крыло Жана Вальжана, стала самым обыкновенным и счастливым ребенком, чувствуя его любовь и привязанность. Одинокая же Неточка в княжеском доме так и оставалась одинокой.

Достоевский-реалист не мог показать чудесного исцеления «забитого, запуганного ребенка» одним перемещением его в богатый дом, поскольку это бы противоречило основным принципам показа жизненной правды.

Несмотря на то, что Гюго создал романтическое произведение, он широко использовал в нем великие достижения критического реализма и опыт Достоевского. Оба писателя правы в показе жизненной правды, оба доказывают, что обстановка, окружение формируют характер, обуславливают проявления тех или иных психологических черт. Однако Достоевский создает достоверную картину дальнейших страданий Неточки, мечтавшей о таком счастье, которое было для нее недостигаемо, так как князь и княгиня, встретившие ее в целом приветливо в своем доме, все же были чужими людьми, жившими своей беззаботной жизнью, не проявили готовности полюбить несчастного ребенка, а могли ей дать только приют из жалости.

Список литературы

1. Гюго В. Отверженные: Роман. Том 1 / [перевод с французского] / – М.: Эксмо, 2001. – 800 с.
2. Гюго В. Отверженные: Роман. Том 2 / [перевод с французского] / – М.: Эксмо, 2001. – 608 с.
3. Достоевский Ф.М. Неточка Незванова: Повесть. – Краснодар: Кн. изд-во, 1981. – 189 с.
4. Дружинин А.В. Письмо Иногороднего подписчика о русской журналистике. 1846.: сайт. – Москва. – URL : https://studbooks.net/2151249/literatura/nezavershennyu_roman_fmnbpdostoevskogo_netochka_nezvanova_otsenke_avnbspdruzhinina (дата обращения 29.03.2022)
5. Кулешов В.И. История русской литературы XIX века: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, Трикста, 2004. – 800 с.

10.01.01

Г.И. Модина

Дальневосточный федеральный университет,
Восточный институт – Школа региональных и международных исследований,
кафедра романо-германской филологии,
Владивосток, modina.gai@gmail.com

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА «ПРОРИЦАНИЙ НЕВЕДЕНИЯ» УИЛЬЯМА БЛЕЙКА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Статья посвящена анализу переводов поэмы Уильяма Блейка «Прорицания Неведения» на русский язык. Рассматривается жанровая природа поэмы, прослеживаются особенности ее восприятия и воссоздания переводчиками. Анализ позволяет видеть в переводах поэмы Блейка не сумму текстов, но яркий пример феномена переводной множественности и факт русской переводной литературы.

Ключевые слова: жанр, прорицания, изречения, гномическая баллада, дидактическая поэма, философская поэма, переводная литература.

«Прорицания Неведения» («Auguries of Innocence», 1803) – одно из самых известных, самых энigmatических и самых переводимых в России сочинений Блейка. В его художественном мире эта поэма занимает особое место: в ней обобщены идеи «Песен Неведения и Познания» (1794), и одновременно возникают определяющие мотивы книги «Бракосочетания Ада и Рая» (1790–1793), где впервые были последовательно изложены философские и религиозные представления поэта. Проблемы понимания «Прорицаний Неведения» связаны не только с истолкованием метафорических иносказаний, но также с интерпретацией названия, представлением о композиции поэмы и ее жанровой природе. Название – Auguries of Innocence – имеет двойственный смысл. С одной точки зрения, innocence – это невинные существа (животные, птицы, насекомые, люди), принесенные в жертву Опытом с тем, чтобы в песчинке открыть законы мироздания, и этом случае содержание поэмы воспроизводит ритуал предсказаний. Но если в название включить отличное по форме от других строф первое четверостишие с его космологическими понятиями «мир», «небо», «бесконечность», «вечность», то в этом полном названии обнаруживается, каким образом и что именно откроется в прорицаниях [14, p. 126–127].

Заглавное понятие «innocence» в названии воспринимается одними исследователями как «невинность», другими как «неведение». В первом случае это вера инстинктивная, неотделимая от способности «божественного видения» и причастности к тайнам мира [2, с. 13]. Во втором – «неведение» акцентирует гносеологические возможности инстинктивного понимания мира, противопоставленного «рассудочному знанию» [11, с. 73]. На жанровую природу поэмы указывает другое вынесенное в заглавие понятие «auguries» – «прорицания» или «пророчества». Действительно, «Прорицания» отмечены некоторыми свойственными древнему жанру пророчества чертами, в частности лиризмом и дистанцией повествователя от предмета повествования [3, с. 27]. Однако этому сочинению не присущи иные не менее важные аспекты жанра пророчества: фактические привязки к датам, местам, событиям, профетический автобиографизм, ремарки, свидетельствующие о том, что повествователь только передает слово Творца [3, с. 28]. Афористичность и смысловая завершенность двустиший позволяет рассматривать текст как собрание «изречений», и тогда композиция его представляется беспорядочной последовательностью, «разрозненными пословицами в форме двустиший» [13, p. 778].

Однако многие интерпретаторы поэмы, начиная с Россетти, стремятся обнаружить в ней тематическое единство, а с ним и жанровую определенность. «Манускрипт Пикеринга», по замечанию Д. Эрдмана, представляет собой сборник баллад. Большая часть из них – лирические баллады, а «Прорицания Неведения» – тоже баллада, но «гномическая» [13, р. 777], то есть состоящая из назидательных стихотворных изречений, и, следовательно, по содержанию дидактическая. О дидактическом замысле Блейка говорит Джон Грант, называя поэму «эсхатологическим пророчеством» [12, р. 542]. Вместе с тем литературоведы обнаруживают в «Прорицаниях Неведения» черты поэмы философской, «микрокосм мысли Блейка» [10; 11; 14].

В России литературоведческой интерпретации «Прорицаний Неведения» сопутствует интерпретация переводческая, так же требующая решения проблем смысла и формы. Первый перевод отдельных двустиший «*Auguries of Innocence*», принадлежащий поэту и переводчику В. Ю. Эльснеру, был напечатан 1909 году в «Антологии современной поэзии» под названием «Пророчество неведения». В. В. Сердечная, опубликовавшая его в работе о малоизвестных переводах Блейка в России, указывает на выбор переводчиком строф «условно "экологической" тематики, где утверждается единство природного и человеческого миров» [8, с. 179]. Действительно, из ста тридцати двух стихотворных строк В. Ю. Эльснер перевел прозой тридцать восемь, двустишия объединил в одну строку, исключил вступительное четверостишие, и первые двенадцать строк его перевода складываются в назидательный bestiary, а последние семь усиливают мотив предсказания: «Лохмотья нищего, развевающиеся по ветру, разрывают небеса в клочья», «Кто осмеет веру ребенка, да будет тот осмеян в старости и при смерти» [8, с. 180]. Перевод равно свидетельствует и о восприятии текста как собрании фрагментов, и о стремлении обнаружить и подчеркнуть смыслообразующий и определяющий жанр произведения мотив пророчества.

В это же время, в 1910-е годы, к творчеству Блейка обратился С. Я. Маршак. Первый его перевод стихотворения Блейка «Князь любви» был опубликован в журнале «Северные записки» в 1915 году, Над переводами «*Auguries of Innocence*» он работал несколько десятилетий. Первым в 1943 году в журнале «Знамя» был напечатан вступительный катрен «В одном мгновеньи видеть вечность...». Позже, в 1957 году к 200-летию Блейка в журнале «Иностранная литература» под заголовком «Из "Прорицаний невинности" (отрывки)» были опубликованы девятнадцать строф из «*Auguries of Innocence*», поделенных на три части. Первая – четверостишие-вступление. Вторая – восемь двустиший, объединенных контрастными мотивами неволи и насилия, свободы и веры: «птица в клетке тесной, «голуби в неволе», «мальчик жаворонка ранит», «лань, живущая на воле», «солнце, знай оно сомненья не светило б и мгновенья». Третья часть состоит из десяти двустиший, в первых пяти возникает мотив смертных грехов – лжи и зависти, в следующих утверждается единство противоположных граней жизни – радости и грусти, скорби и счастья, и завершается эта часть наставлением: «Помни это, не забудь – / И пройдешь свой долгий путь...». В 1962 году Маршак перевел еще несколько фрагментов, «почти все», по его выражению. Заголовок остался прежним, за исключением слова «отрывки», подчеркивающего фрагментарный характер текста. Порядок двустиший определен самим переводчиком: «Точный порядок их не установлен В разных английских изданиях они печатаются в различной последовательности. Это дает и мне право расположить их в том порядке, который представляется мне наиболее естественным и разумным», – объяснял он [4, с. 602]. Этот порядок подчиняется прежнему принципу, но в начале еще более отчетливо звучат мотивы насилия и неверия («львиный гнев и волчья злоба», «путь души, лишенной веры»), далее рядом с мотивами лжи и зависти возникают клевета и алчность, за ними следует мотив ценности жизни, детской веры, заблуждения, а в завершении возникает акцент на ясном видении и сиянии истины. Маршак называл «Прорицания» двустишиями [4, с. 602], однако развитие контрастных мотивов в переводах 1957 и 1962 гг. формирует «сюжет» о познании добра и зла, движении к свету интуитивной истины. Оба варианта отмечены ярким лирическим началом, в них возникают интонации, свойственные «Песням Невинности», но

финал первого перевода акцентирует дидактическое начало, а в последнем варианте текст приобретает черты философского афористического размышления.

Философичность и лиризм свойственны прочтению «*Auguries of Innocence*» переводчиком и религиозным философом В. Б. Микушевичем. Его перевод «Из "Прорицаний невинности"» помещен в приложении в «Антологии поэзии английского романтизма» (1975). Композиция «Прорицаний» складывается из первого катрена и одиннадцати двустиший, и здесь заметно движение от мотивов насилия, греховности к мотиву единства горя и радости, ценности человеческой жизни, тьмы безверия и сияющей божественной истине. И последовательность фрагментов, и интонационный строй придают «Прорицаниям» черты не пророчества, но духовного наставления, увещевания и предостережения: «Отчаиваться не спеши, / Радость рядышком в тиши». В финале в повторах образов света энергично звучит мотив преодоления тьмы: истинного видения и света: «Глаз, рожденный в ночи, обреченный в ночи / Только спящую душу объемлют лучи. В темноте, где света нет, / Бог – неугасимый свет. Там, где самый светлый брег, / Виден Богочеловек». Философичность, лирические интонации, форма назидательного, но в большей степени медитативного стихотворения, доминирующие мотивы веры и света, сближают переводческие прочтения «Прорицаний неведения» С. Я. Маршаком и В. Б. Микушевичем, не исключая их оригинальности. Это почтение Блейка поэтами, чьи представления о переводе художественного текста восходят к романтической концепции В.А. Жуковского. «Какого бы поэта ни переводил Маршак, – заметил М.Л. Гаспаров, – поэт прежде всего терял черты своего времени и становился "поэтом для вечности". <... >. Блейк перестает быть экзотическим чудачком и делается сдержан и вдумчив» [1, с. 413]. «Среди моих переводов есть обширный пласт произведений, которые я воспринимаю, как оригинальные произведения, – заметил В.Б. Микушевич в беседе с Е. Калашниковой, – хотя они могут функционировать и как переводы. <...> Я никогда не переводил произведений, которых бы раньше не написал» [5, с. 413].

В иной тональности звучат «*Auguries of Innocence*» в переводе В. Л. Топорова, опубликованный впервые в 1982 году под названием «Изречения невинности». Это первый полный перевод поэмы Блейка. Название не отражает жанровой природы перевода и выбрано, вероятно, с тем, чтобы подчеркнуть инаковость перевода с сравнении с уже существующими. В «Изречениях» сказалось стремление автора выявить исключительную оригинальность переводимого текста, «подчеркивая, гипертрофируя» все несходное с явлениями русской поэзии: «Если температура подлинника 37, то в переводе она должна подскочить до 39, в противном случае читатель ничего не почувствует», – так объясняет свою задачу В.Л. Топоров [9, с. 185–186]. Его перевод «*Auguries of Innocence*» отличается особой мрачной и гневной выразительностью: «Пес голодный околеет – Англия не уцелеет»; «Конь, исхлестанный людьми – сигнал расправы над людьми»; «Солнце, знай оно сомненья / грело б дьявола в геенне». Суровая дидактика, акцентированные эсхатологические мотивы, повелительные интонации придают «Изречениям» форму дидактической пророческой поэмы.

«Изречениями Невинности» (2002) назвала свой перевод исследователь творчества Блейка, переводчик Г. А. Токарева. Ее переводческое прочтение основано на стремлении максимально приблизиться к авторской идее и сохранить образы оригинала, композиционный строй, особенности ритма и звуковой организации текста. Исследователь-переводчик особо акцентирует оппозицию рационалистического познания и интуитивного (сомнение и познание духа): «Те, над кем сомненья властны / Тратят знанья понапрасну»; «Тем, кто тьмы не превозмог / Явится как светоч Бог» [10, с. 64]. Г. А. Токарева сохраняет в переводе синтетическую жанровую природу текста, рассматривая его как собрание афоризмов, нравоучительный bestiary и философскую поэму, воплощающую блейковскую концепцию «развития человеческого сознания от состояния Невинности (природности), через мир человеческих отношений (Опыт) к Богу» [10, с. 101].

Различные переводческие прочтения поэмы Блейка открывают разные грани его сложной жанровой природы и позволяют воссоздать содержательные смыслы энигматического текста, «приблизиться к оригиналу сразу во всех измерениях» [6, с. 540]. Рассмотренные выше переводы «*Auguries of Innocence*» представляют собой не «совокупность текстов», но факт русской художественной переводной литературы – «особого явления», выполняющего «концептуально важную миссию интеграции национальной словесности в мировой литературный контекст» [7, с.16]

Список литературы

1. *Гаспаров М.Л.* Маршак и время // М. Л. Гаспаров. О русской поэзии. СПб.: Азбука, 2001. С. 410–430.
2. *Глебовская А.В.* Предварение. Предисловие к книге "Песни Невинности и Опыта", 2-е изд. СПб.: Азбука, 2000. 135с.
3. *Демченков С.А.* Жанровое своеобразие ветхозаветного пророчества // Филологический ежегодник, 2005. Вып. 5–6. С. 27–31.
4. *Маршак С.Я.* Собрание сочинений. В 8 т. / под. ред. В. М. Жирмунского. Т. 3. М.: Худож. лит., 1969. 831 с.
5. *Микушевич В.* «Если я знаю, как перевести произведение, мне не стоит за него браться». Беседовала Елена Калашникова // Русский журнал. 2 февраля 2002. <http://old.russ.ru/authors/mikush.html>
6. *Ортега-и-Гассет Х.* «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. М.: Радуга, 1991. 639 с.
7. *Первушина Е.А.* Феномен «переводной художественной литературы» в контексте всемирной литературы // Лирика эпохи романтизма: хрестоматия / под общей ред. Г. И. Модино. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2021. С. 14–23.
8. *Сердечная В.В.* Не по-маршаковски. Малоизвестные русские переводы Уильяма Блейка начала XX века // Вопросы литературы. 2019. №1. С. 178–204.
9. Уильям Блейк. Стихотворения, поэмы, пророчества / В переводах Г.А. Токаревой. М.: Спутник+, 2004. 105 с.
10. *Топоров В.Л.* Двойное дно. Признания скандалиста М.: «Аст», 1999. С.184–186.
11. *Яковлева Г.В.* «Прорицания Неведения» Блейка в контексте его философии // *Miscellanea Pfilologica* (место издания, наименование издательства и год издания), ссылка на цитируемую страницу.
12. *Grant J.E.* Apocalypse in Blake's *Auguries of Innocence* // *Texas Studies in Literature and Language*. Vol. 5. No. 4. 1964. P. 489–508.
13. *The Poetry and Prose of William Blake* / Ed. David V. Erdman. New York: Garden City, 1970. 956 p.
14. *Warner J.* Blake's "Auguries of Innocence" // *Colby Library Quarterly*. 1976. Series 12. No.3. P.126-138

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

¹Г.А. Абрамова д-р филол. наук, ²В.П. Абрамов д-р филол. наук,
¹В.В. Костенкова, канд. филол. наук

Кубанский государственный университет,
¹Факультет журналистики,
кафедра издательского дела, стилистики и медиаиндустрии,
²Филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного,
Краснодар, v-zhilinka@mail.ru

**К ВОПРОСУ ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ СМИ**

В статье на современном уровне рассматриваются основные вопросы лексикологического аспекта специальной лексики языка современных СМИ. Дается определение терминам «специальная лексика», «термин», «заимствования». С помощью выделения тематических групп специальных слов анализируется степень актуальности обозначаемых реалий.

Ключевые слова: лексическая система современного русского языка, специальная лексика современных СМИ, термины, заимствованная лексика, тематический признак.

Политические, социальные, экономические, культурные изменения в обществе влекут за собой преобразования в языковой системе СМИ, особенно в наиболее активной ее части – специальной лексике.

«Специальная лексика – слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимается, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [1, с. 474].

Журналистика как сфера деятельности имеет широкую систему специальной лексики, основу которой составляет совокупность терминов, которые обслуживают все направления профессиональной деятельности современной журналистики.

«Термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [3, с. 96].

Последние десятилетия характерны активным развитием системы международной коммуникации. В связи с этим рост объема и скорости информационного обмена активизирует процесс заимствования русским языком большого количества иноязычных терминов и специальной лексики.

Заимствованная лексика проникает во все сферы современного российского общества, часто заменяя привычные слова. Так, многие слова прочно вошли в русский обиход – метафоризировались и подчинились правилам русской грамматики. Одни заимствования стали узкоспециальными словами, которые употребляются только специалистами (макрекер, линкмен, кваллоид и др.), а другие перешли в общее употребление (рерайт, копирайтер, медиатека и др.).

«Помимо массового лексического заимствования, семантического и словообразовательного калькирования, спорадического заимствования на уровне грамматики, для современного русского языка характерно также заимствование языковых стратегий. Прагматика заимствованного слова теснейшим образом взаимодействует с современной стратификацией русского общества» [2, с. 22].

Образование новой иноязычной специальной лексики, как и прежде, происходит на базе греко-латинских языковых элементов. В русский язык новая специальная лексика переходит через европейские языки, в основном через английский. Причинами проникновения в современную специальную лексику иноязычных заимствований является объективная необходимость.

Специальная лексика языка современных СМИ, употребляемая в прямом значении, группируется по тематическим признакам, а количество и частотность употребления элементов, образующих ту или иную тематическую группу, дает представление о степени актуальности обозначаемых реалий.

Итак, новая специальная лексика современных СМИ может быть систематизирована по следующим основным родовым понятиям:

1. Наименования новых профессий.

Ньюсмейкер – человек, являющийся или потенциально способный стать источником новостной информации.

Медиаисследователь – журналист, изучающий СМИ и их аудиторию.

Медиаменеджер – специалист, занимающийся руководством, стратегией развития различных масс-медиа, управлением медиа-проектами и созданием медиа-продуктов в различных СМИ.

Ньюс-мен – журналист.

Рерайтер – специалист, занимающийся переработкой созданного кем-то текста.

2. Наименования новых дисциплин.

Гражданская журналистика – журналистская деятельность непрофессиональных авторов.

Журналистика скриншота – способ рассказывать историю, фиксируя реакцию публики на то или иное событие.

Интернет-журналистика – ведущий радио- или телепрограммы.

Расследовательская журналистика – журналистика, базирующаяся на долговременном исследовании предмета публикации.

Гонзо-журналистика – журналистика, характеризующаяся субъективным стилем повествования.

Медиалингвистика – направление лингвистики, изучающее функционирование языка в медиасфере, или современной массовой коммуникации.

Медиалогия – наука о средствах коммуникации.

3. Название новых технических средств.

Ноутбук – компактный портативный компьютер.

Электронный блокнот – устройство, объединяющее бумажный блокнот и компьютерные заметки.

Персональный компьютер – компьютер, предназначенный для личного использования.

Цифровой фотоаппарат – фотоаппарат, в котором для записи изображения используется фотоэлектрический принцип.

Принтер лазерный – вид принтеров, позволяющий быстро изготавливать высококачественные отпечатки текста и графики на обычной бумаге.

4. Названия новых видов современных печатных и электронных изданий

Евробук – новый формат книг в гибкой прочной обложке, которая раскрывается на 360°, с клапанами обложки, используемыми в качестве закладки' (термин введен издательством «ЭКСМО» в 2018 г.).

Покетбук – книга небольшого формата в мягкой обложке, которая может поместиться в кармане.

Пятибук – книга небольшого формата для дневниковых записей, рассчитанная на пять лет.

Партворк – коллекционное издание (журнал или книга), которое выходит еженедельно или один раз в две недели.

Флипбук – небольшая книжка с картинками, при перелистывании которых создается иллюзия движения.

5. Названия видов текста.

Телетекст – воспроизведение текстовой составляющей информационного потока.

Видеотекст – текст, передаваемый на расстояние и воспроизводимый на экране компьютера, телевизора.

Аудиотекст – текст, предназначенный для смыслового восприятия на слух.

Медиа́текст – текст любого медийного вида и жанра.

Гипертекст – совокупность документов, содержащих текстовую, аудио- и видеоинформацию, связанных между собой взаимными ссылками в единый текст.

6. Название организаций, связанных с деятельностью СМИ.

Ньюс-рум – помещение, где работают специалисты СМИ.

Пресс-бар – бар, предназначенный для журналистов или предоставляющий им льготные условия.

Пресс-кафе – место для встреч, переговоров и интервью.

Пресс-рум – места, где сотрудники новостных изданий готовят материалы для публикаций.

Пресс-отдел – отдел по работе с прессой.

7. Название хранения и передачи информации.

Медиа́тека – фонд информационных объектов.

Медиакарта – документ, в котором фиксируются все существенные сведения о СМИ, с которыми работает организация.

Видеотека – видеобанк аудиовизуальных текстов, видеотекстов.

Электронная почта – служба по пересылке и получению электронных сообщений.

Медиа́файлы – компьютерный файл, содержащий аудио-, видео- или графическую информацию.

8. Название видов газет и журналов.

Таблоид – малоформатная газета, публикующая сенсационные, низкопробные сообщения со множеством иллюстраций.

Квалоид – качественный таблоид.

Электронная газета – газеты, которые издаются в электронном виде.

Электронный журнал – журналы, которые издаются в электронном виде.

Дайджест – журнал, перепечатавающий материалы из других изданий, как правило, в сокращенном и упрощенном виде.

В связи с развитием российской и мировой системы СМИ, а также под влиянием собственно-лингвистических факторов, специальная лексика языка современных СМИ находится в постоянном движении, дополняется новыми понятиями и номинативными единицами.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 576 с.
2. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Краснодар: Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, 2005. – 40 с.
3. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура : учеб. пособие / В.М. Лейчик. – М.: Наука, 2006. – 296 с.

10.01.10

¹Г.А. Абрамова д-р филол. наук, ²В.П. Абрамов д-р филол. наук, ¹В.В. Тихонов

Кубанский государственный университет,
¹кафедра издательского дела, стилистики и медиаиндустрии,
²кафедра русского языка как иностранного,
galeks25@mail.ru, kafruskin@yandex.ru, vsh150@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В СЕТЕВОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО

В статье проанализированы основные процессы интеграции СМИ в цифровое медиапространство, вызванные научно-техническим прогрессом и изменениями в системе традиционных периодических изданий. Рассматриваются ключевые особенности сетевых СМИ: высокая скорость передачи информации, большой объем для хранения данных, интерактивность и кроссплатформенность.

Ключевые слова: сетевое медиапространство, интеграция традиционных периодических изданий, сетевые периодические издания, интерактивность, кроссплатформенность.

В условиях, вызванных научно-техническим прогрессом и изменением экономических взаимоотношений произошли значительные изменения в системе СМИ. Основная роль в этом процессе принадлежит Интернету. Влияние Интернета на современную коммуникацию велико: глобальная сеть заменила собой многие коммуникативные институты. Традиционные средства массовой информации, которые существуют в виде печатных изданий и телевизионных передач, постепенно вытесняются сетевыми СМИ.

Ключевая особенность сетевых СМИ – способность быстро реагировать на события с высокой скоростью передачи информации.

«В цифровой среде в тысячи раз увеличиваются объемы и скорость передачи информации, она делает доступным интерактивное общение, позволяет разным формам коммуникации объединиться в единое целое» [2]. Все это позволяет потребителю не только получать медийный продукт, но и участвовать в процессе его создания. «Пользователь сам взаимодействует с медиа и сам решает, что, где, как, сколько искать и выбирать, как интерпретировать, когда остановиться и кому доверять» [2]. Высокая скорость работы сетевых СМИ способствует постоянному обновлению контента: текста, видео, аудио, инфографики и анимации.

К контенту сетевых СМИ предъявляются требования оперативности, достоверности, фактологичности, документализма. Материалы, как правило, эксклюзивны и имеют авторство. Публикации по большей части содержат социально значимую информацию, представленную жанрами журналистики в публицистическом стиле. Это приравнивает интернет-СМИ к другим видам продуктов журналистской деятельности: в отношении него действуют те же правовые нормы, что и в отношении печатных изданий, теле- или радиоканалов.

Онлайн-формат изданий более свободен, менее консервативен в отличие от офлайн-версии. Так, процесс появления новостей в традиционных СМИ занимает большое количество времени, из-за того, что издание проходит длинный путь от издателя до читателя. Информация также проходит длительную редактуру. При использовании сетевых каналов распространения, многие из этих требований «стираются».

Другим отличительным свойством интернет-СМИ является объем информации. В традиционных печатных СМИ он определяется форматом и количеством страниц, в то время, как сайты обладают практически неограниченным количеством виртуальной памяти.

Старков А.А. указывает на то, что «интернет стал особой сферой сосредоточения информации, феноменом информационно-коммуникационной технологии, посредством которого передается огромный объем данных, способный удовлетворять любые интересы аудитории и представляющий неограниченные возможности для СМИ оперативно работать с информацией» [1].

Преимуществом сетевых СМИ также считается их интерактивность также. Так, Аникина М. Е., Варганова Е. Л. и Вырковский А. В. в работе «Отечественная теория медиа: основные понятия» определяют интерактивность как «систему, позволяющую в зависимости от эффектов распространения информации изменять процесс ее дальнейшего производства и дистрибуции». Авторы отмечают, что «в доцифровую эпоху интерактивность в массмедиа проявлялась в минимальной степени, что было обусловлено техническими ограничениями для создания системы обратной связи. В настоящее время интерактивность является имманентным свойством любых цифровых медиа» [3].

Другой характерной чертой сетевых СМИ считается кроссплатформенность, которая позволяет пользователям получать и просматривать информацию с помощью разных устройств (персональных компьютеров, мобильных телефонов, смартфонов и различных девайсов с возможностью выхода в Сеть). Многие издания и средства массовой информации предпочитают использовать данные новшества вместе с проверенными методами работы с формой и содержанием продуктов. Так, например, в сетевых СМИ часто прослеживается традиционная, свойственная печатным изданиям верстка, а при оформлении веб-страниц почти всегда используется классический каркас элементов навигации. Тем не менее, именно подобная привычка способствует развитию и повсеместному внедрению универсальных макетов медиапродуктов. Однако развитие интернет-версии не предполагает обязательного отказа от печатного формата, а позволяет дополнить его новыми инструментами.

Исследователи считают, что интеграция традиционных СМИ в сетевое пространство должна предусматривать сохранение их приоритетных качеств. Е. Л. Варганова отмечает, что «массмедиа являются важнейшим социально-политическим институтом, а также институтом культуры в обществе, который способствует развитию образования, сохранению языка, различных форм высокого искусства» [3].

В условиях цифровизации в средствах массовой информации и медиаиндустрии произошла дигитализация контента, основанная на изменениях технологической сферы. «Процесс перевода информации в цифровую форму, сопровождающийся внедрением в обиход цифровой техники и технологий и вызывающий соответствующие социально-экономические изменения» [3].

Новые технические возможности позволяют удовлетворять информационные потребности современной аудитории, создавая контент, который может быть представлен не только обычным текстом, но и аудиовизуальными, графическими, анимационными материалами.

Таким образом, одним из ключевых процессов, повлиявших на трансформацию системы СМИ, является внедрение цифровых технологий в деятельность масс-медиа и активное формирование конвергентной среды.

Под воздействием организационно-технологических инноваций в инфраструктуре информационно-вещательной деятельности появились новые типы СМИ – мультимедийные, с неограниченным объемом информации, интерактивностью, высокой скоростью распространения и доставки информации.

Сетевые СМИ стали частью медийной системы России. Традиционные СМИ, в свою очередь, осваивают мультимедийные платформы, редакции учатся эффективно работать как в офлайн, так и в онлайн-форматах.

Инновационные технологии положили начало новому типу журналистики – конвергентной журналистике (мультимедийное средство информации, которое совмещает в себе как текстовую информацию, видео, звук, фото, графику), – интернет-СМИ, мобильные СМИ, интернет-телевидение, расширив границы системы СМИ и медиаполя в целом [4].

Появление новых онлайн-технологий привело к преобразованиям в современной медиаиндустрии и к интеграции традиционных печатных СМИ в сетевое медиaprостранство. В условиях развития современного медиарынка и нарастающей конкуренции печатной прессе необходимо своевременно адаптироваться к изменениям в сетевом информационном пространстве.

Список литературы

1. *Старков, А.А.* Интернет-СМИ как фактор информационного общества / Актуальные проблемы журналистики в условиях глобализации информационного пространства. Вып. 1. – Челябинск: РЕКПОЛ, 2007. – 122 с.
2. *Мультимедийная журналистика [Текст]: учебник для вузов / под общ. ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».* – Москва.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – 413 с. – ISBN 978-5-7598-1189-3 (в пер.). – ISBN 978-5-7598-1663-8.
3. *Отечественная теория медиа: основные понятия. Словарь / под ред. Е. Л. Варгановой.* – Москва.: Факультет журналистики МГУ, Издательство Московского университета, 2019. – 246 с.
4. XII международная научно-практическая конференция «Информационное поле современной России: практики и эффекты». Интернет и сетевые технологии в журналистике. Симкачева М. В. [Текст]: материалы конференции; Казань, 2015. – 4 с.

10.01.10

Аль-Баидхани Валид Абдулкарим Саид, Р.П. Баканов канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
Высшая школа журналистики и медиакоммуникаций,
Кафедра национальных и глобальных медиа,
Казань, waledd.1994@yahoo.com, rbakanov@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ТЕМЫ ПАТРИОТИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ЖУРНАЛИСТА И БЛОГЕРА ЛЕОНИДА ПАРФЕНОВА

В статье представлены результаты изучения специфики проявления темы патриотизма в творчестве известного в России и в других странах журналиста и блогера Леонида Парфенова. Материалы исследования: фильмы Л. Парфенова «Карман России» и «Зворыкин-Муромец». Авторы статьи выяснили, что тема патриотизма проявляется в данных фильмах через поступки их героев, часто людей богатых, которые бескорыстно помогли родным городам, стране быть лучшей, привлекательнее для потенциальных гостей. Л. Парфенов сформировал медиаобразы героев своих фильмов как смелых, честных людей, не забывающих о своих учителях.

Ключевые слова: журналистика, тема патриотизма, публицистический образ героя, Нижний Новгород, купец, Владимир Зворыкин, Леонид Парфенов.

Журналистика – не только предоставление аудитории различной оперативной информации, мнений и комментариев о происходящих событиях, но и в определенной степени процесс социализации человека, возможность объяснить ему направление и суть векторов современной картины мира. А еще журналистика может (и, по нашему мнению, должна) представлять собой институт рефлексии, дающей оценку деятельности не только, например, политикам и экономистам, но и людям, так или иначе воздействующим на аудиторию при формировании ею определенного общественного мнения. В настоящее время авторы персональных рубрик в СМИ, а также блогеры (фамилий можно вспомнить много) стараются регулярно вести деятельность такого рода. Стараются помочь и медийная критика. Осмысление приемов и процесса «назначения» в современном обществе тех или иных медийных авторитетов и героев, а также формирования конкретных публицистических образов каждого из них, их поведения и реплик в современном информационно-коммуникативном пространстве, качество выполнения их профессиональных обязанностей и уровень оказания воздействия на аудиторию – одна из ее задач. Медийных героев в настоящее время много, значит, есть необходимость в объяснении и убеждении со стороны авторитетных и высокоцитируемых медийных авторов о том, какие из них могут быть полезны аудитории, а какие личности, пользуясь своей известностью, будут стараться поставлять общественности негативную информацию.

Поэтому мы считаем, что в настоящее время важно регулярно изучать творческий почерк и слагаемые формирования публицистического образа героев публикаций, чтобы понимать стратегии, тактики, приемы и тематические направления оказания воздействия на современную аудиторию со стороны известных отечественных медийных личностей, чье влияние и авторитет в обществе (особенно среди молодежной аудитории) с каждым годом становятся все заметнее.

Практическая значимость результатов исследования заключается в предоставлении возможности начинающим и уже опытным журналистам выбора тактик и творческих приемов для эффективного освещения в современных масс-медиа темы патриотизма, формирования у граждан РФ чувства патриотизма и гордости за свою страну, которых, по мнению представителей власти разного уровня и научного сообщества, в современном информационном поле крайне недостаточно.

Цель статьи: выявить и изучить специфику проявления темы патриотизма в творчестве известного российского журналиста и блогера Леонида Парфенова на примере его публицистических фильмов.

Объектом исследования является творчество журналиста и блогера Леонида Парфенова, *предметом* исследования – специфика проявления темы патриотизма в его творчестве.

Научная новизна исследования заключается в выявлении авторских творческих приемов, применяемых Л. Парфеновым при проявлении темы и формировании чувств патриотизма.

Эмпирической базой исследования стали два историко-публицистических фильма Л. Парфенова «Карман России» (2021 г.) [3] и «Зворыкин-Муромец» (докудрама, 2010 г.) [2] Выбор данных произведений обусловлен их исторической тематикой, в контексте которой представлены судьбы некоторых творческих, а также богатых духовно или материально людей, их путь исканий и моральный выбор. В первом фильме формируется собирательный публицистический образ Нижнего Новгорода (картина приурочена к 800-летию города) как живого, богатого, привлекательного с разных позиций феномена и культурно-интеллектуального пространства, породившего многих знаменитых на весь мир людей. В ленте «Зворыкин-Муромец» изучена биография и представлен творческий путь инженера, одного из создателей технологии беспроводной передачи изображения на расстоянии Владимира Зворыкина. Он родился и учился в России, здесь же сделал первые шаги в науке, но больше известен по ту сторону океана, чем у нас. Помимо своей коммерческой и рекреативной составляющей, данные фильмы содержат просветительскую функцию. Но в какой степени там проявляется (и проявляется ли вообще) патриотическая составляющая?

«Я – избалованный человек, потому что последние 15 лет занимаюсь только тем, что хочу», – указано на главной странице официального сайта Л. Парфенова [1]. Выпускник Ленинградского госуниверситета, он печатался в известнейших советских изданиях, в конце 1980-х гг. пришел на телевидение, сделал много программ (цикл «Намедни» и другие), где работал до середины 2000-х гг. Затем несколько лет был редактором журнала «Русский Newsweek», снимал фильмы по заказу российских телеканалов. В настоящее время он ведет свой видеоблог «Parfenon» на YouTube, продолжая активно заниматься творчеством и делать проекты.

В отечественной научной литературе вопросам формирования темы патриотизма в современных медиа уделено не так много внимания, как хотелось бы. Отметим статьи А.Д. Казун и О.Е. Дорофеевой, А.И. Осянина и Ю.Ю. Клемятич, А.Н. Осянина и А.М. Рюмина, Л.Н. Ребриной и С.А. Чубай, Л.Н. Ребриной и М.В. Миловановой, Н.В. Сальниковой, М.А. Талышевой и Н.В. Поплавской и некоторых других исследователей. Указанные авторы рассматривали различные аспекты проблемы формирования и воспитания чувства патриотизма у жителей РФ через изучение «повестки дня» современных федеральных и региональных СМИ. Научных работ, посвященных исследованиям возможностей online-среды для развития этого чувства среди россиян пока меньше: нам известны статьи А.М. Шаповаловой и В.О. Вагиной «Влияние онлайн-пространства может быть крайне негативным, деструктивно сказываясь на формировании патриотических установок и ценностей молодежи, – пишут они. – Деструктивно настроенные организации или отдельные индивиды способны через Интернет призывать к неправомерной деятельности, вовлекать в чаты, просмотру видеороликов и формировать анти-патриотов» [4, с. 46]. Трудно не согласиться с этим утверждением. Потому, на наш взгляд, необходимо регулярно и комплексно изучать и «повестку дня» современных СМИ разного уровня, и контент современной блогосферы с точки зрения стратегий, тактик и творческих (в том числе манипулятивных) приемов различного воздействия авторов на аудиторию.

В этой связи Л. Парфенова можно считать популярной личностью, творчество которого интересно Интернет-пользователям (судя по количеству подписчиков его YouTube-канала «Parfenon» (1,08 млн) и в соцсетях), а также исследователям. Научных статей, в которых изучается творческий почерк, выявляется феномен популярности, а также слагаемые мастерства и творческие приемы, много. Отметим работы В.А. Абилюкеновой,

Е.Я. Бурлиной, А.А. Каширина, Е.С. Козиной, М.В. Петровой, А.А. Рысиной, Е.Б. Футерман, А.В. Чернова, С.С. Щербаль и других исследователей.

В результате исследования мы пришли к выводу о том, что тема патриотизма в изученных нами фильмах Л. Парфенова имеется в обоих творческих проектах, но проявляется не одинаково. Мы установили, что сильнее она представлена в фильме «Карман России», в котором история древнего Нижнего Новгорода подана аудитории через славные дела более десяти самых известных его уроженцев. Вот городской голова К. Минин в начале XVII века призывает земляков записываться в Народное ополчение и сдавать треть своего имущества, чтобы на вырученные от продажи средства хорошо его вооружить. Эмоциональное воздействие на аудиторию усиливается за счет показа обращения Минина к людям (используются кадры из фильма «Минин и Пожарский»), речь его громкая, призывная, не оставляющая никого равнодушным. Вот крупные планы нижегородцев, услышавших своего начальника, а через несколько секунд зритель видит уже ликование толпы в столичном Кремле по случаю освобождения Москвы. «День народного единства 4 ноября – даты рождения русского гражданского общества», – говорит за кадром Л. Парфенов [3]. Вот механик-самоучка И. Кулибин в 1760-е годы преподносит Екатерине Второй подарок: часы размером с гусиное яйцо. Зритель узнает о том, что, опережая свое время, изобретатель предлагал одну за другой разработки, которые так и останутся неосуществленными. Много историй о купцах первой гильдии, значительные средства жертвовавших на развитие родного города и края. Таким образом через знакомство с фактами биографии известных нижегородцев, через примеры их по сути бескорыстного служения городу и своему народу съемочная группа представляет зрителю собирательный публицистический образ опережающего время города, жители которого способны не только изобретать и испытывать на себе все новое, но и встать на защиту своей земли и своей страны. Тема патриотизма проявляется в неравнодушии людей, способных быстро организоваться и сплотиться для решения задач государственной важности [3].

В фильме «Зворыкин-Муромец» патриотизм проявляется в том, что герой, не по своей воле эмигрировавший из России в США, всю жизнь думает о своей стране, несколько раз возвращался сюда. Однажды втайне от всех ему удалось ненадолго побывать в доме, где он родился (теперь там городской музей). Аудитория видит пример человека неравнодушного, с юношеских лет интересующегося наукой и изобретениями, которые могут улучшить жизнь. Показательна сцена в московском отеле «Метрополь» в середине 1930-х годов, во время торжественного приема в честь визита В. Зворыкина в СССР. Гость вспоминает своего учителя, высланного в результате репрессий из Петербурга в Архангельск и там умершего, как бы усомнившись в правильности работы НКВД [2]. Таким образом, авторы фильма формируют медиаобраз героя как смелого человека, личности, не забывшей спустя десятилетия того, благодаря кому он стал известным, а также сохранившего сердечную теплоту к родному дому, городу, людям и стране.

Список литературы

1. Биография Леонида Парфенова [Электронный ресурс] // Официальный сайт Леонида Парфенова: сайт. – URL: <http://leonidparfenov.ru/biografiya/> (дата обращения 31.03.2021).
2. *Парфенов Л.* Зворыкин-Муромец [Электронный ресурс] // Первый канал: сайт. – URL: <https://www.1tv.ru/doc/pro-zhizn-zamechatelnyh-lyudey/zvorykin-muromets> (дата обращения 31.03.2021).
3. *Парфенов Л.* «Карман России». К 800-летию Нижнего Новгорода: от ополчения Минина до «ГАЗели» [Электронный ресурс] // Parfenon: сайт. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xfXlkjiZGs0> (дата обращения 31.03.2021).
4. *Шаповалова А.М., Вагина В.О.* Развитие патриотизма в молодежной среде в онлайн-пространстве // Caucasian Science Bridge. – 2021. – Т. 4, № 3(13). – С. 44–52.

10.01.10

Альтамеми Мохамедальмустафа Шукур Махмуд

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
(НИУ «БелГУ»),
Белгород, altimimi2018@list.ru

ОБРАЗ ИРАКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ АРАБСКИХ СТРАН И РФ

В данной научной работе, автор попытался проанализировать ключевой образ Ирака в публицистике различных арабских стран и РФ. Помимо этого, была рассмотрена позиция западных СМИ, по отношению к политике Ирака. Актуальность работы диктуется сложившимся кровопролитным образом Ирака в западном и арабских мирах, а также влиянием западных и арабских СМИ на становление этого образа. Война в Ираке привела к тому, что образ этой страны ассоциируется с кровопролитием среди западных и арабских журналистов.

Ключевые слова: *Ирак, иракское общество, социум, публицистика, арабские страны, пресса.*

Невзирая на богатую историю становления данного государства, образ Ирака в арабской и российской публицистике остается весьма трагичным и разрушительным. Процент вероятности того, что в сознании человека образ Ирака будет сопоставим с созидательным процессом, равен практически нулю. Таким образом, **актуальность** работы диктуется сложившимся кровопролитным образом Ирака в западном и арабских мирах, а также влиянием западных и арабских СМИ на становление этого образа. Война в Ираке привела к тому, что образ этой страны ассоциируется с кровопролитием среди западных и арабских журналистов.

Научная новизна работы заключается в погружении в «микромир» отдельно взятого арабских и российских СМИ как социально-политического явления со всеми его специфическими причинно-следственными связями, закономерностями и особенностями. И задача состоит в том, чтобы в рамках метода «от частного к общему» попытаться, насколько позволяют имеющиеся данные, последовательно пройти по всей цепочке организации и осуществления рассматриваемого созданного образа Ирака и установить основные объективные и субъективные факторы, формирующие этот образ и его влияние на как мировое, так и иракское общество.

В данной научной работе автор попытался проанализировать ключевой образ Ирака в публицистике различных арабских стран и РФ. Помимо этого, была рассмотрена позиция западных СМИ, по отношению к политике Ирака. Полученные результаты и выводы базируются на анализа арабских и российских СМИ таких как РИА Новости, Аль-Джазира, Аль-Арабия, Arab Press Freedom Watch и др.

Становление Ирака как государства и развитие иракского общества в новейшее время проходило под воздействием разнородных по своему содержанию внутренних и внешних факторов, к числу которых относятся, прежде всего, природно-географическое положение, историческое и социально-экономическое развитие территорий, образующих нынешнее государство, а также само иракское общество, которое имеет очень сложную и неоднородную структуру. Оно формировалось после политической консолидации страны под британским мандатом (тогда впервые была создана четкая административная система управления, разделившая страну на провинции, во главе которых стоял губернатор, а провинции – на более мелкие единицы – округа) из совершенно разнородных этнических, религиозных, племенных и локальных сообществ, из которых Ирак был собран после

распада Османской империи. Вопрос о взаимоотношениях отдельных провинций страны с центральными органами власти оставался одним из важнейших вопросов периода независимого развития этой страны, при этом проблема автономии Курдского района и реализация прав курдского населения всегда занимали центральное место [1, с. 158].

Также война в Ираке сопровождалась самым высоким за всю историю числом жертв среди представителей иракской и иностранной прессы. В то время как конец режима Саддама Хусейна вновь открыл путь для активной деятельности средств массовой информации, отсутствие безопасности для журналистов привело к высоким человеческим потерям. Возглавляемая США война в Ираке, целью которой было освобождение его народа от авторитарного правления, не сопровождалась какой-либо серьезной попыткой западных или даже арабских СМИ сосредоточиться на ценности человеческой жизни или на создании мирного образа Ирака. Напротив, все громкие заголовки в арабских и российских СМИ свидетельствовали о том, что Ирак является страной третьего мира, и этот разрыв между развитыми странами никогда не будет сводиться к минимуму, а только наоборот будет расти и расти. Число погибших среди гражданского населения Ирака рассматривается не более чем как статистика. Образ Ирака проходит красной нитью в западной и арабской публицистике, но, к сожалению, этот образ неминуемо ассоциируется исключительно с военными действиями [4, с. 214-216].

Стоит отметить, что в Ираке пресса даже предшествовала существованию государства. Первое издание ежедневной газеты «Al Zora'a» была выпущена 15 июня 1869 года. Последовательные законы, регулирующие действия прессы, были относительно либеральными, что обеспечивало оживленную атмосферу в целом в арабской, а также в иракской прессах и публикациях [4, с. 219].

Так, рассматривая образ Ирака в публицистике арабских стран, мы обратились к реальным новостным сводкам. В «Аль-Джазира» (Al Jazeera) – международная телекомпания со штаб-квартирой в Дохе, столице Катара, можно часто встретить следующие заголовки:

1. Ирак сталкивается с растущим насилием по мере углубления политического раскола.
2. Ракеты попали в комплекс аэропорта Багдада рядом с авиабазой США.
3. Иракские военные отмечают 101-ю годовщину завершения боевой миссии США.
4. Турция нанесла удары по целям РПК в Ираке после того, как трое ее военнослужащих были убиты.
5. Ирак репатриировал 100 боевиков ИГИЛ из сирийских курдских формирований.
6. США проводят воздушные налеты на поддерживаемые Ираном ополченцы в Сирии, Ираке.
7. Шквал ракет, выпущенных по авиабазе, на которой размещены американские войска в Ираке [13].

Каждый заголовок, так или иначе, связан с боевыми действиями. Можно сделать вывод, что 95% процентов всех новостных сводок рассказывают про кровопролитие, политический режим, военные действия, но лишь оставшиеся 5% повествуют о культуре, социальной жизни и других новостях Ирака.

Анализируя один из крупнейших мультимедийных холдингов России «РБК», мы натолкнулись на такие заголовки как:

1. Около генконсульства США в Ираке упали несколько ракет.
2. Al Jazeera сообщил о ракетном обстреле аэропорта в Багдаде.
3. В Минске отменили вывозной рейс для беженцев из Ирака.
4. Премьер-министр Ирака заявил, что знает, кто совершил атаку на резиденцию.
5. В Багдаде совершили покушение на премьера Ирака [14].

В российских СМИ наблюдается абсолютно такая же картина. Ирак в сознании людей не олицетворяется ни с чем иным, как с разрухой, войной и нищетой. Такие заголовки ясно дают понять, что Ирак – это страна третьего мира. Безусловно, такой образ формировался десятками лет. Все предшествующие исторические события в стране стали причиной создания подобного облика Ирака на мировой арене.

Падение иракского режима в результате возглавляемого США наступления имело далеко идущие внутренние последствия для иракской прессы и дальнейшего образа Ирака в сознании людей в целом.

По данным “Arab Press Freedom Watch” (APFW), в течение девяти недель после падения администрации Саддама Хусейна было создано девять газет. Эти газеты делились на три категории:

- газеты, которые были созданы за пределами Ирака до 9 апреля 2003 года;
- газеты, которые были созданы и финансировались возглавляемым США альянсом;
- газеты, которые были созданы десятками новых партий и сил, возникших после войны.

За ними быстро последовали средства массовой информации, отражающие этнические или сектантские группировки, независимые средства массовой информации и новые местные, региональные и спутниковые телевизионные станции, часто с аналогичной юридической и финансовой поддержкой [9, с. 278]. Это означало, что на создания образа Ирака в арабском мире непосредственное влияние имело США. Впоследствии, преследуя свои интересы, США иллюстрировала Ирак в том свете, в котором им представлялось это выгодно.

Такой вывод можно сделать, проанализировав статью под названием «Шквал ракет, выпущенных по авиабазе, на которой размещены американские войска в Ираке» (Al Jazeera). Согласно статье США вынуждена вести оборонительные меры на территории Ирака, то есть, США не проводит захват территорий другой страны, а лишь отвечает на провокационные действия. Имея влияние на арабские СМИ, Америка может с легкостью дезинформировать как арабский так и весь оставшийся мир в целом. Такое влияние определенно оставило неизгладимый след в сознаниях людей. Или в статье «Палата представителей США проголосует за отмену разрешения на войну в Ираке» (Al Jazeera) снова Америка представлена в положительном свете, в роли миротворцев, борющихся за права граждан Ирака и за мирное будущее этой страны. Но в реальности данные информационные заголовки привели к тому, что американские СМИ получили большую власть над умами арабского мира.

По мере того как оккупационные американские военные укреплялись в Ираке и повстанческое движение становилось все более мощным, безопасность иракских и других журналистов снова оказалась под вопросом. Акты террора, запугивания и откровенные похищения, ранения и убийства иракских и арабских журналистов из-за их профессии участились по мере продолжения войны в Ираке. Основные панарабские спутниковые станции «Аль-Джазира» и «Аль-Арабия» первоначально подверглись нападению и запугиванию; их офисы были закрыты, а их журналисты и съемочные группы подверглись нападению. Иностранная СМИ утверждало, что к середине 2007 года, иракское СМИ, спонсируемое США, стало первым по числу погибших людей.

Хотя публично заявленная миссия войны в Ираке состоит в том, чтобы освободить иракцев от оков диктатуры, на самом деле мало что было сделано для того, чтобы представить иракцев как людей американской общественности. Скорее наоборот Ирак и ее граждан представляли как необразованных людей, жаждущих войны, конфликтов и поддерживающие диктаторский режим. Об этом говоря следующие заголовки в «Аль-Джазира» (Al Jazeera):

1. Избирательные участки закрываются на парламентских выборах в Ираке на фоне "низкой явки".
2. Протесты против результатов выборов в Ираке перерастают в насилие.
3. Несколько мирных жителей и пешмерга убиты ИГИЛ в иракском Махмуре.
4. «Втянутый в геополитическую борьбу»: перетягивание каната между США и Ираном в Ираке.
5. В Ираке не может быть «возвращения к нормальной жизни» [13].

Американские СМИ были не одиноки в систематической дегуманизации иракцев. Арабские средства массовой информации сделали не намного лучше.

Арабские газеты и телевизионные станции регулярно сообщают о крупных событиях, повлекших за собой большое число жертв среди иракцев. Сравните освещение смертей иракцев и палестинцев в любых арабских средствах массовой информации, и станет ясно, что жизни палестинцев (если оценивать их просто по отведенному им времени и пространству) гораздо ценнее, чем жизни иракцев. Разница также будет очевидна даже при сравнении освещения взрыва автомобиля в Ливане (скорее всего, одним из арабов) и взрыва автомобиля в Ираке. Таким образом, арабские СМИ часто отражают апатию, которую проявляют арабские лидеры по отношению к ситуации в Ираке.

Война в Ираке привела к тому, что образ этой страны ассоциируется с кровопролитием среди западных и американских журналистов, также с большим числом раненых, похищений и смертей, а страдания иракских журналистов были намного больше, чем у их коллег, не являющихся гражданами Ирака. Общепризнанным идеалом является то, что работа журналистов и средств массовой информации, на которые они работают, заключается в поиске и публикации или передаче правды. Однако этого часто остро не хватает в средствах массовой информации, и тем более во время войны. Попытка добиться решения начать войну и успокоить критиков, когда началась война, привела к умышленному игнорированию правды и, что еще более печально, привела к процессу дегуманизации тех самых людей, за освобождение которых якобы велась война.

Список литературы

1. Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации / И.А. Александров. – М.: Дело и сервис, 2000 – 514 с.
2. Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – М.: URSS, 2011 – 214 с.
3. Арабский мир после арабской весны. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – М.: URSS, 2012 – 189 с.
4. Беляев И.П. Египет: время президента Насера / И.П. Беляев, Е.М. Примаков. – М.: Наука, 1974.
5. Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше / под ред. В.В. Наумкина. – М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2013.
6. Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.) / А.М. Васильев. – М.: Классика плюс, 1999. – 670 с.
7. Видясова М.Ф. Политический ислам в странах Северной Африки / М.Ф. Видясова, Орлов В.В.. – М.: ИСАА при МГУ, 2008. – 507 с.
8. Иванов С.М. Деятельность Исламского государства и других радикально-исламистских организаций: основные тенденции // Специальное приложение
9. ИМЭМО к русскому изданию Ежегодника СИПРИ-2015. М.: ИМЭМО РАН, 2016. Разд.2. Научная экспертиза. П. 11. С. 913–920.
10. Пырлин Е.Д. 100 лет противоборства: генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы / Е.Д. Пырлин. – М.: РОССПЭН, 2001. – 478 с.
11. Adam Clymer, Journalism, Security and the Public Interest, Aspen Institute, Washington, DC, 2003, p. 6.
12. BBC News, 10 November 2006; see http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/middle_east/6135526.stm (дата обращения: 01.03.2022).
13. Quoted from Associated Press in the Seattle Times, 30 December 2005, See <http://seattletimes.nwsourc> (дата обращения: 26.02.2022).
14. Quoted from Al Jazeera News <https://www.aljazeera.com/> (дата обращения: 26.02.2022).
15. Quoted from RBC <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 26.02.2022).

10.01.10

О.Н. Горячева канд. филол. наук, М.Г. Яковлева канд. филос. наук

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета,
кафедра социально-гуманитарных наук,
Набережные Челны, Olganikgor@mail.ru, marrayk@yandex.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Статья посвящен выявлению и описанию типов прецедентов в СМИ, определению их способов функционирования в периодической печати Республики Татарстан. Цель исследования связана с изучением способов функционирования прецедентного феномена в контексте печатных СМИ. Изучение прецедентных феноменов помогает разобраться в первоосновах существования и развития языков и культур.

Ключевые слова: лингвокультурология, пресса, СМИ, прецедентный феномен, заголовок, журналистский текст.

Принадлежность читателя СМИ к общекультурным традициям народа, проживающего на территории России, единство языкового и ментального самосознания определяют важность изучения лингвокоммуникативистики. Соотношения языков и культур с позиции межкультурного взаимодействия помогает разобраться в первоосновах их существования и развития.

В статье исследуется использование прецедентных феноменов в языке современной периодической печати, издаваемой в Республике Татарстан. Материалом исследования послужили тексты периодических изданий Республики Татарстан: «Нижнекамская Газета» [5] (г. Нижнекамск), «Челнинские известия» [7] (г. Набережные Челны), «Республика Татарстан» [6] (г. Казань). В работе присутствует метод научного описания, при сборе иллюстративного материала из современных периодических изданий применен метод сплошной выборки, в то время как для количественного подсчета прецедентных феноменов в периодической печати РТ использован статистический метод. Научная новизна состоит в изучении прецедентного феномена на примере заголовков газет Республики Татарстан.

Введенные в лингвокультурологию термины «эксформация» и «прецедентный феномен» связаны с работами российских ученых: Ю.Н. Караулова, [3], Ахмедовой С.Н. [1], Банниковой С.В. [2], зарубежного исследователя Т. Норретрандерса [8].

Теория прецедентности была сформулирована в трудах Ю.Н. Караулова в конце XXв. Понятием «прецедентность» он обозначал «интеллектуально-эмоциональные блоки, <...> постоянно используемые в коммуникации» [4, С. 89]. Такие единицы языка, представляющие нравственную основу, оценивающие события и фиксирующие восприятие, устоявшиеся в национальном сообществе, представляют особый интерес для СМИ. В периодической печати происходит целенаправленный отбор слов, оказывающих быстрый и эмоционально предсказуемый отклик у читателей. Это проявляется в использовании интертекстуальности и учете эксформации. Если информация измеряема и очевидна, то эксформация – это отсеянная информация, которая безоценочна и неотслеживаема, т.к. связана с глубинным проявлением ментального восприятия мира.

Используя типологию Ю.Н. Караулова, выделившего 4 вида прецедентного феномена, были сформулированы их основные признаки:

1. прецедентные высказывания - законченная фраза, неоднократно воспроизводимая в речи носителей языка, например, цитата, пословица;

2. прецедентные тексты - имя собственное, имя известной исторической личности, персонажа произведения, литературного героя;

3. прецедентное имя – персонифицированное или нарицательное имя, ассоциирующееся с узнаваемой ситуацией;

4. прецедентная ситуация – базируется на коннотациях, узнаваемых читателями.

Прецедентные феномены могут быть общеизвестными (универсальные, межкультурные) или ограниченными по сфере употребления (понятные читателям одной социальной группы, национальности и т.п.). При этом характерными признаками прецедентных феноменов можно назвать узнаваемость, повторяемость, полифункциональность. Используя метод сплошной выборки, были изучены и классифицированы 100 заголовков статей из газет для выявления прецедентных феноменов в языке периодической печати Республики Татарстан.

К группе прецедентных высказываний отнесены «самодостаточные» фрагменты текста, крылатые авторские выражения, пословицы. Таковыми являются прецеденты: «Аты-баты, шли солдаты...» - статья о воспитании у молодёжи чувства патриотизма; «Паспорт болельщика: не статистики ради, а пользы для...»; «Шабашка раздора: пьяные работники и хитрые заказчики» - статья о частных трудовых договоренностях, «Не тот хозяин земли, кто по ней бродит, а кто по ней за сохой ходит» - статья о победителях лично-командных республиканских соревнований по борьбе куряш среди аграрных образовательных учреждений; «Все дело в шляпе» о выставке в картинной галерее; о ветеранском движении в г. Нижнекамск – «Нам песня строить и жить помогает»; «Бомбу замедленного действия» обезвредили вовремя» – статья об удалении гигантской опухоли; «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю...» статья о премьере пушкинских «Маленьких трагедий» на татарском языке.

К прецедентным текстам можно отнести заголовки, связанные с художественной литературой, устным народным творчеством, духовными текстам. Примерами могут послужить следующие прецеденты: «О, дивный книжный мир...» - статья о читательских предпочтениях казанцев, о вложении денег в потребительский кооператив «Кредит центр» – «Граждане, храните деньги в сберегательной кассе. Если они, конечно, у вас есть...», о реконструкции нижекамского автовокзала – «Автовокзал: продать нельзя оставить», о праздновании Масленицы – «Гори, гори ясно, чтобы не погасло», о благотворительной акции в пользу приюта для бездомных животных - «Протянули «Лапу любви» и другие.

Группа прецедентные имена включает индивидуальное имя как абстрактную категорию, вызывающую ассоциацию с именами людей, образов. Примеры данной группы немногочисленны: о смешанных дуэтах в синхронном плавании – «Казанский Ихтиандр»; о росте числа заболевших: «Омикрон» всюду гуляет»; «Созвездия» встретятся в суперфинале» - о фестивале эстрадного искусства; «Нуриевские сезоны» в Казани» статья о культурном проекте в Татарстане; «От «Незнайки» до «Онегина» - материал о гастрольях Ярославского театра.

Прецедентные ситуации связаны с общеизвестными событиями исторического, художественного, спортивного, бытового значения. Например: «Что значит «поставить ребёнка на ноги» - статья о помощи детям при трудоустройстве; «Максимальный репост»: переселенцы из Донбасса просят помочь в поисках родных». Отметим, что такие случаи в текстах, исследуемых региональных СМИ, носят единичный характер.

Используя количественный метод при подсчете выявленных примеров использования прецедентного феномена, была составлена диаграмма с наглядным процентным соотношением прецедентных феноменов (см. Рис. 1 – Соотношение прецедентных феноменов).

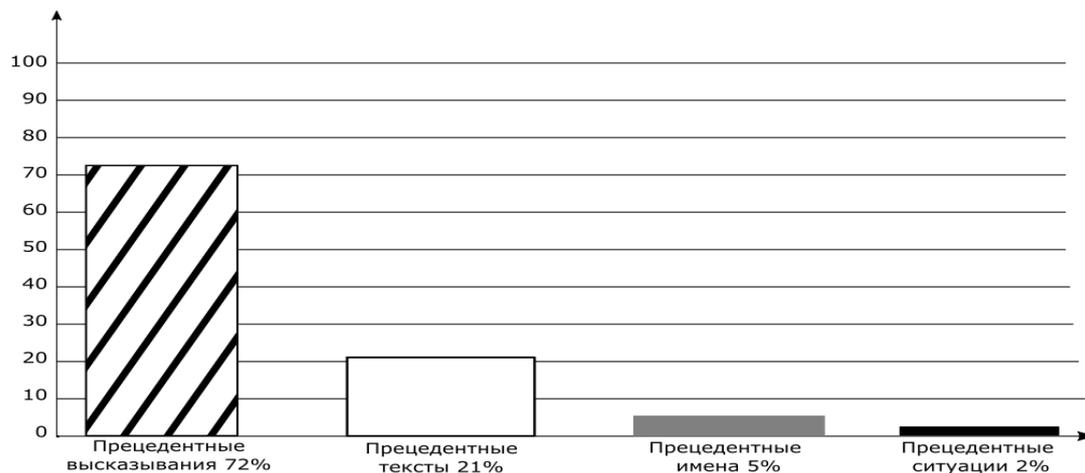

Рис. 1 – Соотношение прецедентных феноменов

Как видно из диаграммы, наибольшей частотностью использования в СМИ обладают прецедентные высказывания, составляющие от общего числа обнаруженных нами прецедентов 72%, вторая группа представлена прецедентными текстами – 21 %, прецедентные имена малочисленны в дискурсе печатных СМИ РТ – 5 %, прецедентные ситуации единичны в своей представленности – 2 %.

Следует отметить разнообразие сфер-источников пополнения прецедентных феноменов. Обычно в качестве выделяют художественную литературу и фольклор, мифологию, музыку, политику, экономику, кино, спорт, кулинарное дело, изобразительное искусство, сценическое искусство, моду, науку, средства массовой информации, религию, экологию, криминальную сферу и другие.

В ходе исследования была предпринята попытка лингвистического анализа специфики функционирования и представленности прецедентов в СМИ. Тематическая группировка прецедентных феноменов в полном объеме присутствует в заголовках газет Республики Татарстан.

Список литературы

1. *Ахмедова С.Н.* Феномен прецедентности в современных лингвистических исследованиях //Филология и литературоведение. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://philology.snauka.ru/2015/02/1186> (дата обращения: 14.04.2022).
2. *Банникова С.В.* Концептуальная основа прецедентных феноменов (психолингвистический эксперимент) //Современная филология: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). – Уфа: Лето, 2011. – С. 7-10.
3. *Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования: монография; Московский государственный лингвистический ун-т. - Москва: Азбуковник, 2009. – 334 с.
4. *Караулов Ю.Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1996. – С.105 -126
5. Сайт газеты «Нижнекамская Газета» Режим доступа: <https://nk-online.ru> (Дата обращения 14.04.2022)
6. Сайт газеты «Республика Татарстан» Режим доступа: <https://rt-online.ru> (Дата обращения 12.04.2022)
7. Сайт газеты «Челнинские известия» Режим доступа: <https://chelny-izvest.ru> (Дата обращения 12.04.2022)
8. Nørretranders T. The User Illusion: Cutting Consciousness Down to Size, 1998, P. 467

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов, ¹Н.Х. Шарафутдинова, ²С.Г. Аксенов, ²В.Д. Чистонов,
¹Э.А. Гурьянова, ¹А.А. Хазиманова, ¹С.М. Шамсутдинов, ¹Р.Н. Зигитбаев, ¹М.Р. Гайсин

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет

**ЮБИЛЕЙНЫЙ ПРОЕКТ «65 ЛЕТ СОЮЗУ ЖУРНАЛИСТОВ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН— 65 ПЕРВЫХ ЧЛЕНОВ СОЮЗА
ЖУРНАЛИСТОВ СССР ИЗ БАШКОРТОСТАНА (1957—2022 ГГ.)»**

«В 1957 году было организовано Башкирское отделение Союза журналистов СССР, которое после нескольких переименований стал Союзом журналистов Республики Башкортостан. В 2022 году исполнится 65 лет Союзу журналистов Республики Башкортостан, в рамках юбилейных мероприятий запланирован юбилейный проект «65 лет Союзу журналистов Республики Башкортостан— 65 первых членов Союза журналистов СССР из Башкортостана (1957—2022 гг.)».

Ключевые слова: *Союз журналистов РБ, журналистика, первые члены Союза журналистов СССР.*

65 новых членов Союза журналистов СССР из Башкирской АССР характеризовало то, что самому возрастному было 58 лет в 1957 году (Бикбулатов Мухамет Ахметович), а самому молодому 25 лет (Ахтамьянов Ихсан Насибуллович). После принятия решения об усилении идеологической работы на уровне Башкирского Областного комитета КПСС было образовано в г. Уфа Башкирское отделение Союза журналистов СССР в октябре 1957 года. В протоколе №2 от 2 октября 1957 значится 32 первых членов Союза журналиста СССР, в протоколе №3 от 9 октября — 17, в протоколе №9 от 23 октября 1957 года 16 новых членов [1]. Произошло объединение творческой интеллигенции из числа редакторов, журналистов, литераторов всех крупных издательств Башкирской АССР. Появление данного Союза журналистов СССР дало мощный толчок в творческом начале, особенно среди молодых литераторов, т.к. помимо самого молодого 25-летнего Ахтамьянова Ихсана Насибулловича, были его ровесники 26-летние: Зарипов Радик Файзуллович, Найманов Ядгар Алюкович и Габсалямов Зуфар Ризванович, которые в дальнейшем станут известными литераторами в Башкирской АССР. Самым малочисленным отрядом были представлены женщины: Рафикова Хадия Абдулхаковна, 1905 г.р.; Щербинина Зинаида Афанасьевна, 1906 г.р.; Валеева Марьям Хадыевна, 1909 г.р.; Сангурская Вера Владимировна, 1911 г.р.; Гайнетдинова Газима Мингазовна, 1921 г.р.; Герасимова Евгения Григорьевна, 1922 г.р., что составило 9,2% от всего первого состава членов Союза журналистов СССР. Призыв в Красную Армию в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. заканчивался гражданами СССР 1927 года рождения, которые попадали на фронт на 2—3 месяца в самом конце войны. Только двое членов Союза журналистов СССР оказались 1927 г.р. — Вахитов Габдулхамит Габдулвахитович и Туманов Виталий Леонидович. Наибольшую жизненную активность проявляли молодые люди 1925—1926 года рождения, поэтому в Союз журналистов СССР наибольшими группами оказались урожденные в 1926 году — 5 членов (Аминев Зиннат Ганеевич, Кизин Юрий Павлович, Халилов Марат Аитбаевич, Гумеров Файзи Муллагалеевич, Трегубов Иван Александрович) и 1925 году — 4 (Сафин Ханиф Шаяхметович, Трофимов Владислав Александрович, Печищев Петр Васильевич, Яныбаев Шакирьян Махиянович). Из многочисленных групп первых членов выявлены члены Союза

журналистов 1913 года рождения — 4 (Хайруллин Резяп Хайруллович, Фаттахов Закий Ахмедович, Лалетин Александр Васильевич, Гареев Хамит Низапович) и 1921 года рождения — 5 (Матвеев Георгий Михайлович, Гайнетдинова Газима Мингазовна, Валеев Ярулла Нусратович, Мухаметзянов Фаик Тимирзянович, Вахитов Шайхел-Шозя Габадиевич).

Собрать всех первых членов Союза журналистов СССР в один юбилейный сборник было спонтанным решением, но поворотным решением для сбора и его печати стало удивительное одинаковое соотношение цифр: 65 лет Союзу журналистов Республики Башкортостан — 65 первых членов Союза журналистов (согласно первым трем протоколам Башкирского отделения Союза журналистов СССР). Половина из них участники и работники тыла Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., награжденные медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», т.е. это люди, проявившие подвиг на фронте и в тылу, поэтому многие публикации, связанные с военной тематикой, находят живой отклик у читателей. Героизм советского народа — это тема, которая и сегодня требует тщательного изучения и появления публикаций на всех информационных платформах интернета, средств массовой информации, радио и телевидения, как основной ресурс XXI века. Вот биография одного из журналиста первого приема — Галеев Гайнислам Миргалеевич (1910, д. Угузево Шарыповской вол. Уфимского у. Уфимской губ., ныне Кушнаренковского р-на РБ - ?), участник Великой Отечественной войны. Учился во Всесоюзном коммунистическом институте журналистики (1935-38, Москва), окончил ВПШ при ЦК ВКП (б) (1950). В 1931—1933 гг. работал заместителем редактора, 1933—1935 гг. — редактором Кармаскалинской районной газеты «Колхоз юлы». 1938—1939 гг. — заместитель заведующего, 1939—1941, 1946—1947 гг. — заведующий Башкирским отделением и собкор ТАСС (Уфа). Директор Башкирского книжного издательства (1950—1955), заведующий отделом партийной жизни республиканской газеты «Кызыл Тан» (1955—1956). Награжден орденом Красной Звезды.

Все первые кандидатуры прошли тщательный отбор в Обкоме КПСС и были согласованы для приема. Время показало, что выбор на них был не случаен и все они оправдали доверие своим журналистским делом. Интересно сложилась судьба одного из первых членов Союза журналистов СССР и члена Союза писателей Башкирской АССР Зулькарнаева Гали Камаловича: «...он принимал активное участие в работе писательской организации Башкирии. 14 сентября 1945 года по решению Башкирского обкома ВКП(б) он был назначен ответственным секретарем Союза писателей республики. На этом посту он сменил Рашита Нигмати, который, как известно, был довольно мягким человеком, не способным на жесткие меры, чего требовала партийная верхушка. Обстановка над писателями Башкирии постепенно сгущалась. 14 августа 1946 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». 22 октября того же года бюро Башкирского обкома партии приняло постановление «Об ошибках в башкирской литературе и недостатках в работе Союза писателей республики». В нем серьезной критике за «национализм, искажение исторической действительности, рифмоплетство и т.д.» подверглись писатели Мухаметша Бурангулов, Мухитдин Тажи, Василий Трубицын, Джалиль Киекбаев, Баязит Бикбай, Гариф Гумер, Шакир Насыров. По всей видимости, Гали Зулькарнаев не «оправдал доверия партии», поскольку не смог организовать очередную чистку среди писателей. Бюро обкома посчитало работу правления Союза писателей (председателя Сайфи Кудаша и ответсекретаря Гали Зулькарнаева) неудовлетворительной. Гали Камалович был освобожден от должности ответственного секретаря. Оценивая ситуацию с высоты сегодняшнего времени, наверное, следует отдать должное Гали Камаловичу за то, что в столь тяжелое и неоднозначное время, он не стал рьяно выполнять указания партийных органов и сохранил писательские кадры, рискуя собственным благополучием и положением. Гали Зулькарнаев остался в памяти и как замечательный переводчик. Он талантливо перевел на башкирский язык повесть Веры Пановой «Спутники», романы «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Николая Островского, «Севастопольские рассказы» Льва Толстого, «Записки охотника»

Ивана Тургенева и другие произведения русских и советских писателей. Он является автором книги «Башкирская печать за 25 лет» (1944), многочисленных детских рассказов, литературоведческих статей о путях развития башкирской поэзии и прозы, творчестве Мажита Гафури, Габдуллы Амантая и других писателей, автором-составителем справочника «Писатели советской Башкирии» (1955)» [2].

Юбилейный проект «65—65» создавался на данных архивной работы, дополнительно были задействованы районные филиалы Национального музея Республики Башкортостан. Например, исчерпывающую информацию в личной переписке предоставила Айсылу Ниловна Шарифьянова, директор МАУ «Татышлинский историко-краеведческий музей» о своем земляке народном поэте Башкортостана Ангаме Касимовиче Атнабаеве [3]. По архивным документам наблюдается интенсивная активность по проведению заседаний Башкирского отделения и его секций особенно в 1957 году во время становления Башкирского отделения. Руководители подразделений культуры (СМИ, радио, телевидение) в Башкирской АССР возглавили первые члены Союза СССР: Рамазанов Гилемдар Зигандарович, Дашкин Ремель Миргазианович и др.

Создание юбилейного сборника «65—65» о первых членах Союза журналистов СССР в Башкирской АССР стало необходимым для заполнения информационного «провала» о людях, внесших значительный вклад в развитие журналистики в Башкирской АССР.

Выводы:

1) Первые члены Союза журналистов СССР своей активной творческой и общественной деятельностью положили начало для создания Союза журналистов Республики Башкортостан, который входит в пятерку самых многочисленных региональных организаций в Российской Федерации.

2) Юбилейный проект «65 лет Союзу журналистов Республики Башкортостан — 65 первых членов Союза журналистов СССР» позволит объединить в одном издании пионеров творческого союза и кратко ознакомиться с их творческим наследием.

Список литературы

1. Киньябулатов А.У., Шарафутдинова Н.Х., Аксенов С.Г., Чистонов В.Д., Даутбаев Д.Г., Зайнуллин А.В., Хуснуллин В.Р., Муратшина А.А., Сангинов Б.Ф. 65 лет на страже здоровья и развития спорта — юбилей Союза журналистов Республики Башкортостан (1957—2022 гг.). Казанская наука, 2022, №3 — С.27-29.
2. <https://vecherka.su/articles/society/114531/>
3. tikmuz.ru

10.01.10

В.Л. Кондратская

ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
kondratskaya@mail.ru

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА. КРЫМСКИЙ ФОРМАТ

В предлагаемой статье утверждается особая роль социальной журналистики при формировании системы ценностей и социальных приоритетов как современного общества, так и общества ушедших веков. Проводятся параллели с историей благотворительности в Крыму в прошлом веке и в наше время, уточняются перспективы и наиболее значимые векторы развития благотворительных движений в регионе.

Ключевые слова: *социальная журналистика, благотворительность, меценатство, общество, реформа.*

В 21 веке мир заботят не только геополитические противоречия, экологические проблемы и будущее криптовалюты, как никогда становится актуальной тема гуманизма и благотворительности. В Крыму особая история благотворительных мероприятий: эти традиции были заложены ещё несколько веков назад.

В рейтинге частной благотворительности (World Giving Index) Россия по итогам десяти лет исследований в 2019 г. заняла 117-е место из 126 стран. Игнорирование благотворительности современных российских нуворишей и общества в целом контрастирует с традициями дореволюционной России, а также значительным масштабом благотворительности в развитых странах. Этим объясняется **актуальность** данной научной статьи в современных крымских реалиях: опираясь на российские традиции, понять, почему состоятельные люди дореволюционной участвовали в благотворительных акциях

Наша **цель** заключается в том, чтобы провести параллель между прошлым и будущим благотворительности в Крыму и описать освещение этой темы в медиа. Благотворительность становится важным институтом жизни общества в различных странах, и она очень необходима России.

Согласно «Большой российской энциклопедии», благотворительность – это бескорыстная добровольная помощь нуждающимся, не способным собственным трудом обеспечить себе необходимые средства. Деятельность регулируется законодательством и учитывается статистикой [1].

После Отечественной войны 1812 года был основан «Комитет 18 августа 1814 года» (позже переименованный в Александровский комитет о раненых). В это же время стали выходить газеты «Русский инвалид» (1813-1917) и «Журнал Императорского Человеколюбивого общества» (1817-1826). Эти периодические издания были первыми в России СМИ, созданными для обсуждения и популяризации дел благотворительности.

Впоследствии деятельность благотворителей освещалась в таких периодических изданиях, как «Вестник народной помощи» (1877-1880), «Друг слепых» (1886-1888), «Вестник благотворительности» (1897-1902), «Трудовая помощь» (1897-1917), «Призрение и благотворительность в России» (1912-1917) и многих других. Во времена Советской России тема помощи и благотворительности сошла на нет. Возрождение благотворительности в постперестроечной России пришлось на конец 80-х годов XX века. В то время был образован Детский фонд (1987 год), Фонд милосердия и здоровья (1989 год), постепенно начала возрождаться и частная благотворительность.

«День белой ромашки», или «День белого цветка», появился в России в 1911 году (а был основан в Швеции, в 1908-м). В этот день волонтеры за пожертвования раздавали белые бумажные ромашки. Собранные таким образом деньги шли туберкулёзным больным. А ещё в этот день проходили благотворительные базары и концерты. Акция «Белый цветок». С 1911 г. для борьбы с «чумой столетия» – туберкулезом – стали проводиться под покровительством Царской семьи, тратившей личные средства на дела милосердия, «Дни белого цветка». В Ялте праздник проходил с особым размахом: в его проведении Царская семья принимала личное участие. В 1912-1914 гг., во время приезда в царское южнобережное имение Ливадия, Императрица Александра Фёдоровна организовала 4 благотворительных базара в поддержку акции, а царские дети вместе со всеми горожанами собирали пожертвования на набережной. В Ялте в «Белом цветке» принимала участие вся царская семья. В 1911-1914 годах императрица Александра Фёдоровна лично организовывала в Ялте благотворительные базары в пользу туберкулёзных больных. На набережной монтировались павильоны, один из которых украшался лиловой тканью (императрица очень любила лиловый цвет) и глициниями – в нём торговала сама Александра Фёдоровна с дочерьми.

Крым всегда занимал особое место в истории российской благотворительности. В 1900-х годах на Южном берегу Крыма на благотворительные пожертвования были построены бесплатные больницы и лечебные санатории для неимущих больных. Врачи, сами вылечившиеся в Крыму от туберкулёза, стали инициаторами организации в Ялте попечительства для приезжих больных. Специалисты бесплатно принимали пациентов в Ялтинской амбулатории два раза в неделю. Чехов начал сбор пожертвований на пансион для необеспеченных больных и собрал более 70 тыс. рублей (тысячу пожертвовал Лев Толстой).

Как пишет в своей работе Ж.В. Соколова, в фондах Государственного архива Республики Крым хранится и еще мало исследовано большое число документов, свидетельствующих о ярких примерах благотворительности и меценатства. В качестве одного из примеров она приводит дело о создании странно-приимного дома Таранова-Белозерова в Симферополе.

Сейчас в Крыму существует несколько крупных благотворительных организаций. Наиболее известная организация называется «Добро мира – Волонтеры Крыма» (<https://volonterykruma.ru>). Свою миссию на сайте организация описывает как вовлечение людей в добровольчество и популяризация идей взаимопомощи. Для этого волонтеры осуществляют разноплановые проекты: от комплексной помощи нуждающимся до проведения массовых общественных мероприятий. Всем в Крыму известны имена руководителей организации Леры Петрусевич и Натальи Мартынец. Помощь пожилым и одиноким людям, работа с беженцами, поддержка ребят в интернатах и сбор вещей для нуждающихся, сбор денег для срочной помощи больным детям. Частые интервью на каналах Крым24, Первый Крымский, Вести Крым, активная работа в соцсетях делают дистанцию между людьми, которые нуждаются в помощи и благотворительной организацией очень короткой, а доверие людей заслуженным. Вот основные направления работы фонда: «Донор Добра», «Преображая город», «Эко Крым», «Добрая старость», «Помощь детским домам Крыма», «Дом для вещей», «Здоровое детство Крыма». «Мы делаем Крым лучше, ярче, насыщеннее» – это слоган «Добро Мира – Волонтеры Крыма» и это очень заметная деятельность.

Также в Крыму всем известна деятельность иерея Дионисия Волкова, настоятеля Свято-Екатерининского храма в Симферополе. На базе храма существует благотворительный центр помощи нуждающимся, отец Дионисий – соучредитель первого детского хосписа.

Настоятель Свято-Екатерининского храма в Симферополе запускает три новых направления благотворительной деятельности. Так, Братство православных разведчиков-следопытов будет взаимодействовать с поисковым отрядом «Лиза Алерт». В интервью журналу «Собака» (<https://www.sobaka.ru/crimea/city/society/88399>) отец Дионисий говорит: «Сегодня на базе храма действует приходская воскресная школа, проходят встречи с психологом, дети обучаются иностранным языкам. Один из первых наших проектов

«Колыбель милосердия» – для тяжелобольных брошенных детей волонтеры покупают лекарства и нанимают социальных нянь. Проект существует на благотворительные средства, сейчас он уже перерос в благотворительный фонд, который работает автономно». Под патронатом отца Дионисия проходит сбор средств на строительство Первого детского хосписа <https://crimean-hospice.ru/>. Студенты-журналисты КФУ им. В.И. Вернадского провели акцию в поддержку хосписа «Кораблик надежды».

«Помощь окружающим должна стать нормой, а не подвигом отдельного человека», – говорит отец Дионисий в интервью журналу и подтверждает это своей деятельностью. Тема благотворительности и меценатства регулярно появляется в СМИ. Но освещая данный вопрос, И. М. Дзялошинский называет основное отличие традиционной журналистики от социальной: «традиционная журналистика считает, что ее дело – давать гражданам информацию и мнения. Сторонники социальной журналистики полагают, что журналисты обязаны предоставлять людям информацию, которая им необходима для принятия решений в обществе самоуправления, и способствовать тому, чтобы читатели, зрители, слушатели становились активными участниками общественной жизни» [3]. Таким образом, социальная журналистика – это особый вид «журналистики соучастия», «гражданской журналистики». Стараниями и щедростью благотворителей в России создавались театры и музеи, коллекции картин и памятников искусства, центры духовной жизни.

Необходимо развивать традиции благотворительности, сложившиеся на протяжении длительного периода времени в Крыму, это снизит остроту противоречий между разными слоями общества, поспособствует сохранению элементов гражданского общества и гуманизма в период острой социальной напряженности. Кроме того, благотворительность, меценатство могут усилить развитие гражданского общества и его институтов в России.

Список литературы

1. Большая российская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. Т.3. М., 2005. 640 с.
2. Благотворительность и меценатство в России. Энциклопедический справочник / Гл. ред. В. П. Шпалтаков. Омск, 2021. 295 с.
3. Благотворительность в XIX – начале XX в. [электронный ресурс]: <https://studbooks.net/656065/sotsiologiya/>. Проверено: 05.04.2022.
4. Дзялошинский И.М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям М.: Престиж, 2006. 104 с.
5. История благотворительности в России [электронный ресурс]: http://sibiriakov.sobspb.ru/blagotv/ist_blag/.htm. Проверено: 05.04.2022.
6. Соколова Ж.В. Из истории меценатства и благотворительности в Крыму // Научный вестник Крыма. № 4. 2016. С. 1–6.

10.01.01

Г.В. Мишина канд. филол. наук, Т.А. Цыганкова

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Стерлитамак, g.v.mishina@strbsu.ru, cyqta.nia.tsygan.kova@yandex.ru

**«ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ» КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОВОКАЦИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. АКУНИНА ОБ ЭРАСТЕ ФАНДОРИНЕ**

В работе освещается проблема функциональности «вторичного текста» в цикле произведений Б. Акунина об Эрасте Фандорине. Рассмотрена поэтика «вторичного текста» в романах «Алмазная» колесница», «Турецкий гамбит», «Смерть Ахиллеса» и др. Выявлены некоторые источники заимствований. Систематизированы формы и способы заимствований.

Ключевые слова: *Б. Акунин, вторичный текст, первичный текст, заимствования, цитата.*

На современном этапе развития литературоведения учёные всё чаще обращаются к категории вторичности. Понятие «вторичный текст» было заимствовано литературоведами из информационного пространства, где объектом изучения были научно-технические тексты. Позже рамки понимания вторичности расширились, это подтверждается разнообразием подходов к трактовке термина «вторичный текст» [7, 10, 12]. Теория вторичности текста на сегодняшний день находится в стадии становления. Разрабатываются понятия, классификации, терминологическая база. Целью данной статьи является изучение функционирования «вторичных» текстов в творчестве Б. Акунина.

Термин «вторичный текст» в активное использование был введён М.В. Вербицкой, которая в своих исследованиях опиралась на труды М.М. Бахтина. М.М. Бахтин характеризует текст действенной направленностью [6, с. 73-88]. То есть текст ориентирован на предмет речи и на чужую речь. Следуя идеям М.М. Бахтина, М.В. Вербицкая предлагает вторичными текстами называть подражание стилю писателя, художественному произведению, литературному направлению. По мнению М.В. Вербицкой, вторичный текст служит разным целям и выражается в разных формах: стилизация, пародия, перифраза. Вторичный текст изображает объект через призму существующего произведения – протослова [7, с. 8].

Своеобразной энциклопедией вторичных текстов является цикл произведений Б. Акунина о приключениях Эраста Фандорина. В центре повествования Эраст Петрович Фандорин – сыщик, который расследует загадочные преступления, что способствует его свободному перемещению в культурно-исторических контекстах. В свои детективные романы Б. Акунин вплетает элементы множества художественных произведений русской и зарубежной литературы.

К. Ковалёва считает, что включение первичных текстов в произведения об Эрасте Фандорине помогает Б. Акунину создать «многоуровневые произведения» [9]. Заимствования позволяют наслаивать смыслы и образы, делать героев и сюжеты потенциально многозначными. Произведения Б. Акунина наполнены аллюзиями, реминисценциями, цитатами, которые интеллектуально провоцируют читателя.

Анализ акунинских текстов позволил нам выявить несколько типологических моделей вторичности. Приведем несколько примеров.

1. Использование архетипических образов героев литературы и мифологии с изменением имени, но с сохранением особенностей портретной или образной характеристики.

В романе «Весь мир театр» изображен герой, образ которого можно отнести к данному уровню заимствования. Антон Иванович Мефистов, фамилия которого созвучна с именем персонажа демонического типа «Фауста» И.В. Гёте, в театре играет «злодеев». Практически в каждом эпизоде, в котором появляется Мефистов, кто-то из других героев называет его «злодеем». Образу Мефистова присуща язвительность: «Антон Иванович Мефистов высказывал язвительные предположения по поводу «импозантных седин» [2, с. 148]. Одной из характерных черт Мефистофеля у Гёте также является его склонность к иронии и шуткам: «Но попрошу мне волю предоставить / Тебя моим искусством позабавить» [8, с. 45]. Совпадают и детали портретной характеристики указанных героев.

По данной модели, на наш взгляд, Б. Акуниным созданы образы Ахимаса, Фатимы, Пелфа из романа «Смерть Ахиллеса». В качестве первичного текста здесь выступает древнегреческий миф об Ахиллесе.

2. Заимствование литературных героев произведений других авторов, с сохранением имён и образной характеристики.

В романе «Любовница смерти» представлен целый ряд образов героев, которых можно отнести к вторичным. Б. Акунин использует имя главной героини романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» Маши Мироновой: «А теперь извините – Марья Ивановна Миронова достигла совершеннолетия и может устраивать жизнь по собственному разумению» [3, с. 11]. В романе Акунина создан образ девушки Маши Мироновой, которая приехала из Иркутска в Москву. Далее героиня берёт псевдоним и становится Коломбиной. Это заимствование отсылает к французской комедии дель арте, а также к пьесе А. Блока «Балаганчик». В романе «Любовница смерти» и пьесе «Балаганчик» представлены следующие герои: Коломбина, Пьеро, Арлекин. Общее в произведениях – не только имена героев, но и мотив смерти. Коломбина являет собой образ смерти, которой ждут герои. В соответствии с этим клуб самоубийц, в котором состоят акунинские герои, называется «Любовники Смерти».

А. Ранчин в акунинском романе «Любовница смерти» находит заимствование имени – Гэндзи. Фандорин, вступая в общество «Любовников Смерти», называется себя принцем Гэндзи. Это герой японского романа «Гэндзи-моногатари», написанного в XI веке Мурасаки Сикибу. Фандорина и принца объединяет то, что они являются приверженцами новых ценностей [11, с. 241].

К этой же группе вторичности можно отнести таких героев романа, как Просперо и Калибан. Имена этих героев были заимствованы из пьесы У. Шекспира «Буря». Использование героев произведений классической литературы позволяет писателю, опираясь на канон их читательского восприятия, нанизывать на аутентичные образы новые смыслы.

3. Цитация первичных текстов с указанием источника и без указания источника.

Знарок японской культуры в Б. Акунин приводит в романе «Алмазная колесница» хокку японской поэтессы XVIII в. Тиё-ни «Мой ловец стрекоз / О, как же далеко ты / Нынче забежал...» [1, с. 620]. Это хокку становится лейтмотивом первого тома романа «Алмазная колесница» – «Ловец стрекоз». Строки объясняют заглавие, заключают в себе основную тему произведения. Тиё-ни написала свое стихотворение на смерть маленького сына. В романе Акунина умирает японский шпион Рыбников, который оказывается сыном Фандорина и Мидори. Но сам Эраст Петрович не знает о существовании наследника и, когда стремится поймать и разоблачить шпиона, испытывает странную тяжесть на сердце.

Наиболее частотными источниками цитаций у Акунина, по нашим наблюдениям, является творчество Пушкина, Гёте, Шекспира, Достоевского. Как правило семантика первичного текста сохраняется и во вторичном варианте.

4. Введение в художественное пространство образов реальных исторических лиц.

В ходе анализа романа «Турецкий гамбит» нами были выявлены прототипы некоторых героев. М.Д. Соболев с большой долей вероятности является художественным воплощением российского генерала М.Д. Скобелева, участника Русско-турецкой войны, освободителя Болгарии. Скобелев известен как «Белый генерал», так как в сражениях он принимал участие всегда в белом мундире и на белом коне. В портрете М.Д. Соболева у Б. Акунина выделены

именно эти черты: «всадник в белоснежном мундире» [5, с. 26], «белый мундир с золотыми плечами» [5, с. 24], «вошёл Соболев в распахнутой белой шинели» [5, с. 212]. На протяжении всего романа Соболев не раз назван Белым Генералом. Ещё одним доказательством того, что прототипом М.Д. Соболева является генерал М.Д. Скобелев – это загадочная смерть героя. Трагическая гибель М.Д. Соболева описана в романе «Смерть Ахиллеса». Генерал найден в гостиничном номере, его гибель произошла при странных обстоятельствах. Смерть реального М.Д. Скобелева также была окутана тайной. Герой и его прототип погибли в одном возрасте – 38 лет.

К той же категории вторичных можно отнести таких персонажей «Алмазной колесницы», как Гукмасов, Берещагин, Шеймас Маклафлин, Криденер. Исторический фон у Акунина служит для масштабирования повествования и создания иллюзии реалистичности.

Основываясь на результатах проведенного анализа, можно сделать некоторые предварительные выводы. Благодаря актуализированной функциональности «вторичных текстов» произведения Б. Акунина становятся многослойными с точки зрения смысловой насыщенности. Этот вид произведений вызывает особый интерес, так как читатель становится непосредственным участником литературной игры. В своих произведениях Б. Акунин интерпретирует известные сюжеты, заимствует имена и образы реальных исторических лиц и вымышленных героев, включает в текст повествования цитаты из мировой и классической русской литературы.

Список литературы

1. Акунин Б. Алмазная колесница. М.: «Захаров», 2017. 690 с.
2. Акунин Б. Весь мир театр. М.: «Захаров», 2017. 398 с.
3. Акунин Б. Любовьница смерти. М.: «Захаров», 2017. 246 с.
4. Акунин Б. Смерть Ахиллеса. М.: «Захаров», 2017. 363 с.
5. Акунин Б. Турецкий гамбит. М.: «Захаров», 2017. 224 с.
6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 73-88.
7. Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка). М., 2000. 221 с.
8. Гете И.В. Фауст: трагедия. М.: АСТ, 2008, 461 с.
9. Ковалёва К. Интертекстуальность как стилиобразующее средство в постмодернистском проекте «Б. Акунин». [Электронный ресурс] URL: <http://os.x-pdf.ru/20kulturologiya/744386-1-k1-kovaleva-intertekstualnost-kak-stileobrazuyushee-sredstvo-pos.php> (дата обращения 20.02.2021).
10. Новиков А.И., Сунцова Н.Л. Концептуальная модель порождения вторичного текста // Обработка текста и когнитивные технологии. 1999. № 3. С. 158-166.
11. Ранчин А. Романы Б. Акунина и классическая традиция: повествование в четырёх главах с предувещанием, нелирическим отступлением и эпилогом // Новое литературное обозрение. 2004. № 67. С. 235–266.
12. Сухая Е.В. Тексты первичной и вторичной информативности в сфере научной коммуникации // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. 2011. № 3. С. 64-67.

10.01.10

М.С. Штейман канд. филол. наук

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Кафедра литературоведения и журналистики,
Елец, shteiman.marina@mail.ru

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматривается специфика функционирования региональных масс-медиа Российской Федерации в условиях формирования рыночных отношений и ослабления влияния федеральной прессы. Выделяются факторы трансформации местной периодики на современном этапе. Методология исследования основана на понимании необходимости выработки новой стратегии развития локальных средств массовой информации.

Ключевые слова: *конвергенция, масс-медиа, контент, аудитория, региональные СМИ, социальные сети, мультимедиа, интернет.*

Сегодня российские СМИ по-прежнему остаются институтом общества, который выступает посредником между информационными интересами массовой аудитории и миром событий. Местные издания, редакции которых ближе к своим читателям, телезрителям, радиослушателям, в этом отношении занимают достаточно последовательную, социально адекватную позицию. В условиях активного внедрения в информационном пространстве инновационных коммуникативных технологий ключевым фактором для печатных масс-медиа на данном этапе развития является процесс конвергенции. Современные редакции многих массовых газет в большом количестве используют видеоконтент, размещаемый на сайтах издания, в том числе они стремятся к созданию мобильных приложений для различных устройств. Интернет-платформа становится и важным дополнением к печатной версии издания, и весьма востребованным каналом распространения информации, что позволяет привлекать потенциальных читателей и рекламодателей, более оперативно распространять новости, предоставляя широкие возможности использования мультимедийного контента. Создание интернет-версии печатных изданий становится приоритетным направлением деятельности этого вида СМИ. При этом, отметим, что качество сайтов и по наполнению, и по способам подачи материала далеко не всегда удовлетворяет потребителя. Это касается региональной прессы, отстающей от федеральных изданий в использовании мультимедийных ресурсов. Но, очевидно, что функционирование и усовершенствование онлайн-версий неизбежно, ибо, как показывает практика, только благодаря интересному контенту, представленного на современных платформах, можно удержать прежнюю и привлечь новую аудиторию. Отечественная региональная периодика, осознающая требования времени, приходит на площадки различных социальных сетей. В частности, областная общественно-политическая газета «Липецкая газета» обеспечила свое присутствие в следующих соцсетях: «ВКонтакте», «Одноклассники», а также Facebook, Instagram, Twitter (до их блокировки). Самая многочисленная аудитория представлена в «ВКонтакте» - новостной сайт просматривает более 3 000 пользователей, менее всего читателей в Twitterе – 100 пользователей (до его блокировки). Несмотря на присутствие этого издания в социальных сетях, они на данный момент дают небольшой трафик на сайт. Контент, размещаемый редакцией в популярных соцсетях, практически, не отличается от материалов, опубликованных в печатной версии. Чаще всего это заголовки газетных публикаций, снабженные фотографиями и видеосюжетами. Таким образом, «Липецкая газета» использует интернет-площадки для ретрансляции новостей. Но в целом газета демонстрирует нацеленность на активное продвижение издания в соцсетях: регулярно обновляется лента новостей, размещается достаточно фото и видеоматериалов.

Конвергентные редакции получили возможность оперативной реакции на запросы потребителей с помощью интерактивности, комментирования публикаций, функционирования специальной рубрики «Вопрос/Ответ». В Липецкой области подобные формы работы активно используют редакции газет «Грязинские вести» (г. Грязи), «Маяк» (с. Тербуны), «Звезда» (с. Становое). Еще одним важным результатом процессов конвергенции, обеспечивающим более продуктивные способы сбора, распространения информации и гарантирующим относительно стабильное финансовое положение региональных СМИ, стало появление издательских домов. В Липецкой области – это объединение ИД «Липецкая газета». Современный медиарынок Липецкой области находится в стадии становления. На данном этапе жители региона имеют доступ к 2000 наименований СМИ, из них около 100 – областные. По данным исследований, проведенных Управлением информационной политики Липецкой области, читатели больше доверяют материалам, опубликованным в региональных и муниципальных изданиях, чем в федеральных. Местные СМИ более полно удовлетворяют насущные потребности аудитории в получении информации конкретного населенного пункта, города, области. Печатные медиа в большей степени читают жители села 14% (из числа опрошенных). Городское население прессу читает меньше – 9%. При этом жители городов предпочитают газетно-журнальную периодику приобретать через розницу, а сельское население – по подписке. Общий разовый тираж региональных СМИ составляет 320 тыс. экземпляров. Через розничную сеть реализуется 38% тиража, 62% распространяется через подписку [3]. Как показывают исследования, для жителей области основным источником получения информации среди печатных изданий являются «Липецкая газета», «Липецкие известия» и местные газеты. Данные СМИ удерживают достаточно прочные позиции на информационном поле региона, отражая важные темы в жизни края и страны.

Администрация Липецкой области заинтересована не только в качественном контенте периодики, но и в профессиональном его исполнении. Важной формой взаимодействия региональных органов самоуправления и СМИ является заключение государственных контрактов на оказание услуг по освещению деятельности всех ветвей власти. С этой целью Управление информационной политики Липецкой области ежегодно проводит конкурсы на размещение информации в наиболее рейтинговых изданиях. Таким образом, жители региона имеют возможность получать более подробную информацию о событиях, происходящих в Липецкой области со страниц популярных СМИ. С 2005 года в областном бюджете стали закладываться средства на изготовление и размещение социальной рекламы, целью которой является формирование здорового образа жизни и утверждение гуманистических ценностей. Официальные власти региона демонстрируют стремление всячески стимулировать творческий потенциал редакций. С этой целью ежегодно проводятся областные конкурсы для журналистов на лучшее освещение деятельности администрации, реализации национальных проектов, вопросов благоустройства городов и сельских поселений, уборки урожая, реализации молодежной политики, пропаганды ЗОЖ, повышения престижа и значимости рабочих профессий, демографической политики, развития туристско-рекреационных зон. В целях повышения качества информации, распространяемой региональными масс-медиа, создаются условия для решения вопросов кадровой политики, уделяется внимание созданию системы непрерывной профессиональной подготовки и переподготовки журналистских кадров. Для обеспечения редакций журналистами-профессионалами была принята областная целевая программа «Подготовка, переподготовка и повышение квалификации журналистских кадров для средств массовой информации Липецкой области на 2004-2009 годы» [1]. На базе ЕГУ им. И.А. Бунина в рамках этой программы получили высшее журналистское образование более 100 человек. Сегодня эти выпускники университета успешно трудятся в редакциях не только региональных, но и многих федеральных СМИ. При финансовой поддержке областной администрации регулярно проводятся межрегиональные семинары, мастер-классы, круглые столы, тренинги для творческих и технических сотрудников редакций офлайн-изданий. Журналисты

Липецкой области ежегодно участвуют в крупномасштабных международных, всероссийских форумах и акциях.

По данным Управления информационной политики Липецкой области, основным достижением для печатных медиа региона стала реформа местных изданий, подготовка которой осуществлялась на протяжении длительного времени. Отметим, что в результате модификации с 2020 года все муниципальные газеты стали полноцветными; изменилась полосность и периодичность их выхода в свет: издания стали 16-полосными еженедельниками с программой телепередач и полосой региональной информационной повестки. Эти инновации позволяют впервые за многие годы снизить подписную цену на местные СМИ: в среднем снижение цены составило 120 рублей 47 копеек (-19,6%). По итогам подписных кампаний 2020-21 годов наблюдается, хотя и незначительный, но все-таки рост подписки на 1 299 экземпляров (+2%). В 2020 году Издательский дом «Липецкая газета» выпускал 7 областных СМИ: «Липецкая газета», «Липецкая спортивная газета», «Молодёжный вестник», «Золотой ключик», «Регион. Вести», журналы «Липецкая газета: Итоги недели» и «Петровский мост». Суммарный разовый тираж всех изданий составлял около 95 тысяч экземпляров. При этом в 2020 году была пересмотрена линейка региональной периодики. В связи с падением актуальности и читательского спроса газета «Молодежный вестник» трансформирована в молодежный онлайн-журнал «ЁЖ» (ezhonline.ru). Вместо еженедельника «Итоги недели» с февраля 2020 года начал издаваться новый ежемесячный журнал о перспективах развития региона «ЛИЦА Липецкой области» объемом 64 полосы. Тираж издания на 2021 год составил 3000 экземпляров [3].

На данном этапе в Липецкой области практически все локальные издания имеют онлайн-версию. Тем не менее для региональной периодики это только начало пути в интернет-пространство. К числу причин медленного процесса конвергенции можно отнести ограниченность бюджета редакций, недостаток штатных сотрудников соответствующего профиля, необходимого технического оборудования и т.д. Для решения обозначенных проблем за последнее время было проведено более десяти обучающих семинаров и тренингов для творческих сотрудников масс-медиа. В регионе впервые прошел Всероссийский образовательный медиафестиваль «Инфорум» при активном содействии Союза журналистов России, который насчитывал более 200 участников, из них 75% - представители Липецкой области. Также состоялись мастер-классы для тележурналистов, фотографов, дизайнеров, верстальщиков. По итогам этих мероприятий для сотрудников офлайн-медиа был подготовлен комплекс мер по редизайну изданий, улучшению качества их верстки и подготовки к печати. Кроме этого, был организован и проведен аудит верстки местных газет с привлечением известного дизайнера из Санкт-Петербурга Сергея Мешавкина. Для главных редакторов областных и районных СМИ прошли семинары, в которых участвовали приглашенные коучи [3]. Управлением информационной политики ЛО разработана перспективная программа развития региональной периодики. Важными задачами в осуществлении данного проекта являются: 1) повышение информированности читателей о реализации важных национальных проектов посредством организации пресстуров, медиакампаний и т.д.; 2) увеличение аудитории печатных изданий и в соцсетях; 3) совершенствование качества контента в региональной и местной периодике (проведение мастер-классов от ведущих российских журналистов при партнерстве с СЖ России); 4) организация тренингов по подготовке мультимедийного контента для офлайн-изданий; 5) проведение мастер-классов от известных блогеров и СММ-специалистов по продвижению контента в социальных сетях; 6) организация творческих конкурсов среди сотрудников средств массовой информации; 7) сохранение в регионе существующей сети киосков Роспечати [3].

Качество изданий – проблема не только конкретного издания, но всей медиаотрасли. Информационная политика в цивилизованном государстве должна быть осмысленной. Это значит – опирающейся на прочный теоретический фундамент, научный анализ развития и функционирования масс-медиа, профессиональную подготовку журналистских кадров.

Список литературы

1. Общество и СМИ: поиск формулы доверия: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию «Липецкой газеты» - Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. – 62 с.
2. Индекс развития медиасферы – 2018. Динамика институционального развития средств массовой информации в субъектах РФ верхнего уровня в 2015–2018 гг. // Фонд «Медиастандарт», Комитет гражданских инициатив. Москва, 2018. Режим доступа: http://www.msindex.ru/wp-content/uploads/2019/01/otchet-msindex-2018_final-na-sajt.pdf.
3. Сайт управления информационной политики Липецкой области. - Режим доступа: <https://www.admlr.lipetsk.ru>

10.01.10

¹Ю.В. Шуйская д-р филол. наук, ²О.О. Богомолов, ¹К.С. Смекалина

Московский университет имени А.С. Грибоедова,
¹кафедра теории и практики журналистики, современных медиакоммуникаций,
²кафедры истории журналистики и литературы,
Москва, shujskaya@yandex.ru, neincat@yandex.ru, kristinamiheeva1996@gmail.com

РОЛЬ МЕТОДОЛОГИИ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СМИ

В статье затронута тема правильного подбора методологической основы для популяризации исторического знания в СМИ. Верный выбор методов сбора и интерпретации информации обеспечивает правильное восприятие материала аудиторией. Актуальность продвижения исторического знания в современном мире растет, поэтому необходимо говорить о правильном методологическом подходе к осуществлению данной деятельности.

Ключевые слова: *Методология, метод сбора информации, история, СМИ.*

Методология журналистской деятельности относится к достаточно обширному разделу теоретической журналистики. Стоит отметить, что медиа сфера не имеет унифицированных классификаций теоретических изысканий. Таким образом, данное исследование строится на изучении, анализе и обобщении работ таких теоретиков, как А.А.Тертычный, Л.Г.Свитич, С.С.Распопова, М.Н.Ким и многих других.

Практическое значение методологии обуславливается его непосредственным применением в различных областях и сферах деятельности СМИ. Говоря про методы журналистской деятельности, нельзя не отметить факт безоговорочного их использования вне зависимости от вида средства массовой информации, будь то телевидение, печатная пресса, радио или онлайн-издания.

Сама методология журналистской деятельности может быть выведена из дефиниции понятия «журналистика» и иметь такие разновидности как:

- методы сбора информации;
- методы обработки информации;
- методы интерпретации информации;
- методы распространение информации.

Также стоит отметить, что в журналистике методы и методология связаны с личностью корреспондента. «Именно через методологию, методы познания журналист осознанно или неосознанно включает в структуру оценки свое убеждение, свои идеологические и иные пристрастия» [10, с. 17]. Об этом говорит Александр Алексеевич Тертычный.

Как уже было сказано выше, методология, в особенности методы сбора информации, используются для раскрытия различных сфер журналистской деятельности, в том числе для популяризации исторического знания.

Исследователи диспутируют о роли СМИ в популяризации истории. Так, например, журналисты могут воспринимать историков в роли ньюсмейкеров. На это обращает внимание Е.В. Барканова: «Историки, не являясь сегодня единственными «поставщиками» исторической информации, обеспокоены тем, что журналисты, получив информационный повод для освещения исторического события, личности, зачастую в погоне за сенсацией, не обращаются к специалистам и допускают в своих статьях существенные фактические ошибки, а некоторые «рассказывают о событиях с позиции желтой прессы» [2].

В свою очередь профессор Е.И. Федоринов [11, с. 32] считает, что «газеты, радио и телевидение» могут изменить общественное мнение насчет определенных исторических фактов. Но он сомневается в том, что они могут стать «источником серьезных исторических знаний».

Однако, несмотря на две противоположных точки зрения, мнение теоретиков можно подытожить мыслью о том, что основная проблема в популяризации любого знания, в том числе, исторического, заключается в профессиональной компетентности корреспондента и редакции в целом.

Ошибки кроются не только в неверной интерпретации тех или иных событий или необъективности, но и в неверном подборе жанра и методологии подготовки и формирования журналистского материала.

Прежде, чем приступать к созданию журналистского материала, необходимо определить цель публикации, ее задачи, а также проанализировать возможную реакцию аудитории и риски, связанные с неправильной интерпретацией. Далее журналисту необходимо определить жанр будущей публикации, а также подобрать методы сбора информации для достижения поставленной цели. После этого обработать полученные данные и уже потом создавать информационный продукт.

Нельзя говорить о популяризации исторического знания без такого понятия, как «экспертное мнение». Для того чтобы получить такое мнение, необходимо воспользоваться не только таким методом сбора информации, как интервью или беседа, но также и работой с документами и иными источниками для формирования целостной картины и объективного освещения поставленной проблемы. Интервью или беседа всегда требует тщательной подготовки, и, зачастую, эта подготовка включает в себя практически еще, как минимум, два метода, таких как наблюдение и работа с источниками.

«Экспертное мнение» – это также метод донесения информации. Он служит для того, чтобы убедить аудиторию в достоверности информации. Проведем аналогию с жанром «Письмо», который, по своей сути, является лишь формой воплощения, подачи материала. В нем используется психологическая установка на доверие, на расположение к себе. Читая письмо, человек невольно проникается к нему, считая чем-то личным, сокровенным, и воспринимая автора близким, добрым, искренним.

В большей степени именно экспертное мнение позволяет журналисту, занимающимся популяризацией исторического знания, демонстрировать свою объективность и непредвзятость. Например, монархист-журналист должен быть готов нейтрально написать новость о событиях Октябрьской революции, а коммунист-журналист должен непредвзято написать материал о распаде СССР. Именно в таком подходе заключается компетентность и профессионализм представителя средства массовой информации.

Об ошибках в интерпретации исторического знания с точки зрения журналистики говорит С.В. Белковский. Он считает, что журналисты могут «сравнивать настоящее с прошлым», при чем, как в пользу настоящего, так в пользу и прошлого. С точки зрения объективности это недопустимое обстоятельство. Также исследователь считает, что неприемлемо отождествление прошлого и настоящего, а также «отрицание какого-либо исторического развития». Более того, ошибкой он считает также «оправдание или объяснение настоящего прошлым».

Например, статью «Верные до гроба», опубликованную в выпуске журнала «Дилетант» №08 от 2018 года, написал Глеб Сташков. Данный материал посвящен расстрелу последнего российского императора Николая II, затрагивая судьбу тех, кто сопровождал монарха в его ссылке. Однако здесь стоит обратить внимание на личность самого Глеба Сташкова. Портал «ЛитРес» называет его популярным российским журналистом, обозревателем, историком, публицистом, автором современной прозы. [3] Помимо прочего, он является автором книги «Августейший бунт. Дом Романовых накануне революции», посвященной конфликтам в императорском доме, «где политика и борьба за влияние тесно переплелись с личными обидами и ссорами» [2]. Следовательно, как можно заметить, автор статьи «Верные до

гроба» заинтересован событиями, связанными с Романовыми во временах Октябрьской революции и начала Гражданской войны в России. В результате в какой-то мере он может считаться экспертом в вопросах последних дней царской монархии в России, однако нельзя полностью убедиться в его объективности и непредвзятости, так как в данной статье он не указывает каких-либо явных ссылок на исторические документы.

Также популяризацией исторического знания занимались и другие издания. В частности, в 2017 году в газете «Московский Комсомолец» велась журналистом Леонидом Млечиным рубрика «100 лет революции», которая была посвящена событиям Февральской революции. Также он ведет собственную программу в эфире телеканала «ОТР» под названием «Вспомнить всё». В 2016 году на сайте информационного агентства «РБК» велась рубрика «Общее прошлое», в которой авторы из «Вольного исторического общества» повествуют об отечественной истории. Помимо рубрик, начали возникать отдельные медиа, которые посвящены популяризации исторического знания. В качестве примера может служить Интернет-СМИ «Русская Семерка», возникший в 2013 году, который издает собственный журнал «История от «Русской Семерки».

Список литературы

1. Августейший бунт. Дом Романовых накануне революции. / Livelib / Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/1000615649-avgustejsnij-bunt-dom-romanovyh-nakanune-revoljutsii-gleb-stashkov>
2. Барканова Е.В. Популяризация истории как медийная проблема // Ученые записки НовГУ. 2015. №2 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/populyarizatsiya-istorii-kak-mediynaya-problema> (дата обращения: 18.04.2022).
3. Биография Глеба Сташкова - творчество и личная жизнь автора // Режим доступа: <https://www.litres.ru/gleb-stashkov/ob-avtore/>
4. Ким М.Н. Журналистика: методология профессионального творчества. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2004. – 496 с.
5. Медиакультура : словарь терминов и понятий / авт.-сост. Н.Б.Кириллова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 196 с.
6. Распопова С.С. Основы журналистской деятельности : учебник для бакалавров / С.С. Распопова. — Москва : Аспект Пресс, 2018. — 272 с.
7. Свитич Л.Г. Введение в специальность: профессия: журналист : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. / Л.Г. Свитич. - 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 253 с.
8. Сташков Глеб. Верные до гроба. // Г.Сташков// Дилетант №08 от 2018 года – стр.7
9. Тертычный А.А. Жанры периодической печати : учеб. Пособие. / А.А.Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 310 с.
10. Тертычный А.А. Социальное познание в журналистике (методология, методы, методика). Монография. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2009. – 183 с.
11. Федоринов Е.И. Формирование исторического сознания как фактор гуманитаризации образования // Совет ректоров. - 2008 - No 2. - С. 32-35.

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

Н.И. Белунова д-р филол. наук

Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского,
кафедра русского языка,
Санкт-Петербург, belunova.n@mail.ru

**ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР И ОСОБЕННОСТИ
ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ТЕКСТАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ**

В статье дается определение лексико-синтаксического повтора (ЛСП), выделяются его разновидности; определяется синтаксическая и текстовая сфера «бытования» ЛСП в текстах публицистического стиля; выявляются и рассматриваются основные функции ЛСП в соответствующих текстах.

Ключевые слова: *лексико-синтаксический повтор, лексико-позиционный повтор, лексико-композиционный повтор, бессоюзное сложное предложение, абзац, функция: интегрирующая, текстообразующая, экспрессивная.*

Проблеме повтора (рассмотрению лингвистической сущности данного явления, классификации, функциям повторов) посвящена многочисленная лингвистическая литература. В этом отношении интерес представляют исследования В.И. Арнольд [2], Г.И. Акимовой [1], И.М. Астафьевой [3], А.П. Сковородникова [10], А.К. Денисовой [5], А.М. Надежкина [8] и многих других авторов.

Однако лингвистическая природа повторов, сфера их бытования, а также прикрепленность к определенным стилям и жанрам изучена не достаточно.

В данном случае особенности функционирования лексико-синтаксического повтора рассматриваются на материале публицистических произведений XX века – статей И.Эренбурга, В.Вишневого, А.Толстого, и других крупнейших писателей и публицистов соответствующей эпохи.

С нашей точки зрения, термин «собственно лексический повтор» является условным. В реальной языковой действительности существует лишь лексико-синтаксический повтор, поскольку повторяющиеся словоформы неизбежно соотносятся друг с другом по определенным синтаксическим позициям, которые они занимают в предикативных единицах сложного предложения или в самостоятельных предложениях. Таким образом, **лексико-синтаксический повтор** определяется нами как повтор слова в двух или нескольких предикативных единицах, в которых повторяющиеся слова соотносятся друг с другом по своим синтаксическим позициям.

При этом нами выделяются две разновидности лексико- синтаксического повтора:

1) **лексико-композиционный повтор**, для которого характерно повторение слова в предикативных единицах (двух или нескольких), построенных по принципу синтаксического параллелизма (1);

2) **лексико-позиционный повтор**, характеризующийся повторением слова и соотносительностью его синтаксической позиции в предикативных единицах без сохранения синтаксического параллелизма (2).

Например: 1. «*Так началась драма Чехословакии, так началась драма Европы*» (И.Эренбург. Чехословакия).

2. «*Дети умирали в годы войны, дети разных народов, черноволосые и белокурые, умирали от снарядов, от бомб, от голода...*» (И.Эренбург. Швейцария).

Отметим, что под синтаксическим параллелизмом нами понимается однотипное построение предикативных единиц (одинаковое количество членов предложения, одинаковое соотношение членов внутри параллельных конструкций, одинаковый порядок слов во всех синтаксических конструкциях [9].

Изучение самой природы лексико-синтаксического повтора (ЛСП) не может происходить в отрыве от сферы его синтаксического и текстового бытования, какими в публицистике являются соответственно бессоюзное сложное предложение (БСП) и абзац.

Бессоюзное сложное предложение рассматривается нами как структурно-семантическое единство, которое предполагает более жесткую смысловую и грамматическую связь между предикативными единицами, «приспособленными» друг к другу не только содержательно, но и структурно.

При этом среди бессоюзных сложных предложений с ЛСП нами выделяются две группы предложений: 1) БСП открытой структуры с лексико-синтаксическим параллелизмом предикативных единиц и лексико-синтаксической координацией их членов («Теперь *молчит* Минск, *молчит* Киев, *молчит* Одесса, *молчит* Харьков.» И.Эренбург. 19 января 1943); 2) БСП закрытой структуры с лексико-синтаксической координацией членов предикативных единиц, которые представлены следующими разновидностями: а) поясняюще-конкретизирующие («Повсюду люди *строят*, они *строят* мосты и школы, избы и города.» И.Эренбург. Голос писателя); б) поясняюще-усилительные («*Надо жить, надо жить* во что бы то ни стало.» И.Эренбург. Германия); в) соединительные со значением тождества или сходства («*Так говорит* сеньор Леррус, *так говорит* и любой начинающий адвокат.» И.Эренбург. Испания); г) сопоставительные (Можно уехать из Берлина, нельзя уехать от своего времени.» И.Эренбург. Германия). [см. об этом: 4].

В бессоюзном сложном предложении ЛСП выполняет одновременно две функции: 1) интегрирующую (связующую): «цементирует» единство предикативных единиц и 2) экспрессивную (усилительно- выделительную).

Выразительность БСП в стилистическом отношении подчеркивал М.В.Ломоносов: «Слово важнее и великолепнее бывает, чем в нем союзов меньше» [7, с. 376-377].

Не имея возможности в рамках статьи рассмотреть особенности каждого из выделенных типов БСП с ЛСП, отметим, что экспрессивная функция ЛСП, такой его разновидности, как лексико-композиционного, преобладает в БСП открытой структуры.

Например: «*Не было* трамваев, *не было* дров, *не было* хлеба.» И.Эренбург. Москва); «*Не молчал* Гюго, *не молчал* Золя, *не молчал* Толстой.» И.Эренбург. Москва). Анафорические многократные повторы, синтаксический параллелизм вносят экспрессивный «заряд» в приведенные синтаксические конструкции.

Однако БСП является первичной синтаксической ячейкой для ЛСП. В качестве сферы текстового бытования ЛСП в публицистике выступает абзац.

Вопрос об абзаце (понимании его лингвистической природы, классификации абзацев, их строении) является одним из наиболее дискуссионных в современной лингвистической литературе и не имеет однозначного решения.

Проанализированный нами материал свидетельствует о том, что абзац, являясь порождением сугубо письменной формы текста, выполняет в тексте одновременно две противоположные функции: делимитационную (членит текст на составные части) и интегрирующую (соединяет в единое целое составляющие его компоненты, а также обеспечивает связь абзацев друг с другом). Данная диалектичность назначения абзаца позволяет нам квалифицировать его как **стилистика-композиционную делимитационно-интегрирующую единицу текста** [4].

В текстах публицистического стиля ЛСП (как и в бессоюзном сложном предложении) обычно выполняет одновременно две функции: 1) интегрирующую и 2) экспрессивную, что обусловлено в определенной мере спецификой публицистического стиля, одной из особенностей которого является сочетание экспрессии и стандарта.

Однако в зависимости от типа ЛСП, многократности повтора, дистантности- контактности его расположения может превалировать интегрирующая или экспрессивная (усилительно-выделительная) функция ЛСП.

Обратимся к конкретным примерам:

«Язык – великая, неограниченная стихия, закономерная, как сама жизнь, истоками уходящая к каким-то первым гортанным звукам прелюдий. Язык – совокупность речи. Язык – тысячи обозначений. Язык – народ, язык – стиль: будничные, торжественные, официальный, книжный, школьный, солдатский, каторжный, дипломатический и т.д. Язык – всепокрывающее понятие: язык природы, язык стихии, язык пушек, язык музыки. Язык – ряд условных технических обозначений.

Для меня язык – великая функция множества живых существ рода человеческого, сложная, взаимосплетенная система, вечно меняющаяся, сочетающаяся с реальным миром действий, отточенных формул, и тут же рядом с подсознательным миром, граничащая с первичными возгласами, ревами, где-то роднящимися со звериным языком, междометиями наполненными разными смыслами.

Язык – система, стоящая на грани мышления, а временами переходящая эту грань; язык – мобильное великое средство, соединяющее ассоциирующее миллионы обозначений, представлений, смыслов» (В.Вишневский. Наш язык).

Представляется, что в приведенном примере, где в большей степени представлены лексико-позиционные повторы, преобладает интегрирующая функция лексико-синтаксических повторов, которые обеспечивают семантическое единство абзаца как единицы письменного текста.

При этом слово «язык», многократно повторяющийся в нескольких смежных абзацах, интегрирует не только каждый абзац в отдельности, но и способствует установлению межабзацных семантических связей. Таким образом, ЛСП выполняет не только интегрирующую функцию, но и текстообразующую функцию.

Отметим, что дополнительными средствами, интегрирующими абзац и выступающими с ЛСП, могут быть: изотопия, стабилизация тема-рематического построения.

Под изотопией в широком смысле понимается «наличие семантически близких элементов у членов цепочки связного текста; изотопическими могут быть все семантические структуры соседних элементов (или высказываний) или их часть» [6, с.158].

Приведем пример, в котором интеграция абзаца осуществляется ЛСП и одновременно «поддерживается» изотопией.

«Мужество – не случайность, не свойство – свойством бывает врожденная и безудержная отвага. Мужество – добродетель. Мужество – высшая ступень человеческого познания, как любовь и как мудрость. Оно вызревает в сердце народа, как вызревает пшеница на горячем солнце. Когда человеку сызмальства внушают чувство достоинства, когда пастуха приводят к телескопу, когда депутат-доярка приходит во дворец, жизнь становится радостной и важной. Наши отцы могли кинуть на землю золотой, но они не кидали кусок хлеба: хлеб уважали, как человеческий пот. Так мы привыкли уважать человеческое достоинство. Его отстаивают мужественные люди. (И.Эренбург. Мужество).

Так, в приведенном примере в абзаце выделяется топикальная цепочка, семантическая ось, представленная семантически близкими элементами: «добродетель», «высшая ступень человеческого познания», «любовь», «мудрость», «солнце», «достоинство», «радостной и важной», «хлеб».

Как мы уже отмечали, интеграция абзаца может также «поддерживаться» стабилизацией тема-рематического построения. При этом для публицистических текстов наиболее характерна модель тема-рематической цепочки со сквозной темой.

Например. «Холодная война» разоряет трудящихся. От нее холодно в доме бедняка. «Холодная война» мешает народам строить школы, больницы, жилые дома. «Холодная война» создает неуверенность в завтрашнем дне, она бросает тень на колыбели, она отравляет лучшую пору человечества – молодость. «Холодная война» помогает поработить

народы, ограничить их суверенитет, превратить их поля в чужеземные аэродромы. «Холодная война» препятствует и нормальной торговле между государствами и культурному обмену, она подобна закупорке сосудов, смертельной для организма. Вот почему народы с такой гордостью восприняли заявления Советского государства о необходимости перейти к взаимному пониманию и мирному разрешению спорных вопросов» (И.Эренбург. Надежда).

Представляется, что преобладание модели тема-рематической цепочки со сквозной темой в приведенном примере не является случайным. В данном тексте ЛСП являются анафорическими, многократными и выполняют не только интегрирующую функцию, но прежде всего выступают как стилистический прием, как экспрессивное средство синтаксиса. Кроме того, в предикативных единицах с ЛСП сохраняется неполный синтаксический параллелизм (одинаковый порядок слов), что также придает данным конструкциям выразительность. Таким образом, в данном случае экспрессивная (усилительно-выделительная) функция является преобладающей.

Приведем примеры, в которых, с нашей точки зрения, также экспрессивная (усилительно-выделительная) функция ЛСП преобладает над интегрирующей:

«Ждет Киев, ждет Париж, ждут Роже и Надя, ждут чехи. Так битва за Украину становится битвой за человека. Так русская пехота становится надеждой мира» (И.Эренбург. Новое братство).

«А Москва – не ребенок, Москва – не притворщица. Издавна говорят: «Москва слезам не верит». Москва верит только делу – суровому делу. Москва верит своим защитникам» (И.Эренбург. Москва).

Так, в первом примере ЛСП (ждет) является лексико-композиционным, анафорическим, многократным и выступает прежде всего как экспрессивное средство.

Во втором примере имеются как лексико-композиционные повторы (*Москва – не ребенок, Москва – не притворщица*, так и лексико-позиционные (повтор словоформы «Москва» в последующих предложениях). Безусловно, данные повторы интегрируют абзац, однако повторы являются анафорическими, многократными, поэтому экспрессивная (усилительно-выделительная) функция преобладает.

Таким образом, в текстах публицистического стиля сферой синтаксического «бытования» ЛСП является бессоюзное сложное предложение; сферой текстового «бытования» – абзац как единица сугубо письменного текста. При этом в текстах публицистического стиля ЛСП выполняет одновременно две функции: интегрирующую и экспрессивную, а также текстообразующую, если способствует установлению межабзацных семантических связей. Экспрессивная функция, как правило, преобладает над интегрирующей при употреблении в абзаце лексико-композиционного многократного анафорического повтора.

Список литературы

1. *Акимова Г.Н.* Лексический повтор с точки зрения экспрессивного синтаксиса// Проблемы комплексного анализа языка и речи: Межвуз. сб. –Л., 1982. – С.112-118.
2. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. – Л., 1973. –303 с.
3. *Астафьева И.М.* Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование: Автореф. дис...канд. филол. наук. – М., 1962. –23 с.
4. *Белунова Н.И.* Бессюжные сложные и соположенные самостоятельные предложения с лексико-синтаксическим повтором в текстовом аспекте: Дис...канд. филол. наук. – Л., 1987. – 212 с
5. *Денисова А.К.* Особенности лексико-синтаксического повтора в речи автора (на материале немецкоязычного художественного текста) //Вестник Костромского гос. ун-та, 2018. № 1. – С.119-132.
6. *Коваленко И.В.* Изотопия как один из видов семантической связности художественного текста. Сб. науч. трудов. МГПИИЯ. – М., 1980. Вып. 159. – С. 156-165.
7. *Ломоносов М.В.* Полн.собр. соч. – М, 1959. Т. 7. – 378 с.
8. *Надежкин А.М.* Корневой повтор в художественной речи М.Цветаевой: Автореф. дис...канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2015. – 22с.
9. *Овсянникова А.М.* Синтаксический параллелизм как средство связи бессоюзных сложных предложений в современном русском языке//Науч. докл.высш. школы. Филол. науки. – 1968. № 1. – С.74-81.
10. *Сковородников А.П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Автореф. дис...д-ра филол.наук. – Л., 1982 – 44 с.

Список источников

1. *Вишневский В.* Избранное. – М., 1966. – 592 с.
2. *Эренбург И.Г.* Летопись мужества. Публицистические статьи военных лет. –М., 1974. – 382 с.
3. *Эренбург И.Г.* Голос писателя. – М., 1950. –312 с.

10.02.01

Гао Минхун, Ци Гоцзян

Хэйхэский университет,
факультет русского языка,
кафедра русского языка,
Хэйхэ, 1127341705@qq.com

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА ВЫВЕСОК С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В ПОГРАНИЧНОМ ПОРТЕ ХЭЙЛУНЦЗЯН

Публикация посвящена одной из важных проблем исследования Хэйлуницзянского развития по экономике и обществу-2021, посвящена (Специальному объекту наук иностранных языков) «На фоне инициативы Один пояс и один путь модель перевода лингвистического ландшафта с китайского языка на русский в хэйлуницзянских пограничных портовых городах» № WY2021053-С. Настоящая статья содержит анализ фактов перевода вывесок с китайского языка на русский в контексте типологических особенностей обоих языков. Материал для исследования был собран на территории пограничного порта провинции Хэйлуницзян. Актуальность исследования связана с тем фактом, что изменения языкового кода и этикетных стереотипов соответствуют быстрым изменениям инфраструктуры города.

Ключевые слова: *вывески, китайский язык, один пояс и один путь, перевод, пиджин, русский язык, Хэйлуницзян.*

Активное взаимодействие между Китаем и Россией обусловлено не только политическими, экономическими и историческими факторами – географическое положение также играет большую роль во взаимодействии двух государств. Китай и Россия граничат на территории провинции Хэйлуницзян и автономного района Внутренняя Монголия со стороны КНР и Приморского, Хабаровского краев, Еврейской автономная области, Амурской и Читинской областей; также небольшой участок границы проходит между Синьцзян-Уйгурским автономным районом и республикой Алтай. Разумеется, территориальная близость обуславливает и языковые контакты, которые привели к созданию русско-китайского пиджина. С началом активной торговли на границе, пиджин служил средством неофициального общения в основном в торговой сфере начиная с 1990-х годов [2].

Дальнейшее развитие китайско-русского взаимодействия приводит к укреплению статусов языков: русский язык в Китае активно изучается как в школах, так и в вузах, особенно на пограничной территории и является несомненно более популярным изучаемым иностранным языком по сравнению с тем, каковым он является в других странах [3, с. 48-54]. Такая же тенденция свойственна России, где с каждым годом изучение китайского языка все более распространено и носит все более престижный характер. Укреплению статусов обоих языков также способствуют и разносторонние стратегические взаимодействия между Китаем и Россией, например, участие в проекте «Один пояс и один путь».

Для того, чтобы обусловить специфику языкового материала, необходимо проанализировать место функционирования этого материала, в частности – приграничную территорию. Приграничная территория – это территория, непосредственно прилегающая к государственной границе, которая испытывает на себе наибольшее влияние государственной границы и соседней страны и обладает особым дополнительным потенциалом развития и международного сотрудничества» [1, с. 14]. Приграничная территория характеризуется:

- близостью к государственной границе;
- наличием транспортных переходов на государственной границе (разные виды таможни – пассажирская/грузовая, пограничный и таможенный контроль и др.);
- возможностью совместного использования природных ресурсов;

- вариативностью форм международного сотрудничества (образование, туризм, культура);
- разнообразием форм торговой деятельности;
- необходимостью использования языков обеих стран и их неизбежное контактирование.

Как мы видим, все виды приграничных взаимодействий так или иначе происходят с помощью языка; язык является связующим фактором всех процессов на приграничной территории. С позиции лингвистики город является пространством повседневной жизни, которое характеризуется разными формами бытовой культуры и досуга. Постепенное развитие города ведет и к усложнению языкового быта. Поэтому изучение характерных особенностей языкового кода города и этикетных стереотипов с учетом быстрого развития городов особенно важно. В этой же связи наиболее благоприятным для исследования языковым материалом являются разного рода заведений, которые тематически можно подразделить на: сферу торговли (магазины, торговые центры), сферу услуг (парикмахерские, рестораны и пр.), сферу медицинских услуг.

Учитывая типологические особенности русского и китайского языков, можно отметить, что ошибки в русскоязычном тексте могут быть на следующих уровнях: графическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом. Ввиду несоответствия графических кодов китайского языка (иероглифическое письмо) и русского языка (звуко-буквенное письмо), ошибки в русскоязычной графике наиболее частотны и могут разделяться на несколько видов.

1. Неверная комбинация букв:

- Замена одного графического знака другим («Китайская кухня»): связано со схожестью графических знаков типа и/й, ш/щ и пр., и для носителей китайского языка разница может быть несущественна. Ситуация может осложняться особенностями шрифта.
- Перестановка местами букв («Рсеторан») также может быть связана с недостаточной дифференциацией буквы как единицы слова и пониманием структуры русского слова в целом.
- Вставка или пропуск графических знаков («Овощи и фурукты», «Морожено»), что вероятнее всего связано с особенностями произношения носителями русского языка – письменный вариант подгоняется под звучащий вариант.

2. Неверное использование пробела: слитное написание слов «Подаркицвeты» или немотивированное либо неверное его применение «Продаж ариса». Это связано с тем фактом, что пробел не свойственен китайской графике, и вероятно не воспринимается китайскими авторами вывесок как принципиально важный элемент письменности.

3. Замена или неверное использование прописных и строчных букв, или же использование прописных или строчных букв во всем названии: «ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЛЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ «ДАНЬ-ДАНЬ»», «физиотерапевтический центр «Мэйхэ»», что связано с тем, что для иероглифической письменности не характерно использование прописного прописных или строчных знаков, как следствие – недостаточному вниманию этому аспекту.

4. Опора на фонетический принцип письма, что ведет к орфографическим ошибкам: кампьютер; микрасмеха; тороры; извесный и пр. Вероятно, создатели вывесок в этих случаях опирались на свой языковой опыт или устную помощь в некоторой степени владеющих русским языком или носителей, однако при создании опирались лишь на фонетическую часть слова, а орфографии должного внимания уделено не было. С позиции типологии языка, для китайского языка не свойственна зависимость правописания лексической единицы от ее звучания – в этом случае план выражения стабилен как в письменном, так и в звуковом аспекте.

Подводя итоги необходимо отметить, что исследование городского ландшафта как языковой среды представляет возможность судить об активности приграничного межкультурного взаимодействия. Тем не менее стоит помнить, что основная цель вывесок – информация, и ради этой цели зачастую не уделяется должного внимания форме

репрезентации информации, что может быть решающим фактором для русскоязычных клиентов.

Представленные в статье примеры демонстрируют яркие различия между типологическими особенностями китайского и русского языков, которые, тем не менее, не мешают основной цели – коммуникации в рамках города и бытового взаимодействия.

Однако для повышения качества уровня языкового взаимодействия, необходим более тщательный административный контроль за вывесками – в первую очередь, для туристических мест, и также для локальных небольших заведений. В первую очередь, это необходимо для повышения качества предоставления туристических услуг, а на уровне межкультурного взаимодействия – для снижения факторов риска коммуникативных неудач и следующим за ними неблагоприятными последствиями.

Список литературы

1. *Бакланов П.Я.* Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – 610 с.
2. *Жданова Н.А.* Русско-китайский пиджин Забайкалья среди других форм современных контактных языков // Вестник БГУ. – 2014. – №10-1. – С. 84-88.
3. *Цзян Ин* Русский язык как иностранный в современном Китае (на материале русского языка в г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Благовещенск: АмГУ. – 2013. – Вып. 10. – С. 48-54.

10.02.01

Р.Г. Гагаулина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
подготовительный факультет для иностранных учащихся,
кафедра русского языка предмагистерской и предаспирантской подготовки,
Казань, ros55@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА КАК МОТИВИРУЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ УСТНОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Статья посвящена проблеме мотивации иностранных слушателей, изучающих русский язык. В статье описывается, как языковая среда мотивирует учащихся и стимулирует их к усовершенствованию речи. Представлены результаты опроса иностранных слушателей.

Ключевые слова: *языковая среда, русский язык как иностранный, коммуникация, аудирование, говорение, респондент.*

Эффективное обучение русскому языку возможно при условии, когда общение на изучаемом языке не только является стимулом к усовершенствованию речевых навыков, но и мотивировано необходимостью коммуникации.

Организация учебного процесса в условиях отсутствия естественной языковой среды принципиально отличается. Формирование речевой деятельности в данной ситуации ограничено общением, моделируемым в учебных целях. Такое общение не предполагает коммуникативных актов с разными людьми, к тому же ограничено учебным временем. В этих условиях единственная мотивация изучающего русский язык - понимать преподавателя и быть понятым им. Речь преподавателя слушателями воспринимается не только как образец для подражания, но и норма. При дистанционном обучении иностранные учащиеся, особенно на начальном этапе, слышат только своего преподавателя. Со временем происходит привыкание к темпо-ритму речи преподавателя, любой другой человек с иной темпо-ритмической организацией речи вызывает у иностранцев растерянность и непонимание. Если слушатель учится в стране изучаемого языка, в естественной языковой среде этот психологический барьер преодолевается легче и быстрее. Научить иностранных учащихся понимать русскую речь на слух, адекватно реагировать на нее — чрезвычайно сложная задача: «Усвоение нового языка, развитие речевых навыков осуществляется в значительной степени через слушание, поэтому аудирование должно быть развито лучше других умений, но на деле этот процесс вызывает у обучающихся наибольшие трудности» [3]. В условиях онлайн-обучения в силу ряда объективных причин навыки аудирования оставляют желать лучшего, поэтому для их развития полезно давать дополнительные задания: слушать видео- и аудиозаписи в исполнении людей разного пола и возраста, выполнять специально разработанные задания на Stepik, желательно также включать задания, отражающие национально-специфические модели русского речевого поведения.

Работа преподавателя РКИ усложняется тем, что аудиовизуальных курсов, разработанных для слушателей подготовительных отделений, очень мало или их нет в открытом доступе в сети Интернет. Нет в достаточном количестве фильмов, мультипликационных фильмов с субтитрами, не говоря уже о специально созданных учебных фильмах. Во многих университетах есть собственные разработки, но они недоступны для широкой аудитории. Так, например, учебным пособием «Читаем, говорим, слушаем и пишем» [1], в котором реализован комплексный подход к формированию коммуникативных навыков иностранных слушателей, имеют возможность пользоваться только учащиеся подготовительного факультета КФУ. Также нужно отметить, что существующие курсы - это в основном аудиокурсы. Для совершенствования коммуникативных навыков иностранного слушателя

необходимо иметь еще и аудиовизуальный материал. В процессе формирования и развития слухового восприятия русской речи иностранному учащемуся очень важно не только слышать эту речь, но и связывать звуковой образ слова с видеорядом. Такие пособия, как «Русский язык как иностранный. Посмотрите! Практикум к аудиовизуальному курсу» [2], к сожалению, единичны.

Если иностранный учащийся находится в стране изучаемого языка, естественная языковая среда заставляет его вслушиваться в незнакомую речь, учиться вычленять необходимую информацию в потоке речи. Естественная языковая среда не может быть комфортной для человека, недавно начавшего изучать иностранный язык, потому что его возможности восприятия речи ограничены. В этой некомфортной, зачастую стрессовой ситуации, когда нет возможности управлять речевой ситуацией (звучащую речь нельзя остановить, вернуться и прослушать еще раз, невозможно повлиять на темп речи говорящего и т.д.), учащийся поставлен перед необходимостью как-то решить конкретную коммуникативную задачу. И это является не только мотивирующим, но и стимулирующим фактором для совершенствования своей речи. В условиях дистанционного формата обучения, когда общение обучаемого с носителями языка сильно ограничено, необходимо это учитывать и создавать речевые ситуации, пусть и квазикоммуникационные, для того чтобы мотивировать иностранного слушателя учиться понимать звучащую речь.

На начальном этапе обучения инициатором общения обычно является преподаватель. Если студент учится в стране изучаемого языка, у него есть возможность внеаудиторного общения со своими одноклассниками, соседями по общежитию или незнакомыми людьми. В этой ситуации он более раскрепощен, чем в общении с преподавателем. В коммуникации с преподавателем студент не воспринимает диалог как взаимодействие равноправных субъектов, боится допустить ошибку, оттого не получает удовлетворения от общения и старается быстрее завершить разговор. Для развития спонтанной речи очень важна мотивированность участника коммуникативного акта. Что можно сделать в условиях дистанционного обучения? Думается, прежде всего следует поощрять общение между одноклассниками. Это не так легко, как может показаться. В условиях онлайн-обучения студенты меньше проявляют интерес друг к другу: они разобщены, находятся дома, в привычных условиях, и не очень охотно идут на контакт друг с другом. В данной ситуации необходима своего рода социализация учащихся, задача преподавателя - вызвать интерес слушателей друг к другу, к особенностям их культуры, традиций и т.д. Желание проявить себя, рассказать о себе, своей семье и т.д., можно предложить подготовить презентацию в PowerPoint. Темы могут быть очень конкретные: *Моя собака, Моё любимое блюдо* и др. На более продвинутом этапе можно дать задание сделать репортаж о семейном празднике или каком-то другом событии из жизни слушателя. Такого рода задания ставят целью развить монологическую речь.

Что касается диалогической речи, диалоги в виде коротких вопросов и ответов вводятся с первых уроков изучения русского языка. Именно в диалогической речи, неподготовленной, требующей коммуникативной реакции, речи, где происходит постоянная смена коммуникативной активности («говорящий» - «слушающий»), проявляется уровень владения иностранным языком. Лингводидактической основой учебной коммуникативной ситуации является изучаемый в данный момент языковой материал. На занятии преподаватель моделирует определенные коммуникативные ситуации так, чтобы у иностранных учащихся постепенно формировалась способность вступать в диалог. Однако следует помнить, что студенты, обучающиеся онлайн, имеют дело только с так называемыми вторичными диалогами и лишены возможности слышать или участвовать в естественных диалогах. Языковая среда требует решения коммуникативных задач в иных условиях.

Опрос, проведенный с целью получения информации по интересующей нас проблеме, показал, что в естественной языковой среде коммуникативные потребности учащихся возрастают. В опросе приняли участие слушатели подготовительного факультета для

иностранных учащихся КФУ, которые первые три-четыре месяца изучали русский язык в дистанционном формате. 94% респондентов признались в том, что сейчас, оказавшись в естественной языковой среде, гораздо больше времени (на 30-50% в процентном соотношении) посвящают изучению русского языка. Большинство отметили, что преодолеть психологический барьер и начать говорить с носителями языка помогла сама речевая ситуация, а именно неотвратимость и неизбежность коммуникативного акта, например, в банке, в общепите, в Департаменте внешних связей, в кафе, в такси. В подтверждение приведем высказывание одного из студентов: «Я вообще не общаюсь с незнакомыми людьми. Я избегаю этого. Только когда мне нужно, например в банке». Чувства, которые они пережили, когда заговорили с носителями языка, описали словами: «тревожно», «был нервный», «страшно», «переживал». Причины дискомфорта, который иностранные слушатели испытывают при общении с носителями языка, самые разные: а) психологический барьер, вызванный необходимостью общения в новой, непривычной обстановке с незнакомыми людьми (отметили 29%); б) непонимание собеседника из-за быстрого темпа речи (23%); в) ограниченность знаний, чтобы понять собеседника или ответить (30%); г) боязнь сделать ошибку при общении с преподавателем (12%). Снять психологический и языковой барьер помогает доброжелательное отношение собеседника: «Когда другой человек понимает, что я еще не могу все понимать, и тогда говорит медленно, чтобы я мог понять».

Почти у половины опрошенных есть русские (русскоязычные) друзья, знакомые, с которыми они а) стараются говорить по-русски (73%); б) говорят в основном по-русски, но иногда на другом языке: английском, испанском, турецком (14%); в) в основном по-английски, иногда по-русски (14%). На вопрос, говорите ли вы по-русски вне аудитории, все студенты ответили утвердительно. Радует и то, что им приятно разговаривать с одноклассниками, что они охотно общаются после занятий: ходят по магазинам, в кафе, спортзал, о чем сообщили более 50% опрошенных.

Подавляющее большинство слушателей, которые прошли через дистанционное обучение, ценит возможность совместного переживания. Известный факт, совместный эмоциональный опыт трудно достижим при дистанционном обучении, поэтому не только совместные походы в музей, но и обычные диалоги на занятии вызывают большой энтузиазм. Наверное, это объясняет довольно неожиданные ответы на вопрос «Что является стимулом для изучения русского языка?». Вместо ожидаемых ответов: «учеба в магистратуре» или «будущая работа», которые действительно преобладают (53%), были и такие ответы: «хочу говорить с друзьями», «хочу говорить со своей девушкой», «хочу говорить, как русские люди». Показательно также, что при ответе на вопрос «Что для вас главное в изучении русского языка?» из трех возможных вариантов ответа: а) грамотно писать, б) хорошо переводить и в) свободно говорить 88 % учащихся выбрали последний.

Естественная языковая среда, как уже было отмечено выше, не только мотивирует иностранного учащегося совершенствовать свою речь, но и стимулирует. По признанию одного слушателя, приехавшего из Турции, «начать говорить с незнакомыми людьми в России было очень трудно, но я всегда стараюсь говорить с русскими, иногда люди не понимают меня, но я не сдаюсь». Оказавшись в языковой среде, иностранные учащиеся понимают, как важен опыт живого общения с носителями языка. Желание научиться говорить заставляет их заниматься русским языком еще больше, общаться, преодолевая свой страх и опасения.

Список литературы

1. Кулигина О.В., Кулигин А.С. Читаем, говорим, слушаем и пишем: учебное пособие для иностранных учащихся. Часть I. - Казань, 2019. - 106 с.
2. Романова И.С. Русский язык как иностранный. Посмотрите! Практикум к аудиовизуальному курсу: учебное пособие. - Спб.: Университет ИТМО, 2017. - 51 с.
3. Хавронина С.А., Балыхина Т.М. Инновационный учебно-методический комплекс «Русский язык как иностранный»: учебное пособие. - М.: РУДН, 2008. - С.63

10.02.01

А.Л. Голованевский, Н.В. Атаманова, Н.В. Трошина, Т.А. Распопова

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Брянск, golovanevski@mail.ru, atamanova2001@list.ru,
Natalya_troshina@mail.ru, volkova1111@yandex.ru

ЭПИСТОЛЯРИЙ ТЮТЧЕВА 1820-1849 ГОДОВ И «СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ПУШКИНА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ

В статье приводится сопоставительный анализ использования заимствований в эпистолярии Тютчева и в «Словаре языка Пушкина», отразившем всё его творчество. Сопоставительный материал рассматривается с трех сторон: 1) общая для обоих авторов заимствованная лексика; 2) отсутствующие в «Словаре языка Пушкина» заимствования, употребляемые в эпистолярии Тютчева; 3) русские варианты заимствований, по-разному употребляемые Тютчевым и Пушкиным.

Ключевые слова: *заимствования, эпистолярий Тютчева, Словарь языка Пушкина.*

Материалы статьи отражают употребление иностранных заимствований в переводах Тютчева, написанных в 1820-1849 годах, собранных в 4 томе «Полного собрания сочинений и писем». В данный том входит, по сообщению издателей, 150 писем к 28 корреспондентам. Из них 26 написаны на русском языке, остальные – по-французски с их переводами на русский. Иностранные заимствования приводятся по письмам, написанным и на русском языке.

Уже при первом знакомстве с эпистолярием Тютчева и всем творчеством Пушкина, отразившемся в его Словаре, можно сказать: язык Пушкина, в отличие от языка Тютчева, более русский, в нём гораздо меньше заимствований. Мы знаем, что Пушкин пытался, где это позволяло содержание, не употреблять иностранные слова без надобности. Сравнивая употребление иностранных слов эпистолярия Тютчева со «Словарем языка Пушкина» в период 1820-1837 годов (т.е. до кончины Пушкина), мы не находим в «Словаре языка Пушкина» таких заимствований, как *лиризм, гравюра, коллегия, атташе, карнавал* (при наличии *карнавальнѣй*), *инициатива, регламент, аудиенция, консерватизм, аптекарский, коллекция, режим, флорин, санитарный, турист, фибры, финансовый* (при наличии *финансы*), *симпатия, сибаритство, швейцарец* (при наличии *швейцарский*), *шанс, фабрикант, сезон, экононый* (при наличии *экономический*). Только наличие у Пушкина однокорневых слов – свидетельство знания Пушкиным отсутствующих в его словаре иностранных заимствований.

В эпистолярии Тютчева могли употребляться профессиональные слова, которые, скорее всего, знал, но не употреблял Пушкин: *миссия, аполог* (у Пушкина – *апология*), *вакантнѣй* (у Пушкина – *ваканция*). У Пушкина *апология* – «восхваление, защита кого-н.» [3, с. 43]. У Тютчева *миссия* – «постоянное дипломатическое представительство во главе с посланником» [1, с. 493].

Мы сопоставляем эпистолярий Тютчева с годами творческой деятельности Пушкина. «Самые ранние дошедшие до нас стихи Пушкина относятся к 1813 году. Летом 1814 года в журнале «Вестник Европы» появилось стихотворение «Другу стихотворцу», направленное против литературных староверов [2, с. 8]. Итак, если письма Тютчева, опубликованные в 4 томе его «Полного собрания сочинений и писем», относятся к 1820-1849 годам, то они охватывают период, превосходящий всё прижизненное творчество Пушкина, исчисляемое 24 годами.

Выделим те слова, которые употребляются в эпистолярной Тютчева 1820-1849 годов, и сопоставим их с наиболее частотными заимствованиями у Пушкина (к ним относятся заимствования с частотностью более 50): *господин* (630), *публика* (191), *ангел* (130), *симпатия* (95), *газета* (89), *портрет* (65), *замок* (51). Как видим, все заимствования – освоенные русским языком, получившие широкое распространение в быту, часто употребляемые в европейской и русской литературе.

Рассмотрим иноязычные слова, связанные с дипломатической деятельностью поэта: *балы*, *атташе*, *бюллетень*, *визит*, *дипломатический*, *консул*, *карнавал*, *виза*, *миссия*, *регламент*, *турне*, *фрак*, *аудиенция*. В «Словаре языка Пушкина» отсутствуют *атташе*, *аудиенция*, *бюллетень*, *виза*, *карнавал*, *миссия*, *регламент*, *турне*. Все эти слова уже были освоены русским языком, и Пушкин их бесспорно знал, но, во-первых, не было повода для их употребления, во-вторых, он их заменял русскими словами, в-третьих, не было в русском языке слов, обозначающих эти понятия. Например: *турне* – путешествие (75 употреблений), *атташе* – представитель во втором значении – «тот, кто представляет в своем лице какой-н. разряд людей, какой-н. род деятельности, воплощая в себе их характерные черты, особенности...» [3, т. 3, с. 671], *регламент* – правило (73 употребления) во 2-ом значении: «установление, предписание, обязательное требование» [3, т. 3, с. 634-635].

В конце 40-х – начале 50-х годов Тютчев пишет известные публицистические произведения «Россия и революция», «Римский вопрос». В письмах Тютчева к брату жены К. Пфеффелю, немецкому публицисту Людвигу Тенгоборскому и др. употребляется общественно-политическая лексика и терминология, которая отсутствует в Словаре Пушкина: *анархия*, *бюрократия*, *диктатура*, *консерватизм*, *реакция*, *реставрация*. Общественно-политические понятия не всегда у Тютчева поддерживаются соответствующим контекстом, как например: «Поистине беспорядок, анархию, глупость, царящую в этом учреждении, трудно себе представить» [5, т. 4, с. 147]. Анархия употребляется в одном ряду со словами *беспорядок*, *глупость*, не имеющими общественно-политического содержания. Но в других случаях все слова общественно-политического содержания создают именно такой контекст, например: «Австрия, в ее теперешнем состоянии, обречена разжигать революционный дух в подвластных ей славянах – как любой акцией, так и реакцией...» [5, т. 4, с. 449].

Кроме высокочастотной лексики, общей для обоих авторов, можно привести множество других общих иноязычных слов для «Словаря языка Пушкина» и эпистолярной Тютчева 1820-1849 годов. К пушкинским заимствованиям относятся: *эпоха* (40), *драма* (31), *институт* (23), *документ* (21), *мундир* (49), *вексель* (14), *экипаж* (45), *шага* (34), *суета* (35), *квартира* (33), *провинция* (16), *секретарь* (38), *свита* (15), *холера* (45), *чай* (напиток) (48), *религия* (13), *ложе* (41), *каре́та* (45), *лакей* (17), *аллей* (15), *фамилия* (21), *фонарь* (28), *фрак* (16), *фраза* (13), *эффект* (эффект) (11), *эгоизм* (13), *чай* – 2 (вводное слово) (13).

В заключение рассмотрим значение выявленных вариантов словоупотребления в эпистолярной Тютчева указанных лет и в «Словаре языка Пушкина».

От существительного со значением «состояния» *дуэль* образуются два существительных со значением «лица»: *дуэлянт* у Тютчева и *дуэлист* у Пушкина: «лицо, известное своими дуэлями» [3, т. 1, с. 741]. В «Евгении Онегине»: «К тому же – он мыслит – в это дело вмешался старый дуэлист; Он зол, он сплетник, он речист...». Тютчев в письме Эрнестине Ф. Тютчевой (своей жене) сообщает: «Еще один знакомец встретился мне здесь – это приятель Бадени, дуэлянт Бадени, жестокий и чувственный Бадени» [5, т. 4, с. 233]. Л.П. Крысин приводит вариант *дуэлянт* – участник дуэли (в 1-ом значении) [1, с. 276].

В «Словаре языка Пушкина» лексема *тиранство* встречается во всех трех употреблениях – «произвол, насилие над кем-, чем-н.». «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве» [3].

В «Письме Эрнестине Ф. Тютчевой» поэт пишет: «Уж теперь-то капелло (гувернантка детей Тютчева) может не волноваться по поводу того, к чему приводит моя отцовская тирания» [4, т. 4, с. 392].

Л.П. Крысин использует вариант *тирания* – «правление, основанное на произволе и насилии» [1, с. 776]. В письме речь идет об устройстве отцом старшей дочери Анны в превосходной, на взгляд Тютчева, семье Колобино.

Обратим внимание на двойное употребление Пушкиным слова *кандитор* в значении «кондитер»: «Обедая у главокомандующего графа Каменского, он заметил, что кандитор вздумал выставить графский вензель на крыльях мельницы из сахара» [2, с. 166]. Вместе с тем находим *кандитерский*: «Герман подбежал, поднял его и вошел в кандитерскую лавку» («Пиковая дама»).

Сам Тютчев в письме Эрнестине Ф. Тютчевой писал: «Я каждый день встречаю его у лучшего кондитера, где мы наперегонки угощаемся мороженым...» [4, т. 4, с. 233]. По Л.П. Крысину, «кондитер – тот, кто изготавливает кондитерские изделия или торгует ими» [1, 2006, с. 383].

Интересно, что в современном литературном языке закрепились тютчевские нормы употребления слов *тирания*, *дуэлянт*, *кондитер*, а не пушкинские. Это может быть связано с произношением, приближенным к иностранной артикуляции, хорошо знакомой Тютчеву. А, может быть, это пушкинская самостоятельность в образовании нового слова по русскому образцу – *тиранство* и по иностранному образцу – *дуэлист* (наподобие слова *социалист*). Это вопрос для дальнейших размышлений.

Материал данной статьи подтверждает лишь тот факт, что в иностранном эпистолярии и должно сохраниться больше иностранных заимствований при переводе на русский язык, чем во всем оригинальном творчестве, большая часть которого написана на русском языке, на что, между прочим, указывает и поэтическое наследие Тютчева.

Список литературы

1. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: ЭКСМО, 2006.
2. Макогоненко Г. Священный дар // Пушкин А.С. Избранные сочинения. В 2 томах. Т.1. М.: «Художественная литература», 1978.
3. Словарь языка Пушкина. В 4 томах. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956-1961.
4. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: «Советский писатель», 1987.
5. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Том 4. Письма 1820-1849 гг. М.: Издательский центр «Классика», 2005.

10.02.01

А.В. Грудина

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Калуга, anya.grudina@mail.ru

РОЛЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ В СОЗДАНИИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА «ПОЛТАВА»)

Статья посвящается установлению роли устаревших слов в контексте темпоральной ретроспекции. Рассматривается категория художественного времени, которое мыслится как временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального. Отражение осмысления времени событий по отношению ко времени автора или читателя определяется как темпоральность. Темпоральная ретроспекция понимается как смещение временных планов в прошлое. При этом утверждается ключевая роль устаревших слов в создании ретроспективных ссылок.

Ключевые слова: *устаревшие слова, темпоральность, темпоральные указатели, ретроспекция.*

Изучение языковых средств, с помощью которых транслируется время в художественном произведении, – одна из важнейших проблем современного языкознания. Цель данного исследования – определить роль устаревших лексических единиц в создании темпоральной ретроспекции.

Наша позиция в определении художественного времени близка позиции З. Я. Тураевой, которая рассматривает художественное время «как временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального» [4, с.14]. Анализируя данную категорию, Тураева вводит понятия авторского, читательского и сюжетного времени, отмечая важность перцептуального времени, которое зависит не только от психологического и эмоционального состояния автора или читателя, но и от их жизненного опыта, отражает их картины мира. Можно утверждать, что репрезентация времени в произведении носит во многом индивидуальный авторский характер.

Отражение восприятия и осмысления человеком времени обозначаемых ситуаций по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчёта А.В.Бондарко определяет, как темпоральность. Она представляет собой функционально-семантическое поле, охватывающее комплекс грамматических и лексических средств языка [2, с.5].

Как отмечает И. Р. Гальперин, темпоральность выступает как общая текстовая категория, которая подчиняет себе понятие ретроспекции. [4, с.43]. Ретроспекция определяется как «грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации» [3, с.106]. Данная категория заставляет рассматривать текст с точки зрения настоящего, прошлого и будущего.

Особое значение данная семантическая категория приобретает при анализе произведений на историческую тему. При помощи темпоральной ретроспекции автор погружает читателя в пространственно-временной континуум прошлого, используя различные темпоральные указатели.

К базовым темпоральным указателям И. Я. Черноухина относит слова и словосочетания, которые передают значение времени напрямую, а цитаты, имена исторических лиц и номинации исторических реалий определяет в группу косвенных темпоральных указателей. [5, с.57].

И на первый план в создании ретроспекции, на наш взгляд, выходит использование автором устаревшей лексики, которая выступает своеобразной машиной времени, перенося читателя в далёкое прошлое. Чтобы убедиться в этом, обратимся к поэме Александра Сергеевича Пушкина «Полтава».

Точкой отсчёта в осмыслении времени в данном произведении мы считаем время написания поэмы и время её прочтения. То есть темпоральное восприятие текста поэмы происходит относительно времени автора и относительно времени читателя. В свою очередь перцептуальное время формируется на основе ретроспекции, которая погружает нас во время сюжетное, событийное.

Важную роль в построении ретроспекции играют посвящение и эпилог, которыми автор, сначала находясь в собственном времени, а потом возвращаясь в него, смыкает прошлое настоящим, подчёркивая параллель между современными ему реалиями и реалиями, давно минувшими. То есть, историческое событие столетней давности «стало для Пушкина поводом к размышлению о событиях современности, возможностью выстраивания неких важных для него параллелей» [1, с.140)]. В посвящении автор обращается к М. Н. Волконской – к своей современнице. В эпилоге поэт с позиции своего времени подводит итог событиям столетней давности. Происходит определённый временной скачок.

Какова же роль устаревшей лексики в создании темпоральной ретроспекции?

При помощи историзмов, которые в данном случае выступают как косвенные темпоральные указатели, автор переносит нас в Петровскую эпоху. В первую очередь, речь идёт об историческом названии той части украинских земель, которая в начале 18 века находилась под контролем русского правительства – о *Малороссии*. Именно на её просторах состоялся *Полтавский бой* – историческое событие, которое служит ключевым, хотя и косвенным, темпоральным указателем на транслируемое время.

Для придания исторической достоверности описываемым событиям автор широко использует имена исторических личностей: *Карл XII, Пётр I, Мазепа, Станислав Лещинский, Богдан Хмельницкий, Дорошенко, Самойлович, Палей, Гордиенко, Кочубей, Искра, Кондрат Булавин, Орлик, Войнаровский, Репнин, Брюс, Боур, Шереметев, Меншиков, Семён Палей, Розен, Шлиппенбах*.

В тексте присутствуют и другие историзмы: наименования титулов и чинов: *гетман, паша, вельможа, паладин, вассал*; наименования сословий: *казаки*; наименования людей по роду выполняемых ими обязанностей: *сердюк, слуга, челядь, драбант, дружина*; наименования символов власти: *бунчук и булава*; наименования оружия: *булат, секира, мушкет*; номинации, связанные с пытками и казнью: *оковы, дыба, плаха*; наименования жилых помещений: *замок, сени, светлица*.

В ходе произведения также происходят ретроспективные ссылки на события, которые имели место быть до момента повествования.

Роптала юность удалая, / Опасных алча перемен, / Забыв отчизны давний плен, / Богдана счастливые споры, / Святые брани, договоры...

Словом «**забыв**» автор создаёт ретроспекцию во времена *Богдана Хмельницкого*.

Далее по сюжету Кочубей вспоминает: *Так! Было время: с Кочубеем / Был друг Мазепа...*

Конструкция «**было время**» является ссылкой на прошлое, в котором *Мазепа* и *Кочубей* ещё были товарищами и не предавали друг друга.

Не он ли помощь Станиславу / С негодованьем отказал...

Само упоминание имени *Станислава Лещинского* в словах Мазепы, обращённых к Петру, служит напоминанием русскому царю ситуации, в которой гетман не поддался на уговоры польского короля и не предал Петра.

В ночь перед казнью Кочубея Мазепе из замка, где содержался пленный, послышался то ли стон, то ли крик, напомнивший ему другой крик из теперь уже далёкого прошлого: *Которым он в веселье диком / Поля сраженья оглашал, / Когда с Забелой, с Гамалеем, / И – с ним... и с этим Кочубеем / Он в бранном пламени скакал.*

Речь идёт о событиях, которые происходили за 15-20 лет до описываемых событий, так как *Забела Степан Петрович* умер в 1694 году. Пушкин не рассказывает в поэме об этом человеке, но упоминание его имени позволяет сместить временной ракурс на много лет назад.

В ходе битвы под Полтавой Карл понимает, что русская армия не так слаба, как он предполагал: *И, злясь, видит Карл могучий / Уж не расстроенные тучи / Несчастливых нарвских беглецов.*

В начале Северной войны в сражении под Нарвой (в 1700 году) русская армия потерпела сокрушительное поражение от войск Карла XII, что позволило шведскому королю самонадеянно рассчитывать на победу и в битве под Полтавой. Но в этот раз перед ним были уже не «*нарвские беглецы*». Именно это словосочетание выступило здесь косвенным темпоральным указателем на прошедшие давно события.

Видя, что Полтавский бой складывается не в пользу Мазепы, его соратник Филипп Орлик предлагает ему примириться с Петром. Но Мазепа понимает, что уже поздно, вспоминая случай: *Под Азовом / Однажды я с царём суровым, / Во стане ночью тировал...*

Мазепа со своими войсками принимал участие в обоих походах Петра к *Азову* (в 1695 и 1696 годах) и заработал ещё большее доверие царя. Опять же автор не рассказывает нам подробности о военных событиях того времени, а лишь упоминает географическое наименование, которое на основании метонимического переноса стало наименованием исторического факта, а именно военного похода русского царя на Азов с целью открыть доступ к морскому побережью.

Таким образом, в произведении ярко прослеживается ретроспекция не только по отношению к авторскому и читательскому времени, но и по отношению ко времени персонажей. Темпоральными указателями ретроспекции являются историзмы, называющие исторические лица, события и реалии; бытовые и военные историзмы; номинации, связанные с предметами и понятиями, давно вышедшими из употребления. Темпоральное восприятие текста поэмы, таким образом, базируется на основе ретроспекции, создаваемой при помощи устаревших номинаций. Их присутствие в тексте позволяет проникнуться духом исторических событий. И в таком контексте роль устаревшей лексики в создании перцептуального уже времени произведения является ключевой.

Список литературы

1. Богданова О.В. О новом восприятии поэмы А. С. Пушкина «Полтава» // Вестник славянских культур. 2021.- Т. 60, с.139–149.
2. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность / Модальность. – М.: Наука, 1990. – 260с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Ком. книга, 2007. - 144с.
4. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): Учеб пособие. – М.:Высш.школа, 1979. – 219с.
5. Черноухина И.Я. Элементы организации художественного прозаического текста. – Воронеж: Из-во Воронежского ун-та, 1984. – 115с.

10.02.01

А.Р. Дадаева

Чеченский государственный педагогический университет,
кафедра русского языка и методики ее преподавания,
Грозный, azalija7@mail.ru, atermlan@mail.ru

АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ ЛИЦО / СОВЕСТЬ / ЧЕСТЬ В МЕТАЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКОВ

В данной статье проведен анализ концептов ЛИЦО/СОВЕСТЬ/ЧЕСТЬ в русском, немецком и чеченском языках. Автор приходит к выводу о том, что изучение в различных лингвокультурах концептуализацию мира, свидетельствует о том, что сходств в исследуемых лингвоконцептах «честь», «совесть», «достоинство», «долг» больше, чем различий.

Ключевые слова: *концепт, лингвокультура, совесть, честь, достоинство, лексема.*

В отечественной лингвистике впервые к термину «концепт» обратился С. А. Аскольдов. Как отмечают многие исследователи, концепт существует отдельно для каждого основного (словарного) значения слова, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи [2, с. 41].

Актуальность исследования определяется интересом лингвистики к изучению проблем концептуализации мира, а также к проблеме отражения в языке концептов внутреннего мира человека. Изучению феномена совести, чести в лингвистической литературе посвящен целый ряд исследований, многие отечественные и зарубежные языковеды обращались в своих работах к данной проблематике.

Нравственные концепты выступают базисом и основанием концептосферы литературы. Концепты содержат дидактический потенциал, благодаря которому образы, сюжеты, модели коммуникативных ситуаций, эпитеты выступают средствами для трансляции прошлого и прогнозирования будущего. Как справедливо указывает Ю.С. Степанов, «сами концепты состоят из преемственных пластов; преемственность заключена в концептах» [8, с. 167]. На каждом новом этапе развития общества происходит обогащение содержания концептов в соответствии с изменениями социокультурного контекста. Концепты отражаются в сознании человека как своеобразные ментальные коды, являющиеся единицами этнического характера. Они аккумулируют в себе информационный, эмоциональный, рациональный, социально-групповой, специализированный типы культурных смыслов, обогащая тем самым коммуникативный потенциал.

Итак, в языкознании понятие концепта представляет собой большой интерес для ученых-лингвистов, который способствует постижению глубины высказывания, пониманию его смысла, развитию содержания оценивания культуры в сознании человека [3, с. 54]

Концепты «честь» и «совесть» занимают важное место в языковой картине мира, поскольку выражают значимые смыслы национальной культуры. Рассмотрение концептов ЛИЦО /СОВЕСТЬ/ЧЕСТЬ обусловлено их тесной связью и активным взаимодействием в русской, немецкой, чеченской языковой картине мира. Помимо этого в лингвокультурных концептах отражаются способы объективации в языке, имеющие отчасти схожие универсальные черты в немецкой и русской, чеченской концептосферах, однако, вместе с тем сравниваемые концепты обладают и этноспецифическими признаками.

Можно выделить, что в русском, немецком и чеченском языках универсальные типы концептуализации лица/чести/совести представлены следующими пятью семантическими группами: 'наличие/отсутствие лица'; 'чистое/грязное лицо'; 'наличие/отсутствие связи между

лицом и моральными качествами его обладателя'; 'лицемерие, двуличие'. Их можно считать стереотипными. В чеченском языке, помимо этого, присуща также семантическая группа 'совместимость поступков с лицом'.

Российские исследователи отмечают высокую степень значимости концепта «совесть» для русской языковой картины мира: совесть как основной концепт для русского сознания (Н. Д. Арутюнова) [5]; один из самых актуальных и значимых в нашей жизни концептов (М. А. Аверина) [1]; относится к числу основных категорий русской духовной культуры (Ю. С. Степанов). Согласно Ю. С. Степанову, понятие «совесть» распадается на два значения: «знание, внутреннее убеждение в чём-то» и «что-то, заданное извне как закон» (нравственный закон) [8, с. 177]. В первом значении речь идёт об интеллектуальных, моральных задатках, но всё равно неизбежно актуализируется смысл необходимости оценки, суждения о собственных поступках, и тогда более значимым становится концепт «нравственный закон».

В словарной дефиниции русского языка «совесть» по мнению А.Е. Бочкарева, определяется как «нравственное сознание, нравственное чутьё или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращение ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирождённая правда»; «внутренняя оценка, внутреннее сознание моральности своих поступков, чувство нравственной ответственности за своё поведение»; «чувство нравственной ответственности за своё поведение перед окружающими людьми, обществом» [4].

Совесть понимается как чувство нравственной ответственности за своё поведение перед окружающими людьми, обществом. Также совесть отражает и осознание моральной ответственности за своё поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения. *Упрёки совести. Голос совести. Совесть мучает. Совесть нечиста. Не иметь ни стыда ни совести. Потерять совесть. Сделка с совестью — поступок против собственных убеждений. Без зазрения совести — без стеснения, без стыда. Для очистки совести — чтобы не раскаиваться, не обвинять себя потом в чём-л. Я уже подумал, что напрасно пришёл сюда, но для очистки совести решил покараулить [филина] ещё минут двадцать.* В. К. Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня.

На совесть (делать что) — 1) добросовестно, хорошо; 2) устар. Полагаясь лишь на честность кого-л., не требуя гарантий. На совести чьей или у кого—кто-л. не выполнил того, что был обязан сделать, или поступил не так, как следовало. Не за страх, а за совесть (делать что) — очень хорошо, добросовестно. По совести (жить, поступать и т. п.) прост. — правильно, справедливо.

Концепт *Gewissen* (совесть) в немецком языке представлен во фразеологии: / честность, порядочность, угрызения, непорядочность / ответственность, угрызения / / бремя, непорядочность, стыд.

В концепте ЧЕСТЬ отражается следующее: гордость, самолюбие / уважение / клятва, гордость / целомудрие, восхищение, соглашение / достоинство, почет, заслуги, трудолюбие;

В современном немецком языке в лингвоконцепте *Ehre* представлены: / совесть, достоинство / почет, дань / уважение, (репутация, реабилитация). Ядром группы является лексема *êre* (часто в форме мн. ч.) — честь как почтение, слава, признание, которые обеспечиваются высоким положением, знатностью, храбростью, добродетельным образом мыслей. Лексема *êre* концентрирует в себе ядерные признаки концепта «честь»; можно говорить о концепте *êre*. Ближе всех к ядру концепта «честь» стоят, на наш взгляд, следующие лексемы: *rîfs* (часто в форме мн. ч.) — честь как общественное признание превосходства, слава в глазах других, доблесть, прежде всего добытая в бою], *lor* — честь как слава, хвала и *werdekeit* — честь как большой почёт, то, что придает вес. В значении всех этих слов содержится сема «признание в обществе», т.е. то, что выше мы называли внешним

аспектом чести. Несколько дальше от ядра располагаются лексемы *tugent* (часто в форме мн. ч.) – честь как совершенство, добродетель, как подобающее поведение в обществе] и *zuht* (часто в форме мн. ч.) – честь как благовоспитанность, хорошие манеры [6].

Как известно, значительное воздействие на все стороны жизни общества оказывают духовные ценности, выраженные в его культуре. В системе духовно-нравственного и морально-этического измерений картины мира чеченцев особое место занимают нравственные концепты, выполняющие достаточно специфическую функцию, выражающуюся в регуляции поведения личности. Одним из таких базисных, универсальных концептов в языковой картине мира чеченцев является «яхь» [7].

Концепт **СОВЕСТЬ/ЭХЬ-БЕХК-ЯХЬ** в чеченском языке отражает наличие нравственного начала у личности, к примеру о совестливом человеке говорят: «эхь-бехк долу стаг» (*чеч.яз.*); и наоборот, человека бесчестного, коварного: «эхь-бехк доцу стаг» (*чеч.яз.*), что является выражением крайне негативного отношения.

В семантике концепта **ЛИЦО /СОВЕСТЬ/ЧЕСТЬ** в чеченском языке возможно вычленил такие оставляющие: 3) неблагоприятные поступки и лицо- «эхь –бехк ца хилар»; 4) «совместимость» поступков с лицом – «яхь йоцуш хилар»; 5) лицо как отражение неискренности, лицемерия – «шалхенаш хилар».

Еще одна особенность концепта **СОВЕСТЬ/ЭХЬ-БЕХК** в чеченском языке заключается в том, что понятия «честь» и «совесть» заключены в рамки одной лексической единицы и никак не отделены друг от друга. Это некая честь-совесть, которая не имеет других эквивалентов в языке и не мыслится как два разных явления, а существует в ментальности и лингвокультуре как одна субстанция: «Яхь – иза вайнехан шатайпанчу Гиллакхех цхьаь. Яхь – дикачу Гуллакхаш тӀехь кхечул оьшуш ца хила Герташ, гуттар а кыйсаман хӀолехь хилар». – «Честь – один из главных добродетелей человека». Существует противопоставление чести и бесчестия, выраженное в концепте **ЯХЬ/ ЧЕСТЬ**: «Оьзда яхь а, юьхь 1аьржор».

Концепт **ЯХЬ/ ЧЕСТЬ** тесно связан в чеченской лингвокультуре с концептом **КЪОНАХАЛЛА**- нравственный кодекс, чеченский кодекс чести *къонаха*. «Къонах – Оьзда яхь а йолуш, майрал, иштта синмехаллаш шеца йолу стаг ву». – «Къонах» - это благородный, отважный воин, сочетающий в себе лучшие добродетели» [9]. Главным богатством къонаха являются его честь и личное достоинство. Къонах не должен посягать на личное достоинство и честь других людей так же, как и на чужую собственность. При этом он должен быть снисходительным к слабостям и ошибкам других людей, но требовательным к самому себе.

Концепт **ЯХЬ** отражает также понятия репутация и стыд и тесно связано с концептом **ЮБХЬ** (лицо). Концепт **ЯХЬ** в чеченском языке может фигурировать и как личная честь/совесть, и как корпоративная: Оьзда яхь йолу къонах, яхь йолу нах». С точки зрения чеченской ментальности это «неделимая единица», которой человек либо наделен, либо нет. Следовательно, совесть — категория, неподвластная человеку, т.е. человек не может наделить другого человека или сам себя совестью, прибавить или убавить ее «количество», или «концентрацию».

Таким образом, сравнительный анализ содержания концептов **ЧЕСТЬ/СОВЕСТЬ** в русском и чеченском языках дает возможность описать содержание, метафоричность и многозначность, показывает близкую связь, в которой находятся понятия нравственности, совести и сознания человека.

Список литературы

1. *Аверина М.А.* Вербализация концепта «совесть» в современной русской публицистике [Текст] / М. А. Аверина // *Инновации в науке.* — 2014. — № 34. — С. 29–33. Литература 285
2. *Бахаева Л.М.* Изучение категории вежливости как регулятор поведения различных лингвокультур / Л. М. Бахаева // *Рефлексия.* – 2020. – № 2. – С. 53-57.
3. *Бахаева Л.М.* Концепт «мужчина» в чеченской лингвокультуре (на материале словарей) / Л. М. Бахаева // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2016. – № 10-1(64). – С. 40-42.
4. *Бочкарёв А.Е.* К определению концепта «совесть» в русской языковой картине мира [Текст] / А. Е. Бочкарёв // *Вестн. Моск. город. пед. ун-та. Сер. : Филология. Теория языка. Языковое образование.* — 2016. — № 1. —С. 41–53.
5. *Логический анализ языка: Культурные концепты* / под ред. Н. Д. Арутюновой. — М.: Наука, 1991. — 204 с.
6. *Морева А.В., Громова Е.А.* О признаковой структуре концепта «ЧЕСТЬ» в средневековой картине мира. / *Материалы Международной научно-практической конференции*/ - М., 2020. – 206 с.
7. *Карасаев А.Т., Мациев А.Г.* Русско-чеченский словарь. – М.: Русский язык, 1978. –728 с.
8. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – М: Академический Проект, 2004. – 471 с.

10.02.01

З.М. Дударева

Башкирский государственный университет,
Стерлитамакский филиал,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Стерлитамак, dudarevazm@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК ЭРГОНИМ

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием эргонимов, восходящих к прецедентным именам. Акцент работы сделан на анализе наименований магазинов, торгующих товарами для детей, что обусловило особый подход к подобному рода наименованиям. На основе анализа эргонимов показано, что использование прецедентных феноменов из сферы-источников «Сказка» и «Мультфильм» в качестве наименования магазинов является культурно значимым элементом в лингвистическом ландшафте города, в том числе в гносеологическом аспекте.

Ключевые слова: *прецедентность, прецедентный феномен, эргоним, язык города.*

В рамках современной лингвистики большое число исследований направлены на обсуждение трудностей раскрытия отличительных черт городского стиля.

Как справедливо замечает Е.А. Яковлева, «современная филологическая урбанонология, активизировавшаяся в конце XX века, опирается при изучении города на различные антропоцентрические дисциплины: семиотику, социо- и психолингвистику, фольклор, риторику, поэтику и др.» [14, с.771]

Б.А. Ларин отмечает: «Изучение городского языкового кода... предполагает взгляд на язык города как на особое явление городской культуры, своеобразный ее компонент» [5, с. 47].

Развивая идею города как семиотического механизма, Ю.М. Лотман писал: «Именно принципиальный семиотический полиглотизм любого города делает его полем разнообразных и в других условиях невозможных семиотических коллизий» [6, с.212].

И.В. Крюкова пишет о том, что одной из наиболее привлекательных для исследования относится проблема функционирования имен собственных в рамках городской лингвокультуры. Она отмечает, что вопрос о номинациях, формирующих облик города можно рассматривать как «первое и основное направление изучения городского ономастикона, под которым понимаем совокупность имен собственных разных разрядов, создающихся и функционирующих в городской среде под влиянием социокультурных особенностей городской жизни» [4, с. 5].

К наименее исследованным, но не менее важным и интересным приемам языковой игры для создания и сохранения у потенциальных покупателей положительной характеристики товара или услуги, можно отнести употребление прецедентных феноменов, представляющих собой главные элементы национальной когнитивной базы – системы знаний и образов, которыми владеют представители того или иного национально-лингвокультурного общества [3, с. 78]. К прецедентным относятся феномены «существенные для личности в познавательном и эмоциональном отношении, носящие сверхличностный характер, то есть хорошо знакомые и широкому окружению данной личности, обращение к которым повторяется неоднократно в дискурсе этой языковой личности» [2, с. 87].

Специалисты отмечают, что для современной массовой коммуникации характерна «экспансия прецедентности» [7, с.113].

Изучение научной литературы, связанной с исследованием прецедентных феноменов, показывает, что большинство авторов рассматривают особенности их использования в средствах массовой информации, что вполне оправданно. Э.В. Будаев подчеркивает, что высокий интерес исследователей к изучению прецедентных имен в медиадискурсе «связан не только с когнитивно-дискурсивной онтологией изучаемого предмета, но и с важной прагматической ролью прецедентности в СМИ» [1, с. 23].

В последнее время активизировалась работа по изучению прецедентных единиц в системе эргонимов. Из недавних работ отметим исследование функционирования прецедентных онимов в Тамбовской эргонимии [8,9]. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве города стали объектом исследования Е.Н. Ремчуковой, Т.П. Соколовой, Л.Р. Замалетдиновой [10]. Прецедентные имена в качестве одного из источников эргонимической номинации представлены в работе Т.В. Федотовой [12]. О необходимости выявления прецедентных текстов культуры, присутствующих в аудиовизуальной среде современного российского города пишут Л.А. Штомпель и О.М. Штомпель [13]. А.К. Тагиева рассматривает особенности прецедентной эргонимики на примере г. Гянджа [11].

Мы абсолютно согласны с утверждением, что «принципиальное значение для формирования как культуры города в целом, так и культуры горожан, в частности, имеет степень присутствия в аудиовизуальной среде города прецедентных текстов российской культуры», по той причине, что они как важнейшие элементы семиосферы обеспечивают «адекватное понимание и взаимодействие в ходе межпоколенческого, межнационального, внутригруппового диалога, поскольку включают в себя в качестве основы общепризнанную информацию, символику, систему устойчивых образов, стереотипов» [13, с.35].

Авторы работ по изучению феномена прецедентности в городской эргонимике уточняют, что в сфере коммерческой номинации наиболее употребительны прецедентные имена со сферой-источником «Литература» и «Кинематограф» [10, с.100].

Именно эти сферы и будут рассмотрены в данной работе. Поскольку речь идет о названиях магазинов, торгующих товарами для детей, мы исходим из того обстоятельства, что адресатом информации, заключенной в смысловом пространстве эргонима, являются не только взрослые, приобретающие эти товары, но и их дети, для которых, собственно, эти товары и предназначены. Это означает, что при выборе названия магазина номинаторам следует учитывать особенности целевой аудитории потенциальных покупателей.

На наш взгляд, распространенные эргонимы «Детский мир», «Мир детства», «Малыш» и другие, им подобные, не имеют рекламного эффекта, не являются значимыми в системе городской номинации.

Прецедентные же имена в качестве эргонимов обладают в том числе педагогическим эффектом, позволяя ребенку вновь и вновь обращаться к источникам прецедентности, имеющим большое значение в культуре народа.

Обозначим некоторые из подобных эргонимов.

Наименования магазинов «Колобок» и «Теремок» восходят к названиям русских народных сказок, знакомых каждому с самого раннего возраста.

Отметим, что в данной сфере прецедентных имен сложно разграничить наименования, восходящие к литературным произведениям, и эргонимы, имеющие в качестве сферы-источника мультипликационные фильмы, поскольку многие литературные произведения для детей положены в основу мультфильмов.

Наименования магазинов «Буратино» и «Мальвина» отсылают маленького посетителя магазина к сказке «Приключения Буратино» — (советский полнометражный рисованный мультфильм, созданный студией Союзмультфильм по сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино»). Кроме того, с героями этого произведения дети (и их родители) знакомы по детскому мюзиклу «Приключения Буратино», снятому в 1976 году.

Среди рассмотренных нами наименований встретилось и название «Пиноккио». Этот герой является прототипом Буратино из одноимённой сказки Карло Коллоди, которая имеет подзаголовок «История деревянной куклы», и в её тексте Пиноккио часто называется не по имени, а просто нарицательным именем «буратино» (итал. *il burattino* «кукла»).

Объяснение детям этого названия, возможно, приведет к их желанию прочитать и эту сказку итальянского автора или посмотреть британский фильм «Приключения Пиноккио», снятый в 1996 году.

Названия детских магазинов «Маугли» и «Балу» восходят к именам героев «Книги джунглей» Редьярда Киплинга. Детям эти персонажи в основном известны по одноименному мультфильму.

Мультфильм «Винни-Пух» о забавном медвежонке и его друзьях, снятый по сказке Алана Милна, дал одноименное название одному из детских магазинов. Этот же герой фигурирует и в эргониме «Галерея Винни».

Сравнение наименований «Винни-Пух» и «Галерея Винни» дает возможность говорить о двух типах использования прецедентных феноменов: в исконном и трансформированном виде. Второй из представленных вариантов уточняет понятие многообразия представленных товаров.

Интересным с точки зрения возможной трансформации прецедентного феномена является сопоставление следующих трех наименований: «Кошкин дом», «Крошкин дом» и «Ножкин дом».

Первый эргоним отсылает потребителя к одноименной пьесе-сказке С.Я. Маршака, при этом никак не характеризуя предлагаемый ассортимент товаров для детей. Трансформированное второе наименование уточняет возрастные особенности (товары для новорожденных), а третий вариант, в состав которого входит уменьшительно-ласкательная форма «ножка», характеризует как специфику магазина (магазин обуви), так и возраст потребителей товара.

Вывеска магазина помимо наименования, в основе которого лежит прецедентный феномен, может включать в себя и невербальный компонент.

Для адресата детского возраста присутствие невербального компонента усиливает аттрактивную функцию эргонима, особенно в том случае, когда он одновременно служит и для характеристики объекта.

Таким образом, эргоним, восходящий к прецедентному феномену, становится культурно значимым элементом в лингвистическом ландшафте города, в том числе в гносеологическом и лингвокультурном аспекте.

Прецедентные единицы в качестве наименования для детских магазинов привлекают внимание, легко воспринимаются, хорошо звучат, вызывают положительные эмоции и способствуют разнообразию эргонимического городского пространства.

Список литературы

1. Будаев Э.В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // Политическая лингвистика. — 2021. — № 3 (87). — С. 22-36.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 264 с.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
4. Крюкова И.В. Имена собственные в городской лингвокультуре: направления исследований// Городской ономастикон: материалы междунар. науч.-теор. онлайн-семинара молодых исследователей. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена». — 2015. — С. 4-11.
5. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. — М., 1977. — С. 175-189.
6. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002. — С. 208–221.
7. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. — Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования, 2007. — 207 с.
8. Прокофьева Т.О. Функционирование прецедентных онимов в Тамбовской эргонимии // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. — 2015. — № 6 (146). — С. 196-205.
9. Прокофьева Т.О. Мифы и сказки как источник эргонимических номинаций (на примере ономастикона Тамбовской области) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2016. — № 1(23). — С. 49-61.
10. Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П., Замалетдинова Л. Р. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города // Ценности и смыслы. — 2017. — № 6 (52). — С.94–108.
11. Тагиева К.А. Прецедентные имена в городской эргонимии (на материале г. Гянджа) // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). — 2021. — №1-4 (82). — С.31-35.
12. Федотова Т.В. Источники эргонимической номинации // Научный вестник Южного института менеджмента. — 2018. — №2. — С. 98-104.
13. Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Прецедентные тексты культуры в аудиовизуальной среде российского города // Научная мысль Кавказа. — 2018. — № 2. — С. 34-40.
14. Яковлева Е.А. Филологическая урбанология: новые аспекты изучения города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 6 (2). — С. 771-774.

10.02.01

Е.Р. Зайцев

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
филологический факультет, кафедра русской филологии,
Симферополь, egor.zts@gmail.com

НОВОСТНЫЕ МЕДИАТЕКСТЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

В статье рассматриваются особенности новостных медиатекстов как части регионального информационного пространства. Особенности медиатекстов определяются условиями их функционирования, спецификой региона распространения, ожиданиями целевой аудитории. Среди устойчивых признаков новостного медиатекста можно выделить четкую композиционную структуру, небольшой объем, подчеркнутую информативность, использование преимущественно нейтральной лексики и упрощение синтаксиса.

Ключевые слова: *медиатекст, медиадискурс, региональные СМИ, информационное пространство.*

Средства массовой информации играют все более значительную роль во всех сферах функционирования общества. При этом сама система СМИ за последние десятилетия претерпела значительные изменения под воздействием политических, экономических и технологических факторов. В современной медиасистеме региональные СМИ занимают особое место. Развитие региональных СМИ связано с перенесением предпочтений и интересов аудитории с общенационального на местный уровень.

Целью нашего исследования является описание особенностей новостных медиатекстов как значимой части информационного пространства, формируемого региональными СМИ. Объектом исследования выступает региональный медиадискурс, предметом – новостные медиатексты. Материалом исследования послужили публикации региональных информационных агентств Республики Крым «РИА Новости Крым», «Крыминформ», «Крымское информационное агентство».

СМИ активно формируют языковую картину мира, в связи с чем актуализируется значимость понятия медиадискурса как единого медийного информационного пространства, наполняемого текстами различных типов и тематики, транслирующих информационный и культурные смыслы, символы, архетипы. По замечанию Т. Г. Добросклонской, тексты СМИ выступают одной из наиболее значимых форм бытования языка, поскольку их «совокупная протяженность» превышает общий объем речи в других сферах деятельности [2, с. 28].

Изучение особенностей дискурса массмедиа возможно только в рамках исследования общей концепции дискурса, в которой он рассматривается как комплексное коммуникативное явление с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на коммуникативный процесс, в том числе характеристик отправителя сообщения и адресата, специфика производства, распространения и восприятия текста и т. д. Понятие медиадискурса можно описать как сообщение со всеми компонентами коммуникации, в то время как медиатекст – как сообщение с учетом специфики канала коммуникации [3, с. 124]. Е. С. Зиновьева определяет медиатекст как «последовательность знаков различных семиотических систем – языковых, графических, звуковых, визуальных – в различных сочетаниях, продиктованных спецификой канала массовой информации». Основными характеристиками медиатекста являются его нелинейность и объемность, обусловленные сложной структурой [5, с. 75].

Исследователи отмечают, что медиатексты формируют информационное пространство, оказывая значительное влияние на мировоззрение и восприятие действительности, а также на формирование языковой картины мира аудитории [8]. Медиатекстам присуща личностная направленность и апелляция к эмоциональной сфере адресата. Среди ключевых характеристик медитекстов можно выделить актуальность информации, значимость для аудитории, прагматическую установку на воздействие на массовое сознание. Важным свойством современных медиатекстов является также интертекстуальность [8]. Тексты СМИ, создающие информационную повестку дня, формируют открытую структуру: отдельные медиатексты как элементы глобального коммуникационного процесса в массовом сознании «монтируются» друг с другом и в совокупности создают модифицированную картину действительности [1].

«Медиатекст, несмотря на свою тематическую и жанрово-стилистическую разнородность и полиинтенциональность, призван воздействовать на коммуниканта в данный момент данной социальной реальности... и актуален для данного социума, живущего на данной территории с учетом политических, культурных, национальных и прочих особенностей» [8, с. 36-37]. В связи с этим в медиатекстах активно используются прецедентные феномены, культурные коды, сложившиеся в определенном лингвокультурном сообществе.

Л. Г. Егорова указывает на то, что медиатексты региональных СМИ, будучи частью общенационального информационного пространства, отражают специфику региона, сложившийся культурный код, значимые для территории политические, экономические, исторические и др. факторы. Особенности региона проявляются в формируемой СМИ повестке дня, выборе способов представления информации, интерпретации значимых событий, тематической и жанровой палитре медиатекстов, стилистике публикаций [4].

Для адресата медиатекста наиболее значимыми остаются такие его характеристики, как способ распространения, тематическая направленность и жанровые особенности, именно они определяют готовность аудитории к восприятию сообщения. При обращении к новостным медиатекстам адресат ожидает получить объективную и содержательную информацию о событии. Новостные тексты информируют аудиторию о наиболее значимых событиях в регионе, стране и мире и составляют основную часть современного медиадискурса, что обусловлено их функциональной спецификой – они реализуют базовые функции СМИ, такие как информационная, структурирующая и интерпретационная [7].

Новостные тексты обладают устойчивыми признаками на уровне формата, содержания и языковых средств. Для таких текстов характерен небольшой объем и информационная насыщенность, структурированность содержания, акцентирование внимания на наиболее значимых моментах, высокая семантическая плотность. Структура текста строится по принципу «перевернутой пирамиды» – наиболее значимая информация помещается в начале и по мере развертывания текста информационная нагрузка снижается [6]. При этом новостному медиатексту присущи четкая выделенность в информационном потоке, тематическая определенность, формальная и семантическая завершенность [7].

Исследователи указывают на то, что для новостных медиатекстов свойственна облегченность декодирования и восприятия, связанная, в том числе, с высоким уровнем клишированности, которая проявляется в активном использовании вводных оборотов, цитат, ссылок на источник информации, устоявшихся словосочетаний и т. д. [8]. Например, *Делегация представителей правительства Сирийской Арабской Республики (САР) едет в Крым для обсуждения вопросов экономического сотрудничества и туризма. Об этом Крыминформу сообщил вице-премьер правительства республики Георгий Мурадов (14.01.2022 Крыминформ); В Севастополе на серпантинном спуске в Инкерман из-за обледенения дороги произошло столкновение нескольких автомобилей, вызвавшее затор, ликвидировать который пришлось с участием сотрудников ДПС. Об этом сообщили в пресс-службе УВМД по Севастополю (1.02.2022, РИА Новости Крым).*

Наблюдается также упрощение синтаксиса для облегчения восприятия сообщения. Приведем показательный пример: *Парк львов «Тайган» в Белогорском районе и зоопарк «Сказка» в Ялте закрылись на реконструкцию из-за замечаний к вольерам для животных. Замечания возникли у Россельхознадзора. По оценке Зубкова, дорогостоящая реконструкция продлится примерно один-два месяца. «Большие деньги на ялтинский зоопарк и «Тайган» будут потрачены, десятки миллионов рублей», – уточнил собеседник агентства (16.01.2022, Крыминформ).* В тексте используются преимущественно простые короткие предложения.

Лексические средства, используемые авторами новостного медиатекста, призваны актуализировать в сознании адресата смыслы, подтексты, образы, оказывая влияние на общественное мнение и массовое сознание [8]. Так, при освещении актуальных проблем полуострова значительное внимание уделяется формированию положительного образа представителей власти посредством трансляции идеи их активного и эффективного участия в решении таких проблем: *В Крыму остро стоит проблема обустройства парковок возле объектов показа и дорог, ведущих к ним. Об этом сегодня на заседании Совета министров Крыма сообщил министр курортов и туризма Вадим Волченко. В свою очередь Аксёнов отметил, что сам искать эти участки не будет и потребовал от Минкурортов усилить работу по выбору необходимых участков, установлению их формы собственности. «Посмотрите, где можно построить такую парковку. Если государственная форма собственности, берите и делайте. Парковки нужны», – сказал Сергей Аксёнов (02.02.2022, Крымское информационное агентство).*

Рассматривая лингвистические особенности новостных медиатекстов региональных СМИ, следует отметить использование нейтральной лексики, отсутствие выраженной оценочности, минимизацию использования экспрессивных языковых средств: *Кампания по иммунизации подростков от новой коронавирусной инфекции стартовала в Крыму. Об этом сообщила пресс-служба министерства здравоохранения Крыма. В пресс-службе уточнили, что вакцина для подростков уже доставлена во все муниципальные округа Крыма – ее получили 27 медицинских учреждений (28.01.2022, Крыминформ).*

Указанные особенности проявляются и в заголовках, для них характерна подчеркнутая информативность без экспрессивной модальности: *Окончание благоустройства центральной площади Симферополя перенесли на неопределенный срок (31.01.2022, Крыминформ); Подрядчики строительства детского сада в Красногвардейском районе присвоили 51 млн рублей (28.01.2022, Крыминформ).*

Таким образом, особенности новостных медиатекстов в значительной мере определяются ожиданиями адресата сообщения – получить объективную и содержательную информацию. Для них характерен небольшой объем, информационная насыщенность, акцентирование внимания на наиболее значимых моментах, высокий уровень клишированности, использование нейтральной лексики. Лексические средства новостного медиатекста региональных СМИ актуализируют в сознании адресата определенные смыслы и образы, оказывая влияние на массовое сознание, и отражают ключевые особенности региона.

Список литературы

1. Горшков С.Ю. Медiateкст как структурообразующая единица информационной картины мира // Основы экономики, управления и права. – 2021. – № 5 (30). – С. 10-12.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). – М., 2008. – 263 с.
3. Добросклонская Т.Г. Медiateкст как единица дискурса средств массовой информации // Актуальные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация: материалы междунар. конф. (19-21 июня 2009 г.). – М.: Ремдер, 2009. – С. 124.
4. Егорова Л.Г. Специфика современного регионального дискурса СМИ (на примере печатной прессы Республики Крым) // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т.7. №4. – С.615-628.
5. Зиновьева Е.С. Изучение дискурса в рамках медиалингвистики // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 3. – С. 73–80
6. Лободенко Л.К. Особенности развития концепции и медiateкста сайта регионального телеканала // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2015. – № 2 (61). – С. 96-105.
7. Ремчукова Е.Н., Апостолиди А.А. Малоформатные медiateксты "новостного потока" в фокусе лингвистики: жанровые и языковые особенности // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9. № 3. – С. 651-668.
8. Ткач П. К вопросу о понятии медiateкста и его особенностях // Вестник науки и образования. – 2018. – № 8 (44). Т. 2 – С. 35-39.

10.02.01

С.М. Керимова

Московский городской педагогический университет,
институт гуманитарных наук,
кафедра русского языка и методики преподавания гуманитарных дисциплин,
Москва

**КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА»
В ТРУДАХ РУССКОГО ФИЛОСОФА ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЛЬИНА**

В статье рассмотрена реализация концепта «женщина» в трудах русского философа Ивана Александровича Ильина. Проясняются признаки концепта «женщина» в русской ментальности. Выявляется связь слова с концептом.

Ключевые слова: *слово, концепт, ментальность, женщина.*

В когнитивной лингвистике все еще актуально учение языковеда, литературоведа и философа Александра Афанасьевича Потебни о слове, в котором он отрицает полисемию, то есть многозначность слова, и настаивает, что слово должно употребляться в единственном значении. Он утверждает, что язык - это система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Слово, согласно его учению, становится осмысленным только в предложении и может иметь в этом случае единственное значение. Нужно понимать, что Александр Афанасьевич разделяет смысл и значение слова. Любые синтаксические изменения слова в построенном предложении, а соответственно и морфологические, влекут за собой новое значение. Резюмируя все вышесказанное, слово приобретает значение только в соотношении с другими словами. [5]

Также Потебня говорил о связи звучания и значения. Любое слово состоит из трёх элементов, а именно: звука, без которого слово не существует; способ представления мысли, его содержания и изображения; значения слова. В настоящее время в лингвистике слово считается не только как языковая постоянная величина, но и может иметь множество определений, меняться соответственно времени и пространства. Смысл всех этих значений формально представлен на письме концептом слова.

Рассмотрим определение значения концепта. Это смысловая сторона слова, которая относится к интеллектуальной, духовной или материальной области жизни человечества, его опыте, социальной практике. Слово и его субъективное значение несет смысловую нагрузку, опираясь на исторические события, тем самым выражается в языке. В трудах некоторых немецких философов концептом обозначают основную единицу ментальности, то есть единицей изучения менталитета, т.к. менталитет это естественное восприятие окружающего пространства в степени и формах своего языка. Данное восприятие в процессе осознания совмещает в себе умственные качества, с качествами волевыми и духовными, а также проявляет национальный характер.

По исследованию Владимира Викторовича Колесова, концепт входит в единицу ментальности «через все содержание формы слова, такие как образ, понятие и символ», приобретая свой смысл. [2] Но, нужно учитывать, что любая единица ментальности несет в себе национальное значение и колорит, соответственно все принципиально возможные значения в символично-смысловой функции языка как средства мышления и общения». [3] Подводя итог всему вышперечисленному, мы можем сказать, что концепт - квант ментальности, который осуществляется в его смысле и передается словом. [4]

На этой основе разберем выражение концепта «женщина» в трудах русского философа Ивана Александровича Ильина, вкладывающего в это особый смысл, и представляющего возникновение синонимии в лексеме «женщина» с такими словами как дитя, ангел и цветок.

Иван Александрович Ильин подчеркивает, что женщина может быть действительно счастливой, только в том случае, если сохранила в себе качество цветка - нежность и красоту во всем, а именно в восприятии окружающего пространства, её природную тайну, нежность в её фигуре и взоре.[1]

Предполагая синонимию со словом ангел, Ильин предлагает такую трактовку: любая добрая и достойная женщина может стать для своего любимого ангелом-хранителем, даже тогда, когда ее саму жизнь не балует. Примером этому может служить образ, описанный Достоевским в произведении «Преступлении и наказании» несчастной Сони.[1]

В своих философских суждениях Ильин представляет женщину как дитя, потому что на первом месте у нее чувства. И если её сердца легко добиться, то и ранить его — тоже легко. Она как дитя во многом непосредственна и не критична, а ее отношение к миру созерцательно. Только через чувства женщина постигает окружающее, и способом мышления выбирает интуицию. Она познает мир на уровне созерцательного восприятия и всей душой стремится к целостности и единству. Обладая искусством исправления любого несовершенства, несет в себе многовариативность своего наивного мироощущения и поведения. Поэтому женщина с самого начала времен была хранительницей веры, как способа восприятия ею истины.

Царство Божие всегда более благоволило к детям и женщинам, и именно поэтому поэты и художники чаще всего воспевают в своих работах женщин.[1] К тем, кто сердцем поёт и созерцает, и ищет понимания в таком же. Восприятие мира у женщин отличается от мужского мировосприятия, так как, ощущая этот мир в виде конкретной жизненной полноценности, что также свойственно детям, она находит в нем реальную обоснованность. Так и социальные неурядицы женщина воспринимает иначе - более органично, многозадачно и непременно с любовью. Ее восприятие можно назвать скорее этическим, а не политическим, так как оно, восприятие, более всего интуитивно, а не абстрактно.

Но не нужно ожидать от женщины, что всегда она будет полна любви и доброты, так как ощущение мира у нее основано на чувствах, она может быть в разное время как капризна, так и целеустремленна, как надежна, так и ветрена, а также коварна, безответственна и даже жестока.

Вот таким получается образ женщины в концепции философского суждения И.А.Ильина, объединяющее в себе три облика – цветка, дитя и ангела. Все это сочетается в извечное женственное начало.

В чем же предназначение женщины? Этот вопрос с древности и до сих пор будоражит умы всех – от философа до мастерового, и у каждого на этот счет свое мнение. Этот вопрос не минул и Ильина - у каждой женщины есть предназначения, он указывает на самые важные из них, но добавляет, что ими ее предназначение не исчерпывается, но и имеет свои пределы. Следующие описанные три предназначения женщины объединяют предположения многих.

Одним из первых и важнейших предназначений женщины, по мнению Ильина – «быть живым источником любви». Это ее главная сила, с которой она идет по жизни как ее носительница, в любви, в ней же смысл ее существования, любовь – ее самый главный орган. Смысл женщины не столько в любви физической и деторождении, как ее проявлении, сколько в тончайшем колебании душевных сфер. Женщина, несущая любовь духовную, это и есть духовный оплот своего народа.

Цитируя Ильина: «Без любви нет ни брака, ни материнства, ни отцовства, ни семьи, ни сынов, ни дочерей, ни братьев, ни сестёр — все бессмысленно, все мертво». [1] Тот, кто пытается основать семью без любви, тот убивает саму её суть, это все равно, что лишить человека души или осквернить святыню. Все, что будет создано в такой семье, будет не твердым, опошленным низменными потребностями и будет нести только обман.

Центром жизни и возрождения является женщина. Ее сила вырабатывать и отдавать любовь, рождать новый ее образ – основа жизни. Ребёнком женщина радуется своих родных и близких нежной привязанностью, девушкой же выплескивает в мир пробуждающуюся любовь, в поисках своего единственного.

Потом, по словам Ильина, она концентрирует вокруг себя всю любовь в полном и интенсивном объеме. И это чудо неиссякаемого источника любви живёт в ней на протяжении всей человеческой истории. Ее любовь хранит семейный очаг со всем многообразием семейных духовных традиции, которые она, как наследство передает своим дочерям, чтобы любовь и дальше жила и множилась.

Гибель страны наступает тогда, когда закончится в ней женская чистая любовь, но как феникс из пепла восстанет народ, в котором женщина полна любви.

Второе предназначение женщины быть кормилицей. Так предопределено природой: мать кормит ребенка своим молоком, что является ее долгом и привилегией, по аналогии с этим, далеко не случайно, женщина выступает кормилицей семьи, кухня - это домашний очаг, ее обязанность и творческая сфера. [1]

У каждого народа своя «кухня»[1], которая определяется многими различными по своим особенностям факторами. В эти факторы входят такие действующие составляющие как климат, нуждами народного организма, разновидности животных и растений. Любое национальное блюдо это отражение национальных ценностей и культуры, а также отражение мудрости народа.

В кухне народов мира сосредоточены все его традиции, культура питания, здоровья и вкуса к жизни; приготовление пищи это искусство в своей природной мудрости. Обязанность женщины, как хранительницы очага это искусство сохранять и обогащать. Она повелительница хозяйства, по ее желанию в доме создается порядок, создается определенный семейный и организуется семейный быт. Ведение хозяйства – это тоже в своей мере сохранение традиций определенного народа именуемый всюду, по словам И.А. Ильина, «воздухом» Отчизны.

Третье же ее предназначение – быть целительницей. Любая мать инстинктивно чувствует, что необходимо её плачущему малышу, и это в ней тоже от природы: знать, когда и чем помочь своему ребенку. Связь эта между матерью и ребенком на уровне тончайших духовных нитей, в дальнейшем провоцирует женщину проявлять свой материнский инстинкт и по отношению не только к детям, но и к другим людям. На основании этого инстинкта у женщины развивается дар чувствовать и понимать, в чем потеряна гармония и требует восстановления и исцеления.

Сердце матери способно безошибочно определить как у своего родного ребенка причину страданий, так и, вследствие развития этого лекарского дара, определить совершенно у посторонних людей причину и глубину страданий.

Часто бывает, что женщина с профессией врача может творить чудеса в плане диагноза, так как обладает материнским инстинктом и всеми тремя своими появлениями - цветком, дитём и ангелом-хранителем.[1] Тогда она становится гармонично развитой женщиной во всех ее проявлениях.

Резюмируя все описанное выше, мы можем сказать, что классификация предназначения женщин, описанная Иваном Александровичем Ильиным, наиболее точно и исчерпывающе передает характер русской женщины. Он называет женщину цветком, дитем и ангелом. Песню ее сердца образуют мелодия и гармония «извечно женственного».[1] Если в женщине гармонично сочетаются все три этих образа, то ей удастся невозможное и подчиняются законы жизни. А все то, что искажает в ней эти три сущности - цветка, ребёнка и ангела-хранителя; все, лишает ее природного дара любви – ложь. Если жизненная установка женщины вдруг меняется в сторону прагматизма, трезвого расчета, каких-то прозаичных принятий решений, все это убивает в женщине все то, что от щедрот своих подарила ей природа.[1]

Иван Александрович Ильин в своих трудах определил концепт «женщина». По этому концепту можно сказать, что женщина – это хрупкая хрустальная ваза, которую можно разбить, но не согнуть и не изменить, она останется такой, какой была задумана природой.

Как бы ни менялась история, нормы и правила общества, женщина, в каких бы условиях не воспитывалась, всегда будет служить своим предназначениям. Ильин считает, что женщина подходит не ко всякой профессии, но способна на гораздо большее, нежели может органически и духовно. Как сказал Некрасов (1821-1877) в своем знаменитом стихотворении «Есть женщины в русских селеньях», обожаемым русским народом: «Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет...» В философских рассуждениях Ильина четко прослеживается проявление ментальности народа.

Список литературы

1. *Ильин Иван Александрович* «Книга надежд и утешений», изд. Альта-Принт 2006 г., с.385.
2. *Колесов В.В* Реализм и номинализм в русской философии языка – СПб., 2007.- С.13.
3. *Колесов В.В.* Слово и дело: Из истории русских слов – СПб., 2004. – С.75.
4. *Колесов В.В, Пименова М.В.* Концептология: учебное пособие, Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2012 – с.248, 45.
5. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Собрание трудов. – М., 1999. – 269 с.

10.02.01

П.А. Колобаев канд. филол. наук

Сибирский федеральный университет,
Институт филологии и языковой коммуникации,
кафедра русского языка и речевой коммуникации,
Красноярск, pkolobaev@sfu-kras.ru

МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «ДУХОВНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ» И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

В статье представляется модель описания речевого жанра «духовные воспоминания», в которую были включены такие параметры, как адресат, адресант, духовно-религиозные интенции автора, христианские образы, репрезентативные лингвостилистические средства, автобиографическая составляющая, проявление локуса. На материале произведений митрополита Евлогия (Георгиевского), митрополита Вениамина (Федченкова), епископа Василия (Родзянко), архимандрита Тихона (Агрикова) показывается реализация модели, разработанной в ходе исследования, определяются основные черты описываемого речевого жанра. В результате исследования делается вывод о наличии в жанре «духовные воспоминания» автобиографического компонента, показывающего путь религиозного становления человека, и особого локуса, места обретения истинных ценностей и христианских смыслов.

Ключевые слова: теолингвистика; речевой жанр; воспоминания; духовные воспоминания; модель жанра, автобиографическая составляющая.

Речевой жанр воспоминаний в российской филологии начинает активно изучаться в конце XX века – начале XXI века. К рассмотрению этого языкового явления обращались Я. В. Мызникова, отмечавшая, что воспоминания «представляют собой вербализацию прошлого опыта» [11, с. 67], С. В. Волошина, указывавшая на то, что воспоминания выполняют жанрообразующую, текстостроительную, дидактическую функции в автобиографических рассказах [3, с. 227], О. П. Кормазина, рассматривавшая проблему внутрижанровой типологии воспоминаний и выделявшая собственные и чужие воспоминания [10, с. 180], Т. П. Сухотерина, показавшая с помощью лингвистического анализа, что «воспоминания о войне обладают жанровыми характеристиками, позволяющими вписать данный жанр в жанровое пространство естественной письменной речи» [15, с. 344], Н. З. Коковина, исследовавшая воплощение феномена памяти в художественном тексте XIX века [8].

Несмотря на то, что количество работ, посвященных изучению речевого жанра воспоминаний в различных аспектах, увеличивается, многие вопросы по-прежнему остаются дискуссионными. Новизна представляемого исследования определяется обращением к малоизученному с позиций стилистики и теолингвистики речевому жанру «духовные воспоминания». Материалом исследования послужили тексты церковных писателей XX века – митрополита Евлогия (Георгиевского), митрополита Вениамина (Федченкова), епископа Василия (Родзянко), архимандрита Тихона (Агрикова).

Предметом изучения стали «духовные воспоминания», изучение которых представляет ценность для теолингвистики, поскольку данный речевой жанр является частью системы документальных жанров церковно-религиозного стиля русского языка.

В предыдущей работе [9, с.91-97] нами были рассмотрены идейно-тематические, композиционные и стилистические особенности духовных воспоминаний. Главная цель настоящего исследования состоит в подборе основных параметров модели описания речевого жанра «духовные воспоминания» и рассмотрении ее реализации. В данной работе

используется метод жанрового моделирования, сущность которого заключается «в демонстрации структурности описательных жанровых моделей, их системности, равно как и распределении в них жанроопределяющих критериев» [6, с.55]. В основе описания исследуемого речевого жанра лежат модели, разработанные А.Н. Смолиной [8, с.800-811] для анализа таких жанров, как «духовное эссе», «духовный дневник». Для анализа модели описания речевого жанра «духовные воспоминания» были взяты такие параметры, как адресант, адресат, духовно-религиозные интенции автора, репрезентативные лингвостилистические средства, христианские образы. Нами были добавлены следующие параметры: автобиографический компонент и проявление локуса.

Перейдем к рассмотрению воплощения модели описания речевого жанра «духовные воспоминания».

1. Адресантом речевого жанра «духовные воспоминания», функционирующего в церковно-религиозном стиле, является церковный писатель, который, как правило, имеет священнический сан. Это обстоятельство находит свое отражение в тех фактах, событиях, ситуациях, которые становятся предметом воспоминаний автора.

Таким образом, в духовных воспоминаниях показана ценность собственной жизни автора, поскольку процесс его воспоминаний превращается в акт самопознания или ауторефлексии, что представлено в других жанрах, например, «духовный дневник», «духовное эссе».

2. Адресатом воспоминаний духовного содержания является широкий круг читателей. Прежде всего, это люди, интересующиеся вопросами религиозной жизни, а также священнослужители, которые найдут в текстах духовных воспоминаний яркие примеры для создания других жанров церковно-религиозного стиля: проповеди, духовного эссе, духовного дневника и мн. др.

3. Духовно-религиозные интенции авторов духовных воспоминаний связаны с широким кругом вопросов, касающихся духовного осмысления человеческого существования. В фактах личной жизни церковный писатель стремится показать способы проявления Божьего Промысла в жизни человека, под которым в христианской догматике понимается то «попечение, которое Бог имеет о всех существах мира» [5, с.345]. Проиллюстрируем это следующим примером: «Особенно мне запомнился сам момент прихода в Духовную школу. Я об этом вспоминаю потому, что это был поворотный этап в моей жизни. Причем так явно действовал здесь Промысл Божий, что дивно и трепетно вспоминать об этом» [1, с. 24]. Следует отметить, что и в текстах воспоминаний митрополита Вениамина (Федченкова) во многих синтаксических конструкциях используется словосочетание «Божий Промысл», а также лексемы «путь», «жизнь», «дорога», «судьба», которые наполняются религиозным содержанием.

К интенциям, свойственным речевому жанру «духовные воспоминания», также относится выражение собственных мыслей по вопросам мироустройства. Этот компонент специфичен тем, что авторы отражают представления о христианском мироустройстве. Так, например, архимандрит Тихон (Агриков) представляет модель мира, в основание которой положен крест: «Жизнь христианская крестна. Любовь христианская, и особенно пастырская, сугубо крестна, да и вся Вселенная создана во образ креста. Север, Юг, Восток, Запад. Мы живем в кресте, с крестом и крест носим в себе» [1, с.34]. Крест в христианском понимании – это «орудие казни Христа, ставшее орудием искупления и спасения человека» [7, с. 540]. Прообразом креста в ветхозаветной библейской истории является ковчег Завета, хранивший каменные скрижали (плиты) с десятью заповедями, которые дал Бог пророку Моисею. Крест в богословском осмыслении является «прообразом эсхатологического царства Христа» [7, с. 542]. Автор воспоминаний указывает на то, что географическое расположение сторон света по форме напоминает крест. Таким образом, крестоцентричное устройство мира в понимании Тихона (Агрикова) напоминает о главной цели жизни человека – спасении души, к чему и призывают авторы духовных воспоминаний.

Таким образом, благодаря этому параметру можно выделить такую черту духовных воспоминаний, как интенциональность, связанную со стремлением к богопознанию, христианскому осмыслению жизни.

4. В исследуемом нами жанре особое место занимают христианские образы, с их помощью репрезентуется какая-либо добродетель, задается вектор духовного роста человека, моделируется образ христианина. Для этого авторы в большей степени используют агиографические и евангельские образы (*пастыря, креста, рая, Господа Иисуса Христа, Божией Матери, пророков*). Зачастую сюжетная линия текстов духовных воспоминаний строится вокруг жизнеописания христиан, речевые портреты которых делают исследуемый нами жанр уникальным и наполняют его высоким нравственно-дидактическим потенциалом, поскольку создаются портреты тех уникальных личностей, у которых современный читатель может учиться исполнению евангельского образа жизни и Божиим заповедям. Образ *доброто пастыря* – один из самых частотных в исследуемом нами речевом жанре. Так, например, вспоминая архимандрита Маврикия (Томина), архимандрит Тихон (Агриков) пишет: «*Это был тихий и кроткий батюшка. Он часто исповедовал и народ, и братию. Никогда не забуду его теплых, отеческих слов, которые и сейчас звучат у меня в ушах*» [1, с. 46]. В приведенном нами выше фрагменте автор с помощью глаголов речемыслительной деятельности (*помню, не забуду, не знал, услышал*) восстанавливает в памяти ценное свидетельство из прошлого. Автор книги воспоминаний «У Троицы окрыленные» архимандрит Тихон (Агриков) представляет современному читателю галерею православных подвижников, одним из которых был насельник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Маврикий (Томин). С собой он являет пример доброго пастыря, который, по словам апостола и евангелиста Иоанна Богослова, «душу свою полагает за овцы» [2, с. 1316]. Для создания этого образа Тихон (Агриков) использует тропеические средства. Одни эпитеты (*тихий, кроткий*) описывают внутренние качества священнослужителя, другие – *теплые, отеческие* – характеризуют его речевую манеру. Важно отметить, что в контексте евангельской притчи о добром пастыре [2, с. 1316] рассматриваемый нами христианский образ символичен, так как добрый пастырь, прежде всего, олицетворяет Иисуса Христа.

В анализируемых текстах духовных воспоминаний нами были также выявлены: 1) агиографические образы: с их помощью авторами раскрывается вся полнота евангельского образа жизни. Они выполняют нравственно-дидактическую функцию; 2) библейские образы (*Господа Иисуса Христа, Божией Матери*). Образ Господа, Иисуса Христа, является центральным в духовных воспоминаниях, что свидетельствует о христоцентричности мировоззрения их авторов. Среди библейских образов можно выделить ветхозаветные образы (*изгнание из рая Адама и Евы, Ноева ковчега, Иова Многострадального, пророка Давида, царя Соломона* и мн. др.) и новозаветные образы (*Марфы и Марии, самарянина, сеятеля, немилосердного должника, десяти дев, блудного сына* и другие, восходящие к притчам Иисуса Христа).

Таким образом, рассмотренные нами некоторые христианские образы организуют ценностно-смысловое поле религиозного текста, благодаря им автор показывает читателю вектор духовного роста, совершенствования. Христианская ветхозаветная и новозаветная образность становится отличительной чертой исследуемого нами жанра.

5. Жанр «духовные воспоминания» имеет особенности языкового воплощения. В нем встречаются типичные для этого речевого жанра языковые особенности: 1) использование глаголов в форме прошедшего времени с центральным компонентом «память»: *помню, вспомнилось, вспомнил*; 2) метатекстовые лексические единицы: *приходит на память, помню как сейчас, нельзя не вспомнить*. Пример: «*Помню, проповеди он говорил – всегда плакал*» [1, с. 43]; 3) одним из способов репрезентации прошлого являются противопоставления временных пластов при помощи лексических маркеров «тогда» – «сейчас»; «раньше», «прежде» – «теперь», «сейчас». Приведем пример: «*Только **вчера** Саша ходил, трудился, молился, переживал, а вот **теперь**...Ничего ему не надо. Все осталось **здесь***». [1, с.84]; 4) использование риторических обращений адресанта к условному собеседнику с целью

создания диалогичности монологического текста. Как правило, это всегда императивные синтаксические конструкции: «Дорогой брат наш Александр, по зову сердца ты пришел во святую обитель Преподобного Сергия. <...> Юность свою святую употребил на послушание. Оно тебя и возвысило, и вознесло к горным райским селениям, к сияющему, как молния, Престолу Святой Троицы. **Поминай нас, не забывай, поставь за нас пред вечно живым Богом горящую свечку**» [1, с. 86].

К другим особенностям относятся: функционирование теонимов (*Христос, Божия Матерь, Троица*); экклезионимов (*Троице-Сергиева Лавра, храм в честь Казанской иконы Божией Матери*); наименований библейских событий (*Рождество Христово, Благовещение Пресвятой Богородицы*); наименований ветхозаветных патриархов, пророков, царей (*Авраам, Исаак, Соломон, Иосиф, Моисей*) и новозаветных героев (*Мария Магдалина, апостол Павел, Симон Кириинянин*); наименований церковных таинств (*миропомазание, крещение, покаяние*); лексических единиц, которые называют лиц, связанных с религиозной деятельностью (*епископ, митрополит, иеромонах, протоиерей*); лексические единицы, которые называют богослужебные книги (*Евангелие, Апостол, псалтирь, часослов*); наименований богослужебных предметов (*крест, дискос, антиминс, чаша*); церковной утвари (*аналой, кадило, подсвечник*); наименований богослужебной одежды, в том числе иерархических богослужебных наград (*епитрахиль, фелонь, набедренник, митра, наперсный крест*); наименования частей православного храма (*амвон, иконостас, царские врата, паперть, солея*). Перечисленные нами выше лексические единицы становятся средством создания христианских образов, воплощения идейно-тематических компонентов религиозного текста.

Рассмотрим специфические параметры, которые помогают определить основные характерные черты и признаки духовных воспоминаний.

1. Автобиографическая составляющая – основа исследуемых нами текстов, в центре внимания которых «возвращение в прошлое, к истокам жизни: семьи, рода, своеобразное путешествие в прошлое» [8, с. 32]. Как правило, они начинаются с описания места рождения с указанием важных в религиозном плане фактов биографии: «Родился я 10 апреля в 1868 году **на Пасху** в захолустном селе Сомове Одоевского уезда Тульской губернии, расположенном на большаке между Белёвым и Одоевым. При **святом крещении** я был назван **Василием**. Отец мой, Семен Иванович Георгиевский, был **сельский священник**» [4]. Также авторы вспоминают уклад семейной жизни, который был религиозным, патриархальным. Он показывает характерные черты быта русского священства XX века. Зачастую в детских воспоминаниях автора находятся примеры, указывающие на предназначение священнического или монашеского пути.

Помимо кратких автобиографических сведений о детстве, авторы акцентируют внимание на основных вехах духовной юности и зрелости, которые проходят чаще всего в высших учебных заведениях, духовных семинариях. Предметом воспоминаний может стать также духовная старость. Например, Тихон (Агриков) вспоминает последние годы жизни людей, пришедших в Троице-Сергиеву лавру. Автор акцентирует внимание на событиях, которые напрямую связаны с их духовной жизнью, работой над собой (выполнением какого-то монастырского послушания, участием в молитвенной жизни обители и др.). Примечательно, что в основу авторского повествования архимандрит Тихон (Агриков) включает краткие биографические сведения того или иного старца, послушника, монаха, инока. Эти жизнеописания использованы автором с целью иллюстрации бескорыстного и искреннего служения Богу и ближним, показывают непростой путь воцерковления и духовного преображения человека. В автобиографическую канву повествования включаются также факты из жизни Церкви, государства, мира, а также показывается преемственность духовного опыта, которая может быть выражена в суждениях автора о самом себе, о своем становлении на пути к Богу, опыте преодоления страстей и греховных привычек, воцерковления, богопознания, богообщения.

Автобиографический компонент духовных воспоминаний отличается от иных воспоминаний тем, что в нем представлены события из жизни автора и знакомых ему людей, в которых показаны различные свидетельства существования сверхъестественного мира; авторы зачастую вспоминают факты личной биографии, в которых показаны случаи проявления Промысла Бога в жизни человека (обретение веры, семьи, духовных наставников, случаи исцеления больных по молитвам близких, изменение действия физических законов, направление всех событий из жизни человека к предназначенным Богу целям). Автобиографический компонент специфичен и тем, что в нем показаны истоки христианского становления авторов; их путь от неверия к вере; встречи с людьми (священнослужителями, монахами, старцами, мирянами), ведущими внутреннюю религиозную жизнь, обладающими морально-духовным качествами. Зачастую детские впечатления авторов складываются из их воспоминаний о православных праздниках, богослужениях, семейных традициях, домашней молитве, подготовке к церковным праздникам. В языковом плане это отражается в использовании религиозных тематических групп (*Пасха, Петров пост, батюшка, клубук, Промысл Божий, кропило, иконостас, трисвятое, говенье*).

Используя этот параметр при анализе текстов духовных воспоминаний, можно выделить следующие характерные черты: наличие автобиографической составляющей, в которой автор показывает этапы становления себя как духовной личности; проявление теоцентричности и христоцентричности авторского мировоззрения. В автобиографических отрезках текста всегда представлено начало, истоки духовного пути церковного писателя, его многотрудные поиски Бога, опыт познания человека и окружающей действительности с позиции христианского мировоззрения. Авторам духовных воспоминаний свойственно стремление осмыслить свое прошлое, зафиксировать его в письменном виде и передать следующему поколению с целью сохранения преемственности духовного опыта.

2. Проявление локуса – это еще один специфический параметр, помогающий нам в большей степени определить характерные признаки жанра. Локус – это «включенное в художественный текст автором намеренно или подсознательно пространство» [14, с. 112]. Локус воспоминаний отражает пространственно-временную особенность текста. Важным для автора становится то место, где состоялась его встреча с Богом; это место обретения главных смыслов человеческого существования. Локусный элемент духовных воспоминаний также становится основой сюжетной линии, позволяет определить главное для христианина место обретения веры. Человеку свойственно стремление сохранить в памяти место (географическое пространство), где произошло какое-то важное событие, оставившее глубокий след в жизни. В связи с этим у одних авторов важным для духовного роста локусом является монастырь (*Афонский монастырь, Валаамский монастырь, Оптина пустынь* в воспоминаниях митрополита Вениамина (Федченкова)), у других – значимые для христианина города (*Иерусалим, Вифлеем*). В этих местах у авторов происходят первая исповедь, изменение жизненной цели, переосмысление базовых морально-этических принципов и наполнение их религиозным содержанием. Например, автор книги «У Троицы окрыленные» пишет: **«Став у престола Божия, человек невольно внешне и внутренне преобразуется, просветляется, делается совсем другим. И мысли у него другие, духовные, и чувства, и даже движения, голос»** [1, с. 30].

Еще одна особенность проявления локуса заключается в описании значимости того места, в котором совершаются важные с духовной точки зрения моменты: *«Отец Иларий получил свой монашеский постриг и дал обеты не где-нибудь, а на старом Афоне»* [1, с.434]. Локус воспоминаний епископа Василия (Родзянко) – это Сербия и Югославия, где автор знакомится с митрополитом Антонием (Храповицким) и иеромонахом Иоанном (Максимовичем), оказавших впоследствии на него духовное влияние: *«Под воздействием этих двух людей моя измученная душа начала потихоньку оттаивать»* [12, с. 101]. Митрополит Вениамин (Федченков) вспоминает храм, где произошла встреча с монахом, который определил его дальнейшую судьбу: *«Он, должно быть, благословил нас, а обо мне*

сказал: «Он будет святитель!» [16].

Таким образом, благодаря этому параметру можно выявить следующие характерные признаки жанра: проявление особого локуса воспоминаний, благодаря которому человек внутренне изменяется, его мировоззрение становится христоцентричным.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы: 1) к основным параметрам модели описания речевого жанра «духовные воспоминания» относятся: наличие адресанта, в роли которого выступают церковные писатели (священнослужители, монашествующие, а также известные архипастыри Русской православной церкви); адресатом является именно такой читатель, который проявляет интерес к церковно-религиозной культуре, традициям и практическим вопросам духовной жизни; духовно-религиозные интенции авторов способствуют выражению их собственных мыслей по вопросам христианского мироустройства, духовного самосовершенствования, изучения проявления Божьего Промысла в жизни каждого человека; христианские образы в большей степени агиографического и библейского происхождения организуют ценностно-смысловое поле религиозного текста; репрезентативные лингвостилистические средства помогают воплощению языковых особенностей воспоминаний; 2) исследованный нами речевой жанр имеет черты смежных речевых жанров. Это сближает его, например, с жанрами «духовный дневник», «духовное эссе». При этом духовные воспоминания имеют свои особенности: наличие ярко выраженного автобиографического компонента, в котором показан путь преобразования человека и его души, и проявление локуса воспоминаний; 3) к характерным чертам и признакам речевого жанра «духовные воспоминания» относятся: исповедальность, отражающаяся в духовных откровениях церковного писателя; в рассмотрении сквозь призму личностного духовного опыта фактов, событий, явлений, мыслей; миссионерская направленность, заключающаяся в проповеди Евангелия посредством религиозного текста. Вспоминая факты собственной биографии, авторы рассуждают о путях Божественного Промысла в жизни каждого человека, что позволяет нам сделать вывод о провиденциализме как черте мировоззрения авторов духовных воспоминаний.

Авторами духовных воспоминаний являются не только священнослужители, но и миряне, духовные чада, келейники. В связи с этим перспектива дальнейшего исследования видится нами в разработке модели описания таких речевых субжанрах (жанровых типах), как «воспоминания духовных чад», «автобиографические заметки».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44099 «Разработка способов и моделей анализа религиозных текстов как один из путей развития теолингвистики».

Список литературы

1. *Агриков Тихон, архимандрит. У Троицы окрыленные: воспоминания.* Москва: «Духовное преображение», 2013.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. Киев: «Феникс», 2012.
3. *Волошина С.В.* Воспоминания о родителях в структуре автобиографических рассказов сибиряков // *Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: материалы межд. научной конференции, Орел, 2020.* – С. 223-227.
4. *Георгиевский Евлогий, митрополит.* Путь моей жизни. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/put-moej-zhizni>
5. *Давыденков О.В., протоиерей.* Догматическое богословие. Москва: Издательство ПСТГУ, 2017.
6. *Долгова Е.В.* К вопросу исследования речевого жанра «портрет человека» в медийном дискурсе // *Межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник научн. трудов. Томск, 2016.* – С. 55-58.
7. *Илларион (Алфеев), митрополит.* Крест // *Православная энциклопедия.* Т.38. – С. 540-558.
8. *Коковина Н.З.* Категория памяти в русской литературе XIX века. Диссертация ...доктора филологических наук. Тверь, 2004.
9. *Колобаев П.А.* Речевой жанр «духовное воспоминание»: тематика, композиция, стилистические особенности // *Казанская наука, 2021. №10.* – С. 91-97.
10. *Кормазина О.П.* Воспоминание как жанр разговорной речи: к проблеме типологии // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014.* – С. 172-180.
11. *Мызникова Я.В.* Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // *Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 4(28).* – С. 66-72.
12. *Родзянко Василий, епископ.* Моя судьба. Воспоминания. М.: «Издательство Сретенского монастыря», 2015.
13. *Смолина А.Н.* Модель описания жанра «духовный дневник»: стилистический и теолингвистический аспекты // *Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022; Т.15 (3).* – С. 800-811.
14. *Субботина Т.В.* Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // *Вестник ЧелГУ, 2011; Вып. 57.* – С. 111-113.
15. *Сухотерина Т.П.* Воспоминания о Великой Отечественной войне: жанровый аспект // *Мир науки, культуры, образования. 2015. №3.* – С. 342-344.
16. *Федченков Вениамин, митрополит.* Промысл Божий в моей жизни. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/promysl-bozhij-v-moej-zhizni

10.02.01

Т.С. Кондратьева канд. филол. наук, И.М. Любина канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
факультет романо-германской филологии,
кафедра прикладной лингвистики и новых информационных технологий,
Краснодар, tanja-anja72@mail.ru, docent.lubina@mail.ru

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО АНТРОПОНИМА МОИСЕЙ В МАСС-МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

В работе представлены результаты анализа семантико-прагматических особенностей реализации прецедентного антропонима Моисей как составляющей актуального медиaprостранства, а также выявлены ядерные семантические компоненты, лежащие в основе формирования прецедентного антропонима при его реализации в текстах СМИ.

Ключевые слова: *прецедентный антропоним, медиатекст, Моисей.*

Наивная картина мира представителя любой лингвокультуры формируется посредством ключевых слов, конструкций, сюжетов, глубоко и полно отражающих, с одной стороны, исторический опыт данного социума, с другой, – его систему ценностей. Данный факт определяет высокую частотность использования прецедентных единиц, понимаемых сегодня как такие, которые «принадлежат сознанию, детерминируются культурой и опредмечиваются в языке» (работы Н. В. Бурвиковой, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, Ю. Н. Караулова, В. Г. Костомарова, В. В. Красных, Е. А. Нахимовой, Г. Г. Слышкина и др.). В начале XXI века прецедентные единицы всё больше насыщают актуальное медиaprостранство, становясь его неотъемлемой частью. Значимость прецедентных единиц в медиатекстах политической направленности подтверждается выводами Д. Б. Гудкова, который считает, что «прецедентные феномены играют важную роль в консолидации того или иного социума – именно общность стоящих за ними представлений и связанных с ними оценок служит осознанию членами некоторой социальной группы своего единства» [3]. Развивая данную идею, А. В. Васильев справедливо подчеркивает, что «слова и устойчивые словосочетания, отражающие и запечатлевающие многообразные явления в сознании людей, способны при определенных условиях воздействовать на носителей языка, выступая стимуляторами, которые вызывают довольно прогнозируемые реакции» [4]. Способов существования и обращения к прецедентным феноменам в социуме, по мнению Ю. Н. Караулова, всего три: натуральный способ, когда текст доходит до читателя в первоизданном виде; вторичный, предполагающий трансформацию информации; семиотический, обращение к тексту дается намеком, отсылкой или признаком, тем самым обращаясь ко всему тексту в процессе коммуникации с целью соотнести его с определенной ситуацией или крупным жизненным событием [5]. Соотнесение прецедентного текста с той или иной ситуацией возможно только в определенном дискурсе с учетом фоновых знаний реципиента. Как отмечает Е.А. Нахимова, «рассмотрение сфер-источников прецедентности может предоставить также интересный материал как для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах адресата [6]. Тесная связь между русским национальным сознанием и спецификой языковых единиц образной системы лежит в основе метафорического моделирования современных медиатекстов. Языковые единицы, входящие в сферу-источник «Библия», при реализации в контекстах приобретают яркую образность и оценочность, представляют собой серьезный инструмент для манипулирования и являются ценным фрагментом актуального медиадискурса. По мнению Г. Г. Слышкина, «частые отсылки к тексту в процессе построения новых текстов в виде реминисценций есть показатели ценностного отношения к данному тексту и, следовательно, его прецедентности» [7].

Перейдём к анализу прецедентного антропонима Моисей в текстах СМИ. Согласно данным «Библейского энциклопедического словаря» [1], в истории и религии Моисей – это «предводитель израильских племен, призванный богом Яхве вывести израильтян из фараоновского рабства сквозь расступившиеся воды Красного моря». У иудеев, христиан и мусульман Моисей – пророк, «вождь и законодатель народа Еврейского, пророк и первый священный бытописатель». В текстах современных СМИ данный антропоним реализуется в значении, значительно отличающемся от денотативного, эксплицируя лишь отдельные интегральные компоненты значения. Так, при актуализации в медиатекстах, весьма частотной является аллюзия на фрагмент библейского сюжета, повествующего о том, как Моисей сорок лет водил евреев по пустыне: «*Мы не можем 40 лет, как **Моисей**, водить народ по пустыне*» (<https://www.crimea.kp.ru>, 27.07.2011); «***Моисей** 40 лет водил евреев по пустыне. Но Назарбаев не Моисей, поэтому уложился в 30 лет*» (<http://kordon.org.ua>, 21.03.2019).

В Священном Писании Моисей является величайшим пророком, одной из центральных фигур христианства, «освободитель и законодатель Израиля, избавивший евреев от египетского плена», однако в медиатекстах при реализации прецедентного антропонима наблюдается негативная коннотация, связанная с двойственным, по мнению автора-журналиста, характером Исхода (многие вышедшие из Египта евреи так и не увидели Обетованную Землю, закончив свой век в пустыне): «***Моисей** – Гитлер евреев*» (<http://www.counter-propaganda.com>, 13.02.2013). Разворачивая метафорический сценарий, автор статьи называет Моисея «кровавым еврейским пророком» и не разделяет всеобщей любви к нему: «***Моисей** и Гитлер – не просто два исторических преступника, разделённые тремя с половиной тысячами лет. Это очень близкие личности: учитель и ученик, скорее всего, предок и потомок, а может быть даже два воплощения одной и той же кровавой души*» (там же). Контексты, иллюстрирующие негативные характеристики, приписываемые Моисею, характеризуются конфликтной заряженностью и высокой степенью субъективности журналиста, отличием его позиции от традиционной точки зрения. Однако сюжет о поисках выхода из рабства актуализирует в медиатекстах ядерную сему – ‘поиск лучшей жизни’, что ярко отражено в следующем метафорическом высказывании народного депутата от Партии регионов Яна Табачника, поддерживающего своего президента: «***Моисей** сорок лет вел народ по пустыне тоже через страдания. Так вот у Януковича сегодня очень нелегкая роль с таким скрежетом провести нас в Европу, и я лично бы сравнил его с Моисеем*» (<https://lb.ua>, 17.07.2013). Еще одним примером положительной характеристики образа Моисея может послужить собственное сравнение политика с пророком, который пожертвовал собой во имя спасения: *Турчинов назвал себя и Порошенко «**Моисей** и его команда» и призвал украинцев к «жертвенности»* (ПолитНавигатор, 20.08.2021).

В религиозной традиции считается, что Господь написал и передал Моисею на горе Синай десять заповедей (или десять слов). В медиатекстах этот факт используется с целью иронически подчеркнуть нарушение заповедей кем-то из политических субъектов с помощью варьирования количества заповедей: *Одиннадцатая заповедь Трампа. Худшее наследие президентства Трампа в США – то, что ложь стала нормой в невиданных ранее масштабах* (ЖЖ, 14.11.2020). Отметим, что в медиатекстах сакральный смысл фразы «10 заповедей» исчезает, появляются контексты с новой коннотацией, описывающие правила или нормы поведения для различных субъектов из различных областей деятельности (наука, искусство, спорт, политика и т.д.): *13 заповедей избирателя* (Детали, 11.03.2019); *Папа-геолог рассказал мне о существовании 13 заповедей геолога...* (Екатеринбург-ТВ, 03.03.2020); *13 заповедей работы с клиентами* (RB.RU, 21.04.2016); *15 заповедей настоящего футбольного болельщика* (Sports.ru, 05.11.2014); *15 заповедей карьериста (всем, кто решил продвинуться вверх по служебной лестнице...* (Men's Health, 02.09.2009).

Исследование актуального медиапространства позволяет сделать вывод о широком использовании языковых единиц образной системы, апеллирующих к библейским сюжетам. Реализуясь в контекстах, такие слова и конструкции насыщаются новыми смыслами и коннотациями, с одной стороны, сохраняя элементы денотативного значения, на основе которых и происходит ассоциирование, с другой, – разрывая тесную связь с денотатом, что приводит к десокрализации значения. Прецедентный антропоним Моисей, апеллирующий к одному из ключевых библейских образов, представляется сегодня ценным источником метафоризации и соотносится с именами известных политических деятелей и исторических фигур как современности, так и прошлых эпох. Создание нового образа на основе уже существующего и хорошо знакомого говорит о серьезном манипулятивном потенциале медиатекстов и расширении источников метафорических образов, лежащих в основе современного медиапространства.

Список литературы

1. Библейский энциклопедический словарь / под ред. Э. Нюстрема. СПб.: Библия для всех, 2014. – 528 с., с. 269.
2. Библия. Режим доступа: <https://bible.by/mac/5/32/> (дата обращения 05.04.2022).
3. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык средств массовой информации / гл. ред. М. Н. Володина. М., 2008. – 418 с., с. 218.
4. Васильев А.Д. Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск: Флинта, 2000. – 224 с., с.76.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография. М. : Изд-во ЛКИ Наука, 2010. – 264 с., с.217.
6. Нахимова Е.А. Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2005. № 15. С. 102 – 114.
7. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. – 128 с., с.117.

10.02.01

Е.С. Константинов

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Педагогический институт,
кафедра русского языка,
Владимир, egor-konstantinov@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В ЛЕТОПИСЯХ XIII–XV ВЕКОВ

Статья посвящена изучению семантической сочетаемости глагольно-именных оборотов (ОГИО) в текстах древнерусских летописей. В ходе исследования описаны семантические модели данных единиц, извлечённых из текстов Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописей. Рассматриваются особенности этих конструкций в диахронии.

Ключевые слова: *описательный глагольно-именной оборот, диахрония, семантика, сочетаемость.*

В древнерусском тексте функционирует значительное число устойчивых единиц, среди которых парные именованья, двандвы, триады, словосочетания с постоянными эпитетами, конструкции с императивом, устойчивые сравнительные обороты, этимологические фигуры и др. [4: 58–60]. Предметом рассмотрения данной статьи является один из видов устойчивых сочетаний – описательный глагольно-именной оборот (ОГИО) «глагол + существительное». В синхронии ОГИО основательно описаны в работах В.В. Виноградова, В.Г. Гака, В.Н. Телии, Н.Н. Прокоповича, Ю.Д. Апресяна, П.А. Леканта, Е.Н. Лагузовой и др., которые понимаются как «синтаксические конструкции, основанные на несвободном употреблении глагола-призрака (глагола, лишённого в составе данной конструкции определенного вещественного содержания), семантически неделимые, обладающие всеми категориальными и формальными признаками глагола (значение процесса, формы спряжения и вида) и выполняющие в предложении функцию простого глагольного сказуемого» [3: 151]. Такие обороты (типа *принять решение, дать слово, оказать влияние*), строящиеся по модели «глагол + существительное», в большинстве случаев заменяются одной глагольной лексемой (ср. *решить, повлиять*).

В диахронии подобное ОГИО изучены недостаточно, хотя есть работы Ш.И. Васильева, С.Р. Зайнуллиной, Н.М. Хоменко, С.Г. Шулежковой, О.П. Лопутько и др. Для выделения подобных единиц Л.Ф. Килина и О.С. Русанова предлагают следующие критерии: 1) «своеобразная семантика», которая складывается из общего значения оборота; 2) способность функционировать в тексте по особой модели; 3) ограниченная сочетаемость; 4) повторяемость в целом ряде текстов [1: 431]. М.В. Пименова предлагает, что в ОГИО являются проявлением структурно-синтагматической синкретсемии, «при которой одно синкретичное значение <...> выражается узуально закреплёнными в языке формами двух и более лексико-грамматически связанных слов» [4: 50]. Особенность семантики данных единиц заключается в том, что они связаны с «раздваивающимся» денотатом, который может быть обозначен как действие (глагол) + объект действия, совпадающий с его результатом (существительное).

Нами проанализировано 1200 контекстов, извлечённых методом сплошной выборки из текстов летописей XIII–XV вв.: Лаврентьевской (1377 г., Лаврентьевский список), Ипатьевской (первая четверть XV в., Ипатьевский список), Новгородской первой летописи (конец 30-х гг. XV в., младший извод, Комиссионный список).

Наш материал показал, что самая распространённая модель, по которой строятся устойчивые обороты, – «глагол + существительное в винительном падеже»: *творити беззаконье, дати дань, взяти побѣду, имети вѣру* и т. п. Самой распространённой глагольной лексемой, участвующей в образовании ОГИО, является глагол *творити* (38 единиц). В третьем значении ‘делать, совершать, осуществлять’ [5] в сочетании с существительным он образует оборот по значению существительного: *И да входять в городъ одиными вороты съ цесаревомъ мужемъ безъ оружия и мужь и да творять куплю* (‘покупать’) *яко же имь надобь...* (ИЛ); *Створишиа же межю собою клятву* (‘поклониться’) *русь и ляховъ...* (ИЛ). Глагол *творити* имеет широкую валентность. Как правило, он сочетается с абстрактными существительными, которые обозначают состояние человека, окружающего мира или нравственные качества: *добро, зло (пакость), леть* (‘хитрость’), *любовь, милость, миръ, мужьскы, страхъ, честь*: *Агати же вѣниде къ ним и видѣвъ я яко зъло немощни суть и силосьрь довавъ о нихъ створи молитву* (‘молиться/помолиться’) (ИЛ); *Тогда же приде володимеръ ис половѣць с кончаконою и створи свадьбу* (‘сыграть свадьбу/пожениться’) *игорь сынови своему и вѣнча его и с дѣтятемъ* (ИЛ). Эти компоненты представлены следующими существительными: *епитѣмья, извѣт, клятва, кровопролитие, купля, милостыня, миръ, мценне, плачь, служба, татба, треба, трина, трубъ, убиство, чудо*.

Схожую модель образования имеют ОГИО с глагольным компонентом *дѣяти* (15 единиц), который используется в том же значении, что и *творити*: *Тъ же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужь посагати и ходити говеючи, а иже прелюбы дѣючи* (‘прелюбодействовать’), *казнити повелѣваше* (ЛЛ); *И многажды бѣси пакости дѣаху* (‘пакостить, вредить’) *и глаголаху ему...* (ЛЛ).

Уже упомянутые существительные, обозначающие чувства и состояния, могут сочетаться с глаголами, которые восходят к корню **da*: *дати, даровати* (18 единиц). Глагольный компонент в этом случае имеет значение передачи чего-либо, а также обладает каузативной семантикой [2: 80]. Субъект, совершая действие, которое выражено ОГИО, является причиной состояния, которое испытывает объект этого действия: *...Си слышавъ цесарь и радъ бысть и честь велику створи имь* (ИЛ) – *...А владыка иоан и посадники и бояри даша князю честь велику* (НПЛ). *Святославъ же иде на волгу и вда ему андрѣи помощь и пожже новыи торгъ а новоторжѣци отступишиа к новугороду и много пакости творяше домомъ ихъ и села ихъ потрати* (НПЛ).

Широко распространена конструкция «имѣти + абстрактное имя существительное» (33 единицы). В словаре лексема имеет 6 значений [СлРЯ]. Примечательно, что устойчивые конструкции могут быть созданы, при употреблении глагола в своём первом и прямом значении обладания чем-либо, в частности – чертой характера (*имѣти какой-либо даръ*): *...А симъ поганым и ругателем не семь свѣтъ имѣти веселье и пространство...* (ПВЛ); *Игорь же исперва не имяшетъ ему вѣры* (ИЛ).

Именной компонент тоже может иметь широкую сочетаемость, поскольку является семантическим центром ОГИО. Сочетающиеся с ним глагольные лексемы приносят дополнительные оттенки значения. Так, с существительным *град (городъ)* встретились следующие выражения.

Взяти (заяти, прияти, плѣнити) градъ (городъ) – захватить город после осады: *Поиде олег поимъ воя многи вряги чюдъ словѣни мерю и всть кривичи и приде къ смоленску съ кривичи и прия градъ и посади мужь свои* (ЛЛ); *Ярославъ и мьстислав собраста воя многи и идоста на ляхы и взаяста град червеньскыя...* (ИЛ). **Вѣнити въ градъ** – захватить город: *...И вниде володимеръ въ градъ и дружина его* (ЛЛ). **Въстати (отступити) от града** – снять осаду с осаждённого города: *И отступишиа печенѣзи от града не бѣше лзъ коня напоити на лыбедъ печенѣгы* (НПЛ). **Заложити городъ (градъ)** – основать поселение: *Володимеръ заложити градъ бѣльгородъ и наруби въ не от инѣхъ городовъ и много люди сведе во нь бѣ бо любя градъ съ* (ЛЛ). **Затворити градъ** – перекрыть вход в город: *Иде олегъ на грекы и приде къ цесарю граду и греци замкоша суд и град затворишиа* (НПЛ). **Отворити градъ**

(городъ, ворота) – сдать: *Граждане же смоляни не могущее трыпѣти налоги насильства отъ иновѣрныхъ отъ ляхвъ и прияша князя юрья и пердашася и градъ ему отвориша* (НПЛ). *Поити къ граду (городу)* – начать осаду: *Олець же надѣяся на правду свою яко правъ бѣ в семь олець и поиде к граду с вои...* (ЛЛ). *Поити отъ града (города)* – снять осаду, отступить: *Изяславъ же и всеволодъ уранившѣ поидоста от града противу олгови...* (ЛЛ).

С именным компонентом *мир* было выявлено 12 оборотов. В качестве глагольного компонента используются полнзначные глаголы, которые позволяют образовывать варианты и синонимичные ряды: *Взяти (творити, учинити) миръ* – заключить мир; *дати (въдати) миръ* – заключить мир с поверженным противником; *держати миръ, имѣти миръ* – быть в мирных отношениях с кем-либо; *искати мира* – предлагать заключить мирный договор; *молитися о миру, просити мира* – просить мира (поверженная сторона); *построити миръ* – установить мирные отношения; *приити на миръ* – прийти для заключения мирного договора; *развергнути миръ* – расторгнуть мирные отношения; *утвердити миръ* – укрепить мирные отношения; *обновити ветхий миръ* – обновить мирный договор.

Из вышесказанного видно, что древнерусские ОГИО формируются по особой модели. В качестве глагольного компонента могут выступать как глаголы с ослабленным значением, так и полнзначные лексемы. Они могут сочетаться как с абстрактными, так и с предметными существительными. Это объясняется моделируемостью древних ОГИО, которые строятся на основе свободных словосочетаний. Дальнейшее изучение данных оборотов позволит выстроить их семантическую классификацию.

Список сокращений

ИЛ – Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Том II. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 648 с.

ЛЛ – Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Том I. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 496 с.

НПЛ – Новгородская первая летопись. Полное собрание русских летописей. Том III. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 628 с.

ОГИО – описательный глагольно-именной оборот

Список литературы

1. *Килина Л.Ф., Русанова О.С.* Устойчивые глагольно-именные сочетания с компонентом *чинити* в русских грамотах XIII-XVII вв. // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31. – № 3. – С. 429–437.
2. *Копыленко М.М.* Сочетаемость лексем в русском языке: пособие для студентов. – М.: Просвещение, 1973. – 119 с.
3. *Лекант П.А.* Развитие форм сказуемого // Мысли о современном русском языке: сб. статей. – М.: Просвещение, 1969. – С. 140–154.
4. *Пименова М.В.* Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. – СПб.; Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН. Институт русского языка; Гл. ред С.Г. Бархударов (вып. 1–6); Ф.П. Филин (Вып. 7–10); Д.Н. Шмелев (Вып. 11–14); Г.А. Богатова (Вып. 15–26); В.Б. Крысько (Вып. 27–30). Вып 1–30. – М., 1975–2015.

10.02.01

Е.А. Кузнецова канд. филол. наук

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Педагогический институт, кафедра русского языка,
Владимир, e.a.kuznetsova@list.ru

СЛАВЯНСКОЕ ДОХРИСТИАНСКОЕ ИМЯ В ОЙКОНИМИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлена попытка анализа специфики славянских дохристианских имён, которые были положены в основу образования ойконимов (названий населённых мест) Владимирской области. Славянские дохристианские имена классифицированы на основании мотивировки наречения ими; выделены группы ойконимов, образованные от обозначенных личных имен.

Ключевые слова: *ономастика, топонимы, ойконим, ойконимия, личное имя, славянское дохристианское имя, прозвище.*

Ойконимия как совокупность названий любого поселения, в том числе городского и сельского типа [8, с. 93], представляет собой наиболее типичный разряд топонимов, который характеризуется основными чертами данного класса собственных имён, поскольку указанные названия теснейшим образом связаны с развитием общества: в ойконимах отражены значимые этапы жизни языкового коллектива, его быт и культура, особенности восприятия окружающей действительности.

При этом в ойконимии наиболее ярко обнаруживаются связи этого вида топонимов с другими классами имён собственных, в первую очередь – с личными именами человека (антропонимами). Будучи наименованиями населённых мест, основанных человеком, ойконимы не могут не отражать информацию об этом человеке. Важнейшим элементом данной информации является имя (личное имя, прозвище, фамилия и т.д.).

Исследование названий населённых мест в нашей стране имеет достаточно длительную историю. В настоящее время широко изучается топонимия (в том числе ойконимия) различных регионов и отдельных территорий России. Итогом подобных изысканий становятся соответствующие топонимические словари, ср., напр.: «Топонимический словарь Горного Алтая» [6], «Топонимический словарь Центральной России» [10], «Географические названия Урала: топонимический словарь» [5], «Географические названия Московской области» [9], «Топонимический словарь Саратовской области» [3] и мн. др. Изучение ойконимии того или иного региона предполагает различные пути научного поиска. Одним из наиболее активных направлений последних десятилетий является лингвокультурологический подход, который рассматривает топонимы с точки зрения реализации в них фрагментов языковой картины мира или особенностей региональной языковой личности (см. работы С.В. Гановой [1], Л.М. Дмитриевой [2], Е.В. Макаровой [4]).

Ойконимия Владимирской области на протяжении значительного времени является объектом изучения историков, краеведов, географов, культурологов. Основы лингвистического изучения ойконимии Владимирской области были заложены в трудах В.В. Носковой [7]. В настоящее время исследования продолжаются усилиями её последователей.

Значительная часть ойконимов Владимирской области появилась задолго до становления современной системы русского личного имени, на которое, как известно, сильнейшим образом повлияло принятие христианства на Руси. Более того, в ойконимии данного региона нашли отражение и наиболее древние имена, существовавшие в нашей культуре до появления современного именника.

До принятия христианства славяне пользовались именами, которые создавались средствами древнерусского языка. При этом, будучи диахронически вторичными (образовывались посредством переосмысления апеллятивной лексики), славянские личные имена, как и современные, происходили от конкретных нарицательных слов. Причём мотивировка наречения тем или иным именем могла быть разной:

1) особенности внешности нарекаемого, ср., напр., имена *Беляй, Головач, Лобан, Малюта, Чернавка, Черныш* и др.;

2) черты характера, ср., напр.: *Забава, Молчана, Несмеяна* и т.д.;

3) порядок рождения, ср., напр.: *Первой, Вторак, Третьяк, Четвертак, Пятак, Шестак, Семак, Осьмак, Девятко* и т.д.;

4) отношение к ребёнку (желанность / нежеланность его появления), ср., напр.: *Богдан, Бажен, Ждан, Любава, Неждан, Нечай* и др.;

5) время рождения человека, особенности погоды, ср., напр., такие дохристианские имена, как *Мороз, Вешняк, Зима* и т.п.;

6) стремление обеспечить покровительство сил природы (в связи с сохранившимися тотемными верованиями), ср., напр.: *Бык, Волк, Щука, Кот, Корова, Трава, Пырей* и т.п.;

7) стремление оградить нарекаемого от злых сил (так называемые охранные имена), ср., напр.: *Злоба, Немил, Некрас, Нелюба* и т.д.;

8) занятие родителей или самого нарекаемого (в случае, если речь идёт о втором имени), ср., напр.: *Шуба, Ложка, Дуло, Кузнец* и пр.

Таким образом, в славянской культуре наречения детей не существовало принципиального различия между именем и прозвищем. Более того, славянские дохристианские имена, будучи средством выделения человека из группы других людей, могли даваться несколько раз на протяжении жизни: сначала при рождении или в раннем детстве человек получал семейное имя – то, которым его именовали среди близких родственников; затем круг социальных связей значительно расширялся, поэтому первое имя нередко дополнялось, а иногда и вовсе заменялось другим.

Славянские дохристианские имена были весьма многообразны по своему составу. В 1903 году в Санкт-Петербурге был опубликован труд Н.М. Тупикова «Словарь древнерусских личных собственных имён» [11], который содержал более 5300 древнерусских личных имён (мужских, женских, отчеств). Причём данный словарь не претендовал на исчерпывающий характер, поскольку описывал далеко не все имена, которые использовались славянами до принятия христианства. Отметим, однако, что не все дохристианские имена при всём их многообразии активно использовались при нарекании детей, лишь несколько десятков имён были широко распространены в народной среде.

Со временем после принятия на Руси христианства церковь начинает активно влиять на общественную жизнь. Поэтому уже в XIV–XV веках дохристианские неканонические имена начинают постепенно вытесняться из употребления и заменяться на имена, даваемые по святам. Однако из языка дохристианские имена не исчезли: многие из них стали основой для большого числа русских фамилий. Кроме того, славянские дохристианские имена стали основой для формирования ойконимов, поскольку большое количество названий населённых мест было образовано по имени / прозвищу его первого поселенца или поселенцев.

Анализ ойконимов Владимирской области (более 2500 названий населённых пунктов – городов, посёлков, сёл, деревень) показывает, что группа наименований, в основе которых может лежать славянское дохристианское имя, насчитывает более 500 единиц.

Наибольшую часть данных ойконимов составляют такие названия, которые могут быть образованы от имён, отражающих древние верования славянских народов и связанных с наименованиями тотемных животных или растений, ср., напр.: *Быково* (Судог.), *Волково* (Петушинск.), *Воронино* (Вязников.), *Вороново* (Петушинск.), *Галкино* (Вязников.), *Голубино* (Собинск.), *Дубово* (Гороховецк.), *Дроздово* (Юрьев-Польск.), *Ежово* (Кольчугинск.), *Ершово* (Селив.), *Козлово* (Вязников.), *Коровино* (Александров., Вязников., Меленк.), *Коростелево* (Судог.), *Кукушкино* (Петушинск.), *Куницыно* (Камешков.), *Лисицино*

(Киржачск.), *Медведево* (Вязников.), *Орехово* (Собинск.), *Орлово* (Гусь-Хруст., Муром.), *Репино* (Меленк.), *Соболево* (Муром.), *Соколово* (Судог., Александров.), *Сорокино* (Александров., Судог.), *Турово* (Собинск., Судог., Суздальск.) и мн. др.

Вторую по численности группу ойконимов составляют единицы, основой для которых могли послужить славянские дохристианские имена, отражающие особенности внешности человека, ср., напр.: *Бельково* (Киржачск., Ковровск., Меленк., Селив.), *Глазово* (Камешков., Суздальск.), *Головари* (Гусь-Хруст.), *Головино* (Вязников., Киржачск., Петушинск., Селив., Собинск., Судог.), *Горбуниха* (Александров.), *Губачево* (Суздальск.), *Губино* (Селив.), *Зубово* (Собинск.), *Лобаново* (Гусь-Хруст., Селив., Судог.), *Ряхово* (Камешков.) и пр.

Примерно одинаковые по численности группы составляют ойконимы, в основу которых могли быть положены славянские дохристианские имена, отражающие:

- черты характера, ср., напр.: *Большое Угрюмово* (Селив.), *Добрынино* (Собинск.), *Добрынское* (Суздальск., Юрьев-Польск.), *Добрятино* (Гусь-Хруст., Меленк.), *Гуляиха* (Вязников.), *Угрюмиха* (Собинск.) и др.;

- отношение к ребёнку (желанность / нежеланность его появления), ср., напр.: *Ждановка* (Вязников.), *Нечаевка* (Селив.), *Нечаевская* (Гусь-Хруст.) и пр.;

- стремление оградить нарекаемого от злых сил (так называемые охранные имена), ср., напр.: *Горяиновое* (Юрьев-Польск.), *Дурасово* (Меленк.), *Злобаево* (Вязников.), *Злобино* (Меленк.), *Некрасовка* (Кольчугинск.), *Некрасово* (Селив.), *Неугодово* (Петушинск.) и пр.;

- род занятий родителей или самого нарекаемого, ср., напр.: *Булатниково* (Муром.), *Гончары* (Гороховецк.), *Кузнецово* (Собинск.), *Кузницы* (Селив., Собинск.), *Пивоварово* (Вязников., Судог.) и пр.

Наименьшую по численности группу образуют ойконимы, образованные от славянского дохристианского имени, сохранившего информацию о времени рождения человека, особенностях погоды, ср., напр.: *Летово* (Петушинск.), *Морозово* (Муром., Собинск.), *Леднево* (Юрьев-Польск.).

Таким образом, становится ясно, что славянское дохристианское имя является продуктивной основой для топонимообразования Владимирской области. Причём достаточно сложно найти такие топонимы, которые были образованы от дохристианского женского имени. Во-первых, это может быть связано с тем, что самих женских личных имён дохристианского происхождения известно очень мало: в упоминаемом «Словаре древнерусских личных собственных имён» Н.М. Тупикова зафиксировано только 50 женских древнерусских имён, в то время как словник мужских имён насчитывает 5300 прозваний. Во-вторых, многие женские дохристианские имена имели пару среди мужских имён. Так, например, ойконим *Голубино* (Собинск.) мог образоваться как от женского дохристианского имени *Голуба*, так и от мужского имени *Голубь*, а ойконим *Кудрино* (Александров., Киржачск., Меленк.) – от женского или мужского имени *Кудра*. Однако, исходя из того, какую значительную роль играл мужчина в традиционной культуре славянского общества, мы можем предположить, что большая часть ойконимов Владимирской области, в основе которых лежат славянские дохристианские личные имена, были образованы от прозваний мужчин.

Перспективы изучения данной темы видятся в анализе диалектных особенностей личных имён, которые могли выступать производящей основой для ойконимов Владимирской области.

Список сокращений

Александров. – Александровский район
Вязников. – Вязниковский район
Гороховецк. – Гороховецкий район
Гусь-Хруст. – Гусь-Хрустальный район
Камешков. – Камешковский район
Киржачск. – Киржачский район
Ковровск. – Ковровский район
Кольчугинск. – Кольчугинский район
Меленк. – Меленковский район
Муром. – Муромский район
Петушинск. – Петушинский район
Селив. – Селивановский район
Собинск. – Собинский район
Судог. – Судогодский район
Суздальск. – Суздальский район
Юрьев-Польск. – Юрьев-Польский район

Список литературы

1. *Ганова С.В.* Концептуализация ойконимов в сознании региональной языковой личности: дис. канд. филол. наук. – Кемерово, 2013. – 302 с.
2. *Дмитриева Л.М.* Топонимическая картина мира: отражение бытийных ценностей // Язык. Человек. Картина мира: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск: ОмГУ, 2000. – С. 37-41.
3. *Козинец С.Б.* Топонимический словарь Саратовской области: справочное издание. – Саратов: Саратовский источник, 2013. – 206 с.
4. *Макарова Е.В.* Региональная топонимическая личность: на материале русской топонимии Алтая: дис. канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 228 с.
5. *Матвеев А.К.* Географические названия Урала: топонимический словарь. – Екатеринбург: Сократ, 2008. – 351 с.
6. *Молчанова О.Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во. Горн.-Алт. отд-ние, 1979. – 398 с.
7. *Носкова В.В.* Из истории Суздальской топонимии // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья: Материалы науч. конф., Тверь, 28-30 окт. 1991 г. – М.: ВАСХНИЛ, 1991. – С. 252-255.
8. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 199 с.
9. *Поспелов Е.М.* Географические названия Московской области: топонимический словарь. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 600 с.
10. *Смолицкая Г.П.* Топонимический словарь Центральной России: Географ. названия. – М.: Армада-пресс, 2002. – 414 с.
11. *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имён. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. – 857 с.

10.02.01

А.С. Лебедева, О.А. Салтымакова канд. филол. наук

Кемеровский государственный университет,
факультет филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций,
кафедра стилистики и риторики,
Кемерово, lebedeva.as@kemsma.ru,
Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева,
факультет фундаментальной подготовки,
кафедра истории, философии и социальных наук,
Кемерово, saltimakovaao@kuzstu.ru

ЦЕННОСТНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ВОЕННЫХ ПИСЬМАХ ВОВ

В статье на материале текстов естественной письменной речи рассмотрено ценностно-концептное миромоделирование авторов. В работе выделены и описаны концепты, характерные для письменно-речевых личностей фронтового эпистолярия.

Ключевые слова: *естественная письменная речь, концепт, военные письма, языковая личность, ценностно-концептное миромоделирование, наивный автор.*

Исследование выполнено в русле школы Натальи Борисовны Лебедевой, которая объясняет естественную письменную речь (далее ЕПР) как речевую деятельность, характеризующуюся следующими признаками: письменная форма, спонтанность, непрофессиональность исполнения, официальность бытования, отсутствие участия промежуточных лиц и инстанций между автором и адресатом [3].

Объектом исследования выступают носители ЕПР, для обозначения которых используем термин «наивные авторы» военных писем ВОВ. В работе придерживаемся принципа гносеологической толерантности, предложенного Н. Б. Лебедевой. Данный принцип предполагает, что «тексты ЕПР не оцениваются с нормативных и литературно-центрических позиций – к ним осуществляется подход как к самоценным феноменам» [4]. Поэтому в исследовании при цитировании фрагментов сохраняем орфографические, пунктуационные и стилистические особенности.

Цель работы заключается в выявлении ценностных концептов письменной речевой личности (далее ПРЛ) – авторов военных писем.

Актуальность данного исследования обусловлена его вписанностью в проблематику теории письменной повседневной речи и лингвоперсонологии. Предметом исследования являются ценностные концепты авторов фронтовых писем.

Материалом послужили тексты 123 писем, представленные в рукописном виде, авторами которых являются наивные авторы, участвовавшие в военных действиях Великой Отечественной войны.

В современной лингвистике термин «концепт» не имеет единого определения, в связи с чем используются разные формулировки для раскрытия сущности данного понятия. Трактовка термина предложена в трудах многих ученых [Бабушкин, Вежбицкая, Фрумкина, Телия, Стернин, Попова и др.] [1,2,6]. Нам близок подход З. Д. Поповой и И. А. Стернина, которые дают следующее определение термина «концепт»: «слово представляет концепт не полностью – оно своим значением передает несколько концептуальных признаков, релевантных для сообщения. Слово является средством доступа к концептуальному значению, и, получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы). Слово, таким образом, как и любая номинация, – это ключ,

открывающий для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности» [5].

В результате анализа текстов военных писем ПРЛ нами выделены следующие ценностные концепты.

Первый концепт – «семья». Данный концепт выделяется в большинстве исследуемых писем, так как они в основном обращены к родителям, женам и детям. Авторы фронтового эпистолярия начинают свои письма с передачи приветов своим родным, близким и дорогим для них людям: *Привет куме Поле, племянницам Ниночке и Галочке; Мои дорогие, родные любимые Идуся, Иннусенька, наша мама; Здравствуйте многоуважаемые родители <...> мама, брат Миша, крестница; Добрый день, дорогая жена, Софья Петровна.* Концепт «семья» эксплицируется лексемами родства (*мама, брат, кума, племянница, родители, жена, крестница* и др.), а также именами родственников. Фронтовикам важно установить контакт с родными и близкими, поддерживать связь, знать, что в тылу все хорошо, поэтому зачастую в своих письмах они передают приветы членам семьи и прощаются с ними.

Второй концепт – «любовь к родине». В письмах проявляется советский дух, отвага и героизм. Письма фронтовиков пронизаны чувством любви к своей Родине, гордостью за свое Отечество. Авторы пишут и своим родным, и в газеты о том, как дорога им русская земля, как они ее защищают: *Родина, пусть враг знает, за что он оккупировал мою родную; Защищаем нашу горячо любимую родину от фашистских извергов; Как и миллионы русских солдат – сталинских бойцов, с честью выполняем свою историческую миссию. Выполним до конца свой долг перед родиной; Хочется бить и бить без конца. И мы делаем это по мере своих сил. Делаем добросовестно, не щадя жизни; Я нахожусь на фронте. Защищаю свою любимую родину; Здесь только одна дорога: вперед. И по этой дороге мы, несомненно, пойдем, выкуривая немцев из всех щелей; Оказывается любить Родину без ненависти к врагу невозможно; Вот и живем мы здесь, воины великой армии советского народа.*

Концепт «любовь к родине» эксплицируется в контексте лексемой *родина*, а также словами *любимая, любить*. Данный концепт тесно связан с понятиями долг, честь, миссия, совесть, величие.

Третий концепт – «ненависть». Война – это сложное время и испытание для любого человека. Она затронула мир каждого: то, что любили и кого любили люди, будь то семья, друзья или город и Родина. Война оставила след на всех, потому что было разрушено то, ради чего жили эти люди. Таким образом, военная армия противника и каждый ее отдельный член воспринимаются как враг, вся страна противника – это зло. В связи с этим авторы в своих письмах высказываются очень резко и четко о своем враге: *Скоро немецких обер-бандитов разобьем, и каждый вернется к своему очагу; Я видел врагов лицом к лицу. Жалкие отрепья, вооруженные автоматами, которых хочется бить и бить без конца; Очищаем деревню за деревней от подлой фашистской нечисти; Так вот эти свиньи, немцы, руками наших советских людей вырыли яму; Я нахожусь на фронте, в Ленинградской области, уничтожаю немецко-фашистских гадов и их вассалов – белофиннов; Буду громить фашистов и уничтожать их до последнего гада, чтобы им больше не повадно было совать свое свиное рыло в наш советский огород.*

Концепт «ненависть» не эксплицируется словом «ненависть», однако в письмах фронтовиков тесно связан с понятием *враг* и его синонимами: *немцы, фашисты*. В письмах употребляются слова и выражения, не только номинирующие врага, но и дающие ему отрицательную оценку: *обер-бандит, жалкие отрепья, свиньи, подлая фашистская нечисть, немецко-фашистские гады, свиное рыло* и др.

Четвертый концепт – «любовь». Представление о войне есть у многих людей, но лишь через письма, воспоминания, мемуары, записки мы можем смоделировать картину той эпохи, тех действий, которые происходили в прошлом. Война – безусловно тяжелое время, но чувство любви – это то, что согревало солдат, давало им надежду, именно поэтому данный концепт выделяется среди прочих.

В исследуемых письмах концепт любви занимает особое место и актуализируется по-разному. Во-первых, для авторов важна любовь к родным, поэтому в начале и в конце писем авторы часто обращаются к ним, используя лексемы *любимый, любящий, любовь: Здравствуйте, дорогие, любимые мои; Примите привет с любовью; Здравствуйте, мои дорогие, любимые папа и мама; Здравствуй моя дорогая, любимая мама; Любящий крепко тебя твой сын Боря; От любимого вашего сына.*

Во-вторых, данный концепт актуализируется в любовной переписке:

В эту ночь при луне,

На чужой стороне

Милый друг, нежный друг,

Вспоминай обо мне.

Ну, вот пока и все. Пиши ответ, моя дорогая;

Я нуждаюсь в тебе, как в хлебе. Живы будем, опять жить будем по-старому да ещё крепше; Разве что поблагодарить тебя за любовь и заботу, которым я, может быть, обязан жизнью; А что касается того, что я стал офицером, это только внешне, а внутренне я тот же любящий тебя Афоня. И любовь моя к тебе нисколько не угасла и не угаснет, пока бьётся моё сердце.

Концепт «любовь» выражается как самой лексемой *любовь*, так и характеристикой чувств к любимым: *нежность, крепость чувств, благодарность, сила любви* и др.

Таким образом, анализ писем позволил выделить четыре основных концепта, которые показывают, что концептосфера ПРЛ участников войны формируется на основе вечных духовных ценностей, таких как любовь, свобода, добро. В свою очередь, совокупность ценностных концептов отдельных ПРЛ отражает культурно-исторический опыт всего народа.

*Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
№ проекта 20-412-420005 «Концептуально-ценностный анализ эпистолярного
и мемуарного наследия жителей Кузбасса».
Соглашение с АКО № 28/2019 от 16.12.2019*

Список литературы

1. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 104 с.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Наука, 1997. 416 с.
3. *Лебедева, Н.Б.* Исследование естественной письменной русской речи как направление изучения языка города, Н. Б. Лебедева. Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: труды междунар. научно-практ. конф. (Кемерово, 4 июля 2008 года), редкол. Л. А. Араева, М. А. Осадчий; под ред. Л. А. Араевой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008 С. 115-118.
4. *Лебедева, Н.Б.* Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка, Н. Б. Лебедева, Е. Г. Зырянова, Н.Ю. Плаксина, Н. И. Тюкаева. Москва: URSS, 2011, 256 с.
5. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 1999. – 30 с.
6. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологический аспекты. – М., 1996. – 284 с.

10.02.01

С.В. Минибаева, Д.Г. Дмитриева

Башкирский государственный университет,
Стерлитамакский филиал,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Стерлитамак, sveta.minibaeva@yandex.ru; dmitrievaviolinist@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЮРИЯ ДУДЯ

В статье представлены результаты исследования языковой личности Юрия Дудя на основе его речевого поведения в выпусках «вДудь». По структуре изучения языковой личности Ю.Н. Караулова рассматриваются особенности работы журналиста в жанре интервью, влияние его речи на реакцию собеседника и психологические языковые «уловки».

Ключевые слова: *языковая личность; речевое поведение; особенности речи; структура; Юрий Дудь.*

Современная медиа- и интернетсфера характеризуются тем, что все больше появляется языковых портретов, не похожих ни на один существующий и уже описанный в научной литературе. Современные медийные личности и блогеры намеренно ставят для себя цель выделиться из толпы носителей русского языка. Как результат возникает новая уникальная языковая личность. В этой связи описание такой «новой» языковой личности представляется актуальным.

Впервые термин «языковая личность» появился в работе «Родной язык и формирование духа» немецкого лингвиста Й.Л. Вайсгербера в 1927 году. Его исследование основывается на том, что каждый человек владеет языком благодаря социализации и принадлежности к языковому сообществу. Следовательно, главным объектом его изучения является не конкретная личность, а сообщество людей, имеющих общие социокультурные истоки [1, с. 186]. В отечественную науку термин был введён В.В. Виноградовым, который, изучая «образ автора» и «художественный образ» в художественных произведениях, пришёл к мысли о соотношении в произведениях языковой личности, образа автора и художественного образа [2, с. 131]. Он же впоследствии создал первые работы по исследованию «языковой личности». Более подходящей в рамках исследования конкретного субъекта, обладающего определёнными особенностями речи, считаем трактовку Ю.Н. Караулова [4, с. 38]. В соответствии с его теорией, понятие «языковая личность» по своей структуре делится на три уровня: вербально-семантический, лингво-когнитивный (или тезаурусный) и мотивационный (прагматический) [4, с. 238]. С опорой на такой подход был произведен анализ речевого поведения журналиста Юрия Дудя в авторском проекте «вДудь». Замечено, что выбор языковых средств во многом зависит от возраста реципиента, поэтому в качестве демонстрации результатов исследования выбраны два выпуска, посвященный разновозрастным интервьюируемым: Алексею Серебрякову («Серебряков – об эмиграции и законе подлецов») и Антону Лапенко («Лапенко – новая звезда русского интернета»).

Поскольку анализа носил комплексный характер, то для удобства описания его результатов выявленные особенности речи были поделены на разделы: 1) особенности лексикологии; 2) своеобразие синтаксиса; 3) специфика формулирования вопросов с вопросительными местоимениями; 4) речевые психологические «уловки».

Лексико-семантические особенности речи Ю. Дудя в интервью с А. Серебряковым включают: 1) единоразовое использование в речи слова с пренебрежительным оттенком (жаргонизмов) и синтеза нейтральной лексики с разговорной: «если бы мой отец был извергом, бандосом, **ублюдком**, то я бы никогда его не простил...», «**Орёте** ли вы на своих

детей?». Подобных примеров в выпуске больше не найдено: это говорит о том, что интервьюер в процессе встречи придерживался субординации и учитывает возрастной барьер; 2) использование лексем молодежного сленга присутствует во фразах: «если бы мой отец был извергом, **бандосом** (1), ублюдком, то я бы никогда его не простил», «Это застолье для **раслабона** (2), или чтобы поднапиться?». Здесь Ю. Дудь использует слова, которые имеют нейтральные эквиваленты: 1 – бандитом, 2 – отдыха; 3) употребление профессионализмов: «У него же есть американский **референс**...». В вопросе, связанном с кинорежиссурой Ю. Дудь уместно использует профессиональное слово, связанное с кинорежиссурой, показывая свою осведомленность.

Синтаксис речевого поведения Ю. Дудя характеризуется следующим: 1) прямым порядком слов при построении вопросов: «Когда вы сталкивались с этим в последний раз?», «Вы можете рассказать, как вы познакомились с женой?» и др., наряду с инверсией в вопросах: «Кто атмосферу в России может изменить?»; 2) наличием вопросов в составе бессоюзных сложных предложений: «"Доктор Рихтер": Алексей, зачем?». Выбранная бессоюзная сложная конструкция допускает постановки в конце второй части знака «!?!», поскольку выражено недовольство и попытка найти объяснение возникшему на этой почве негодованию; 3) постановкой ключевого слова в начало вопросительного предложения: «Закон Димы Яковлева – это закон подлецов?». Анализ речи Ю. Дудя с точки зрения использования им вопросительных местоимений в вопросах привел к выводу, что большая часть вопросов построена на их основе: «А вам как показалось?», «**Когда** вы сталкивались с этим в последний раз?», «**Кто** атмосферу в России может изменить?».

Психологический анализ речи позволил заметить, что Ю. Дудь выбирает разные стратегии в соответствии с разными целями: расположить к себе собеседника, заставить врасплох и манипулировать им. Так, в беседе с А. Серебряковым: 1) Ю. Дудь задает тон беседе: высказывается на какую-либо тему, делится собственным мнением и только потом интересуется мнением собеседника: «Показалось, что фильм о том, что 90-ые возвращаются. Вам так не показалось?», «Я увидел, как Балабанов показал в фильме советскую систему, которая перемалывает, уродует человека. А вам как показалось?»; 2) использует резких высказываний, имеющих провокационный характер: «Ну вы признаётесь, что вы не правы?», «Они закурили? Ну вы же сами курите. Это лицемерие», «Вы согласны, что шансов на успех мало?». Даже в подобных высказываниях журналист использует вежливые формы «вы признаётесь...», «вы согласны...»; 3) стремится к манипуляции:

«Вы никогда не говорили об этом публично, но я попробую сделать так, чтобы мы поговорили об этом...». Здесь журналист, зная о табуированности темы для героя, все-таки стремится получить ответ-комментарий.

Итак, анализ речевого поведения Ю. Дудя в общении с «возрастным» собеседником позволил определить следующие особенности: частое использование профессионализмов, лексем молодежного сленга и крайне редкие случаи синтеза нейтральной лексики с разговорной. Причина – большая разница в возрасте между журналистом и гостем, а также специфика общения Ю. Дудя с теми, кто проживает не на территории РФ.

Несколько иной предстает языковая личность Ю. Дудя в выпуске о молодом актере Антоне Лапенко. Причина в том, что собеседник Ю. Дудя – его сверстник. Этим обусловлен ряд выявленных особенностей речи журналиста. В лексикологии: 1) частотны слова из молодежного сленга: «Ты берёшь **шмот** героев?», «Почему Катамаранов бухает скипидар?», «Жилось тяжело: **лавэ** не хватало и всё такое?». Подобное использование сленга располагает реципиента и привлекает молодежную аудиторию; 2) включение в речь разговорной лексики (или форм): «Про тебя **ваще** ничего не известно», «**Чё** ты часто тут бываешь?». Данные словоформы делают беседу непосредственной, создавая ощущение неподготовленности.

Среди синтаксических особенностей речи Ю. Дудя в анализируемом выпуске такие, как: 1) ключевое слово, предваряющее вопросительную конструкцию: «*Данила Багров: положительный или отрицательный герой?*», «*Так, 6500: на что ты живёшь?*»; 2) модель трех вопросов: «*Где мы находимся? Что ты здесь делаешь? Как давно ты здесь?*». Подобная техника является достаточно эффективной и распространенной в СМИ.

Без местоимений не обходится большая часть вопросов журналиста, адресованных А. Лапенко: «*Откуда все эти герои?*», «*Почему ретро-вселенная?*», «*Сколько раз ты думал всё это бросить?*», «*Что тебе нравится больше?*». Такой подход к постановке вопроса требует от гостя четкого ответа и исключает возможность ухода от основной темы.

Психологический анализ позволяет увидеть, что между журналистом и гостем происходит «разговор на равных»: Ю. Дудя не применяет специальных средств, чтобы раскрыть личность своего собеседника. Вот некоторые из найденных особенностей: 1) использование клише, нацеленных на концентрирование внимание собеседника и подчеркивание достоверности сказанного: «*Ты утверждаешь, что...*», «*Ты сам понимаешь...*», «*Не кажется, что...*». Подобные конструкции являются эффективными в интервью: они убеждают собеседника в абсолютной правоте слов журналиста; 2) речевая манипуляция: «*После того, как у тебя случились миллионы на Ютубе, ты никому не давал интервью: сейчас будет знакомство*». Здесь журналист уверяет гостя в необходимости правдивого ответа на вопросы и подготавливает к дальнейшему развитию разговора; 3) прием «заставь врасплох»: «*Ты молодой пацан, и ты идёшь работать за сколько денег?*», «*То есть вы смогли заработать на этом?*». «Изюминка» интервью Ю. Дудя – тема заработка. Чаще всего вопросы, связанные с этим, задаются напрямую, без наводящих вопросов.

Выпуск «вДудь», посвященный молодому актеру А. Лапенко, позволяет охарактеризовать языковую личность Ю. Дудя так: 1) журналист сознательно использует в своей речи множество слов из молодежного сленга, а также отдает предпочтение разговорной лексике; 2) выбор лексики обусловлен одинаковой возрастной категорией с гостем, что сокращает барьер между журналистом и реципиентом, создается эффект «разговора на равных»; 3) результат – объективная оценка речевого поведения Ю. Дудя гостем, что приводит к адекватному восприятию его речи, благодаря чему происходит продуктивное общение, раскрывающее личность гостя выпуска.

Журналист, как показал анализ, выбирает эффективные речевые стратегии в выстраивании интервью: в результате он становится для гостей «своим» человеком, вызывает их на откровенный разговор, добивается доверия, устанавливает контакт. Использование профессионализмов, слов молодежного сленга, разговорной лексики привлекает зрителей и наделяют интервью особой атмосферой, создавая для реципиента «доверительные» речевые условия. Подобные речевые стратегии Ю. Дудя вызывают положительный отклик у большей части его аудитории.

Список литературы

1. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа – М.: Изд-во Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
2. *Виноградов В.В.* О художественной прозе – М.; Л., 1930. – С. 120-146.
3. *Ипатьева В.А.* Видеооблог и традиционное телевидение: особенности функционирования // Молодой учёный. – 2018. – №25. – С. 366-369.
4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность – М.: Наука, 1987. – 262 с.
5. *Подосокорский Н.Н.* «Лицо с экрана». В чём секрет популярности ток-шоу «вДудь»? // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Журналистика. – 2018. – №1. – С. 151-165.

10.02.01

Ни Цзюнься

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского,
393755616@qq.com

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «ЧАЙ» В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ

Слово "чай" в русском языке является типичным иноязычным словом, заимствованным из китайского языка. В статье проводится исследование концепта «чай» и тесно связанного с ним понятия «байховый» на материале русского и китайского языков. Анализ сходств и различий между чайной культурой в Китае и в России, способствует не только взаимному изучению языка и культуры обеих стран, но и общему развитию и распространению чайной культуры во всём мире.

Ключевые слова: концепт «чай», культура чаепития, китайская культура, русская культура.

По мере бурного развития политического, экономического, научного и культурного обмена и связи между Россией и Китаем, изучение заимствования в двух языках имеет большое практическое значение. Когда речь идёт о заимствованиях в русском языке, то необходимо упомянуть слово *Чай*. Русское слово "чай" не является оригинальным русским словом, а заимствовано из северокитайского слова "чай" или "чайные листья" через тюркский язык, а перевод происходит от китайского слова *Cha* 茶.

Китай имеет долгую историю чаепития, и на остальной мир прямо или косвенно повлияли китайские привычки чаепития. Теперь чай уже стал неотъемлемой частью российской жизни. "Чай не пил, какая сила, чай попил, куда девать! ", "Чай согревает не только тело, но и душу" – эти пословицы и поговорки ярко отражают любовь русского народа к чаю.

Когда речь заходит о чае, у нас часто возникают следующие лексические ассоциации: сорта чая: *зеленый, черный, грузинский, китайский*; вкусовые качества чая: *крепкий, сладкий, вкусный*, запах и температура чая : *горячий, ароматный*; чайная посуда или чайный сервис: *чашка, чайник*; классификация чая: *прессованный чай, рассыпной чай, фруктовый чай*; глаголы, связанные с чаем: *пить, выпить, заварить*, ; косвенная форма реакции: *чай с/без сахаром, чай с лимоном*.

Всего нами было выделено три общих значения, повторяющихся в словарях как русского, так и китайского языков[2]: 1. Чайное дерево 茶树 *chashu* 2. Чайный лист 茶叶 *chaye* 3. Напиток из чайных листьев 茶饮 *chayin*. В Китае чай популярен с древних времён, и сфера использования чая в китайском языке шире.

Одновременно русские придают чаю более широкое значение. Чай - это символ времени. В России чай неотделим от представления времени, и существует множество способов использования чая для выражения времени, например, "перед чаем", "после чая", "во время чая" и "скоро время чая".

В русском языке за чашкой (-ю) чая или за чашкой значит "что-то сделать во время чаепития". Чаепитие – это ещё и способ убить время, люди пьют чай для развлечения, *гонять чаи, чай и(да) кофеи* очень хорошо это отражает.

Роль и функции чайной культуры

Подобных исследований о чае в Китае и в России достаточно много. Концепт "Чай" не только играет важную роль в оформлении лексики языка, но и оказывает глубокое влияние на культуру и общество.

1. Формирование национального характера

Чаю в китайской культуре присущи такие черты, как элегантность, скромность, спокойствие. Для россиян чай — это способ наслаждаться жизнью. Они дорожат качеством чая и верят, что чай может помочь людям сохранить естественный и чистый дух.

2. Коммуникативная функция чайной культуры

"Чай" — это средство общения. Традиции "чайные бои" и "чайные вечеринки" в Китае сохраняются до сих пор. Они отражают важную роль чайной культуры в человеческом общении.

В России чайная культура часто тесно связана с деловой активностью, а "плата, благодарность за какую-либо помощь" часто называется "пригласить на чай" или "чаевые". Русские часто приглашают своих друзей, а если хотят удержать гостей, то говорят: "Самовар кипит-уходить не велит". Для деловых людей чай становится смазкой в деловых переговорах: "Ну ладно, пойдём выпьем чаю и может быть сойдёмся".

3. Обогащение языка и словарный запас.

Особенно в последние годы, с развитием чайной торговли между Россией и Китаем, названия известных китайских сортов чая стали транслитерироваться, например, чай "Лунцзин"(龙井), чайные сорта "Улун"(乌龙), "Пуэр"(普洱) были переведены дословно. Эти транслитерированные названия чая облегчили общение между двумя народами.

Кроме слова *Чай*, в русском языке также есть слово, тесно связанное с понятием чай — слово *Байховый*. Оно обычно используется только в сочетании с чаем — *байховый чай* (白毫茶). Слов *байховый* "白毫 *bai hao*" означает "белый пушок" в китайском языке. Хуа Чанг считает, что толкование этого слова как "обиходный чёрный чай" или "чай - рассыпной, непрессованный чай (в отчаяние от плиточного прессованного)" более разумно. [3]

В русском языке существует множество пословиц и поговорок, состоящих из слова и понятия "чай". Например, "Чай не пить, так на свете не жить.", "За чаем не скучаем-по семь чашек выпиваем", "Чай крепче, если он с добрым другом разделён", "Чай пить - не дрова рубить". Русские люди верят, что чай снимает тревогу и придаёт сил. Русские пословицы гласят: "Где есть чай, там и под елью рай", "Чай не пьёшь- откуда силу возьмёшь?". Выражение "Чай сахаром! / Чай да сахар!" используется как приветствие для тех, кто пьёт чай, означая как "Желаю вам счастливого чаепития".

А в китайском языке в большом количестве представлены пословицы и поговорки, которые относятся к аспекту выращивания и разведения чая. 春雨绵, 茶发尖, 夏雨少, 发不了- Если весной дождя больше, чай прорастёт лучше, если летом дождя меньше, чай не прорастёт. Также многие пословицы отражают лечебное действие чая на организм человека. 新茶上了市, 医生无医事 - Новый чай на рынке, врачи без дела. Помимо этого, поговорки характеризуют сложный ритуал чаепития: 酒吃头杯, 茶吃两盏 - Надо наливать и выпить первую чашку вина, первую и вторую чашку чая.

В китайской поэзии также существует множество описаний о чае. 酒困路长惟欲睡, 日高人渴漫思茶 (苏轼) - Сонливость из-за пьянства и долгих дорог, солнце вышло, погода жаркая, просто хочу чашку чая попить (Су Ши); 叹息老来交旧尽, 睡来谁共午瓯茶 (陆游) - Я старею, и старые друзья мои разлучены. Когда просыпаюсь посреди ночи, кто может составить мне компанию на чашку чая (Лу Ю); 松花酿酒, 春水煮茶 (张可久) - Заваривать вина на цветках сосны и заваривать чай на родниковой воде (Чжан Кэцзю).

Чайная церемония в Китае — это не просто искусство чаепития, а комплексное искусство, которое объединяет поэзию, живопись и каллиграфию, архитектуру и природную среду, чтобы поднять чаепитие из повседневной материальной жизни на духовный и культурный уровень.

Заключение

С точки зрения исторического происхождения, китайская чайная культура имеет долгую историю и богатое наследие, в то время как российская чайная культура имеет короткую историю, но быстро развивающуюся.

Анализируя сходства и различия между китайской и русской чайными культурами, мы можем глубже понять национальные особенности и стили чайных культур двух стран и углубить взаимопонимание друг друга.

Список литературы

1. *Ивашкевич Н.П. , Засурина Л.Н.* Искусство чайного стола.// Лениздат, 1990.
2. *Гун Лэй.* Слова китайского происхождения в составе концепта Чай //Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. №2, с.510
3. 华昶: 俄语 Байховый чай 词源和词义之我见[J]外学学刊, 1994, 3(64)
4. 邹丽娟: 中俄茶文化比较研究[D]山东: 山东大学, 2008.

10.02.01

О.О. Петрова канд. филол. наук

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Калуга, poks1990@yandex.ru

О МЕТОНИМИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ И МОДЕЛЯХ ПЕРЕНОСА, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ГРАНИЦЕ СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

В статье рассмотрены теоретические аспекты деактуализации метонимических значений и моделей метонимического переноса ближней диахронии, с которыми мы встречаемся в художественных текстах классической русской литературы XVIII–XX веков и которые нередко представлены в современных толковых словарях. Эти значения и модели представляют большой интерес для теории и практики изучения вторичных значений с точки зрения их коммуникативной активности и ценности как части общей культуры.

Ключевые слова: *метонимия, синхрония, диахрония, метонимические значения-архаизмы, метонимические модели-архаизмы.*

Метонимические значения глубокой диахронии нами не рассматриваются (см. в этом отношении Рахманова 2015) [6], как и не рассматриваются метонимические значения в обиходном русском языке XVI–XVII вв. (см. в этом отношении Генералова 2006) [2].

Язык стандарта XVIII–XX веков обнаруживает: а) метонимические значения-архаизмы; б) метонимические модели-архаизмы.

А. Метонимические значения-архаизмы.

Среди устаревших метонимических значений основной массив единиц – это историзмы.

Шведова 2011: **ЕСАУЛ**, -а, м. Казачий офицерский чин, равный капитану в пехоте, а также лицо, имеющее этот чин. В словаре не отмечено, что эти значения: прямое и метонимическое – устарели (правда, с 1990-х пережили реанимацию).

КРАСНЫЙ, -ого. Сторонник или представитель большевиков, их революционной диктатуры, военнослужащий Красной армии [9].

Глинкина 2008: **ГРОШ**, а, м. Медная монета достоинством в две копейки; после денежной реформы 1838 г. – полкопейки [3].

Мокиенко, Никитина 1988: **ДАВАТЬ**. Давать дефицитный товар (продавать. – О.П.) [4].

Ср. также обозначения имён лиц метонимическими значениями названий одежды, головных уборов: *клобук, козырь, картуз, чуйка*; названия строений по учреждению: *каземат, канцелярия, присутствие* и др.

Б. Метонимические модели-архаизмы.

1. Устарела модель метонимического переноса: обозначение социального статуса человека и/или человека по социальному статусу → обозначение нравственной категории, детерминированной данным статусом: *благородный, подлый, низкий*.

Благородный человек → *благородные* манеры, черты лица, *благородные* помыслы *благородных* людей.

Рабовладельческая, феодальная и буржуазная мораль считала *благородными* людей избранных, аристократов, противопоставляя их людям *подлым* – с их низменными потребностями и образом жизни, занятых физическим трудом.

В разные исторические эпохи в понятие *благородный* вкладывалось в целом аналогичное содержание.

Лингвистический аспект семантической структуры слова *благородный* в историческом плане можно представить в виде схемы.

Прямое значение: о социальном статусе → 2. Метонимия: о человеке с таким статусом → 3.1. Синкретичная метонимия от 1 и 2 значений: о поступках, поведении человека с таким статусом, обнаруживающих такой статус. *Благородные* манеры. → 4. Метафора (окачествление признака и расширение его денотативного приложения): о высоконравственном, самоотверженно честном и открытом человеке. *Благородный* человек. → 5. Метонимия: о поступках, поведении такого человека. *Благородный* поступок. *Благородные* цели.

Прямое значение: о социальном статусе → 2. Метонимия: о человеке с таким статусом → 3.2. Метонимия: предназначенный для лиц с таким социальным статусом. *Благородный* институт.

Примеры, иллюстрирующие семантическую структуру слова *благородный* в историческом плане:

1. Сражался я и служил государю и проливал кровь не однажды, и вышел мне за то офицерский чин и *благородное* звание (Н.С. Лесков, 1883). 2. Подлый и *благородный*, богатый и убогий, учёный и невежа, мужественный и боязливый, все единым образом рождаются, и никакого тогда един от другого не имеет различия (архиепископ Платон (Левшин), 1764). 3.1. Тебе грибы, что ль, нужны – корысть то в них невелика; ловкость да *благородные* манеры – вот что тебе нужно (А.Н. Островский, П.М. Невежин, 1881). 3.2. Что не в отеческом законе Она воспитана была, А в *благородном* пансионе (А.С. Пушкин, 1825). 4. Но при всём этом Алексей Юрьевич человек, безусловно *благородный*, человек широкой души (Александра Маринина, 2013). 5. Любим мы, русские, соваться туда, куда нас не просят, совершать никому не нужные «*благородные*» поступки («Известия», 2002.07.17) [5].

В синхронии словарная структура статьи *благородный* выстроена в обратном направлении к исходной структуре.

У *подлых* людей и мысли *подлые* в 18 веке могло иметь такой смысл: ‘у крестьян и прочих плебеев и мысли, и поведение плебейское’. Опять же она грамотная и вроде как не из *подлых* (Н.Н. Алексеев. Игра судьбы, 1899) [5].

Социальный статус и нравственная характеристика человека были представлены синкретично, плюс мелиоративная или пейоративная эмоциональная составляющая. Сравни в этом отношении размышления В.В. Виноградова: «Нередко в словарях русского языка отмечается, что слово *подлый*, буквально ‘низший’, «первоначально означало: принадлежащий к крестьянскому, податному сословию и употреблялось как термин, без бранного оттенка... Это не так. Слово *подлый* в русском языке не было свободно от презрительной экспрессии, так как оно при своём появлении носило яркую печать классово-дворянской, шляхетской оценки простого народа...» [1, с. 488].

Ср. также Глинкина 2008: **ДОСТОИНСТВО**, а, ср. 1. Стоимость, ценность (денежных знаков или ценных бумаг). 2. Звание, чин, титул. [3].

2. Устарела модель метонимического переноса: синкретичное обозначение лица по полу и социальному статусу → обозначение лица по полу: *баба, барышня, мужик*.

Шведова 2011: **БАБА**, -ы, ж. 1. Крестьянка, а также вообще женщина из простонародья (преимущ. о замужней или вдове) (прост.). Б. – хозяйка в избе. 2. То же, что женщина (иногда пренебр. или шутл.) (прост.). Бабы на лавочке судачат. Курица не птица, б. не человек (шутл., посл.).

БАРЫШНЯ, -и, род. мн. -шень, ж. (устар.). Девушка из барской семьи или вообще из интеллигентной среды.

МУЖИК, -а, м. 1. Крестьянин, а также вообще человек из простонародья (прост.). 2. То же, что мужчина (прост.) [9].

3. Устарела модель метонимического переноса: обозначение низкого уровня интеллектуального развития человека → обозначение профессиональной обязанности в барском доме в России XVIII века, предполагающая низкий уровень интеллектуального развития человека: *дурак, дура*.

Шведова 2011: **ДУРА**, -ы, ж. (разг.). 1. Глупая женщина (обычно бран.). Что я, дура? (уверение в обратном). 2. В старину: придворная или домашняя шутиха.

ДУРАК, -а (разг.). 1. Глупый человек, глупец. Умный молчит, а д. ворчит (посл.). 2. В старину: придворный или домашний шут [9].

4. Устарела модель метонимического переноса: имя собственное → обозначение низового статуса лица: *ванька, алёшка*.

Шведова 2011: **ВАНЬКА**, -и, м. (устар. разг.) Городской санный дешёвый легковой извозчик, обычно из деревни, на деревенской лошади. Нанять ваньку [9].

5. Устарела модель метонимического переноса: обозначение физических характеристик лица → обозначение низового статуса лица: *молодец*.

Ушаков 1940: **МОЛОДЁЦ**, молодца, м. 1. Молодой человек бравого вида, крепкого сложения, сильный; удалец. 3. Слуга, сиделец в лавке, половой в трактире и т. п. (дореволюц. разг.). Служит в молодцах у купца [8].

Устаевают как метонимические значения, так и метонимические модели. Часть этих значений и моделей располагается на периферии диахронии и синхронии и входит в культурный фонд знаний носителя литературного языка.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* История слов /РАН. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка РАН. – М.: 1999. – 1139 с.
2. *Генералова Е.В.* Метонимия имен существительных в обиходном русском языке XVI–XVII вв. // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.): мат-лы секции «ист. лексикология и лексикография». XXXV межд. филолог. конф. 13-18 марта 2006. СПб, 2006. – С. 20–25.
3. *Глинкина Л.А.* Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2008. – 432 с.
4. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1988. – 704 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 20.03.2022).
6. *Рахманова Н.И.* Метонимия как основа семантических трансформаций в диахронии // Вестник МГЛУ, вып. 20/731, 2015. – С. 370–371
7. Словарь русских историзмов: Учеб. пособие / Т.Г. Аркадьева, М.И. Васильева, В.П. Проничев и др. – М.: Высшая школа, 2005. – 228 с.
8. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл.", 1935–1940. –Т. 1–4.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». –1175 с.

10.02.01

Е.П. Филиппова канд. филол. наук, О.С. Шемонаева, канд. филол. наук

ГОУ ВО МО «Государственный Гуманитарно-технологический университет (ГГТУ)»,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Орехово-Зуево, filippova.elena.68@mail.ru, olser09@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ К КОНТЕКСТУ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. БУЛГАКОВА)

В статье анализируются структурные приемы преобразования фразеологизмов у М.А. Булгакова. Эти способы сводятся к незначительным отступлениям от узуальной формы оборотов. В результате устойчивое выражение приспосабливается к условиям и особенностям контекста.

Ключевые слова: *М.А. Булгаков, фразеологизмы, структурные преобразования устойчивых оборотов.*

Структурные преобразования фразеологических единиц отличаются от семантических или структурно-семантических, которые в значительной степени меняют форму и исходное значение оборота. Структурные же модификации сводятся к несущественному отступлению от привычной, узуальной формы компонентов фразеологической единицы (далее ФЕ), при этом происходит логичное и естественное приспособление устойчивых сочетаний к окружающему контексту и его жанровым особенностям. Такого рода трансформации достаточно редко способны приводить к интенсификации или изменению оценочности, усилению экспрессивности, изменению функционально-стилистической принадлежности фразеологизма, однако полностью это исключить нельзя.

На материале произведений М.А. Булгакова мы рассмотрим структурные трансформации ФЕ, ведущие к растворению устойчивых оборотов в контексте и способствующие гармоничному функционированию в нем.

1. Дистантное расположение компонентов ФЕ. Данный приём преобразования у Булгакова чаще представляет собой включение в состав оборота слов или словосочетаний, грамматически не связанных с компонентами фразеологизма. Однако в структуру ФЕ могут вводиться и члены предложения.

Булгаков располагает компоненты фразеологизма дистантно с целью их выделения, акцентирования внимания на одном из элементов оборота. Исследуя художественные произведения автора, мы пришли к выводу, что данный способ приспособления оборота к контексту представлен несколькими разновидностями:

1. Внедрение в структуру ФЕ вводных слов, словосочетаний и конструкций (реже): «Но сам *факт* всё-таки, как говорится, *остаётся фактом...*» [5, с.482]; «Кот был развязан и возвращён владелице, *хлебнув*, правда, *горя*, узнав на практике, что такое ошибка и клевета» [5, с.483].

2. Внедрение обращений и междометий: «*Волосы дыбом*, дружок, *могут встать* от тех фельетонов, которые я там насочинил» [3, с.150]; «С криком: – *Угодил*, каналья, *в точку!* – военачальник первым бросился качать Кири-Куки» [1, с.448].

3. Внедрение в структуру ФЕ одного из главных членов предложения, например подлежащего: «*Начал* гость *издалека*, именно попросил разрешение закурить сигару...» [2, с.117];

4. Расположение компонентов одной ФЕ в разных предложениях, связанных последовательной связью: «Он бы прямо на митингах мог *деньги* зарабатывать, – мутно мечтал пёс, – первоклассный деляга. Впрочем, у него и так, по-видимому, *куры не клюют*» [2, с.191].

У М.А. Булгакова данный прием не влияет на образность оборота, а лишь служит элементарным средством приспособления фразеологизма к контексту.

II. Морфемные преобразования компонентов ФЕ. У Булгакова этот приём проявляется в использовании суффиксов субъективной оценки, которые обладают особой эмоционально-экспрессивной окраской, выражают отношение говорящего к предмету, событию, признаку, качеству, действию. Уменьшительно-ласкательные суффиксы **-к-**, **-очк-**, **-ечк-** употребляются с характерологической целью: передают заискивание, преувеличенную вежливость. Примеры: «– Помилуйте-с... что вы-с... *Сию... хе-хе минутку... Эй!*» [1, с.172]; «*Сию минуточку... Сию... Повремените секундочку. Ищут-с*» [1, с.173]; «В первый раз в моей врачебной жизни я натолкнулся на него, я – врач, прямо *с университетской скамеечки брошенный* в деревенскую даль в начале революции» [2, с.442].

Уменьшительно-ласкательный суффикс **-еньк-** способен придавать фольклорный характер высказыванию: «– Всё равно пропадать моей голове, залихватски рывкнул он, – так уж выложу я всё! Накипело у меня *на душеньке!*» [1, с.381]. ФЕ с данным суффиксом служит для указания на внутреннее состояние персонажа: он взволнован, находится в отчаянии.

Морфемные преобразования проявляются не только в использовании суффиксов субъективной оценки, но и в их утрате: «– А, ты знаешь, Хлобуев, – засипел, зеленея, Щукин, – *допешься ты до чертей!*» [1, с.512]. В этом примере наблюдается употребление именного компонента без суффикса **-ик-**, что делает выражение грубо-просторечным.

Выражение *ругмя ругать* преобразуется следующим образом: «Пересев в Москве из брички в автомобиль и летя в нём по московским буеракам, Чичиков *ругательски ругал* Гоголя...» [1, с.163]. В данном случае видоизменённый элемент фразеологизма придает фразе юмористический оттенок.

Как видно из примеров, морфемные преобразования компонентов не способны кардинальным образом изменять ФЕ, влиять на её семантический план, однако способны повлиять на изменение эмоционально-экспрессивной окраски.

III. Морфологические преобразования ФЕ. К морфологическим деформациям, которые встречаются у Булгакова, можно отнести:

1. Изменения в форме числа компонентов ФЕ. Чаще всего встречается употребление компонентов в форме множественного числа, хотя в узуальном функционировании они имеют форму единственного. В первую очередь это касается грубо-просторечного фразеологизма *сукин сын*. Примеры: «У моей бабушки нет ручного льва. Варум? Потому что они очень дороги в наших местах. Вот *сукины сыны!*» [2, с.283]; «Да я им, говорит, *сукиным сынам*, теперь загну салазки» [2, с.429].

В форме множественного числа используются такие фразеологизмы: *гол как сокол*: «К героям нечего было и идти. Герои были *голы как соколы* и питались какими-то инструкциями и жёлтой крупой» [1, с.225]; *каменное сердце*: «Я со страхом глядел на их лики и испытывал дрожь при мысли, что они заполняют всю Москву, что у них в кармане золотые десятки, что они меня выбросят из своей комнаты, что они сильные, зубастые, злобные, с *каменными сердцами!*» [1, с.226]; *шут гороховый*: «... столик перед двумя одетыми *шутами гороховыми* как бы по волшебству обрастает яствами» [5, с.455].

2. Изменение грамматической формы адъективного компонента. Эта разновидность морфологической трансформации представляет собой употребление суффикса превосходной степени **-ейш-**, в результате чего экспрессивность оборота значительно усиливается: «*Зеленейшая тоска* после папиросы» [1, с.209]. Ср.: *тоска зелёная*.

3. Употребление полной формы причастия вместо привычной краткой: «*Уму непостижимая вещь...* Весь дом на мой счёт содержится. Стёкла вставили всюду, детскую площадку устроили, на председателе правления новые брюки...» [1, с.589]. Ср.: *уму непостижимо*.

4. Изменение вида глагольного компонента: «*Шевельните мозгами!* Почините вашу машинку и летим отсюда назад!» [4, с.127]. Во фразеологизме *шевелить мозгами* обычно употребляется глагольный компонент несовершенного вида, в контексте же он заменен на

глагол совершенного вида.

Глагольный компонент фразеологизма *стиснуть (стиснув) зубы* обычно совершенного вида, но у Булгакова встречаются случаи использования глагольного компонента несовершенного вида: «... я возненавидел непрошеную мать Антонину настолько, что, как только она появлялась на бумаге, *стискивал* зубы» [4, с.401].

Морфологические преобразования у Булгакова зачастую способны создать добавочную экспрессивность фразеологизмам, актуализировать высказывание.

IV. Морфолого-синтаксические преобразования ФЕ. Данный прием приспособления оборотов к контексту встречается у Булгакова довольно часто. В большинстве случаев он представляет собой изменение глагольного фразеологизма следующим образом: глагольный компонент принимает форму причастия или деепричастия, что приводит к изменению его синтаксической функции в тексте. Примеры:

- «Облившись холодным потом, я начал говорить о «северном сиянии на снежных пустынях словесности российской» [1, с.135]. Ср.: *обливаться холодным потом*.
- «Приезжая в новые места, актёры прежде всего, *зная себе цену*, почтительно снимали истасканные шляпы и шли к местным властям просить разрешения поиграть для народа» [3, с.452]. Ср.: *знать себе цену*.
- «← Вы – не Достоевский, – сказала гражданка, *сбиваемая с толку* Коровьевым» [5, с.452]. Ср.: *сбивать с толку*.

Таким образом, особенностью всех структурных изменений фразеологизмов в произведениях М.А. Булгакова является то, что план содержания оборота, то есть его семантическая составляющая, сохраняется или значительно напоминает о себе, даже приобретая новый план выражения. Фразеологические единицы, претерпевшие морфемные и грамматические преобразования, а также дистантное расположение компонентов, более гибко приспособляются к условиям контекста и эффективно выполняют смысловые и стилистические задачи в нём.

Список литературы

1. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 1: Дьяволиада: Повести, рассказы, фельетоны, очерки/ Вступ. ст. и коммент. В. Петелина. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 670 с.
2. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 2: Собачье сердце: Повести, рассказы, фельетоны, очерки/ Вступ. ст. и коммент. В. Петелина. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 622 с.
3. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 4: Кабала святош: Пьесы, повесть, роман, киносценарий/ Вступ. ст. и коммент. В. Петелина. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 730 с.
4. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 5: Последние дни: Киносценарий, пьесы, роман, либретто/ Вступ. ст. и коммент. В. Петелина. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 670 с.
5. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 6: Мастер и Маргарита: Пьеса, роман/ Вступ. ст. и коммент. В. Петелина. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 605 с.

10.02.01

Яо Цянь

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
кафедра русского языка,
Калуга, 229227477@qq.com

РАЗЛИЧИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Язык является носителем культуры, фразеологизм как часть языка занимает важное место в языке, несёт в себе содержание национальной культуры и истории, составляет сущность языка. В статье используется метод противопоставления для анализа и изучения семантики русских и китайских фразеологизмов с точки зрения национальной культуры. На основе глубокого понимания различных характеристик русской культуры и китайской мы можем понять значение русских и китайских фразеологизмов.

Ключевые слова: *язык, фразеологизм, русская культура, китайская культура, семантика.*

Каждый язык в мире имеет национальное культурное происхождение. Он отражает конкретное культурное содержание. Язык является как бы носителем культуры, что и создаёт культурную систему. Наше общество постоянно развивается, поэтому язык может не только просто передавать информацию, фиксировать наши новые знания и опыт в социальной практике, но и отражать культуру и развитие разных народов. И хотя Россия и Китай – соседи, народы, населяющие эти страны – это две разные нации, условия жизни, исторические условия, обычаи и окружающая среда которых сильно различаются. Особенности национальной культуры и аспекты общественной жизни обязательно найдут отражение в национальном языке. Фразеологизмы являются базовыми элементами языка и обладают ярко выраженным национальным характером, способным отражать различные неповторимые национально-культурные колориты [4, с. 15].

Сравнительный анализ китайских и русских фразеологизмов с точки зрения национально-культурной семантики можно условно разделить на следующие четыре аспекта:

1. Культура

Выражение «дорого яичко к Христову дню» пошло от старинного христианского обычая дарить на пасху крашеные яйца. Смысл здесь в том, что дорого это яичко лишь в этот праздник, а вот уже на следующий день оно будет никому не нужно и дарить его уже нет никакого смысла. В китайском языке есть выражение 辞旧迎新 (прощай старое и приветствуй новое), которое также отражает обычай года – 春节 (Весенний фестиваль), известный как «Новый год», который является самым популярным традиционным праздником в Китае. С двадцать третьего (или двадцать четвертого) числа двенадцатого лунного месяца люди начинают готовиться к Новому году: убирать дом, мыть волосы и купаться, готовить утварь к Новому году [9, с. 30].

2. Природная среда

Каждый народ выживает и размножается в определённой природной среде. Поэтому производство некоторых фразеологизмов разных этносов тесно связано с климатическими условиями и географическими особенностями этноса [1, с. 16]. Например, *как вы сами, таковы и сани; сидя на санях; садиться не в свои сани; готовь сани летом, а телегу зимой; там сани хороши, где хозяин хорош*. В стране, которая расположена в высоких широтах, с длинными зимами и низкой температурой, сани стали незаменимой частью русской деревни зимой [7, с. 2]. А в Китае из-за специфической географической среды Китай богат бамбуком. Поэтому в китайском языке существует много фразеологизмов, связанных с бамбуком. Например: 罄竹难书 (не хватит бамбука для описания) – «неисчислимый», 势如破竹

(подобно тому, как раскрывают бамбук) – «неудержимая сила», 胸有成竹 (в душе иметь готовый бамбук) – «иметь готовый план в голове» и т.д. [10, с. 116].

3. Религиозное верование

Религия оказывает неизмеримое влияние на развитие языка, и фразеологизмы, создаваемые различными этносами, неразрывно связаны с религиозными верованиями этноса [6, с. 10]. Русский народ верит в христианство, а буддизм и даосизм оказали большое влияние на развитие китайской культуры. Фразеологизмы ярко отражают различия в религиозных воззрениях двух этнических групп. Например, в русском языке *зablудшая овца; зарыть свой талант в землю; книга за семью печатями; идти на Голгофу (на крест)* и др [2, с. 3]. Русские фразеологизмы из Библии: *жнёт где не сеял; метать бисер перед свиньями* и т.д. В китайском языке очень много фразеологизмов, связанных с буддизмом. Например: 一佛出世, 二佛涅槃 (один будда приходит в мир, а другой отходит в nirвану) – «ни жив, ни мёртв»; 借花献佛 (занять цветы для подношения Будде) – «сделать подарок за счёт другого»; 三生有幸 (иметь счастье в трёх существованиях) – «о счастливых людях» и т.д. [9, с. 41].

4. Конкретная история

Каждый народ имеет свою историю и опыт, отличный от других народов. Полтавская битва в русской истории также является примером. В 1709 году российский царь Петр I нанёс поражение шведской армии. Победа в этом сражении определила положение в пользу России для северных сражений 1700-1721 гг. Результатом этого события появились фразеологизмы *было дело под Полтавой; погиб как швед под Полтавой* [6, с. 21].

Такие примеры не редкость и в китайских идиомах. Например: 四面楚歌 (со всех сторон слышатся песни чусцев) – результат битвы Сян Юя и Лю Бана при Гайся»; 图穷匕见 (карта развернулась, в ней обнаружился кинжал) – результат истории убийства Цзин Кэ короля Цинь. Данные фразеологизмы формируются с учётом конкретных исторических событий каждого этноса и содержат ярко выраженные этнокультурные особенности.

Таким образом, язык является не только зеркалом культуры, но также находится под влиянием и «сдерживания» культуры. Фразеологизмы составляют сущность языка и «конденсированной» культуры. Сравнивая культурные значения русских и китайских фразеологизмов, мы видим огромные различия между русской и китайской культурами. Именно различия двух национальных культур ограничивают появление русских и китайских фразеологизмов и их различия в значении. Только поняв различные характеристики русской культуры и китайской культуры, мы можем глубоко понять значение русских и китайских фразеологизмов.

Список литературы

1. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов, Москва, изд. Просвещение, 1978.
2. Фелицына В.П. и Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения [М], Москва, изд. Русский язык, 1979.
3. Яранцев Р.И. Русская фразеология (словарь-справочник) [М], Москва, изд. Русский язык, 1997.
4. 刘永红, 袁顺芝, 张豫鄂 俄汉成语的文化分析 [М], 武汉: 华中师范大学出版社, 2001.
5. 刘永红 俄语成语语义形成过程中的文化渗透 [J], 《外语学刊》1997年第4期.
6. 彭在义 俄语成语释源 [М], 上海: 商务印书馆, 1983.
7. 史式 汉语成语研究 [М], 成都: 四川人民出版社, 1979.
8. 袁顺芝 俄语成语美学价值初探 [J], 载《现代外语》1996年第2期.
9. 张磊 俄汉成语语义及结构的对比分析, 2007.
10. 周纪生, 俄汉语成语语源词典 [Z], 华中师范大学出版社, 1988.

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

¹С.Н. Аверкина д-р филол. наук, ²Г.И. Родина д-р филол. наук,
³Е.А. Сакулина канд. филол. наук

¹ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»,
НОЦ «Центр немецкого языка и культуры Германии, Австрии, Швейцарии»,
²Арзамасский филиал ФГАОУ «ННГУ им. Н.И. Лобачевского»,
³ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»,
averkina.svetlanalunn@mail.ru, grodina@yandex.ru, sakoulinae@mail.ru

**ЭПИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОЗДНИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ТОМАСА МАННА**

Данное исследование посвящено проблеме изучения романного мышления классика немецкоязычной литературы XX столетия Томаса Манна. На протяжении всей жизни писатель критически осмысливал ключевые художественные дискурсы, а на поздних этапах творчества ему удалось создать собственную теорию эпического, основанную на традициях классической литературы и на ключевых критических текстах значимых мыслителей эпохи. Среди своих учителей Т. Манн называет И.В. Гёте, Т. Шторма, Л.Н. Толстого, эпический дар которых писатель связывает с духовной зрелостью и возрастом творческого потенциала, характеризующих последние десятилетия жизни прозаиков. Очевидно, что автор «Иосифа и его братьев» создал оригинальную и продуктивную теорию эпического дискурса, важную для понимания литературного процесса столетия.

Ключевые слова: *эпический дискурс, романное мышление, творческая зрелость, ирония.*

Проблема романного мышления интересовала Томаса Манна (1875-1955) с первых шагов в литературе: ему 26 лет, когда вышла в свет семейная эпопея «Будденброки» (1901). Его критические записки о поэтике интеллектуального романа появились в 1924 г., как и роман «Волшебная гора» [2].

Новый этап в понимании писателем исследуемой теоретической проблемы связан с кризисом в его жизни – с началом фашистской диктатуры и вынужденной эмиграцией. После тяжелых размышлений он решил не возвращаться на родину из поездки в Швейцарию в 1933 г., где выступал с программным докладом об одном из самых любимых своих композиторов – Р. Вагнере [7: 80]. Очевидно, Т. Манн тогда и не предполагал, что покидает Германию навсегда: в его мюнхенском доме остались личные вещи, ценности, библиотека, архив; основная часть капитала хранилась на немецких банковских счетах, находившихся под контролем государства. Большой период жизни – пятьдесят восемь лет! – был закрыт и начался другой, полный новых трудностей и абсолютной неизвестности [5].

В это время Т. Манн не только работал над критическими эссе, но и собирал материал для романа «Иосиф и его братья» (1926-1943), в котором ключевыми были темы скитания, духовного самоопределения нации и личности. Идея написания тетралогии связана еще с детским интересом к сюжету из «Ветхого Завета» и давним впечатлением Т. Манна от эпизода в автобиографии И. В. Гете, посвященного описанию Иосифа (сначала ненавистный братьям, он впоследствии становится их спасителем). Более конкретные очертания план создания тетралогии обретает после поездки Т. Манна в Каир, Луксор и деревню Карнак в 1925 г. Важную роль в формировании его увлеченности восточной философией и

мифологией сыграл также исторический роман Г. Флобера «Салаambo» (1862), хотя Т. Манн и находил в нем фактические неточности, поскольку глубоко изучал труды, посвященные древнему Египту и Карфагену. В отличие от французского автора, он старался быть в описаниях не экзотичным, а «правдивым» и даже разработал термин «мифологический психологизм», поясняющий его метод работы с библейским преданием – глубинное проникновение в него, установка на достижение реалистической достоверности [6].

Т. Манна привлекали не только классические исторические романы, но и другие художественные произведения и научные исследования. Среди первых книг, взятых писателем в «Цюрихском архиве» перед началом работы, – романы «Дон Кихот», «Тристрам Шенди», в которых мастерски воссоздан национальный дух и характер; тетралогия «Кольцо Нибелунга», где Вагнер обращается также и к проблеме рецепции мифологической реальности; исследования З. Фрейда о тотемах и табу; статьи Д. Мережковского, И. Я. Бахофена, И. Иеремиаса и других авторов, изучавших влияние ветхозаветных преданий, национальных мифологий на европейскую культуру. Занятия Т. Манна в архиве постоянно прерывались [8, 9], т.к. он отвлекался на другие проекты. Наконец, в 1933 г. он отдал в печать две части под названием «Первый роман», куда вошли «Былое Иакова» и «Молодой Иосиф» [6: 453-454]. Позднее Т. Манн изменит названия некоторых глав и последовательность повествования.

Роман станет для писателя эпохальным испытанием на пути в эмиграцию. Период интенсивной работы над материалом закончится лишь в 1943 г., после чего будет написана мифологическая новелла «Перед законом», а затем автор приступает к последнему эпическому полотну – «Парцифалю» своего творчества – к роману «Доктор Фаустус» (1947) [1]).

Работая над романом «Иосиф и его братья», самым большим и сложным своим произведением, Т. Манн пытался связать «политику земную» с «политикой небесной» [6: 472], осмыслить современные трагические события, проникая в стихию эпоса и постигая сложные законы истории и «взросления» культуры. Он обращает свой взор в прошлое, к далекому материалу, к «другим богам», к иным ценностям и культурным ориентирам, пытаясь понять и описать великую историю освобождения и спасения обреченной на гибель нации. Форма эпопеи, величественного и неторопливого повествования, помогает раскрыть весь масштаб исторического пафоса Т. Манна.

Связь эпического начала и художественной зрелости автора – одна из важных для Т. Манна-романиста проблем. Он много размышлял над тем, к чему стремится его душа – к формально более совершенной новелле или к «корявому», неоднородному, состоящему из множества историй и смыслов роману.

Этому вопросу посвящен ряд программных текстов Т. Манна – «Бильзе и я» (1906), «Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма» (1922), «Толстой. К столетию со дня рождения» (1928), «Путь Гете как писателя» (1932), «Искусство романа» (1939), «Анна Каренина» (1939) и др. Эти статьи и доклады написаны в основном после первой мировой войны, т.е. после завершения новеллы «Смерть в Венеции» (1912), когда формально закончился период создания писателем классических новелл [3: 9]. В творческой жизни Т. Манна приближалось время другого жанра – экспериментального романа как текста, жанровая специфика которого неоднозначна. Сам автор определит это как наджанровую эпическую форму повествования, которая отвечает духу времени и адекватна ему.

Свою теорию эпического Т. Манн выстраивает на уточнении гегельянского видения романа как бюргерского эпоса и исходит из представления, что «эпос отражает архаический мир, а роман – мир современный...» [4: 280]. При этом современность эпоса обусловлена потребностью проникновения во внутреннюю жизнь с ее сложностями и «скучными» деталями, бесконечной «тянучестью» и медлительностью, когда эпизод разрастается, углубляется, обращается к основам бытия: «Роман проникает во внутреннюю жизнь», «не может удовлетвориться единичной деталью, отдельными эпизодами и частностями, и ... самозабвенно останавливается на каждой из них, словно данный эпизод и данная частность

для него особенно важны, ...ибо ему неведома торопливость, у него впереди – нескончаемое время, он – дух терпения, верности, выжидания, медлительности, которая согрета любовью и потому дает радость, он – дух чарующей скуки, с ее неоднозначностью и богатством, похожем на дух эпоса в целом» [4: 280]. Такого рода зрелая скука – по-гомеровски величественная, независимая и всеобъемлющая – напоминает писателю бескрайнее море.

Сравнение эпоса с морем встречается в текстах Т. Манна достаточно часто: «эпическое начало» – это «могучий и величественный дух, всеобъемлющий, богатый, как сама жизнь, бескрайний как монотонное рокочущее море, в одно и то же время грандиозный и точный, певучий и рассудительный» [4: 250]. Это суждение созвучно тезису Т. Манна о принципиальной дистанцированности, объективности и, что парадоксально, ироничности романа [4: 250]. В романе, по мнению писателя, эпическое начало выражено сильнее и непосредственнее, чем в архаическом эпосе благодаря возможности сохранения дистанции между повествователем и повествованием благодаря стремлению к объективности. Именно роман «царит над нами и с улыбкой взирает ...с высоты», – заключает писатель [4: 285].

В эстетике писателя важна такая форма комического, как «ирония», раскрываемая метафорически. Ее появление Т. Манн связывает с аполлоническим характером искусства эпоса. «Аполлон далекоразый» для Т. Манна прежде всего – «бог дали, бог дистанции, объективности, бог иронии»; ирония – это «всепрятие», «радостный взгляд... с высоты свободы» [4: 17]. Примечательно, что в рассуждении об аполлоническом начале искусства романа Т. Манн говорит о себе, о своей знаменитой холодности, сравнивая ее с ироничностью романного сознания: «Но разве этот суровый лук (слово, острое как мечь художника болезненной чувствительности) не такая же неотъемлемая принадлежность Аполлона, как и сладостная лира?». При этом «критическая точность выражения» не связана с озлоблением [4: 18].

Вместе с тем, ирония – еще и точка встречи двух противоположных векторов культуры. Назовем их «векторами природы и духа». Т. Манн считает, что «между двумя этими началами – вся правда о романе» [4: 17]. Сущность двух начал можно пояснить, обратившись к статье «Толстой и искусство романа» (1922). В ней Т. Манн условно разделяет художников на два типа, которые обязательно вместе входят в культуру – «больной, духовный, христианский» и «здоровый, природный, Спинозианский» (условно, «Достоевский – Толстой», «Шиллер – Гете») [4].

В этом Т. Манн видит смягчающий характер современного эпоса, снимающего множество противоречий, заставляющего задуматься о многогранности культуры. В собственном творчестве он также настаивает на сложной встрече обоих начал, которые, однако, должны не смешиваться, а «интересоваться» друг другом. «Толстовско-гетевский» тип, воссоздание жизни во всей ее полноте кажется Т. Манну притягивающим центром, активным интересом, точкой отсчета, с которой начинается литература; противоположный тип – интересующейся стороной.

В статье Т. Манн объясняет это на примере письма, в котором Ф. Шиллер «предостерегает» И.В. Гете против И. Канта, своего духовного учителя и кумира [4: 490]. Гете, по мысли Т. Манна, «может быть только Спинозистом; обращение к философии свободы немедленно разрушит его прекрасный наивный характер». Автор «искусства романа» считает, что именно здесь открывается «...проблема иронии, ...самая глубокая и прельстительная из всех существующих проблем». Приведем цитату полностью: «Нет ничего более чуждого духу, чем желание обратить природу в свою веру. Дух сам предостерегает ее против себя. Нравственному сентименталисту природа кажется прекрасной..., нетронутой. Сознание воспринимает невинность, мораль воспринимает божественное, дух воспринимает природу как прекрасное, и в той своеобразно абсолютной оценке присутствует сам бог иронии, в ней обитает Эрот» [4: 530].

Т. Манн утверждает, что дух тянется к природе, испытывая «ласковое презрение» к ней» [4: 529-530]. С другой стороны, «наивному характеру свойственен иронический взгляд на жизнь, родственный его объективности и прямо совпадающий для него с понятием поэзии,

потому что он парит в свободной игре над реальностью, над счастьем и несчастьем, над добром и злом, над смертью и жизнью» [4: 530]. Наивное привлекает сентиментальное, поэзия привлекает критику, эпос/роман на каждом повороте смысла наполняется иронией, мифологизируется.

Итак, роман, по Т.Манну, – это объективное и ироническое повествование, соединившее опыт «наивного» и «христианизированного» взгляда на культуру, на поэзию и размышление о ней, «сотворение» культуры и рефлексии о границах и формах положенных в ее основу мифов и архетипов. Его теория эпоса как современного чувства жизни, погруженной в деталь, углубленной во внутренний мир; как описания приключений духа остается актуальной и сегодня.

Список литературы

1. *Аверкина С.Н.* Рецепция австрийской литературы эпохи бидермайер в творчестве Томаса Манна. Нижний Новгород, 2013.
2. *Затонский Д.* Художественные ориентиры XX века. Электронный источник URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/zaton/02.php (дата обращения 12.10.2021)
3. *Манн Т.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1959.
4. *Манн Т.* Гёте и Толстой // Манн Т. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М., 1959.
5. *Harprecht K.* Thomas Mann. Eine Biographie. Hamburg, Stuttgart. 1995.
6. *Heftrich E.* Joseph und seine Brüder // Thomas-Mann-Handbuchю Fr.-am- M. S. 453-454.
7. *Mann Th.* Tagebücher. Gesammelte Werke. Fr.-am-M., 1987. S.157 (vom 23.08.1933).
8. Die Briefe Thomas Manns. Regestern und Register. Fr.-am-Main, 1976.
9. *Mann Th.* Briefwechsel mit seinem Verleger Gottfried Bermann Fischer, 1932-1955: In 2 Bd. Bd.1. Hrg. von Peter de Mendelssohn. Fr.-am-Main, 1975.

10.02.04

Н.Д. Белоножко

Московский городской педагогический университет,
Институт гуманитарных наук,
кафедра зарубежной филологии,
Москва, nadezhdabelonozhko@mail.ru

СМЕЩЕНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ФОКУСА АЛЛЮЗИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

В работе рассматривается стилистический приём аллюзии как оценочного средства, используемого авторами художественных текстов. В большинстве случаев аллюзивная оценка направлена на внутритекстовые объекты – персонажей или события произведения, – но в ряде случаев её фокус смещается на денотат самой аллюзии. В статье анализируются условия возникновения подобного смещения и характер распределения оценочного значения между формальным объектом оценки и денотатом аллюзии.

Ключевые слова: *аллюзия, интертекстуальность, оценка.*

Стилистический приём аллюзии уже давно представляет собой непростую задачу для лингвистов и филологов, которые ставят перед собой задачу определить её сущность. Причиной этого является многогранность приёма, который может рассматриваться с точки зрения литературного, лингвосомиотического, интертекстуального, когнитивного, когнитивно-дискурсивного, лингвостилистического и лингвокультурного подходов [7]. Наше исследование осуществляется в рамках лингвосомиотического и интертекстуального подходов, где аллюзия рассматривается как интертекстуальное оценочное средство, осуществляющее оценочную функцию через отсылку к какому-либо тексту или факту, создавая таким образом подтекст, заставляющий читателя обращаться к своим фоновым знаниям для его экспликации.

Оценивая какой-либо объект, аллюзия выполняет одну из своих прагматических функций – характеризующую функцию [2], причём автор в этом случае прибегает к имплицитному способу выражения оценки, поскольку аллюзия представляет собой лишь «намёк, косвенную отсылку» [1] на какой-либо известный факт или текст. При этом аллюзия не требует пояснения со стороны автора, поскольку читатель интерпретирует аллюзию по аналогии с упоминаемым событием или произведением [3], он сам делает вывод о характере оценки на основании знаний о денотате аллюзии. Однако фоновые знания являются не единственной опорой в экспликации аллюзивного подтекста. Зачастую сам контекст произведения подсказывает оценочный знак, и в случае отсутствия у читателя фоновых знаний о денотате аллюзии, происходит явление, которое мы обозначаем термином «обратная оценочная иррадиация», то есть смещение фокуса оценки с внутритекстовой реалии на денотат аллюзии.

Возможность подобного смещения оценочного фокуса обусловлено «интертекстуальной интенсивностью аллюзии», т.е. степенью прочности связи, которую аллюзия как маркер интертекстуальности устанавливает между двумя текстами. Анализируя критерии интенсивности интертекстуальных отсылок, выработанных М. Пфистером [8], а именно, референциальность, коммуникативность, авторефлексивность, структуральность, селективность и диалогичность, можно сделать вывод, что чем выше интертекстуальная интенсивность оценочной аллюзии, т.е. чем теснее связь между двумя текстами и чем выше мотивированность ее употребления, тем в большей степени оценка, даваемая аллюзией какому-либо объекту, распространяется на саму аллюзию. Чем выше степень обратной оценочной иррадиации аллюзии, тем с большей точностью читатель может составить себе

представление о неизвестном ему аллюзивном денотате. Возвратный характер оценочного смысла свойственен любой аллюзии в той или иной степени, поскольку в любом контексте содержатся неаллюзивные элементы оценки выбранного объекта. Аллюзия, как правило, лишь дополняет или уточняет контекстуальную оценку.

Разделение оценочного значения между объектом оценки и денотатом аллюзии может иметь разные пропорции: с большим фокусом на денотат, или на объект оценки. Обратной оценочной иррадиации способствует контекст художественного произведения, а также лексическое окружение аллюзии. Приведем пример:

Thereafter the summer passed in routine contentment. Routine contentment was: improving our treehouse that rested between giant twin chinaberry trees in the back yard, fussing, running through our list of dramas based on the works of Oliver Optic, Victor Appleton, and Edgar Rice Burroughs. In this matter we were lucky to have Dill. He played the character parts formerly thrust upon me – **the ape in *Tarzan*, Mr. Crabtree in *The Rover Boys*, Mr. Damon in *Tom Swift*** [6, с. 8].

Обратной оценочной иррадиации подвергаются аллюзии на персонажей некоторых художественных произведений. Знак оценки – отрицательный: и герой самого произведения, и денотаты аллюзий рассматриваются как личности, наименее популярные в своем кругу общения. Герою «навязывали» роли упоминаемых персонажей, что говорит о нежелании других детей играть их, а, следовательно, о комичности, глупости или других непривлекательных качествах этих персонажей. В этом примере обратная оценочная иррадиация является ненамеренной со стороны автора, она создается исключительно за счет контекста и лексического окружения аллюзии, но она может носить и умышленный характер. В этом случае мы имеем дело с непосредственным стремлением автора выразить свое отношение к той или иной известной личности или факту действительности:

He lay there for a while, contemplating the mottled orange-brown finish and the patina of dead lichen on the roofing tiles. He was reminded of the art of **Jackson Pollock**, though this was more subtle, more fraught with meaning, and more appealing to the eye [5, с. 22].

Аллюзивной оценке подвергается необычный объект – узоры и лишайник на черепичной крыше, на которой оказался герой. Рассматривая замысловатый рисунок, герою вспоминаются картины Джексона Поллока – американского художника, идеолога и лидера абстрактного экспрессионизма, чьи полотна представляют собой пестрый конгломерат линий, точек и фигур. Автору явно претит такое искусство, и он открыто заявляет, что оно значительно уступает и в смысловом плане, и в плане изящности формы такому простому творению природы, как лишайник.

В следующем примере аллюзия подвергается оценке через другую аллюзию, у которой, таким образом, оценочное значение равномерно распределяется между двумя объектами: другой аллюзией и персонажем произведения:

“Listen, my little *chupaflor*, if the only way to keep you from hurting yourself is to break every bone in your body, then put you in a cast from the neck down, I can handle that.”

“Holy shit,” Skeet exclaimed, “where did you go to nursing school – **Transylvania?**”

“Tougher than that. I was taught by nuns, **the Sisters of Mercy**. ...” [5, с. 166].

Медсестра разговаривает с пациентом, склонным к самоубийству. Ее экстремальные методы сдерживания суицидальных порывов напоминают ее подопечному о Трансильвании – родине самого знаменитого вампира графа Дракулы из романа Брэма Стокера. Именно у этого вампира, намекает герой, она, возможно, и обучалась сестринскому делу. Аллюзивный топоним в этом случае обладает минимальной обратной оценочной иррадиацией. Аллюзия же на «Сестер милосердия», женскую монашескую организацию, чья деятельность направлена на помощь обездоленным и образование малообеспеченных, наоборот, лишь формально характеризует героиню, которая там обучалась, но сама становится фокусом оценки со стороны этой героини, заявляющей с долей шутки, что методы воспитания в данной организации превосходят по суровости все реалии вампирского мира.

Иногда оценка денотату аллюзии дается без каких-либо объяснений оснований, а контекст дает мало подсказок для того, чтобы сделать адекватное аксиологическое заключение. В

таких случаях читатель вынужден полагаться исключительно на свои фоновые знания в расшифровке оценочного смысла:

Dusty said, "He had such a tremendous disagreement with Colonel Farner that he wanted to change his name?"

"I guess he liked *The Catcher in the Rye*."

Dusty was amazed. "Maybe he liked it, but did he understand it?" Which was a dumb question. Skeet's father was as shallow as a petri dish, culturing one short-lived enthusiasm after another, most of them as destructive as salmonella. "Who would want to *be Holden Caulfield*?" [5, с. 61].

Отец одного из персонажей, Скита, решил сменить свое имя на имя главного героя романа Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Друг Скита недоумевает по поводу такого выбора и задается вопросом, «кому хотелось бы быть Холденом Колфилдом», где автор графически выделяет слово «быть», давая тем самым понять, что выбирая такое имя, герой идентифицирует себя с этим персонажем, а значит, одобряет его образ жизни и мировоззрение, которые вряд ли кто-то хотел бы примерить на себя. Характеристика отца как поверхностного человека, которая дается устами другого героя, имеет мало общего с личностью персонажа Холдена Колфилда, поэтому его негативная оценка стоит как бы особняком от негативной оценки отца и представляет собой самостоятельное нераскрытое аксиологическое суждение, эксплицирование которого требует хорошее знание аллюзируемого произведения. Почему же плохо быть Холденом Колфилдом? Рожденный для обеспеченной и привилегированной жизни, Колфилд смотрит свысока на элитарный мир, в котором он живет. Он подвергает сомнению ценности своего общества и порой отвергает принятые в нем правила поведения. Холдену свойственны наблюдательность, самоанализ, язвительность, цинизм и сарказм. Его, далеко неглупого молодого человека, выгоняют из множества школ, чаще всего из-за того, что он не похож на остальных.

Крайним проявлением смещения оценочного значения является оценка исключительно аллюзивного денотата. Для таких случаев мы вводим термин **автооценочные аллюзии**. Здесь мы не говорим об обратной оценочной иррадиации, поскольку изначальным намерением автора было оценивание самой аллюзии, которая практически не взаимодействует с тканью художественного произведения, поскольку никакие характеристики денотата не соотносятся с героями или событиями произведения. Так, в романе «Убить пересмешника» маленькая девочка Джин спросила у дяди Джона, что означает слово "whore-lady". Уклоняясь от прямого ответа, он начал рассказывать ей о Лорде Мельбурне:

"...an old Prime Minister who sat in the House of Commons and blew feathers in the air and tried to keep them there when all about him men were losing their heads" [6, с. 87].

Так герой пытался в очень общих чертах дать понять ребенку, что человек, подпадающий под характеристику интересующим ее словом, ведет себя крайне легкомысленно и занимается ерундой. При этом, приводя в пример данную личность, герой не соврал, а просто недосказал некоторых фактов: Лорд Мельбурн, первый премьер-министр при королеве Виктории, имел репутацию дамского угодника. Оценка получает только денотат аллюзии.

Как правило, желая выразить свое отношение к какому-либо факту реальности, автор недвусмысленно называет тот аспект, который подвергается его оценке. Это связано с отсутствием контекста, по которому читатель сам мог бы о нем догадаться. Так, вышеупомянутый премьер-министр характеризовался лексемой с ярко выраженной оценочной коннотацией (whore-lady).

В следующем примере герой (за которым, безусловно, стоит автор) негативно отзывается о стиле двух современных писателей, передразнивая неграмотную речь своего собеседника:

She nodded. "Yeah, but keep going. If there's somebody home in there, they might have saw him." He snorted. " 'Might have saw him.' Did you learn that reading **Dean Koontz** and **Danielle Steel**?" [4].

Относительно этого примера оговоримся, что хотя формально приведенные аллюзии имеют некоторый объект оценивания внутри художественного произведения (речь героя), мы все же причисляем их к автооценочным аллюзиям, поскольку их денотаты не связаны прочными ассоциациями с неграмотностью речи. Из этого отрывка мы скорее узнаем о том, что субъект оценки считает слабым местом стиля этих писателей, чем раскрываем дополнительные оценочные смыслы, обращенные к объекту оценки.

Близки к автооценочным аллюзиям случаи, когда герой, получающий имя известного исторического лица, не соответствует данной ему «говорящей фамилии». Звучное имя было дано ему по воле случая, а не за какие-либо качества, сближающие его со знаменитым тезкой. Как правило, это несоответствие эксплицитно объясняется в тексте, аллюзия отрывается от героя и аксиологическое заключение, образующееся вокруг нее и базирующееся на экстралингвистических знаниях об аллюзируемой исторической личности, а также на эксплицитно выраженной в тексте оценке денотата аллюзии, целиком сосредоточивается на этом денотате:

Local opinion held Mr. Underwood to be an intense, profane little man, whose father in a fey fit of humor christened **Braxton Bragg**, a name Mr. Underwood had done his best to live down. Atticus said naming people after Confederate generals made slow steady drinkers [6, с. 156].

Брэкстон Брэгг - офицер армии США, позже генерал Армии Конфедеративных Штатов Америки. Главнокомандующий Западным театром военных действий во время Гражданской войны в США. Военная карьера Брэгга была далека от успешной, его войсковое подразделение было в итоге разбито. Даже без знания этой информации контекст художественного произведения дает недвусмысленную оценку данной личности: герой делал все возможное, чтобы «изжить» какие-либо ассоциации с этим военным, ибо все генералы Конфедерации характеризуются как «закоренелые пьяницы». Герой, имевший несчастье получить такое имя, не наделен упомянутыми чертами, а, следовательно, весь оценочный потенциал аллюзии обращен к ее денотату.

Таким образом, аллюзия, осуществляя оценочную функцию, сама может получать оценку. Подобное смещение оценочного смысла мы обозначаем термином «обратной оценочной иррадиации». Разделение оценочного значения между объектом оценки и денотатом аллюзии может иметь разные пропорции: с большим фокусом на денотат, или на объект оценки. Крайним проявлением такого смещения является оценка исключительно аллюзивного денотата, результатом чего является автооценочная аллюзия.

Список литературы

1. *Махортова Т.Ю.* Проблемы перевода аллюзий в текстах немецких СМИ: дидактический аспект / Т. Ю. Махортова, Ш. Вальтер // *Nomo Loquens: Вопросы лингвистики и транслятологии: сборник статей.* – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2021. – С. 164.
2. *Погорельская А.Ю.* Прагматические функции цитат и аллюзий в англоязычном медийном дискурсе и способы их перевода на русский язык / А. Ю. Погорельская // *Язык. Культура. Коммуникация.* – 2021. – № 23. – С. 147.
3. *Савельева М.В.* Культурологический аспект роли стилистического приема аллюзии в рекламном слогане / Савельева М. В., Карчава О. В., Ефимова А. Н., Куклина А. И. // *Международный научно-исследовательский журнал.* – 2021. – № 6-5(108). – С. 186.
4. *King Stephen.* Desperation. – A Signet Book. – NY. – 1996. – p. 106.
5. *Koontz Dean.* False Memory. – Bantam Books. – NY. – 2000. – 752 p.
6. *Lee Harper.* To Kill a Mockingbird. – Grand Central Publishing. – NY, Boston. – 281 p.
7. *Massalskaya U.V.* The concept of "allusion" and approaches to its study / U. V. Massalskaya, L. I. Ikhsanova, O. A. Bezzemelnaya // *Russian linguistic Bulletin.* – 2020. – No 4(24). – P. 74.
8. *Pfister M.* Konzepte der Intertextualitaet / *Intertextualitaet: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien.* Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1985. -S. 25.

*10.02.04***Е.А. Боброва, Ю.Б. Косова**

Байкальский государственный университет,
кафедра иностранных языков для профессиональных целей,
Иркутск, yekaterina803@mail.ru, kosova.74@list.ru

О СПЕЦИФИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОСНОВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА К КОНЦЕПТУ

В статье анализируются особенности лингвокультурного направления в исследовании концептов на основе существующих подходов и работ ученых-лингвистов. Этот метод стал очень актуален в последние десятилетия в связи с развитием когнитивного и лингвокультурного направления исследования языковых единиц, поскольку он позволяет исследователям обратиться к областям, глубоко проникшим в сознание человека, относящимся к сфере его представлений, верований, социальных императивов, фиксированных языком. В данной статье делается попытка обзора литературы и теоретических работ лингвокультурного направления исследований концептов; делается вывод о высокой научно-исследовательской перспективности данного подхода, его связи с другими направлениями лингвистики и областями знания.

Ключевые слова: *культурный концепт, Ю.С. Степанов, концептосфера, лингвокультурный подход к исследованию концепта, смежные концепты.*

Современные взгляды на изучение языка и актуальные направления лингвистических исследований сегодня обращены к изучению связи языка и мышления через доступные для наблюдения языковые явления, особенностей языка в его тесной взаимосвязи с культурой, историей и обществом. Лингвистические исследования когнитивного направления обычно направлены на выявление языковых и когнитивных универсалий, представляющих единицы сознания, однако языковая картина мира, детерминированная культурой, делает существенные поправки и заставляет лингвистов рассматривать все языковые явления в тесной связи с культурным контекстом.

Ю. С. Степанов видит концепт как ключевую ячейку культуры, как некий сгусток культуры, отраженный в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Одновременно он отмечает и обратную связь, при которой сам человек, являясь ее частью, входит в культуру, влияя на нее. [14; 40]. По мнению Г.Г. Слышкина для концепта характерны три сферы его актуализации: сознание, культура и язык [13; 9]. При таком понимании концепта язык является формой “материализации” или оязыковления определенного явления культуры, при этом вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними [14; 32]. Другой важный ракурс рассмотрения концепта касается его взаимодействия с другими концептами культуры, что обусловило использование в работах понимания концепта как совокупности возможных связей и потенциалов концепта в сознании человека [8; 5]. Концепт не существует изолированно, отдельно от других концептов, он соединен множеством концептуальных связей с другими концептами [11; 53]. Взаимосвязанность концептов может быть вскрыта через разнородные связи между языковыми единицами. Данный ракурс соотносится с теорией рассмотрения характера знаковой сущности через отношения с другими знаками в рамках семиотической системы [12]. Каждый концепт в большой степени зависит от отношений между ним и другими концептами, а характер взаимосвязи между концептами регулярно подвергается трансформации и изменениям. Такие внешние и внутренние связи концепта при их изучении позволяют обнаружить некое “поле концепта”, или его концептосферу, которая раскрывает особенности функционирования концепта в человеческом сознании и культуре. Изучение

системы *концептов семиотического окружения* (синоним *сопутствующие концепты*) концепта как маркеров культурного пространства в сознании человека, позволяет увидеть тесные связи между явлениями, поскольку культура производит своего рода “ментальное программирование” людей определенного сообщества [16]. Многие понятия переживали существенные трансформации в ходе времени. Но они обретают внутренний смысл только при рассмотрении их в более широком контексте культуры [2;7]. Характерной чертой лингвокультурного анализа концептов является обращение к ценностным аспектам культуры, зафиксированным в концептуальном образовании, поэтому понятия *ценностная картина мира*, понимаемая как совокупность концептов в аспекте ценностей, и *ценностные доминанты*, рассматриваемые как наиболее релевантные для данной культуры смыслы, имеют существенное значение в культурологическом исследовании концептов [5]. Необходимо отметить такой аспект функционирования концепта, как способность к изменению и трансформациям в ходе его развития. Среди методов определения данного компонента можно отметить следующие способы выявления:

1) *номинативной плотности концепта*, которая объясняется наличием в языке целого ряда одно- и разноуровневых средств реализации концепта, напрямую связанных с важностью этого концепта для общества, аксиологической либо теоретической ценностью явления, отраженного в его содержании [5]; 2) *метафорической диффузности концепта* [13]. Отмечается, что степень актуальности того или иного концепта для лингвокультуры отражена в потребности носителей языка использовать концепт для метафорического обозначения как можно большего количества других концептов; 3) *транслируемости концепта в культуре* [10], а именно глубину его проникновения в науку, культуру и другие сферы.

Лингвокультурный подход предполагает особый акцент на проявлении в концепте ценности [5]. Широкое понимание культуры, на которое мы опираемся, ни в коей мере не исключает ключевой роли ценностного аспекта при исследовании концептуальных образований, а связь культуры, сознания и языка есть исходная пропозиция в исследованиях. Отношения между языком и культурой рассматриваются как отношения части и целого. Язык – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности [3]. Языковой, а точнее текстовый характер культуры отмечается Ю. Лотманом, который понимает ее как совокупность текстов. По мнению ученого, тексты – это “кровь и плоть” культуры [9].

Для решения задач исследований концептов в данном ключе актуален также термин *культурное пространство* как форма существования культуры в сознании человека. Культурное пространство включает универсальные архетипы, вечные образы, древние мифопоэтические представления, обладающие семантической емкостью [4]. Национальное культурное пространство становится осязаемым при столкновении с явлениями иной культуры [7; 1]. Термин *частный концепт, основанный на рассмотрении системы концептов, находящихся в гиперо-гипонимических отношениях*, то есть подчинения ряда концептов другому *общему* концепту, позволяет рассмотреть особенности частных реализаций концепта, при этом учитывая их референцию к единой концептуальной области. В современных лингвистических исследованиях культурные концепты рассматриваются с точки зрения констант культуры [6], анализируются сходства и различия концептов, выявляется их асимметрия при переводческом сопоставлении [15], а также при анализе концептов в религиозных дискурсах разных языков [1]. Данный теоретический обзор показал, что лингвокультурный подход обладает высоким исследовательским потенциалом для изучения концептов, предоставляет множество методов, отражающих уникальность лингвокультурного пространства через референцию к ценностным составляющим каждого общества, отраженных в языке, а также стремление современных лингвистических исследований к междисциплинарности и обращению к различным областям гуманитарного знания – истории, социологии, психологии, культурологии и др.

Список литературы

1. *Анохина С.П.* Синтаксис культурных концептов истина и правда в русском и английском языках [Текст] / С.П. Анохина // Вестник ОГУ. № 4, 2009. – С.31-38.
2. *Гуревич А.Я.* Словарь Средневековой культуры / А.Я. Гуревич// Словарь Средневековой культуры/ Под ред. А.Я. Гуревича.- М.: “Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 2003. – С. 5- 18.
3. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи [Текст] / Н. И. Жинкин // Язык. Речь. Творчество. Избр. тр. – М.: Лабиринт, 1998– С. 146-162.
4. *Иконникова С.Н.* История культурологических теорий. – 2-е изд., пер. и доп. [Текст] / С. Н. Иконникова.– СПб.: Питер, 2005. – 474 с.
5. *Карасик В.И.* Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. трудов / Ред. И. А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
6. *Карпухина Т.П., Луговской А.В.* Концепт ISLAND как ценностная константа британской лингвокультуры //Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 7 (453). Филологические науки. Вып. 125. С. 83—92.
7. *Красных В.В.* “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? [Текст] /В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003а.– 375 с.
8. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачев // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1993. – №1. – С. 3-9.
9. *Лотман Ю.* Память культуры [Текст] / Ю. Лотман //Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиотический анализ / Отв. ред. и составитель Р. И. Павилёнис. – Вильнюс: 1986. –285 с.
10. *Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подхода // Концепты. Вып. I. Архангельск, 1997.- С. 11-35.
11. *Никитин М.В.* Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53-65.
12. *Пирс Ч.С.* Логические исследования теории знаков [Текст] / Ч. С. Пирс / Пер. с англ. В.И. Кирющенко, М.В. Колопотина. – СПб.: Лаборатория метафизич. исследов. при филолософ. фак. СПбГУ, Алетейя.- 352с.
13. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
14. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь Русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 824 с.
15. *Филиппов А.К.* Асимметрия культурных концептов в оригинальном и переводном художественных текстах /А.К. Филиппов, К.А. Филиппов//Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. - С-Пб, 2021. - N 202. - С. 193 206.
16. *Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind [Text] / G. Hofstede. – Harper Collins, 1994.- 304p.

10.02.04

Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
факультет экранных искусств,
кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербург, elena.butenko.54@mail.ru, galazimmer@list.ru

АМПЛИФИКАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ В КИНОДИСКУРСЕ

В работе представлены результаты лингвостилистического исследования, подтверждающего способность фразеологических единиц усиливать присущий им оценочный аспект значения в художественном языке кинодиалога. В соответствии с поставленной целью исследования — выявления дискурсивных условий, обеспечивающих амплификацию аксиологических смыслов — в речи персонажа анимационного фильма «Король Лев. Акуна Матата» (“The Lion King. Nakuna Matata”) идентифицированы релевантные виды фразеологической трансформации, способствующие более эффективному воздействию высказывания на зрителя. Установление окказиональных способов применения узуальных языковых средств, идиом, для создания прагматической экспрессии речевого общения сочетает как практическую значимость, так и научную новизну исследования.

Ключевые слова: *фразеологизм, аксиология, трансформация, киноперевод.*

Широкое применение фразеологических единиц, идиом, в дискурсе обусловлено спонтанностью отбора языкового средства, закрепленного коллективным сознанием для соответствующей речевой ситуации. Отличающиеся структурно-семантической устойчивостью фразеологизмы стилистически не нейтральны, их денотативный аспект значения детерминирует экспрессивно-оценочные коннотации. Иными словами, фразеологические единицы «имеют не только назывную, но и оценочную функцию, выражая отношение говорящего к предмету речи» [1, с.202]. Присущий идиомам аксиологический, оценочный, компонент значения усиливается в условиях их дискурсивной трансформации.

Так, в высказывании “I want to be where we don’t have to dig tunnels and live with our heads stuck in the sand.” (Я хочу быть там, где не нужно рыть тоннели и жить, засунув голову в песок.) узуальная форма фразеологического единства “to bury/hide one’s head in the sand” (прятать голову в песок — уклоняться, не смотреть опасности в лицо) подвергается лексико-морфологическим преобразованиям. Это синонимическая замена на более резкий, жесткий по звучанию глагол “stick” с его транспозицией в причастие II, морфологические свойства которого — пассивность и завершенность — вкупе с лексическим наполнением передают эмоциональное состояние персонажа, вынужденного существовать в страхе, обреченности, безысходности. Таким образом, в «оценочной модальной рамке» [2, с.12], включающей субъект, лицо, с точки зрения которого дается оценка, оцениваемый объект — положение вещей — и соединяющий оба элемента аксиологический предикат желания, формируется суждение, основанное не только на концептуальном мире говорящего, но и соответствующей ситуации в ценностной картине мира.

Встраивание языкового знака, идиомы, в матрицу кинодиалога допускает ее «частичную произвольность», которая, по словам В. М. Савицкого, «обусловлена коммуникативным намерением говорящего и ограничена, с одной стороны, контекстом, а с другой — рамками значения знака» [5, с.159]. Например, высказывание персонажа “She’s making those eyes” (Она строит глазки) подвергает фразеологическое единство “to make one’s eyes” стилистически релевантной морфологической транспозиции. Узуальной нормой с

наименованиями частей тела предписывается употребление притяжательных местоимений, однако в данном случае в сферу действия притяжательного местоимения перенесена другая грамматическая категория — указательное местоимение. Демонстратив “those” выполняет не свойственную ему дейктическую функцию, а подчеркивает качественную характеристику действия посредством «категориальной полисемии» [3, с.68], совмещающей адъективные признаки с адвербиальными. Как утверждает Е. М. Вольф, сам факт вступления фразеологизма «в сочетании с интенсификаторами сигнализирует о сдвиге от дескриптивного к оценочному значению» [2, с.32]. В результате, выразительно сформированное прагматическое значение высказывания с большей пристрастностью транслирует отрицательные эмоционально-оценочные коннотации, отражая оценку, исходящую из этических представлений социума.

Частичная произвольность фразеологического знака сохраняет конвенциональную направленность и задает границы создания ситуативных смыслов. Так, идиома “light at the end of the tunnel” (свет в конце тоннеля) имеет значительный потенциал семантического варьирования, что демонстрируется, лапидарным, ясным и кратким, изречением “Life is a tunnel we are digging through” (Жизнь — это тоннель, который выстраиваем мы сами). Дескриптивное содержание соединило приемом двойной актуализации доминирующее — по причине его устойчивости — фразеологическое значение и прямое, подразумевая при этом логически вытекающее оценочное обозначение — жизненный путь, жизненное пространство, где, спасаясь от хищных гиен, сурикаты вынуждены копать тоннели и прятаться в них.

Синтаксической гибкостью актантной трансформации вживляется окказиональный для этого контекста компонент, местоимение “we”, который по сути переносит смысловой акцент: вместо пассивного ожидания «света в конце тоннеля» — готовность деятельного изменения положения вещей. Воспринимаемый в качестве элемента низкой предсказуемости актант “we” становится семантически главенствующим, дифференциальным признаком транспонированного знака, новизна и содержательная значимость которого оценивается на фоне узнавания традиционного. В аксиологической конструкции с бытийным предикатом субъект-социум представляет оценочное суждение как истинное в реальном мире и безапелляционное в прагматическом аспекте. Тем не менее, высказываемое в рамках концептуальной системы носителя языка это суждение может не соответствовать другим мнениям субъектов в их возможных мирах, о чем, в частности, свидетельствует перевод субтитра для русскоязычного зрителя: «Рыть тоннели — наш удел».

Как показывает проводимое лингвостилистическое исследование, всеми анализируемыми случаями имплементируется стилистический «прием репродуцированного употребления речевых штампов» [6], при котором шаблонные языковые единицы фразеологического характера, функционально прикрепленные к определенным коммуникативным ситуациям, допускают и предполагают расширение свободными языковыми средствами. При этом столкновение с окказионализмом наделяет стандартизированную модель, утратившую по причине своей стереотипности ингерентную, свойственную, экспрессивность, адгерентной, приобретенной, которую отличает меткость, емкость, экономичность выражения прежде всего оценочного компонента значения.

Фразеологизмами, входящими в «золотой фонд» любого языка, фиксируются «ценностные приоритеты общества и предписываемые модели поведения в различных ситуациях повседневной жизни» [4, с.32]. Это положение становится тем фактором, который в значительной степени обуславливает специфику как субъекта, так и объекта оценочной модальной рамки, исследование которой позволило выявить и зафиксировать определенные лингвостилистические закономерности. Во-первых, оценочный смысл заключается уже в дескриптивном компоненте, где описываемые обстоятельства расцениваются соответственно стереотипам, сложившимся в картине мира говорящих. Таким образом, субъектом оценки становится социум, предъявляющий соответствующие требования и подразумевающий общее мнение, или один из его представителей — актант в кинодискурсе.

Во-вторых, индивидуальный аспект оценки в трансформированной формуле эксплицируется вставными элементами, рассматриваемыми именно как голос субъекта, например, модальный оператор, вводящий знак оценки, который ясен по смыслу фразы — предикат оценочного отношения “want” в высказывании “I want to be where we don’t have to dig tunnels and live with our heads stuck in the sand.” Аналогично функцию индивидуализации идиоматического знака выполняет контекстный эмотив “those” (“She’s making those eyes”), содействующий нарастанию эмоциональности с целью достижения перлокутивного эффекта, желаемой реакции собеседника. Показатель субъективности — вставка “we” вводит в высказывание “Life is a tunnel we are digging through” смысл осознания, к которому субъект приходит не столько интуитивным восприятием, сколько в результате логического умозаключения о связи обстоятельств и причины, их породившей. Характер оценки, индуцированной рассуждением, снижает ее экспрессивность, поскольку рациональной оценке эмоциональность не свойственна. Без глагола мнения это синтаксически отточенное высказывание является сентенцией, нравоучительным суждением, упорядоченно, дискретно, четко объясняющим эмоцию.

Обобщения и выводы, полученные в ходе изучения идиоматической трансформации на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях подтверждают потенциальные возможности аксиологического усиления фразеологизмов. Воспринимаемая в непосредственной связи с содержанием новизна формы, порождаемая оппозицией стандартного, языкового средства, и нестандартного, его речевого выражения, является действенным способом воздействия на зрителя, что актуально в художественном дискурсе. Перспективы дальнейшего исследования аксиологической семантики фразеологизмов обусловлены частотностью их употребления в кинодиалоге в трансформированном виде, что требует идентификации исходной формы и изыскания возможностей эквивалентного перевода в языке принимающей культуры.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. 3-е изд., стер. – М.: Флинта : Наука, 2014. - 376 с
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «Либроком», 2019. 278 с.
3. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. Изд. 2-е, доп. – М.: Ленанд, 2019. – 160 с.
4. Корнилов О.А. Бицзы – «наброски кистью». Сборник статей о языке и культуре. М.: ИД «КДУ» : Университетская книга, 2016. – 260
5. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
6. Циммерман Г.А., Бутенко Е.В. Узואльно-стилистическая значимость речевых штампов в кинодиалоге. Журнал интегративных исследований культуры, 2021 т. 3 ?1 с. 40 — 46. www.iik-journal.ru

10.02.04

**Ю.А. Гаврикова, Е.Е. Белова канд. филол. наук, М.А. Мальцева,
Т.Е. Никольская канд. филол. наук, С.Ю. Филиппова, Э.Д. Шапиро, А.А. Степичева**

ФГБОУ ВО Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина,
кафедра теории и практики иностранных языков и лингводидактики,
y.a_gavrikova@mail.ru, belova_katerina@inbox.ru,
МАОУ Школа №19,
Н.Новгород, marina.maltseva.98@list.ru,
ФГБОУ ВО Литературный институт имени А.М. Горького,
кафедра русского языка и стилистики,
Москва, t.e.nikolskaya@gmail.com,
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова»,
кафедра английской филологии,
s.yu.philippova@gmail.com,
НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, elinashap@gmail.com,
МБОУ Школа №75,
Н.Новгород, aliona2302@yandex.ru

РОЛЬ И ФУНКЦИИ ПОЭТОНИМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

В статье рассматриваются поэтонимы, которые являясь антропонимами в художественном произведении и выполняя ряд функций, способны отражать свойства окружающего мира. В статье анализируется лингвокультурологический аспект антропонимики. Выявляется неразрывная связь между поэтонимами реального мира и художественного, что помогает глубже понять произведение, найти скрытый смысл.

Ключевые слова: *поэтоним, имя собственное, функция, личность героя, этническая культура.*

Со второй половины XX в. особый интерес в языкознании представляют раздел ономастики об именах собственных и их роль в художественных произведениях. Данный интерес способствовал выделению поэтической (литературной) ономастики в самостоятельную научную дисциплину, которая занимается изучением антропонимов в рамках художественных произведений: принципы создания, стиль, функционирование в тексте, восприятие читателем, а также мировоззрение и эстетические установки автора [2].

Как и все научные дисциплины, которые предусматривают определённый набор терминов, отражающих их специфику, поэтическая (литературная) ономастика способствовала появлению новой терминологии. Такие термины, как имя собственное или просто имя, по традиции используются при литературном анализе этих самих имён собственных [5]. Но при анализе художественных произведений лингвисты конкретизировали: существует имя персонажа, имя литературного персонажа, имя действующего лица. По мнению В.А. Никонова, *имя персонажа* – это средство создания художественного образа, характеризующее социальную принадлежность персонажа, и способное передать национальный и местный колорит, воссоздавать историческую правду или разрушать ее [3]. Но данное определение не открывало всецело специфику имени собственного в художественных произведениях, что способствовало появлению нового термина – *литературный антропоним*.

Позднее, анализируя художественные образы, литературным антропонимом стали именовать все имена собственные: и реальные, и вымышленные. *Поэтоним* можно рассматривать в качестве универсального термина, отражающего всю специфику дисциплины и соотносящегося со всеми разрядами имен собственных в художественном тексте (литературный зооним, литературный топоним). Хотя поэтоним изначально был использован литературоведами по отношению к именам, наделённым определённым поэтическим смыслом (например, к именам богов древней мифологии), вскоре смысловое содержание данного термина было изменено. Словарь ономастической терминологии даёт следующее определение: *поэтоним (поэтическое имя)* – это антропоним в художественном произведении, выполняющий номинативную, стилистическую, характеризующую и идеологическую функции, относящийся не только к вымышленным именам, но и к реально существующим или к комбинации тех и других [4].

Но и этот термин не устоялся, поскольку разные лингвисты придерживались своих взглядов. Но какие бы термины не были ими предложены, все они отражают одно и то же: имя персонажа, содержащее в себе его характеристику. В настоящем исследовании авторы будут придерживаться понятия «поэтоним».

Поэтоним зачастую является ключом к раскрытию и пониманию образа литературного героя, так как он напрямую связан с его определенными чертами характера и отражает его роль в произведении. Именно имя формирует первоначальное отношение читателя к герою. Благодаря тому, что каждый писатель использует антропонимы в соответствии со своим творческим методом, конкретными идейно-художественными целями и задачами, имя собственное приобретает смысловую нагрузку, целью которой является наглядное и детальное представление литературного персонажа. Каждому антропониму в речи свойственна функция идентификации лица и выделения его среди других ему подобных. В художественном произведении автор умышленно наделяет поэтоним рядом других функций, которые, в свою очередь, отражают дополнительные характеристики персонажа и способствуют глубокому пониманию произведения.

Следовательно, опираясь на данную статью, можно говорить о том, что роль поэтонимов в художественном произведении велика [6]. Поэтоним – одно из средств создания художественного образа.

Функции поэтонимов в художественном произведении были выделены российским лингвистом В.Д. Бондалетовым [1, с. 312]. Проведя сравнительный анализ поэтонимов различных русских художественных произведений, он пришёл к следующей классификации функций поэтонимов: номинативная, характеризующая, идеологическая, эстетическая и символическая. Несомненно, данная классификация функций может быть рассмотрена и при анализе поэтонимов английских художественных произведений.

1) **Номинативная функция** – функция, свойственная всем поэтонимам, независимо от ситуации и сферы употребления в художественном произведении. Данная функция является основной. С помощью этой функции автор дифференцирует литературных героев, делает их уникальными, не похожими друг на друга. В качестве примера данной функции подойдут абсолютно все поэтонимы, которые существуют в английской художественной литературе.

2) **Характеризующая функция** – функция, отображающая или указывающая на характеристики героя: принадлежность к определённой социальной группе, род занятий, личные качества, внешний вид и даже какую роль он играет в произведении. Примером может служить имя главной героини романа У.Теккерея “*Vanity Fair*” *Becky Sharp*. Этимологический словарь даёт следующие значения: *Becky*: *join, tie, snare* «соединение, связь, ловушка»; *Sharp*: *having a cutting edge, acute, active, shrewd* «резкий, пронзительный, активный, острый». Представленные значения ярко отображают личность героини: она на протяжении всего романа всеми силами и средствами пытается стать частью высшего общества. В любой ситуации она действует расчётливо и хладнокровно, из собственной выгоды. Для других героев она действительно ловушка, в которую если попадёшь, то выберешься с трудом, поскольку она сделает всё ради достижения своей цели – стать богатой.

3) **Идеологическая функция** – это функция, целью которой является раскрытие мировоззрения героя, его взглядов, принципов.

Например, поэтоним *Clarice (Clara)* со значением *bright, shining, clear* «яркий, сияющий, чистый» из романа Д.Дюморье “*Rebecca*” характеризует героиню как положительную, добрую, преданную, набожную и хорошо воспитанную девушку. Именно в ней главная героиня видит друга, она единственная, кто заставляет её чувствовать себя комфортно благодаря своей сердечной натуре, которая способна к состраданию и сопереживанию.

Ещё одним ярким примером данной функции является поэтоним главной героини романа Дж.Остин “*Pride and Prejudice*” *Elizabeth*, со значением *God is an oath* «Бог – клятва». Данное значение можно трактовать следующим образом: клятва – это торжественное обещание, обет, Бог – вера. Таким образом, данное этимологическое значение наталкивает на понимание мировоззрения героини, которая никогда не пойдёт против своей совести, против себя. Это действительно так, она хорошо воспитана, придерживается моральных устоев и всегда выступает за справедливость.

4) **Эстетическая функция** присуща только нестандартным, «говорящим» поэтонимам, которые способны воздействовать на формирование у читателя определённого отношения к герою.

Главный герой романа О.Уайльда “*Picture of Dorian Gray*” *Dorian Gray* красив, но порочен. Красота и наслаждение – его девиз. Но не только по поступкам героя, его портрету у читателя может сложиться негативное впечатление. Имя главного героя с самого начала романа указывают на его сущность, тем самым формируя у читателя определённое отношение к герою. *Dorian: gift* «дар», *Gray: of a color intermediate between black and white* «серый, мрачный». Художник, нарисовавший портрет героя, считал, что его красота – дар. Но внешняя красота не соответствовала внутренней, и главный герой – эгоист, склонившийся на тёмную сторону.

5) **Символическая функция** придаёт поэтониму особый смысл, являясь отсылкой к другому герою из другого художественного произведения или к реально существующей или существовавшей личности, что способствует качественному анализу и пониманию личности героя. *Tess* – главная героиня романа Т.Харди “*Tess of the d'Urbervilles: A Pure Woman Faithfully Presented*”. В самом заголовке романа автор характеризует её как женщину чистую, непорочную. Таким образом, роман показывает, как жизненные невзгоды, жестокие законы общества могут довести до отчаяния. Данный поэтоним является сокращённой формой имени *Teresa* – святой монахини, которое впервые было зафиксировано в XVI в. Проводя параллель, можно сделать соответствующий вывод о характере и натуре главной героини – невинная, твердо верящая в добро и благородность людей. Только жизненные события и невозможность выбора заставили её измениться.

Рассмотрев функции поэтонимов можно сделать следующие **выводы**: абсолютно каждому поэтониму присущи как минимум две функции – номинативная, которая является основной, и функция, которую выбирает автор произведения в соответствии со своей определённой целью и задачами. При анализе героев очень важно обращать внимание на поэтонимы и их функции в произведении, поскольку это зачастую является ключом к пониманию личности героя и проблематики всего произведения. Английские поэтонимы – это языковые единицы, которые непосредственно или опосредованно отображают особенности этнической культуры, которую они представляют.

Список литературы

1. *Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. Изд. 2, доп. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. 312 с.
2. *Горбаневский М.В.* Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. М.: Изд-во УДН, 1988. 88 с.
3. *Никонов В.А.* Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
4. *Подольская Н.В.* Словарь ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Академия Наук СССР. Институт языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука. 1988г. 192 с.
5. *Чикова О.А., Золотавин В.С., Каменев Р.В., Максимова Л.А.* Новая структурная модель измерения пространственного интеллекта // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, № 4. С.9.
6. *Халиуллина Л.Р.* Методика определения уровней развития исследовательского мышления у будущих учителей (бакалавров) // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, № 1. С.5.

10.02.04

Л.М. Гараева, Г.М. Ильдуганова, Г.Р. Нуриева

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт управления, экономики и финансов,
кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации,
Казань, leila-successful@yandex.ru

ЛИНГВОЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕРБАЛЬНЫХ ИНВЕКТИВ

Цель исследования - изучение лингвоэтнокультурного аспекта англоязычных вербальных инвектив. В статье проясняется роль вербальной инвективы как формы деструктивного речевого поведения говорящего по отношению к другому этносу в межкультурной коммуникации, обосновывается функционирование вербальной инвективы в национальном языке на материале словарей английского языка Longman, Cambridge и Oxford Dictionaries. Научная новизна исследования заключается в изучении вербальных инвектив с точки зрения лингвоэтнокультурного аспекта. В результате выявлено, что инвектива, определяемая той или иной национальной культурой, с одной стороны, является ее отражением, с другой, - источником ее хранения, что обусловлено наличием лингвоэтнокультурной составляющей и пространственно-временной, исторической вариативности национального языка.

Ключевые слова: *лингвоэтнокультура, инвектива, национальная группа, расовая принадлежность.*

Актуальность темы исследования обусловлена значительным влиянием межкультурной коммуникации на речевое поведение собеседников. Межкультурная коммуникация в современном обществе характеризуется не только стремлением к установлению межкультурных связей, сотрудничеству, но и вербальной агрессией в разных сферах: социально-экономической, политической, межнациональной и межэтнической. Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, необходимо провести анализ теоретической базы по проблеме исследования, определить методологию исследования, во-вторых, представить результаты исследования лингвоэтнокультурного аспекта англоязычных вербальных инвектив на материале словарей английского языка Longman Dictionary, Cambridge Dictionary, Oxford Dictionary. Методами исследования послужили анализ научных источников по проблеме исследования, синтез, обобщение и систематизация информации.

Теоретической базой исследования послужили работы, в которых рассматриваются вопросы функционирования вербальных инвектив в межличностных конфликтах, деструктивном речевом поведении в отношении социальной, национальной, религиозной, этнической дифференциации разных народов (Николаева, 2015; Россиха, 2010; Щербинина, 2013; Barbieri, Saggion, 2014; Volkova, Shaffer, Yea Jang, 2017; Dong, Trieschnigg, Cornips, 2015; Luzón, 2013).

Практическая значимость исследования заключается в том, что в представленной статье изучение лингвоэтнокультурного аспекта вербальных инвектив может быть использовано в процессе обучения студентов лингвистических ВУЗов.

На вербальном уровне агрессия выражается в межличностных конфликтах, деструктивном речевом поведении, что обусловлено стремлением говорящего оскорбить собеседника по национальному, этническому признакам. При этом в речевом поведении говорящего агрессия представляется в форме инвективной лексики [2, с. 23].

В работах Я. Л. Федоровой вербальная агрессия представлена как форма деструктивного речевого поведения индивида с целью нарушения коммуникацию [2, с. 17].

Barbieri, F., Saggion N. считали, что вербальная агрессия является характеристикой коммуникативного портрета личности, проявляясь у каждого человека неодинаково. Вербальная агрессия как личностная характеристика свидетельствует о характере конфликтного поведения, поскольку личностью отбирается определенный набор методов и средств деструктивного речевого воздействия на собеседника [5, с. 4261].

Volkova, S., Shaffer K., Yea Jang J. в исследовании вербальной агрессии отмечают, что использование инвективной лексики в современном обществе приводит к ее повсеместному употреблению (в социальных сетях, СМИ, разговорной среде, политике), способствуя усилению деструктивного и психологического эффекта [8, с. 649].

В исследованиях О.С. Коробковой [1, с. 201], Dong N., Trieschnigg D., Cornips L. [6, с. 667] вербальная агрессия рассматривается как языковое выражение агрессивного речевого поведения в отношении социальной, национальной, религиозной, этнической дифференциации разных народов. При этом в инвективной лексике употребляются своеобразные термины или этнофолемы, отражающие негативную оценку другого этноса.

По мнению Luzón M. J., в основе негативного отношения к социальной/национальной/этнической группе лежит внутренняя установка говорящего на отказ / отвержение другого этноса как несоответствующего нормам, существующим для этноса говорящего [7, с. 429].

В исследованиях М.Н. Россохи [3, с. 191], Ю.В. Щербининой [4, с. 214] отмечается национально-культурная обусловленность инвектив. Авторы объясняют свою позицию:

- степенью строгости запретов, табу в конкретной лингвокультуре;
- направленностью на определенные культурные ценности собеседника;
- стремлением говорящего (инвектора) оскорбить / унижить / выразить негативное отношение к самому собеседнику, его действиям, ценностям.

Соответственно, говорящий с целью достижения максимального эффекта от вербального оскорбления стремится максимально учесть особенности как коллективной национальной культуры (социум), так и индивидуальной (вера, ценности, нормы поведения). В данном случае следует говорить о том, что вербальная инвектива представляет собой форму межкультурной коммуникации, в основе которой лежит различия и противостояние лингвоэтнокультур.

Исходя из вышеизложенного, целесообразно сделать следующие выводы:

- национально-культурная специфика инвективной лексики определяется:
 - а) коммуникативной ситуацией,
 - б) коммуникативными целями говорящего,
 - в) принадлежностью к той или иной культуре,
 - г) семантикой универсального и национального компонента;
- для английского языка характерна лингвистическая дифференциация, обусловленная наличием непосредственно английского языка (универсального для всех национальностей) и английского языка, употребляемого этническими группами, которые проживают на данной территории;
- любая инвектива является национально и культурно обусловленной.

В связи с этим целесообразно рассмотреть лингвоэтнокультурный аспект англоязычных вербальных инвектив.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассмотрим лингвоэтнокультурный аспект англоязычных вербальных инвектив. Англоязычная культура относится к общеевропейской цивилизации, что указывает на единство культурных ценностей и установок. Тем не менее, можно выделить ряд тематических групп вербальных инвектив, характерных именно для данной культуры.

Наиболее многочисленной группой инвектив является публичное обсуждение или осуждение отношений. К ним относятся:

- оскорбление личности как представителя нетрадиционных отношений: *ass bandit lass boylas fucker/fagfaggot* - уничижительный термин для мужчин;

- метафорическое сравнение человека с определенной частью тела, в частности, *assfuck*, *asshole*, *shithead* - вредный человек; *dickwad* - тот, кто ведет себя как неадекватный, *dork* - мужчина, уничижительный термин;

- описание человеческого тела, чаще всего женского, с целью выражения пренебрежения в присутствии собеседника: *beaver/camel toes* – вагина (вульг.).

Ко второй группе отнесены скатологические инвективы, включающие лексику с описанием физиологических функций организма по отношению к конкретному человеку в его присутствии, например:

а) *The gas passed while farting / itchy eye* - неприятный, раздражающий человек или обязанность (по отношению к любому человеку);

б) *rag week/redtide* - неделя женского периода (по отношению к женщине).

В третью группу входят социальные инвективы, отражающие оскорбление / пренебрежение собеседника по принадлежности его к определенной социальной группе, исходя из следующих критериев:

1. Принадлежность к определенной расе / национальной группе:

- критическое, осуждающее отношение к негроидной расе как наркоторговцам: *black fellow / black lads*;

- расистское оскорбительное отношение к афроамериканцам:

nigger, negro / black / coloured

ho - молодой мужчина африканского происхождения

pace, orlando - сельский чернокожий

- пренебрежительное / презрительное отношение к пакистанцам, мексиканцам, китайцам, евреям: *chilli eater* – мексиканец, *paki* – пакистанец, *slant* – человек китайского происхождения, *kike* – жид, еврей;

- оскорбительные этнические прозвища «белых»:

gray, chalk, milk, paleface, pinkie, white - прозвища белых в речи чернокожих

honkey - белый бедный человек

poor white trash or pwt - белый мусор

2. Телосложение, например:

- в отношении женщин: *Barge-ass / ass and corporation/TV behind/shuttle butt* – женщина – баржа; *Dracula / garbage can/piglet / sad sack / lemonette* – уродливая женщина;

- в отношении мужчин: *asswipe* – неадекватный, *butch* – мужик;

- может быть воспринято в другой культуре как оскорбление, несмотря на то, что указывается внешняя привлекательность собеседника: *fishwoman (women)*, *chick* – телка; *chicklbaitstuff / sugar/Able Grablelleggy femme* – сексуально привлекательная женщина.

3. Возраст:

old fart / old hat - пожилой человек мужского пола

dino - динозавр, пожилой человек

4. Религиозная принадлежность. Данная группа является немногочисленной и включает лишь несколько наиболее распространенных инвектив:

- оскорбление веры:

Christacrutchian - любой христианин

Papist - католик

- оскорбление священных объектов, обычаев: *chair; rock*;

5. Индивидуализм / коллективизм с точки зрения английской лингвокультуры приобретет весьма актуальное значение, поскольку для англичан как национальной группы характерен индивидуализм, тогда как коллективное собрание, толпу они расценивают как *mob* от лат. *mobile vulgus*, букв. «движущаяся чернь», что вынуждает их держаться подальше от толпы.

6. Ценностно-ориентированные инвективы, характерные для англоязычной культуры и выражаемые посредством определенных культурных доминант:

- несамостоятельность: *tammy boy, molly, sissy, Willyboy, percy boy, goodie, cream puff, fair-haired boy*;

- лень: *bunk lizard, deadbeat, lardass, lazy bugger, poopbutt, slob, fiddler, tawpie, butters, goof-up*;

- праздное времяпровождение: *bugger about / off, fool around, louse around, fuck around, art around, piss around*;

- глупость как несоответствие стандарту благоразумия с точки зрения носителя английской культуры: *dope, bonehead, wise man of Gotham, Goihamite, prize idiot (упон), arse, ass, asshole, yock, dickhead, bedwetter, horse's ass, bampot/radge (шотл.)*.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1. Вербальная инвектива представляет собой форму межкультурной коммуникации, в основе которой лежит различия и противостояние лингвоэтнокультур, выражаемое в форме деструктивного речевого поведения говорящего по отношению к другому этносу.

2. Функционирование вербальной инвективы в национальном языке определяется культурными и социальными факторами (отношение к конкретной национальной группе, расе, ценностям и культуре определенного этноса). Национально-культурная специфика инвективной лексики определяется: а) коммуникативной ситуацией, б) коммуникативными целями говорящего, в) принадлежностью к той или иной культуре, г) семантикой универсального и национального компонента.

3. Инвектива, определяемая той или иной национальной культурой, с одной стороны, является ее отражением, с другой, - источником ее хранения, что обусловлено наличием лингвоэтнокультурной составляющей и пространственно-временной, исторической вариативности национального языка. Данные условия определяют культурные и ценностные доминанты в отражении тех или иных инвектив, определяемых рамками национальной лингвокультуры.

4. Этнос является не только объектом номинации, но и объектом оценивания, где основное понятие «народ, проживающий на данной территории» сочетается с негативной коннотацией, представленной оскорбительным / презрительным / пренебрежительным отношением к народу на основе расовой / национальной дифференциации.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении лингвоэтнокультурного аспекта вербальных инвектив на речевое поведение представителей отдельных национальностей.

Список литературы

1. Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 111.
2. Николаева И.И. Теория и практика по культуре и межкультурному взаимодействию в современном мире: Учебно-методическое пособие. Изд-во Технического института (ф) СВФУ, 2015.
3. Рассоха М.Н. Этнонимические наименования как маркеры идентичности в языке и культуре // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2.
4. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2013.
5. Barbieri F., Saggion H. Modelling irony in Twitter: Feature analysis and evaluation. In Proceedings of Language Resources and Evaluation Conference, Reykjavik, 2014.
6. Dong N., Trieschnigg D., Cornips L. Audience and the use of minority languages on twitter. In Proceedings of ICWSM, 2015
7. Luzón M.J. Public communication of science in blogs: Recontextualizing scientific discourse for a diversified audience. Written Communication, vol. 30(4), 2013.
8. Volkova S., Shaffer K., Yea Jang J. Separating facts from fiction: Linguistic models to classify suspicious and trusted news posts on twitter. In Proceedings of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, vol. 2, 2017.

10.02.04

¹В.Е. Глызина канд. филол. наук, ²Н.Е. Горская канд. психол. наук, ¹Н.В. Максимова

¹ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков для специальных целей,
²ЧОУ ВО «Восточно-Сибирский институт экономики и права»,
кафедра лингвистики,
Иркутск, vecotd@yandex.ru, Natgo2012@yandex.ru, namax@bk.ru

РОЛЬ ФРАЗЕЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОГЕРЕНТНОСТИ ДИСКУРСА

В статье доказано, что в дискурсе, на всех его уровнях преобладает определенный “порядок” коммуникативных единиц, в том числе фразеологических интенсификаторов. Делается вывод о присутствии взаимосвязанных интенциональных состояниях в речевом акте, которые формируются за счёт фразеологических интенсификаторов.

Ключевые слова: *дискурс, прагматическая когерентность, фразеологические интенсификаторы, иллокутивность.*

На протяжении последних десятилетий одной из доминирующих теорий языкознания является анализ дискурса. По мнению А.М. Каплуненко, именно дискурс является самодостаточным для адекватной интерпретации [2]. Т. ван Дейк, исследуя понятие семантической макроструктуры дискурса, делает вывод, что основой когерентности дискурса является человеческий фактор, который способен объединить намерение говорящего и последовательность речевых актов в смысловое целое [1].

По нашему мнению, следует уделять особое внимание изучению когерентности дискурса с точки зрения прагматического аспекта, который позволяет проследить макропрагматическое содержание цепочек речевых актов, присутствующих в предложении текста. Для нашего исследования наиболее интересным являлось изучить роль фразеологических интенсификаторов в обеспечении силы связи между речевыми актами, другими словами, в обеспечении прагматической когерентности. В первую очередь, нам необходимо рассмотреть два типа прагматической когерентности: иллокутивную и интенциональную.

Чтобы выявить иллокутивную когерентность дискурса, необходимо установить иллокутивную силу речевого акта, который входит в дискурс, с точки зрения общих прагматических принципов, с целью, понять контекстообусловленные ожидания в той деятельности, которая описывается.

Ученые каждый по-своему интерпретируют идущие друг за другом речевые акты, как последовательности связанных и согласованных предложений. Так, А. Феррейра считает, что существуют определённые типы функциональных отношений: подтверждение (justificatory relation), расширение (expansion relation), пояснение (explanatory relation), повтор (repetition), комментирование (comment relation), поправка (correction), добавление (addition), согласие (agreement), одобрение (approval), возражение (objection), заключение, вывод (conclusion) и др. [7]. При этом, речевые акты, следующие друг за другом не обязательно должны быть только простыми или только сложными. Следует отметить, что в простых речевых актах существуют также дискурсивные отношения, такие как координация и способствование.

Однако, А.М. Каплуненко считает, что отношениям между речевыми актами не следует придавать такую тяжеловесность, и, в связи с этим, более подходящим понятием учёный считает понятие приоритета, т.е. ту ценность, которая является побуждающим фактором для говорящих как началом, так и завершением речевого акта.

Тем не менее, можно сделать вывод, что существующая субординация между речевыми актами – это подчинение иллокутивной цели главному акту. Однако, между речевыми актами существуют и тождественные отношения, которые считаются координационными. Отношение способствования между речевыми актами можно наблюдать в случае, если осуществление иллокутивной цели одного акта делает возможным осуществление иллокутивной цели другого. Комплексный речевой акт характеризуется субординативным отношением, т.е. компоненты сложных речевых актов включают главный и второстепенный речевые акты. Приведём пример, в котором директивная иллокутивная цель включает фразеологический интенсификатор *like hell*:

“Turn the car quickly, dear, and drive like hell, I don’t want to see you go” [8].

Композитный речевой акт, по В.И. Карабану, обозначает сложный речевой акт, компоненты которого включают координативные отношения, представляющие координированные речевые акты [3]. Приведём пример:

My heart was beating like mad. I could scarcely speak [5, с.205].

Составным речевым актом считается сложный речевой акт, где компоненты отношения способствования характеризуются как способствующие и способствуемые речевым актам соответственно. Например:

“Tell me and I’ll come like one o’clock [6, с.43].

Используя понятие иллокутивное «вынуждение», мы выделяем в своём исследовании иллокутивно независимые и иллокутивно зависимые речевые акты. Иллокутивно независимый речевой акт характеризуется иллокутивным назначением, которое включает интенции самого говорящего, а значению иллокутивно зависимого речевого акта характерно иллокутивное назначение какой-либо предшествующей реплики. На связь между независимым и зависимым речевыми актами оказывают влияние разнообразные факторы. Ими могут быть, например, конструктивные характеристики коммуникативного акта. Учитывая это, можно констатировать, что прагматические отношения между иллокутивными речевыми актами с определенной иллокутивной целью, создают иллокутивную когерентность.

Приведём пример такой макроструктуры, в которой директивные высказывания идут последовательно, выполняя роль инструкции.

“Now, go home, take a drink, tell your wife about the raise, and go to bed. Then tomorrow, come in here and let me know how soon we can get the lab cleaned out so that the overflow from the accounting department can get in there. We’re tight as hell for space. Come over here, you; shake hands and forget everything we’ve said and thought about each other [9, с.461].

Такая последовательность речевых актов образует прагматическую макроструктуру, которая направлена на достижения цели и определяет результат высказывания. Из этого следует, что определенные речевые акты можно рассматривать или как относительно самостоятельные единицы коммуникации, или как компоненты последовательностей, которые образуют глобальный речевой акт.

Следует отметить, что если для достижения своих намерений говорящий использует иллокутивную когерентность, то интенциональная когерентность дискурса является связующим звеном интенционального состояния автора и его речевые акты, направлены на выражение этого интенционального состояния. Как утверждает Дж. Серль, данные состояния представляют тесную связь между собой, поскольку существующая сеть интенциональных состояний, включает в себя элементы интенциональных состояний, которые определяются условиями выполнимости только тогда, когда можно определить их положение в сети других интенциональных состояний [4].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что фразеологические интенсификаторы в дискурсе представляют собой сплетение взаимосвязанных интенциональных состояний, в котором фразеологические интенсификаторы играют важную роль в обеспечении прагматической когерентности дискурса, являясь закономерностью.

Список литературы

1. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Каплуненко А.М. Историко – функциональный аспект идиоматики (на материале фразеологии английского языка): Дис. д-ра. филол. наук: 10.02.04 / МГЛУ – Москва, 1992. – 351 с.
3. Карабан В.И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асидентических полипредикативных образований / В.И.Карабан. – Киев: Изд – во при КГУ “Выща школа”, 1989. – 132 с.
4. Серль Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д.Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18. – С. 242 – 263.
5. Cronin A.J. Shannon’s Way / A.J.Cronin. – London: Victor Gollangz Ltd, 1963. – 304 p.
6. Drury A. Decision / A.Drury. – New York: Pinnacle Books, INC. – 1984. – 532 p.
7. Ferrara A. Pragmatics / A.Ferrara // Handbook of Discourse Analysis. Dimensions of Discourse. – London: Academic Press Inc. (London) LTD, 1985. – Vol. 2. – P.137 - 157.
8. Green G. The Comedians / G.Green. – New York: The Viking Press, 1966. – 309.
9. Wilson M. Live with Lightning / M.Wilson. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1957. – 621 p.

10.02.04

Л.М. Зиннатуллина, Г.Н. Фахретдинова

ФГБОУ ВО Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Казань, globuskazan@yandex.ru, gulnaz_khamidull@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена решению вопроса лексического варьирования адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. В работе предпринята попытка решения проблемы определения критериев выделения лексических фразеологических вариантов, что в свою очередь поможет внести значительный вклад в создании двуязычных и многоязычных словарей. Актуальность работы заключается в недостаточном научном освещении определения лексического варьирования адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. Проведен анализ примеров определения лексических вариантов.

Ключевые слова: лексическое варьирование, структурно-грамматический, адвербиальные фразеологические единицы, сравнительный анализ.

Согласно мнению большинства исследователей к лексическим вариантам относятся варианты с различным лексическим составом. Лексическая изменчивость внутри фразеологизмов вызывает теоретические и практические вопросы. [1,2,9] Один из главных вопросов состоит в том, как распознаются фразеологические единицы, если не с помощью лексические единицы, из которых они состоят. Лексическая вариация не отличается радикально от других типов вариаций, грамматических и структурных вариаций, и их работу можно описать общей моделью.[4,8] Некоторые исследователи исключают лексическую изменчивость из фразеологизмов. Результат может больше не представлять тот же элемент, что и оригинальный. Другие исследователи рассматривают лексическую взаимозаменяемость как один из типов вариаций наряду с морфо синтаксической вариацией .[3,5,7]

В качестве варьируемых компонентов могут выступать разные компоненты. Достаточно часто наблюдается варьирование существительного: «between you and me and the bed-post /the door-post, the gate-post, the post» разг. - «между нами <говоря>; говоря по секрету»; «at a glance /glimpse/» - «с первого взгляда, сразу»; «at a snail's gallop /pace/» - «черепашьим шагом»; «at the point of the bayonet /sword/» - 1. «силой оружия, насильственно, огнем и мечом, «на штыках»; «with a lash /whip/ of scorpions» книжн. - «очень сурово, очень жестоко»; «by a long shot /way/» разг. - «намного, гораздо; разумеется, несомненно, бесспорно»; «в глубине души /сердца/» - «внутренне, втайне; подсознательно»; «до глубины души /сердца/» - «очень сильно (волновать, потрясать, поражать и т.п.); «в один момент /минуту, секунду/» - «очень быстро»; «на краю света /земли/» - «очень далеко»; «к черту /бесу, лешему, шуту, чертовой матери, чертовой бабушке» прост. - !. прочь, долой, вон (гнать, прогонять и т.п)

She had disliked Colin since their first meeting; the relationship, at a glance. (Devices and desires. James, P D. London: Faber & Faber)

He had waited without moving, standing stock-still on the bank, peering into the water, hoping for another *glimpse*, a ripple in the water's surface even. (Cambridge English Corpus)

Вывернутая до глубины души воронка трубы? Саксофон, конечно, не был самым совершенным, зато обертоны его голоса передавали человеческие оттенки нежности, ликования или печали, и, кроме всего прочего, они были друг для друга резонаторами. (Л. Улицкая. «Путешествие в седьмую сторону света») Вот это и есть та самая, пропущенная, самая

выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к чёрту. (И. Золотуский. «Записки сумасшедшего»)

Женщина рассмеялась: — Да ну тебя к лешему, скарעד! Я пошутила, — и пошла вниз. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1)

Подозреваю, что у сына подобное состояние, если не хуже: никакие меры пресечений и запретов не помогают — всё работает пару дней, потом все договоры летят к чёртовой матери и всё продолжается по новой. (Наши дети: Подростки (2004))

Чрезвычайно соблазнял первый: кинуться на эти лампы и замысловатые вещицы, и всех и х к чёртовой бабушке перебить и таким образом выразить свой протест за то, что он задержан зря. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Но если бы ожидаемые перемены случились в один момент, то эффект был бы сравним с Мамаевым побоищем. (Таисия Мартынова. Стань сильней или умри)

Не бойся! Мы порвём их в одну секунду! Пусть только они попробуют тебя пальцем тронуть. (Е. Самойлова. «Любого мента поколотить могу!»)

Реже лексическому варьированию могут подвергаться прилагательные, местоимения и числительные: «in fine /high/ fettle» - «в очень хорошем состоянии; в отличном настроении»; «in pretty /fine, sorry/ pickle» разг. - «в полном беспорядке, вверх дном; в плачевном состоянии»; «in the year dot /преим. амер. in the year one» разг. шутл. - «в незапамятные времена, во время оно; = при царе Горохе»; «по большому /крупному/ счету» нов. разг. - 1. «исходя из самых высоких критериев, требований, принципов (судить, считать, оценивать и т.п.)»; 2. «в соответствии с самыми высокими представлениями, принципами, требованиями (жить, дружить и т.п.)»[6,10,11]

И вышел из комнаты съесть, что найду: теперь уже по крупному счету. (С. Носов. Фигурные скобки)

Потому что волнует нашу власть по большому счёту не то, кто сколько наворовал, а совсем другое. (И. Гальперин. Власть «делом» занимается)

Вариация предлогов более характерна для английских ФЕ, хотя встречаются и несколько примеров такой вариации в русском языке: «повезет в /в/ картах», «быть на /амер. В карты», «медленнее в /на/ поглощение» (столб.), «из /из/ пасти смерти», «земля течет /молока/ и меда», «стряхнуть прах с /с ног», «книга за /под/ семью печатями», «насыпать соли на /под/ хвост кому» (грубый низкий цвет), «небо с /в/ овчинку кажется кому.. небо с /в/ овчинку встречается кому» (стр.), «не от /из/ мира сего». Есть также несколько примеров вариаций местоимений в английском языке и наречий. вариант в русском языке: «получить его /их/» (жарг.), «как будто /словно, точно/ громом пораженный кто» (кол.), «как /будто, похоже, точно/ банный лист пристал».

В отличие от русского языка, в котором мы находим единичные случаи варьирования предлогов, английские адвербиальные ФЕ демонстрируют высокую частотность предложного варьирования: «at /in, уст. on/ a pinch» - «в случае крайней нужды, в крайнем случае; = на худой конец»; «below /beneath, under/ the mark» - «не на высоте (положения)»; «beyond /within/ the veil» - «на том свете»; «by /with/ the skin of one's teeth» - «едва, еле-еле, чудом»; «by /in/ the lump» - «в целом»; «in /under/ the shadow of smth» - «вблизи чего-либо, поблизости от чего-либо»; «изо /ото, со/ всей силы» - 1. «очень громко»; 2. «с предельным напряжением, интенсивностью».

He might take the odd class in Geography at a pinch, but he had never given the subject any particular prominence in the school, and most boys gave it up after two years. (Little victims. Barnard, Robert)

But you get the dose wrong, slip in a pinch too much, and you're unconscious, just like that. (Payback. James, Russell)

Men's Outfitters -- and being in trade was only admissible by the skin of his teeth and because. (Ruth Appleby. Rhodes, Elvi)

They felt like men who with the skin of their teeth have escaped a sudden and violent death... (W. Maugham 'The Judgement Seat')

Half-immersed in a white fur rug, he carelessly consumed Macdonald's chocolate marshmallows and turned over the pages of his Eagle Annual in the shadow of the family piano. (Rich. Raine, Craig)

The two young men sat on a long seat under the shadow of a tall tree. (The picture of Dorian Gray)

Для английского языка также встречается варьирование предлогов в разных вариантах – британском и американском: «by /амер. in/ fits and starts» - «урывками, нерегулярно, неравномерно»; «into /амер. in/ the bargain» - «в придачу, к тому же, вдобавок».[12]

" You certainly make me feel so,' Kegan said, and anger was still simmering in him.' And stupid into the bargain. (The meddlers. Rayner, Claire)

They would have found me a bed, but it was not in the bargain that I should linger after I was no longer needed. (The holy thief. Peters, Ellis)

Только для английского языка характерным является чередование неопределенного и определенного артикля как его типологической характеристики: «all in a /the/ day's work» - «в порядке вещей»; «to a /the/ queen's taste» - «в совершенстве».

Список литературы

1. Арсентьева Е.Ф., Арсентьева Ю.С. Расширенная метафора как один из типов окказионального использования фразеологизмов-эвфемизмов: экспериментальное исследование /Е.Ф.Арсентьева, Ю.С.Арсентьева, Вестник Томского государственного университета. - №50, 2017. - С.5-16.
2. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте /Е.Ф.Арсентьева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 172с.
3. Галева Ф.Т., О реализации междисциплинарных связей на занятиях по иностранному языку с дисциплинами профессионального цикла / Мир науки, культуры, образования.. 2019, в.2, с.114-116.
4. Зиннатуллина Л.М. Функционально-стилистические особенности определения англо-русских фразеологических аналогов // Казанская наука. 2019. № 5. С. 79-81.
5. Зиннатуллина Л.М. Вариантность адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. // Liteга. Издательство NotaBene, 2019. № 4. С. 17-25.
6. Зиннатуллина Л.М., Сунцова М.С. Механизм создания расширенной метафоры с адвербиальными фразеологическими единицами // Казанская наука. 2020. № 6. С. 57-59.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка /А.В.Кунин. – М.: Высшая школа, Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381с
8. Фахретдинова Г.Н., Дулалаева Л.П., Зиннатуллина Л.М., Царева Е.Е., Важность развития трансверсальных компетенций в системе высшего образования стран Евросоюза / Тенденции развития науки и образования. 2020, т.58, в.8, с.30-33.
9. Фахретдинова Г.Н. Экспрессивно-стилистические приемы в татарской рекламе // Казанская наука. – 2018. – № 4. – С. 119-121.
10. Хафизова Л.Ю., Царева Е.Е., Сунцова М.С. Трудности перевода текстов автодорожной тематики с русского на английский и немецкий языки на материале веб-сайтов дорожно-строительных компаний / Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021, т.14, в.11, С.3472-3476
11. Tsareva E.E., Fakhretdinova G.N., Zinnatullina L.M., Dulalaeva L.P. Competences in Engineering Education in the European Union Педагогические науки. 2020. Т. 2. С. 15.
12. Юздова Л.П. Варьирование как показатель развития адвербиальных фразеологических единиц /Л.П.Юздова // Известия Российского гос. пед. ин-та им. А.И.Герцена. – 2009, № 110.

10.02.04

¹Ю.Н. Зинцова, ²Е.А. Хроменкова

¹Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Высшая школа лингвистики, педагогики и психологии,
кафедра теории и практики немецкого языка;

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Институт филологии и журналистики, кафедра зарубежной лингвистики,

²Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Высшая школа лингвистики, педагогики и психологии,
Нижний Новгород, zintsova@mail.ru, svetiza1227@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

В статье рассматриваются особенности персуазивного дискурса в немецких социальных рекламных текстах, выявленные на стилистическом уровне среди лексических средств выразительности, которые направлены на привлечение интереса реципиента и воздействие на его сознание.

Ключевые слова: *некоммерческая реклама, социальная реклама, персуазивность, рекламный дискурс, рекламный текст, лексические средства выразительности.*

Термин «социальная реклама» не имеет однозначного толкования и является дословным переводом с английского «public service advertising», активно использующийся в отечественном массмедийном пространстве. В других лингвокультурах ему соответствуют термины «некоммерческая реклама» и «общественная реклама». Таким образом, социальная реклама определяется как вид некоммерческой рекламы, основной целью которой является повышение осведомленности об определенной проблеме, привлечение внимания и изменение поведения потребителя.

В Германии социальная реклама развита больше, чем в Российской Федерации. Основной тематикой в ней выступают семейные ценности и крепкие отношения, защита прав детей, здоровый образ жизни, проявление милосердия к нуждающимся людям, соблюдение правил дорожного движения, жестокое обращение с животными и другие. Социальная реклама, чаще всего, не преподносит варианты решения проблемы, а воздействует на разум и чувства реципиента, так как главная её задача состоит в том, чтобы заставить человека думать о себе, о своём поведении [5, 109]. Влияющий характер рекламы достигается за счет персуазивности, которая играет главную роль при создании рекламных текстов [2, 97]. Персуазивный дискурс возникает в ситуации, когда один из его участников делает сознательную попытку повлиять на своего оппонента. А.В. Голоднов рассматривает коммуникативные стратегии персуазивности, используемые в рекламе, с двух сторон:

1. Персуазивная стратегия привлечения внимания с целью обращения интереса людьми на рекламу;

2. Стратегия скрытого персуазивной интенции, гарантирующей успех рекламной коммуникации с помощью завуалированности, игры слов и смягчения императивности [3, 137].

В ходе анализа немецких социальных текстов на стилистическом уровне среди лексических средств было выявлено богатое изобилие различных тропов, использующихся для игры с воображением реципиента. Стилистические средства выразительности играют особо важную роль в тексте социальной рекламы, так как для достижения эффекта убеждения копирайтеры стремятся к частому использованию средств экспрессивности. Тем не менее, текст рекламы должен быть понятен и суметь воздействовать на подсознание

[7, 209; 1, 8]. В связи с этим в текстах немецкой социальной рекламы часто используется разговорная или территориальная лексика [4, 157], которая подразумевает доходчивость:

- *STOP! Cybbermobbing ist nicht **COOL!***
- *Das Leben ist zu kurz für den falschen **Job.***
- *Betrunkene sagen die Wahrheit. Blöd, dass sie immer so **nuscheln.***
- *Gemeinsam **chillen** oder betrunken stressen. Alkohol? Kenn dein Limit [10, 11].*

Привлечение интереса, внимания достигается за счёт следующих средств: аллегория, ирония [6], игра слов и обыгрывание их многозначности, употребление идиом. Недосказанность и возможное неоднозначное толкование мысли создают подтекст и способствуют игре воображения аудитории. Например:

- *Das letzte Bier war schlecht. Meint mein **Kater.** Alkohol? Kenn dein Limit [11].* В данном контексте используется аллегория, с помощью которой высмеиваются человеческие пороки. На изображении рекламы показан кот, но при этом используется игра слов: «Kater» в значении похмелье.

- *Rauchen macht erwachsen. Stimmt: Haut, Haargefäße und Schlagadern altern schneller [10].* В данном предложении используется ирония. В шутовском значении копирайтер говорит о том, что курение делает людей «взрослыми», но в реальности оказывается всё наоборот.

- *Keine Tierversuche für Kosmetik! **MAKE UP YOUR MIND!** (Sarah Connor) [12]* - игра слов и обыгрывание их многозначности. «Make up» может переводиться как «накраситься» или «изменить мнение». В данном контексте адресант стремится оставить тестирование косметики на животных. Слово сочетание «make up» иронично сообщает «накрась свой разум, сознание» и поменяй мнение.

Среди тропов выявлено также очень частое употребление метафор, метонимии, сравнений, синекдохи, эвфемизма, которые способствуют тонкому выражению эмоциональной оценки происходящего [9]:

- *Frau mit Benzin übergießen. Rasch anzünden. Zusehen, wie sie brennt. Genugtuung empfinden. (5.000 Frauen sterben pro Jahr durch Ehrenmorde. Helfen Sie uns, sie zu retten) [8].* В данном контексте используется метафора, с помощью которой поднимается проблема домашнего насилия и описывается внутреннее состояние женщин, страдающих от этой проблемы. С её помощью и с сопутствующими средствами ситуация показана более ярко и вызывает более сильные эмоции.

- ***Galgenfrist.** (Wenn das Haus fällt, ist es zu spät. Helfen Sie beim Neubau des Tierschutzhauses) [12].* В данном примере также следует отметить эвфемизма для избегания слова «смерть, казнь». «Galgenfrist» имеет значение «отсрочка казни» или в переносном смысле – «отсрочка на короткое время». Данный контекст подразумевает, что без помощи людей животные умирают.

- *Wir sind **stark.** Und halten zusammen. (Wir sind Rechtsstaat) [12].* Метонимия «Stark» предполагает, что общество является морально сильным ли сильным духом, но не физически.

- ***Wir sind unschuldig.** Bis das Gegenteil feststeht. (Wir sind Rechtsstaat) [12].* Синекдоха «wir» показывает, что мы – это целое общество, каждый из нас.

- *Fühl dich **wie** ein Schwein. Stoppen Sie mit uns die Ferkelkastration ohne Betäubung! Tiere leiden **wie** wir; Fühl dich **wie** ein Nerz, Kaufen Sie keine Tierpelze! Tiere leiden **wie** wir [12].* Сравнения заставляют поставить себя на место другого и призывают прочувствовать ситуацию для того, чтобы изменить своё отношение.

Исходя из вышесказанного, следует сделать вывод, что стилистическое оформление текста играет основную роль для достижения убедительности и воздействия на сознание реципиента. С помощью стилистических средств выразительности значительно повышается уровень эффекта восприятия и побуждения общества к действию.

Список литературы

1. Белова Е.Е., Рябкова Ю.В. К вопросу об обучении ESP работников рекламной сферы // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 7-10.
2. Борисова С.С. Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста (на материале немецкого языка): дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2016. 250 с.
3. Голоднов А.В.: Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации [на примере современной немецкоязычной рекламы]: дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2003. 247 с.
4. Оладышкина А.А., Плисов Е.В. Стандартизация vs. регионализация: территориально маркированная лексика в социальной рекламе и ее восприятие в австрийских СМИ // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве. Материалы III Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2021. С. 156-160.
5. Рябкова Ю.В., Зинцова Ю.Н. Роль текста в наружной социальной рекламе (на материале немецкой социальной кампании „Runter vom Gas“) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2017. № 38. С. 108–117.
6. Плисов Е.В., Кузьмичева А.А. Ирония в словаре и речи (на материале немецкого языка). Н. Новгород: Мининский университет, 2019. 174 с.
7. Хроменкова Е.А., Зинцова Ю.Н. Персуазивные стратегии, реализуемые на лексическом уровне, в текстах немецкой социальной рекламы // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве. Материалы III Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2021. С. 208-211.
8. DIE LINKE. Eva von Angern [Электронный ресурс] URL: <https://www.evavonangern.de/willkommen/aktuell/detail/news/zum-internationalen-tag-gegen-gewalt-an-frauen/> (дата обращения 03.04.2022).
9. Lakoff G. and Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 256 p.
10. Rauchfrei [Электронный ресурс] URL: <https://www.rauchfrei-info.de/> (дата обращения 09.04.2022).
11. Runter vom Gas [Электронный ресурс] URL: <https://www.runtervomgas.de/> (дата обращения 09.04.2022).
12. Tierschutzpartei [Электронный ресурс] URL: <https://www.tierschutzpartei.de/> (дата обращения 05.04.2022).

10.02.04

А.А. Котельникова, Н.А. Лаврова

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков,
кафедра фонетики и лексики английского языка,
aa_kotelnikova@student.mpgu.edu, na.lavrova@mpgu.su

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ С ПОЗИЦИИ ЭКОЛИНГВИСТИКИ

В работе представлены результаты социолингвистического опроса носителей английского языка на предмет их отношения к эвфемизации языка и речи. Результаты опроса обнаружили, что положительные коммуникативные задачи и мотивы доминируют над негативно-избегающими мотивами: вежливость и коммуникативная эмпатия преобладают над чувством страха и стыда. Было также установлено, что эвфемизация вносит коррективы в экологию языкового сознания носителей английского языка.

Ключевые слова: эвфемизм, эколингвистика, опрос, табу, толерантность.

Введение

В настоящее время наблюдается тенденция противостояния стереотипам общественного поведения. Эвфемизмы как пласт лексики, способствующей облагораживанию языка и вуалированию стигматичности, используются для выражения уважительного отношения говорящего к дискриминируемым группам и являются неотъемлемым компонентом лишённой дискриминации речи. **Актуальность** исследования обусловлена тем, что социокультурный характер эвфемистических лексических единиц в современном английском языке позволяет не только выявить пласт наиболее употребительных тематических групп эвфемизмов, но и определить наиболее вероятную реакцию носителя языка на их использование в устной и письменной речи, что позволяет точнее описать данное лингвистическое явление.

Цель исследования – определить отношение современных носителей английского языка к эвфемизации. Для достижения поставленной цели в работе были использованы следующие **методы исследования**: метод контекстуального анализа, метод случайной выборки, метод количественного подсчёта, социолингвистический опрос. **Материалом** исследования послужили 125 эвфемизмов, отобранных из 103 статей британских периодических изданий (*BBC News, The Times, The Telegraph* и *The Economist*), а также из словарей эвфемизмов «A Man about a dog: euphemisms and other examples of verbal squeamishness» [11] и «Euphemania: our love affair with euphemisms» [10].

Научная новизна работы состоит в проведении социолингвистического опроса «The role of euphemisms in our life», посвящённого использованию эвфемизмов в современном английском языке. **Рабочая гипотеза** исследования была сформулирована следующим образом: ввиду возникновения таких современных тенденций, как противостояние стереотипам общественного поведения, в частности ageism, fattism, weightism, heightism, ableism и т.д., носители английского языка всё чаще прибегают к использованию эвфемизмов не только во избежание упоминания неприятных явлений и конфликтных ситуаций, но и с целью выражения толерантности.

Явление эвфемии с исторической точки зрения

Процесс эвфемизации связан с такими экстралингвистическими факторами, как своеобразие исторического и культурного прогресса, морально-этические и эстетические нормы. Данная особенность эвфемизмов привлекает внимание многих учёных (Л.В. Артюшкина [1], Н.М. Бердова [2], М.И. Зверева [5], Л.М. Крысин [6]). Так, Н.М. Бердова

отмечает пересечение экстралингвистических и лингвистических стимулов эвфемизации речи и, как следствие, возникновение «взаимообусловленности социально-психологических и денотативно-сигнификативных факторов» эвфемизации [2, с. 26].

Зарождение эвфемии происходит в контексте основ ораторского искусства в работах Аристотеля и Марка Тулия Цицерона. Однако как стилистический троп и приём словесного сглаживания денотативного компонента с отрицательной коннотацией эвфемизм начал формироваться позднее эпохи Античности. Одно из первых упоминаний эвфемизма как термина встречается в работе «Глоссография» английского учёного-лексикографа Т. Блаунта [3].

Одним из наиболее влиятельных американских лингвистов, обосновавших отношение эвфемии к явлениям языка, в середине XX в. стал Ч. Кейни. Определив эвфемизм как средство косвенного и смягчающего наименования неприятного, оскорбляющего и внушающего страх предмета или явления, учёный выделяет три основных группы эвфемизмов по экстралингвистическим признакам: 1) из суеверия или запрета, 2) из деликатности или чуткости, 3) из приличия или тактичности [9, с. 153]. В современном английском языке к первой группе относятся такие эвфемизмы, как *to reach one's river's end, to want to join the sea, to go west, to buy the farm*; ко второй - *vulnerable people, wardrobe malfunction, pretty-plus girls' size*; к третьей - *to do number 1, to do number 2, to see a man about a dog, bijou, au naturel*.

В современном обществе восприятие эвфемизмов носителями языка приобретает иной характер. Так, в одной из статей американского профессора лингвистики Х. Халмари эвфемизм упоминается в качестве одного из основных инструментов выражения политкорректности в контексте номинации, ориентированной прежде всего на человека ('people first approach') [8, p. 829].

Современный подход к определению эвфемизма должен учитывать экстралингвистические факторы или «ситуативные параметры», о чём упоминает в своей работе Е.С. Глиос, определяя эвфемизм как мелиоративную лексическую единицу, употребление которой вместо неделикатного или стигматичного antecedента ввиду нетактичности, нежелательности, некорректности или в соответствии с политкорректностью и социальной приемлемостью обусловлено двумя типами параметров: ситуативными и коммуникативно-прагматическими [4, с. 7]. Например, в современном английском языке названия многих профессий, не требующих высокой квалификации, заменяются более «престижными» эвфемизмами: ср. *canine exterminator* (dog catcher), *household executive* (housewife), *rodent operator* (rat catcher), *hairstyle manager* (hairdresser), *street orderly* (dustman), *head of verbal communications* (receptionist), *exotic dancer* (stripper), *ambient replenishment assistant* (shelf stacker in a supermarket).

Опрос носителей английского языка на предмет выявления их отношения к эвфемизации языка и речи

В настоящем исследовании эвфемизация изучается с позиции лингвоэкологии, или эколингвистики — междисциплинарной науки, возникшей в 90-х годах XX в. на стыке языкознания и экологии, ключевым направлением которой является изучение «экологического состояния» как языка, так и его социолектов, формируемых языковой личностью [7].

С целью выявления социальных тенденций относительно явления эвфемизации авторами был проведён социолингвистический опрос «The role of euphemisms in our life», в котором приняли участие 16 человек (6 женщин и 10 мужчин) в возрасте от 21 года до 60 лет различных профессий: учителя, риелторы, представители сферы услуг, биологи, лингвисты, копирайтеры, представители финансовой сферы и госслужащие из Канады, Австралии, Англии и Америки. Участникам опроса предлагалось ответить на 12 вопросов, касающихся различных прагматических аспектов использования эвфемизмов.

Результаты

Результаты опроса позволяют сделать вывод о достаточно активном использовании эвфемизмов среди представителей англоговорящих стран, о чем свидетельствует следующая диаграмма (Рис. 1).

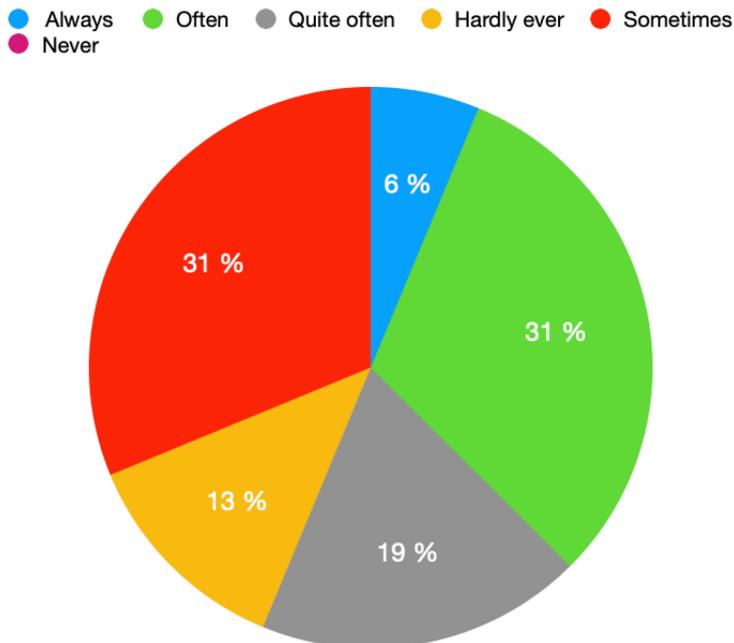

Рис. 1 – Частота использования эвфемизмов англоязычными респондентами

Большинство респондентов получили представление об эвфемизмах благодаря образовательным учреждениям, печатным изданиям, сети интернет, межличностному общению, а также профессиональной литературе (Рис. 2).

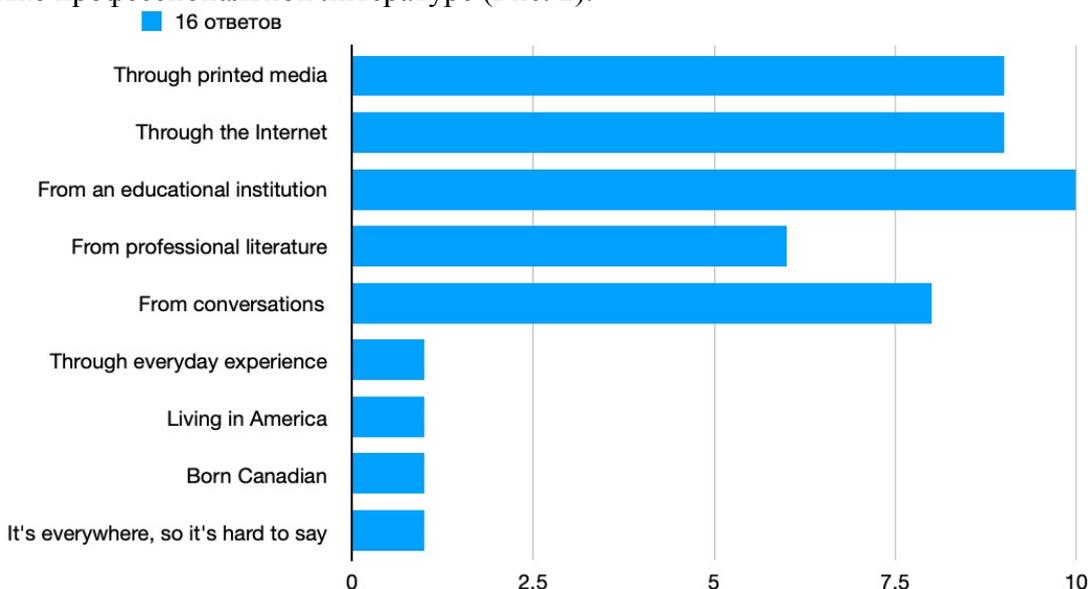

Рис. 2 – Источники получения информации об эвфемизмах

С позиции эколингвистики результаты опроса свидетельствуют о неоднозначности влияния эвфемизмов на эмоциональное состояние адресата в момент получения сообщения, содержащего эвфемистический субститут (Рис. 3). Так, большая часть респондентов (50%) отмечает отсутствие сильной эмоциональной реакции в момент сообщения, содержащего эвфемизм. Около 30% опрошенных испытывают благодарность и уважение по отношению к адресанту за избегание упоминания явления неприятного или негативного характера. Некоторые респонденты (18,3%) подчеркнули юмористический характер эвфемизмов в зависимости от контекста и существование некоторой контекстной неуместности использования эвфемизмов. Среди оставшихся респондентов есть те, кто ощущает неловкость (18,8%), сталкиваясь с выражениями эвфемистического характера, и

обременённость необходимостью использования данного пласта лексики в речи ввиду профессиональных регламентаций (6,3%).

Поскольку некоторые вопросы предполагали возможность выбрать несколько вариантов ответа (ответы не являются взаимоисключающими), общая сумма процентов не везде равняется 100. В частности, это касается вопросов о влиянии эвфемизмов на эмоциональное состояние адресата, целей, мотивов и областей эвфемизации.

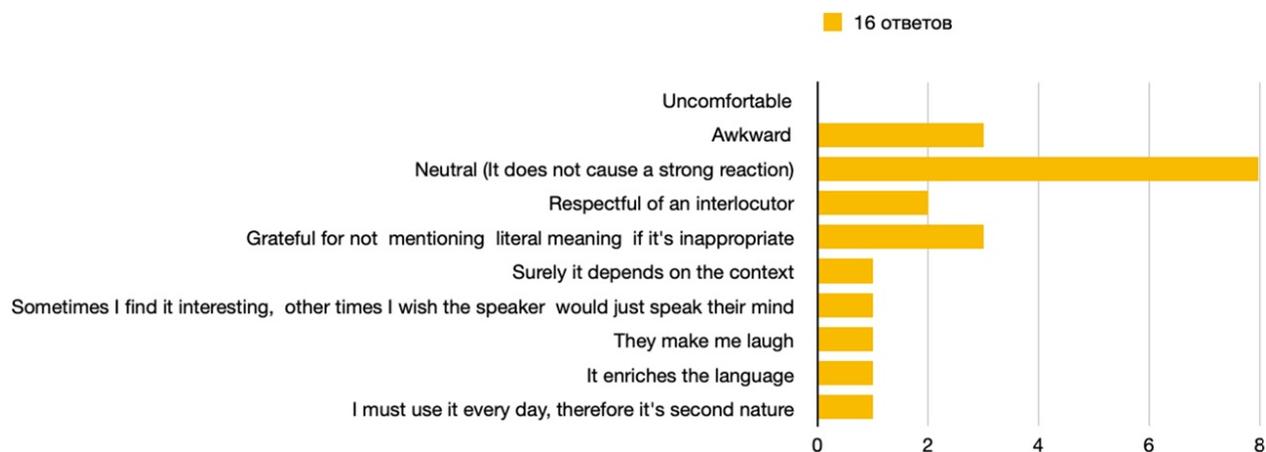

Рис. 3 – Влияние эвфемизмов на эмоциональное состояние адресата

Подавляющее большинство опрошенных используют эвфемизмы в формальной коммуникации. Однако существуют и те, кто считает уместным использование эвфемизмов в повседневном, неформальном общении, в разговорах светского и юмористического характера (Рис. 4).

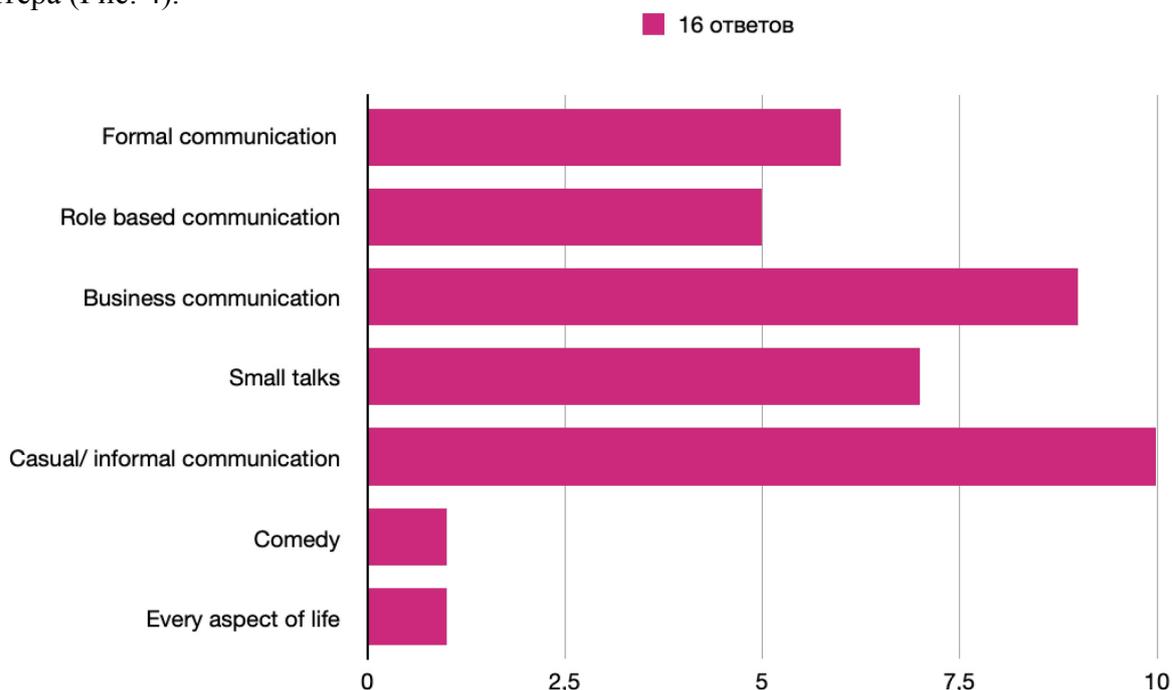

Рис. 4 – Дискурсивные особенности использования эвфемизмов

Исследование целевого аспекта использования эвфемизмов показало следующую последовательность преследуемых при использовании эвфемизмов целей: 1) выражение тактичности и вежливости (75 %); 2) избегание упоминания нежелательного объекта или явления (44%); 3) стремление не ранить и не задеть чувства адресата (38%); 4) выражение толерантности и избегание конфликта (25%); 5) сохранение занимаемой должности (7%); 6) выражение юмористического или ироничного отношения к проблеме (Рис. 5).

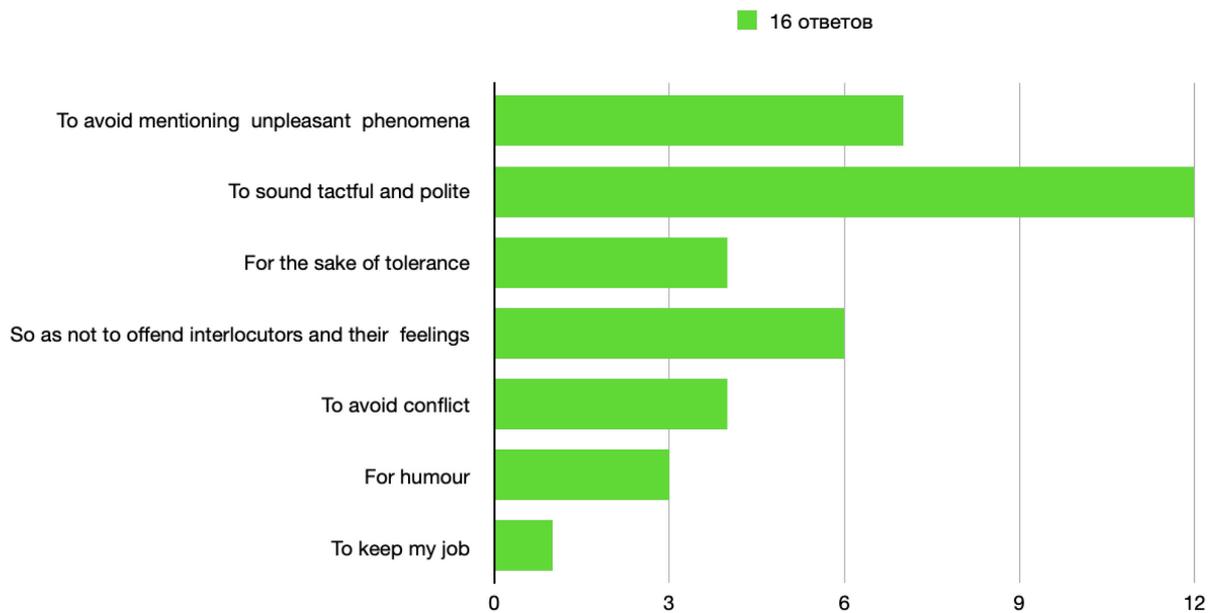

Рис. 5 – Цели использования эвфемизмов

Наиболее популярными сферами эвфемизации по результатам опроса оказались криминалистическая сфера (63%), внешний вид и возрастные параметры (56%), сфера обозначения психологических и физических недостатков и болезней (50%), политическая сфера (44%). Около 30 % респондентов отмечают использование эвфемизмов в религиозной сфере и в сфере профессиональной деятельности (Рис. 6).

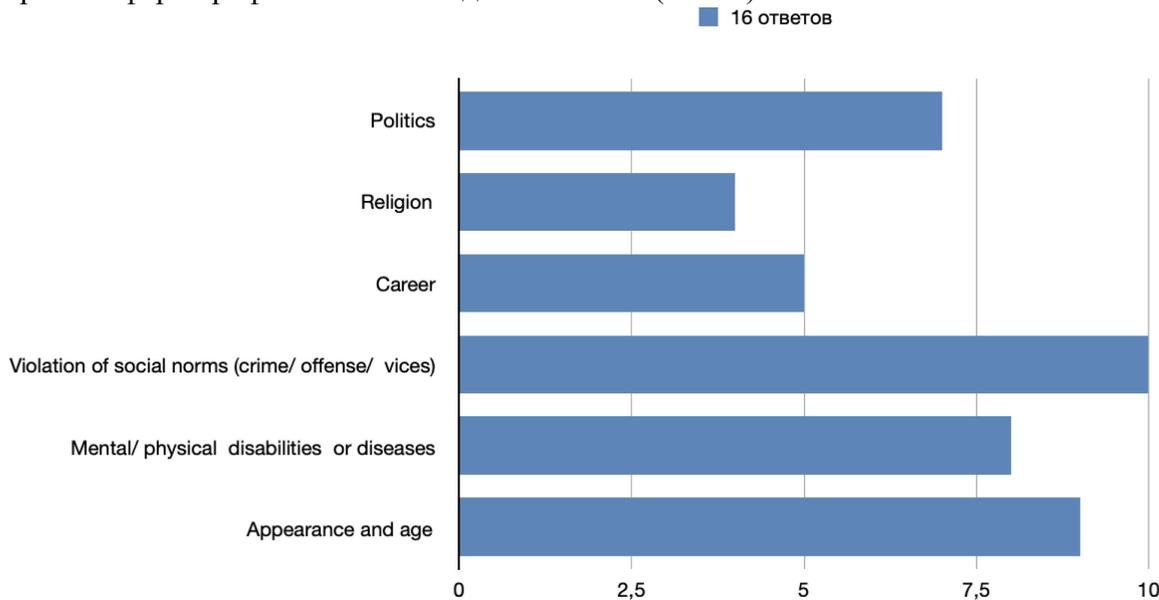

Рис. 6 – Сферы эвфемизации

Исследование мотивов использования эвфемизмов позволяет определить следующую иерархию интенций, преследуемых говорящим: вежливость (81%), симпатия к говорящему (44%), чувство страха (19%), чувство стыда (13%), комедия/ юмор/ культура отмены (7%) (Рис. 7).

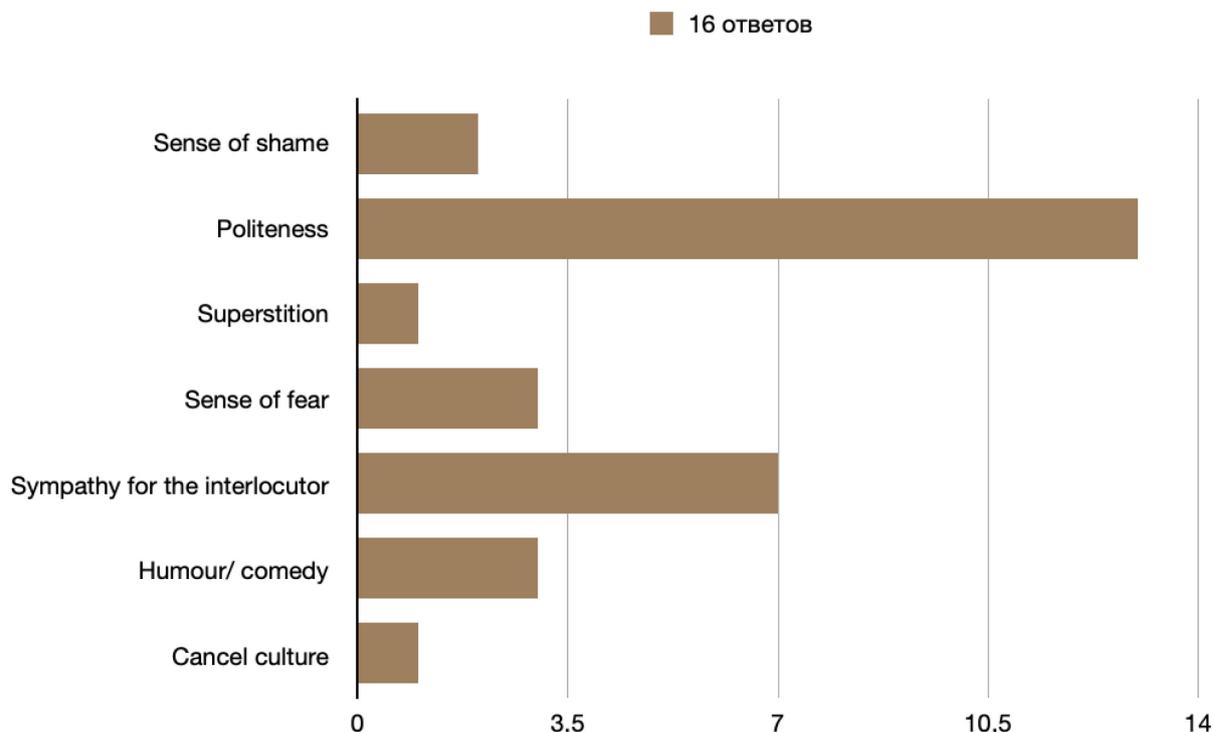

Рис. 7 - Иерархия интенций горящего при использовании эвфемизмов

Помимо исследования целевого и функционального компонентов, в опросе затронут и практический аспект использования эвфемистической лексики. Два финальных вопроса предлагали участникам оценить (1) степень релевантности использования эвфемистического субститута (Рис. 8): *How do you feel about the following use of euphemisms? - Jane said she loves me! -Oh, never mind! She was just quite economical with the truth*, а также (2) подобрать подходящее по контексту выражение (Рис. 9): *Which of the following options would you use instead of the gap? "Across OECD countries, almost one in every five students does not reach a basic minimum level of skills. In addition, students from __ social backgrounds are twice as likely to be low performers..."*.

How do you feel about the following use of euphemisms? -Jane said she loves me! -Oh, never mind! She was just quite economical with the truth.

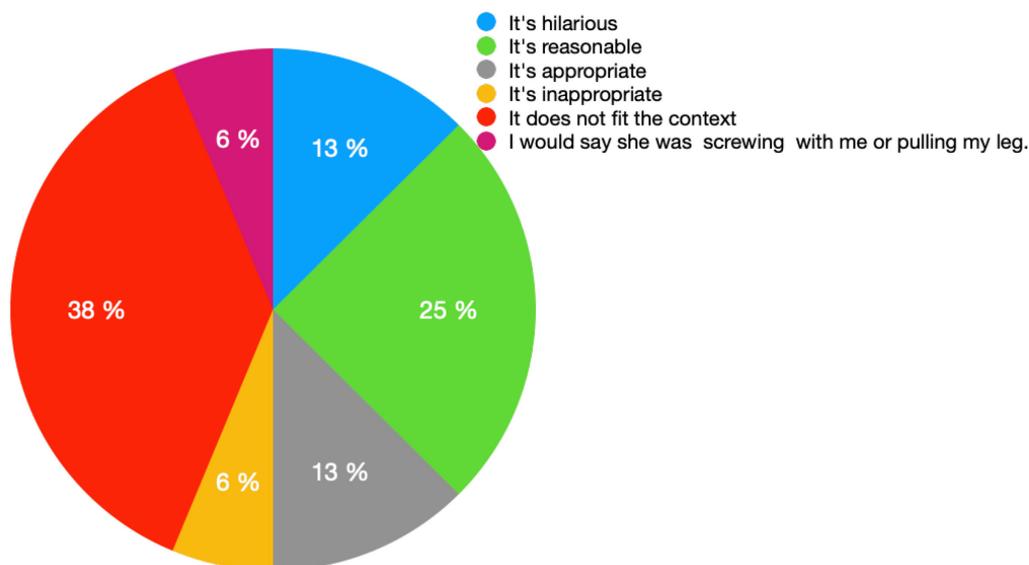

Рис. 8 – Релевантность использования эвфемистического субститута

Which of the following options would you use instead of the gap? Please choose one option and explain your point of view in the column below.

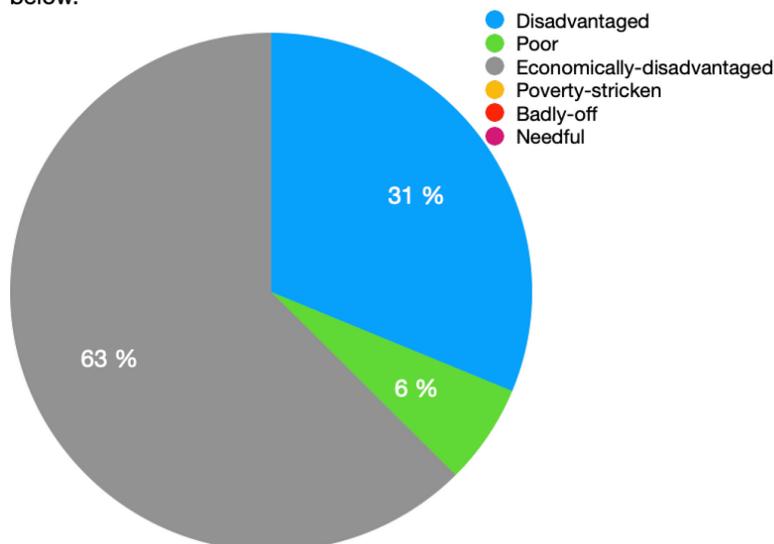

Рис. 9 – Контекстуальное использование эвфемизмов

Заключение

Результаты опроса позволяют сделать вывод об адекватном восприятии эвфемизмов носителями английского языка. Большинство респондентов осознают необходимость использования эвфемизмов для достижения эффективной коммуникации в эпоху политической корректности и толерантности. Положительные коммуникативные задачи и мотивы доминируют над негативно-избегающими мотивами: вежливость и коммуникативная эмпатия превалируют над чувством страха и стыда. Обращает на себя внимание некоторое недооценивание респондентами религиозной сферы эвфемизации, что объясняется смещением фокуса с рассмотрения эвфемизма как явления, подразумевающего жесткий запрет, на восприятие эвфемизации как явления, способствующего экологичности языка и развитию сознания его носителей.

Список литературы

1. *Артюшкина Л.В.* Семантический аспект эвфемистической лексики в современном английском языке. – Москва: 2002. – 135 с.
2. *Бердова Н.М.* Эвфемизмы в современном немецком языке. – Киев: 1981. – 230 с.
3. *Блаунт Т.* Глоссография (электронный ресурс). URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A28464.0001.001/1:7.5?rgn=div2;view=fulltext> (дата обращения 23.03.2022)
4. *Глиос Е.С.* Лингвокультурная специфика формирования и функционирования эвфемизмов в современном английском языке. – Белгород: 2007. – 196 с.
5. *Зверева М.И.* История изучения эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике (электронный ресурс). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-evfemizmov-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-lingvistike/viewer> (дата обращения 23.03.2022)
6. *Крысин Л.П.* Русское слово, своё и чужое. – Москва: Языки русской культуры, 2004. – 842 с.
7. *Семчук Е.В.* Лингвоэкология как междисциплинарная наука // Молодой ученый, 2014. – С. 1233–1235
8. *Halmari H.* Political correctness, euphemism, and language change: The case of ‘people first’// Journal of Pragmatics, 2011. – P. 828 – 841
9. *Kany Ch.E.* American-Spanish Euphemisms. – Los Angeles: University of California Press, 1960. – 249 p.
10. *Keyes R.* Euphemia: our love affair with euphemisms. New York: Hachette Book Group, 2010. – 279 p.
11. *Rees N.* A Man about a dog: Euphemisms and other examples of verbal squeamishness. – London: HarperCollinsPublishers, 2006. – 417 p.

*10.02.04***И.И. Курмаева канд. филол. наук, М.Н. Винникова канд. филол. наук,
О.В. Бабенко канд. педагог. наук**

Казанский федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра теории и практики перевода,
airre@rambler.ru, marinaissaeva@mail.ru, ovbabenko.kpfu@gmail.com

**СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ
И МНОГОКРАТНОСТЬ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена подробному описанию семантики английских глаголов, выражающих длительность и многократность. Актуальность исследования состоит в высокой степени зависимости определения семантики длительных и непродолжительных форм от методологического подхода к анализу категории вида. Доказано, что видовое значение присуще не только длительной форме, но непродолжительной форме, действие которой, обозначаемое этой формой в зависимости от контекста может быть многократной.

Ключевые слова: *длительность, многократность, вид, время, семантика.*

Признак длительности отражает одну из сторон широкого понятия времени. Семантику длительности подробно описывает А. В. Бондарко [1, с. 110]. Признак длительности выступает как «положительная» величина, означая долговременность, и как «отрицательная» величина, означая мгновенность, кратковременность.

Длительность как признак глагольного предиката может быть выражена разными средствами. Различают внутреннюю и внешнюю детерминацию длительности. Внутренняя детерминация длительности связана с лексической или грамматической семантикой глагола. Внутренняя детерминация имеет ключевое значение для глаголов ограничительного способа действия (посидеть — некоторая ограниченная длительность) и терминативного способа действия (проговорить — подчеркнутое отсутствие длительности).

Эксплицитная длительность сопряжена с употреблением определенных формальных средств (например, повтор глагола несов. вида: А он все говорит и говорит). Если же длительность специально никак не выражена, но подразумевается, то речь идет об имплицитной длительности. Имплицитной длительностью обладают глаголы начинательного способа действия. Они, обозначая начальную фазу действия, ограниченную пределом, подразумевают его продолжение (Она затараторила).

Глаголы с отрицательной длительностью называют пунктивными или моментальными. Здесь хотелось бы остановиться на смежной стороне мгновенности: однократности (семельфактивности) и многократности (итеративности). Эта категория определяет семантические отношения в видовой паре в русском языке: в тривиальной видовой паре семантические отношения устанавливаются на основании однократности / многократности (дать – давать), а в семельфактивной видовой паре — на основании соотношения одноактность / многоактность или мультипликативность (кинуть - кидать, махнуть – махать), где «имперфективный член описывает некоторую деятельность, а перфективный указывает на единичный «квант» этой деятельности» [4, с. 268]. Некоторые английские глаголы могут иметь как значение однократности, так и многократности, напр. to cough. Для таких глаголов важны морфологические показатели видовременной формы и контекстуальные средства для прояснения характера глагола.

Вид в английском языке определяется как грамматическая категория глагола, передающего характер течения действия, выраженное глаголом. Противопоставление аспектуальных значений выступает как вид, если он получает в языке статус грамматической категории. Иначе оно рассматривается как семантическая (понятийная) категория [2, с. 135].

Однако некоторые лингвисты считают категорией вида оттенки лексического значения глаголов, а также лексико-синтаксические средства, передающие характер течения действия, в частности, ее начало, конец, многократность, граничность или неопределенность.

Например, Э. Крейзинга утверждал, что глагол *to sit* – несовершенного вида, а глагол *to sit down* – свершившегося [7, с. 222]. А Дж. Керм, исходя из лексического и лексико-синтаксических критериев, выделил пять видов: длительный, начинающий, результативный, предельный и многократный [6, с. 193]. Такое же понимание сущности вида встречается и в работах отдельных современных лингвистов.

Определение семантики длительных и непродолжительных форм зависит от методологического подхода к анализу категории вида [3, с. 114]. Как известно, существует три основных трактовки длительных форм:

- 1) они являются формами времени;
- 2) они являются видо-временными формами;
- 3) они представляют длительный вид.

Сторонники первого взгляда (например, Есперсен, Н. Ф. Иртеньева) отрицают наличие грамматической категории вида в современном английском языке.

Приверженцы второй точки зрения (например, В. М. Ярцева, В. Я. Плоткин, И. П. Иванова) считают, что категорию вида невозможно отделить от категории времени. По мнению В. М. Ярцевой, вид как характеристика действия, выраженного глаголом, представлен в английском языке с помощью временных глагольных форм.

Третий взгляд был высказан полвека назад А. И. Смирницким [2, с. 321-328]. Его правомерность обосновывается посредством принципа бинарности оппозиций английского глагола. С этой точки зрения формы типа *writes – is writing, wrote – was writing, will write – will be writing* противопоставлены друг другу не как формы времени, поскольку обе выражают одно и то же время – соответственно настоящее, прошедшее или будущее; указанные оппозиции конституируют другую грамматическую категорию, а именно категорию вида. Возможность различения категорий вида и времени можно доказать с помощью анализа разного рода оппозиций, в которые входит одна и та же глагольная форма. Противопоставляя форму *was writing* форме *is writing*, мы выделяем категорию времени; противопоставляя форму *was writing* форме *wrote*, мы выделяем категорию вида.

Эта концепция отражена в ряде современных исследований. Так, Дж. Каплан, сопоставляя две пары предложений: *Zellig is leaving – Zellig was leaving* и *Zellig left – Zellig was leaving*, отмечает, что в первой паре глагол употреблен в разных временах, а во второй – в разных видах [5, с. 116]. Р. Кверк и другие авторы грамматики "A Comprehensive Grammar of the English Language", анализируя предложение *Joan sings well* и *Joan is singing well*, подчеркивают, что в обоих случаях время глагола одно и то же, а виды разные [7, с. 148].

Характеризуя семантическое содержание длительной формы, одни исследователи подчеркивают его принципиальное отличие от значения непродолжительной формы; другие называют семы, составляющие содержание длительного вида; третьи дают формулировку его инвариантному значению.

Некоторые лингвисты, сопоставляя непродолжительную и длительную формы английского глагола (*goes – is going*), приходят к выводу, что видовое значение присуще только длительной форме (*is going*), в то время как непродолжительная форма (*goes*) лишена какого-либо видового значения, поскольку она имеет слишком неопределенное и очень широкое значение [6, с. 114].

Этот вывод означает отрицание наличия категории вида в английском языке, поскольку непременным условием существования любой грамматической категории в любом языке есть наличие минимум двух противопоставленных друг другу форм с однородным грамматическим значением. В языке не может быть одного вида, как и одного падежа или одного состояния.

Кроме того, указанный вывод противоречит общетеоретическому положению о значении немаркированного члена морфологической приватизации и является действительно очень широким, неопределенным, расплывчатым. Согласно общему положению, сформулированному Р.О. Якобсоном, маркированный член морфологической приватизации выражает определенный семантический признак (А), а немаркированный член оппозиции не выражает этого признака, хотя и не исключает его; немаркированный член оппозиции используется, прежде всего, для обозначения противоположного признака (не-А), но он может также использоваться и для имплицитного выражения признака А.

Семантический смысл немаркированного члена можно определить отрицательно – из-за значения маркированного как противоположного ему; в этом случае это будет значение непродолжительности и неконкретности действия. Наряду с этим можно дать и более подробную характеристику значения непродолжительной формы. В зависимости от контекста действие, обозначаемое этой формой, может быть однократно-внезапной, многократной, продолжающейся в течение целого периода времени или неограниченной во времени.

Список источников

1. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика / Отв. ред. В.Н.Ярцева. // Л.: «Наука», 1984. – 136 с.
2. *Ильин Б.А.* Строй современного английского языка. Учебник по курсу теоретической грамматики для студентов педагогических институтов // М.: «Просвещение», 1971. – 367с.
3. *Курмаева И.И.* Семантический подход к описанию аспектуальности в неродственных языках // Казанская наука. – 2021. – №12. – С.113-116.
4. *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л.: ЛГУ, 1984 // М.: Языки славянской культуры, 2004. – 302 с.
5. *Bache C.* English tense and aspect in Halliday's systemic functional grammar: a critical appraisal and an alternative // London: Equinox, 2008. – 229 p.
6. *Bertinetto P.M., Delfitto D.* Aspect vs. Actionality: Why they should be kept apart // Dahl Ö. (ed.) Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 189-225.
7. *Comrie B.* Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems // Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 142 p.

10.02.04

Н.А. Левковская, А.Е. Локонова

МГИМО МИД РФ,
кафедра английского языка №1,
кафедра английского языка №3,
Москва, levkovskaya.n.@my.mgimo.ru, lokonova.a.e@my.mgimo.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СВЕРХТЕКСТА

В статье рассматривается проблема функциональной значимости сверхтекста, который определяется как сложное, многомерное, динамическое явление, обладающее цельностью и связанностью. Подробно рассматриваются факторы, создающие сложность и многомерность анализируемого явления, среди которых наибольшую значимость имеет сложная система разнонаправленных модальностей («многоголосие» по М. Бахтину), которые в конечном счете определяют функциональную значимость сверхтекста как единство. Создаваемое в сверхтексте единое информационное поле обеспечивает целостность анализируемого явления с точки зрения концептуально-смысловой протяженности и итеративности последнего. Статья демонстрирует иерархичность сверхтекста по двум основным параметрам: историчность и культурологический аспект. Единицы сверхтекста с одной стороны представляют индивидуальные точки зрения авторов эссе, представленных в сборнике; с другой стороны, они дают синтез контекстуализированных мнений большого количества исследователей, в результате чего требуется необычная структура текста, а именно сверхтекст.

Ключевые слова: *сверхтекст, модальность, итеративность, многоголосие, функциональная значимость, субъективная направленность.*

Сверхтекст представляет собой сложное, многомерное, динамическое явление, обладающее цельностью в аспекте его итеративности и концептуально-смысловой протяженности (сверхтекст как культурологическое явление).

Сложность сверхтекста в первую очередь проявляется в невозможности отнесения его к конкретному однозначно выделяемому явлению. Сверхтекстом может быть и сборник журнальных статей (политического, экономического, экологического и т.п. характера); и сборник научных трудов, докладов, тезисов; и сборник произведений одного автора; и сборник произведений разных авторов; при этом сборники могут содержать тексты разных стилей (художественного, научного, публицистического и т.п.) и жанров (статья, доклад, тезисы, эссе, рассказ, новелла и т.п.).

Сложность и многомерность сверхтекста определяется также тем фактом, что создаваемое в нем информационное поле формируется путем взаимодействия составляющих, единиц, блоков, различного содержания по своей фактической отнесенности и по разнонаправленности модальности и оценочности.

Кроме того, многомерность сверхтекста проявляется в том, что помимо вербальных составляющих он может заключать в себе визуальные элементы (например, фотографии, графики, таблицы).

Модальность, которая непосредственно связана с точкой зрения говорящего, выявляет так называемый «speaker's comment» [3], иными словами, отношение автора текста к его фактологической информации. Поскольку сверхтекст содержит единицы (тексты), созданные разными авторами, в них проявляется разнохарактерная модальность, создается «многоголосие» [1], сложная система разнонаправленных модальностей, которые, тем не менее, в конце концов определяют функциональную значимость сверхтекста как единства, создаваемого самостоятельными функциональными единицами.

Относительная автономность единиц сверхтекста обеспечивает гибкость его построения, определяющуюся порядком и характером соотношений составляющих его блоков (текстов). Кроме того, сверхтекст представляет собой «открытую» структуру, которая может «сужаться» или «расширяться» по воле составителя (редактора) путем исключения или включения новых единиц. В связи с этим можно говорить только об относительной завершенности данного явления.

В результате того, что в сверхтексте создается единое информационное поле, он обладает целостностью с точки зрения его концептуально-смысловой протяженности и интерактивности. Концептуально-смысловой стержень задается заказчиком (составителем) и оговаривается предварительной целевой установкой. Интерактивность обеспечивается обязательным включением тематических лексических единиц и выделением ключевых слов.

Данные приемы способствуют созданию очевидной связности сверхтекста; будучи имманентной характеристикой (чертой) любого текста связность в таком случае является одним из показателей того, что данное явление имеет “законное” право идентифицироваться подобным образом. При этом многократное повторение ключевых, тематических слов создает линейную связность (cohesion), а также указывает на вертикальную связность (coherence) [4].

Данное исследование является актуальным, поскольку оно посвящено рассмотрению фактов, определяющих целостность и функциональную значимость сверхтекста. Анализ проводился на материале сборника исторических эссе, составленного историком и редактором ежемесячного журнала «History Today» Питером Фуртадо. Книга «Histories of Nations» [5] содержит 28 эссе разных авторов, представляющих страны всех континентов мира. Многоголосие мнений, оговоренное редактором в предисловии, является неслучайным. Многомерность сверхтекста дает возможность, по мнению историка, создать многогранную картину мира, когда мозаичные «кусочки», заданные определенным образом, складываются в единый образ и способствуют более адекватному представлению целостного явления.

Анализируемый сверхтекст наглядно демонстрирует справедливость утверждения о том, что данное явление представляет собой иерархическую структуру [2]. Делая определенные обобщения, автор сборника собирает эссе в группы, устанавливая между последними иерархию по двум основным параметрам. Во – первых, по принципу «историчности». Так, сборник открывают 5 древних цивилизаций (Египет, Индия, Иран, Греция, Китай), а завершает его эссе об Израиле, с подзаголовком «The Zionist experiment», что явно указывает на то, что речь идет о молодом государстве. Одновременно редактор использует кольцевой повтор историчности, поскольку, с одной стороны, автор эссе, Колин Шиндлер, большое внимание уделяет истории создания современного государства (недаром только на первой странице текста 1948 год повторяется 3 раза). С другой стороны, многие израильтяне, по утверждению автора эссе, называют 1948 год временем воссоздания Третьего Еврейского Государства, которое выступает преемником древней еврейской Родины. Эта мысль, в частности, подчеркивается в первом предложении текста: «Израиль является одновременно и старой, и новой страной».

Вышеназванное движение от истоков истории к современности проявляется также в том, что в противоположность пяти начальным эссе в конце сборника представлены относительно молодые страны, при этом их «молодость» имеет разную основу. Так в эссе о Соединенных Штатах Америки подзаголовок «Страна, предпочитающая не иметь историю» (The land that chose to be without history) подчеркивает желание американцев представлять собой новое, молодое государство, отмежевываясь от какой бы то ни было истории. Помещенные поблизости эссе об Австралии не требуют особого комментария относительно короткого времени существования этой страны. Эссе о Гане концентрирует внимание на периоде после выхода страны из колониальной зависимости и превращение государства в континентального лидера (From colony to continental leader).

Вторым параметром иерархичности выступает культурологический аспект, мотивированный идеей П. Фуртадо о том, что, если мы не знаем, что думают и как воспринимают свое прошлое люди той или иной страны, мы не сможем понять их действие и мотивации. Стоит только сравнить некоторые подзаголовки текста: *Beyond the Black Legend (Spain)*, *Fractures in the fabric of culture (Russia)*, *The land of the eagle, the cactus and the snake (Mexico)*, *Catholicism, power, democracy and the failure of the past (Italy)* и т. п. Доминантами в них выступают мифологические явления, символы, культурные составляющие.

Подобный культурологический подход к истории позволяет глубоко и адекватно понять историю мира, поскольку представленные в сборнике эссе дают возможность увидеть, что исторические и культурные различия способствуют обогащению и поступательному движению мирового исторического процесса. Однако, как утверждает редактор сборника, не стоит забывать, что эти же вышеназванные явления создают угрозу самому существованию человечества. Следует отметить, что этот контрастирующий посыл получает свое развитие практически во всех текстах сборника. При всем многообразии мнений и идей, представленных в эссе разнообразием композиционных структур, все тексты имеют общую доминантную черту – все они либо полностью, либо частично строятся на контрасте. Очевидно, что основным является «противостояние» прошлого и настоящего. Однако, оно поражает и массу других контрастирующих явлений. Например, *The Australian colonies took over British principles of government, law and civil society, reproducing many aspects of its parent society and adapting others. The result was familiar and yet different.* А также, пример «противостояния»: *At the same time, for those opposed to the government, the constitution's definition of 'subject status' also acted as a catalyst for future change and, paradoxically, strongly emphasized the exceptional character of Japan.* Еще один яркий пример представлен в эссе об Аргентине: *There are two possible interpretations of the events of 24 March 1976: the beginning of ignominy, or the beginning of a struggle for memory, truth and justice.*

В связи с выше сказанным, можно утверждать, что функцией данного сверхтекста является создание комплексного подхода к мировой истории, который, по выражению редактора, является естественным «порождением нашего многоцентричного, постмодернистского мира» (*our polycentric, postmodern age*). Подобный разносторонний подход, который строится на индивидуальных точках зрения авторах эссе и одновременно является синтезом контекстуализированных мнений большого количества исследователей, требует необычную структуру текста, выливаясь в сверхтекст.

Что же все-таки позволяет видеть в сверхтексте единство? Безусловно, в первую очередь, этому способствует прагматическая установка редактора. Все эссе объединены общим стержнем – пониманием страной «с точки зрения авторов эссе» ее собственной идентичности. Там образом, как было показано, основным связующим элементом является тематический аспект. Последний усиливается структурно-композиционным аспектом: это и равенство объема текстов; и направлением движения из прошлого в настоящее, а иногда и в будущее. Например: *From Viking community to welfare state (Sweden)*, *From isolation to transgression (Japan)*, *Between to centenaries (Argentina)*. Это и повторяющееся выражение квинтэссенции истории страны, представленной в одном предложении, одной мыслью. Например: *The story of the Turkish people lies on the nation's swift transition from being the executioner of God's vengeance to the sick man of Europe; the proud empire trying to maintain its dignity in frequently undignified circumstances; или: Hence the wider paradox: Swedes need a strong state to guarantee the freedom of the individual.* Еще один пример: *Americans have always thought of themselves as a new people, as a nation to end nations, a united people drawing strength from their diverse origins and their widely various pursuits of happiness.*

С языковой точки зрения связность сверхтекста проявляется, в первую очередь, в употреблении повторов. Помимо ключевых слов (*identity, history, past, country land, national*) практически в каждом эссе повторяются слова и выражения, составляющие общее тематическое поле (*throughout, achievements, power, rule, safety, origin, reality, etc.*). Подобную же функцию несут и другие стилистические приемы – метафоры, художественные сравнения

(на ряду с параллелями, сопоставляющими страну с другими государствами), парадоксальные высказывания, перечисления, чаще всего состоящие из трех определений, например: *the key words that permeate his (man) country's history are safety, design and a quest for perfection: they form the core of Dutchness*; или следующее разнородное перечисление: *Most feel proud to be German and their reference points are economic performance, political stability and cultural as well as sporting success*.

Помимо слов повторяются грамматические структуры: *If these efforts could be sustained; if the pride in «Ghanaianness» that prevailed immediately after independence could be retrieved... , if national resources could be exploited effectively...*

Таким образом, все выше представленные параметры указывают на то, что сверхтекст представляет собой сложное, многомерное, но одновременно и целостное явление. Все блоки сверхтекста обладают своими собственными системными свойствами, но при этом они также несут в себе общие черты сверхтекста, определяя функциональную значимость последнего.

Однако, остается открытым вопрос: как можно, например, в данном случае создать объективную позицию в рассмотрении анализируемого явления, складывая столь разноречивые точки зрения и разнонаправленные модальности эссе, составляющее сверхтекст, учитывая тот факт, что данный жанр онтологически представляет собой личностное произведение с откровенно выраженной субъективной направленностью.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 249 с.
2. *Шурупова О.С.* К вопросу о сверхтексте// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. - №7–1. – С. 225–227.
3. *Halliday M.* An Introduction to Functional Grammar. Routledge, 2014. - 387 p.
4. *Levkovskaya N.A.* Coherence Parametres in Supertext. – 2020. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3611627>
5. *Furtado Peter* Histories of Nations: How their identities were forged. – Thames&Hudson, 2014. – 505 p.

10.02.04

А.Е. Локонова

МГИМО МИД РФ,
Кафедра английского языка №3,
Москва, lokonova.a.e@my.mgimo.ru

ОСОБЕННОСТИ СВЕРХТЕКСТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению феномена сверхтекста в политическом дискурсе. Автор анализирует понятие «сверхтекст» и выделяет ключевые особенности формирования данного явления. В статье рассматривается процесс взаимодействия единиц сверхтекста, а также лингвистические и экстралингвистические особенности, определяющие целостность сверхтекста. В результате исследования определено, что сверхтекст обладает многомерной структурой, единицы которого находятся в зависимости от авторских концептуально-прагматических установок, и отражают целостность самого явления.

Ключевые слова: сверхтекст, целостность, модальность, концептуально-прагматическая установка, политический дискурс.

Понятие «сверхтекст» относится к числу сложно определяемых. Начать с того, что сам термин не имеет устойчивой соотнесенности с явлением, кроме того, наряду с данной номинацией используются и другие термины: например, «гипертекст», «супертекст». Следует сразу оговориться, что понятие «гипертекст» обычно связывается с электронной коммуникацией и определяется как нелинейный текст в Интернете, хотя само явление рассматривалось как в литературном аспекте, так и в лингвистическом аспекте задолго до появления Интернета [1, 3, 4].

Последнее время феномен свехтекста, как само явление, так и термин, получают все большее признание и вызывают интерес научной общественности. Сверхтекст имеет прямое отношение к понятию информационного поля, которое формируется путем взаимодействия факторов (блоков) различного содержания, порой разнонаправленных по своей модальности и фактической соотнесенности. Сверхтекст может представлять собой сборник произведений одного автора, а также сборник произведений разных авторов, объединенный одной тематикой.

В политическом дискурсе мы имеем дело лишь со вторым случаем, а именно наличием тематического центра, объединяющего в единое целое все единицы (статьи), составляющие сверхтекст. При этом такой сверхтекст обладает определенными свойствами, отличающими его от сверхтекста иных стилей и жанров.

Эти свойства вытекают из двух основных факторов. Во-первых, подбор и группировка текстов-блоков осуществляется редакционной коллегией (редактором) журнала, а не авторами статей. На лингвистическом плане это выражается сложным рисунком субъективно-объективной модальности и оценок. Во-вторых, в отличие от дискретности отдельных текстов, их включение в сверхтекст в качестве блоков создает эффект дисперсивности, поскольку читатель журнала далеко не всегда читает его от корки до корки, часто «перепрыгивая» с одной статьи на другую.

Эта «сборка» сверхтекста по принципу конструктора Лего обеспечивает гибкость его структуры, которая, однако, сочетается с некоторыми жесткими требованиями. Гибкость структуры сверхтекста определяется не только порядком и характером соотношения его единиц, но и тем фактом, что сверхтекст представляет собой некую открытую структуру, способную «сужаться» или «расширяться» путем исключения или включения новых единиц.

Следует согласиться с некоторыми исследователями (О.С. Шурупова), считающими свертхтекст иерархической структурой, что и создает определенную «жесткость» построения, например, использование наиболее информационно заряженного текста в качестве вступления, что обеспечивает эффект «зацепки-приманки» («hooking device») [4].

Данное исследование рассматривает лингвистические и экстралингвистические факторы и средства, определяющие целостность и функциональную значимость свертхтекста. В качестве языкового материала использовалось издание газеты *The Sunday Times* 2013 г., посвященное бывшему премьер-министру Великобритании Маргарет Тэтчер [5].

В анализируемом материале «hooking device» используется дважды. Прежде всего, это фотография на обложке журнала, где М. Тетчер представлена в образе война в доспехах с копьем-флагом Великобритании в руке и мечом на поясе. Безусловно, данная иллюстрация выступает в качестве прагматико-семантического актуализатора данного свертхтекста. Во-первых, выявляется прагматическая установка показать М. Тетчер как активного война и связать все статьи воедино семантикой борьбы и победы. Во-вторых, иллюстрация привносит коннотацию, дополнительные смыслы: так, средневековые кольчуга и оружие могут символизировать традиционность и непреходящее значение отстаивания своих интересов.

Кроме того, статья, открывающая публикацию, не являясь начальной с точки зрения хронологии, задает общую модальность (тон) всему журналу: начиная с заголовка «*She would never surrender*» в котором обращает на себя внимание графическое выделение слова «*surrender*», а также грамматический и лексический актуализаторы «*would*», «*never*».

Далее модально-смысловая база получает расширение в лексических единицах: «*a kindred spirit*» (имеются в виду британские войны, с которыми у М. Тетчер родственная духовная связь) и «*fighting qualities*», данные в выноске как один из основных тезисов-аргументов. Кстати, понятие «*kindred spirit*» служит средством связи внутри самого свертхтекста, выходя за рамки статьи и будучи повторенным в другом контексте в следующей статье публикации, в которой «родство духа» выявляется у М. Тетчер с некоторыми ведущими политиками Европы. Анализ показывает, что свертхтекст обладает семантической связностью, смысловой цельностью, при этом он выявляет две разнонаправленные тенденции: к интеграции всех составляющих свертхтекст единиц в единое целое, то есть речь идет о центростремительных силах, и к деинтеграции, то есть имеются в виду центробежные силы, в результате чего свертхтекст распадается на отдельные самостоятельные тексты.

Если говорить о конкретных языковых явлениях, то к центростремительным силам относятся: повторы, особенно дистантные, и кольцевые повторы, сложные образы – развернутая метафора, аллегория, символика, – проспективные и ретроспективные контексты, параллельные конструкции и тому подобное. Центробежные силы проявляются в аллюзии, цитации, проспективных и ретроспективных контекстах, вербальных, но чаще семантических, повторах, в том числе образов.

Очень важным моментом является тот факт, что свертхтекст функционирует в определенном культурно-языковом пространстве и интегрируется национальной культурной спецификой. При этом культура понимается как созданная человеком информационная среда, те предметы и явления, представляющие собой знаки, в которых и «закодирована разнообразная информация» [2]. Так, в русской культуре панегирик какой-либо политической фигуре будет строиться на развитии одного аспекта, в то время как в английской культуре политический деятель будет представлен с разных сторон самими разными «свидетелями», начиная с министра правительства и кончая фотографом или парикмахером политика.

В этом моменте большую роль играет иерархичность свертхтекста: это и порядок следования текстов (начиная с главного, ведущего), если нарушается хронологический порядок; разница в объеме; присутствие/отсутствие подзаголовка и тезиса, а также выноска; отнесение тех или иных текстов к определенной рубрике, выражающей позицию составителей/-ля свертхтекста; подбор иллюстраций и расположение текста в пространстве

всего сверхтекста или его отдельных частей.

Таким образом, сверхтекст представляет собой сложное, многомерное, динамическое явление, обладающее цельностью в аспекте его итеративности и концептуально-смысловой протяженности. Все составляющие сверхтекста проявляют свои системные свойства, при этом они также отражают свойства самого явления и его целостности и находятся в зависимости от концептуально-прагматической установки составителя сверхтекста и его культурной отнесенности.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 249 с.
2. Букина Н.В. Культурный код как язык культуры/ Н. В. Букина// Вестник Читинского государственного университета. – 2008. - №2 (47). – С. 69.
3. Лошаков А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Киров, 2008. – 48 с.
4. Шурупова О.С. К вопросу о сверхтексте// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. - №7–1. – С. 225–227.
5. The Sunday Times. Margaret Thatcher 1923-2013. 2013. URL: www.thetimes.co.uk/archive (дата обращения: 26.03.2022)

10.02.04

Т.Ю. Ма, Н.В. Пинчукова

Амурский государственный университет,
факультет международных отношений,
кафедра перевода и межкультурной коммуникации,
Благовещенск, tdovnar@mail.ru

**ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ «THE PATIENCE OF JOB»
В ПУБЛИКАЦИЯХ ГАЗЕТЫ «THE NEW YORK TIMES»
КАК ПРИМЕР СЕКУЛЯРИЗАЦИИ УЗУСА БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

В статье рассматривается прецедентное высказывание «the patience of Job» как способ апелляции к прецедентной ситуации страдания за веру, как эталон стойкости человеческого духа, которое в современном англоязычном мире фактически утратило закрепленные за именем «Job» сакральные коннотации, и употребляется в СМИ как синоним терпения или умения справляться с житейскими проблемами. Статьи, размещенные в открытом доступе на сайте газеты «The New York Times», были использованы в качестве фактического материала исследования для подтверждения выдвинутой авторами гипотезы.

Ключевые слова: *прецедентное высказывание, прецедентное имя, секуляризация, сакральные коннотации, Ветхий Завет, библейский текст, СМИ.*

Одной из самых известных книг Ветхого Завета является повествование о страданиях Иова. В Библии подробно описаны все испытания, которые вынес главный герой благодаря безмерной вере в Бога: под развалинами рухнувшего дома гибнут его дети, уничтожены его стада, он сам поражен проказой с головы до ног. Люди презирают его, а жена и друзья пытаются обвинить в несуществующих грехах, ставших, по их мнению, истинной причиной обрушившихся на Иова бед.

Став нищим, испытывая боль и унижения, Иов обращается к Богу, пытаюсь понять причину происходящих с ним несчастий. Глубокие и мучительные размышления об универсальных принципах бытия – добре и зле, преступлении и наказании – отражают общечеловеческое стремление к справедливости, к божественному мироустройству, где каждому воздается по заслугам его (например, история пророка Айюба имеет такое же значение для мусульман, как «Книга Иова» для христиан). Однако вопросы, которые терзают душу Иова, вызывают божественный гнев, поскольку не должен простой смертный искать на них ответы. Раскаившись в своих богоборческих поисках истины, Иов обретает новую жизнь, в которой преумножаются все блага, которые были потеряны, появляются новые дети, даруется счастье видеть своих потомков до четвертого колена.

В русском языке имя «Иов» стало олицетворением душевных и физических страданий, которые не под силу вынести обычному человеку. Однако фразеологизмы «Иов многострадальный», «Беден, как Иов», «как Иов на гноище», которые служили основными способами апелляции к прецедентной ситуации страданий за веру, лишь частично передают концептуальный замысел одной из самых известных Книг Библии. Сегодня данные библейские фразеологизмы перешли в разряд устаревшей или книжной лексики (имеют пометы «устар.», «нижн.» в словаре библейских фразеологизмов К.Н. Дубровиной [2]). А фраза «Бог дал. Бог взял» (разг., посл.), которая восходит к «Книге Иова», употребляется как выражение смирения или как утешение кого-либо при чьей-либо смерти или утрате чего-либо («Господь дал, Господь и взял») [2].

Аналогичные тенденции к секуляризации библейского фразеологизма «the patience of Job», утрате им сакральных коннотаций, связанных с прецедентным именем «Job», могут быть выявлены при обращении к материалам английского языка: толковым словарям и публикациям СМИ.

Имя «Job» является, безусловно, прецедентным, однако его упоминание не всегда вызывает у реципиента соответствующие ассоциации с «Книгой Иова» («The Book of Job») как одной из важнейших частей Ветхого Завета и, тем более, шедевром мировой литературы, в котором соединены поэзия и проза, фольклорная легенда и сакральный текст. Основанием для подобного рода выводов может служить информация, приведенная в толковых словарях английского языка.

Как указано в словаре «Longman Dictionary of English language and Culture» [8], имя «Job» упоминается в Ветхом Завете: «in the Old Testament of the Bible, a man who continued to have faith in God even though God allowed his property and his family to be destroyed by Satan. The *Book of Job* tells his story». Люди иногда говорят, что человек обладает «терпением Иова», если он проявляет стойкость духа несмотря на возникающие проблемы: «People sometimes say that someone has 'the patience of Job', if they are very patient in spite of having a lot of difficulties». Однако ни имя «Job», ни высказывание «the patience of Job» как способ апелляции к прецедентной ситуации не передают в полной мере концептуальный замысел «Книги Иова», поскольку не воспроизводят важнейшие для ее понимания сакральные коннотации и глубинные мотивы создания – повествования-прообраза страданий Иисуса Христа.

В «Collins Dictionary» [7] есть дефиниция слова «Job», которая включает прямое значение – «1. *Old Testament*. a. a Jewish patriarch, who maintained his faith in God in spite of the afflictions sent by God to test him, b. the book containing Job's pleas to God under these afflictions, attempted explanations of them by his friends, and God's reply to him» – и переносное: «2. any person who withstands great suffering without despairing». Переносное значение – секуляризованное, реализуется в любой коммуникативной ситуации без актуализации ряда дифференциальных признаков прецедентного имени, поскольку все страдания Иова описаны одним словом – «afflictions».

В «Merriam-Webster» [9] есть определение имени «Job» – «1. the hero of the book of Job who endures afflictions with fortitude and faith», и оно также указано в качестве названия книги: «2: a narrative and poetic book of canonical Jewish and Christian Scripture». Выражение «the patience of Job» в словаре отсутствует.

В «Cambridge Dictionary» [6] есть выражение «the patience of Job» – «the ability to remain patient and to do what you think you should do despite having many problems», однако не дается какой-либо комментарий, поясняющий историю его происхождения и сакральный смысл.

Расхождения в представленной в словарях информации свидетельствуют об отсутствии общепринятой оценки прецедентных феноменов «Job» и «the patience of Job» и закрепленных за ними сакральных коннотаций. Данный факт может также свидетельствовать об утрате прецедентными феноменами устойчивой ассоциативной связи с текстом-источником. Как следствие, в процессе восприятия имени или высказывания в секулярном дискурсе не происходит апелляция к прецедентной ситуации страданий Иова как ключевому концепту текста Библии, и постепенно переходят в разряд атрибутов в структуре прецедентного имени его дифференциальные признаки.

В публикациях газеты «The New York Times» [10], в которых присутствуют примеры использования прецедентного высказывания «the patience of Job», также редко воспроизводятся дифференциальные признаки имени «Job», которые, по определению, отличают главного героя «Книги Иова» от других персонажей Ветхого Завета. Перенесенные Иовом душевные и физические страдания, его отчаянные поиски смысла жизни, его практически спор с Богом о справедливости мироустройства как важнейшие признаки ядра прецедентного имени не актуализируются в газетных статьях. И даже тематическая направленность большей части материалов данного издания едва ли предполагает обращение к библейскому тексту как сфере-источнику прецедентного высказывания: «society» – 24 примера, «business» – 16, «world» – 16, «art» – 14, «books» – 12, «sport» – 7, «home and garden» – 5, «real estate» – 5, «religion» – 1 (всего 98 примеров).

Данные, полученные методом автоматического поиска информации по ключевым словам на сайте «The New York Times», позволяют судить о частотности использования прецедентного высказывания «the patience of Job» в тематических рубриках издания с 1861 по 2017 годы. Рассказывая читателям газеты о событиях в обществе, в мире, в сфере бизнеса, в сферах литературы и искусства, спорта и ландшафтного дизайна, авторы употребляют библейский фразеологизм «the patience of Job» как клише, позволяющее лаконично описать ситуацию, которая требует от человека терпения или выносливости.

Например, в статье от 5 сентября 2005 года «A Health Care Disaster» поднимается вопрос о ситуации в системе здравоохранения в США. После урагана «Катрина» многие не могут получить необходимую медицинскую помощь и лекарства. Люди вынуждены страдать и терпеть, подобно библейскому герою: «Around here, if you have *the patience of Job*, you suffer like Job». В материале «Why the Tide Hasn't Turned Toward Growth Stocks» от 3 сентября 2006 года подзаголовок содержит прецедентное высказывание «the patience of Job», которое обращает внимание читателя на необходимость проявлять терпение в сложившейся на рынке инвестиций в течение нескольких последних лет ситуации: «GROWTH-STOCK investing has required *the patience of Job* during the last few years». Статья «No Fond Farewells in Venezuela as U.S. Ambassador Leaves Post» от 6 июля 2007 года посвящена уходу со своего поста в Венесуэле посла Соединенных Штатов. По словам господина Браунфилда, любому, кто вступит должность после него, потребуется невероятное терпение: «You absolutely have to have *the patience of Job* if you are not an extremely patient man or woman, this job will drive you crazy». Репортаж «City's 311 Customer Service Line Works, and Muni Pays» от 18 июня 2010 года посвящен работе телефонного агентства по обслуживанию клиентов, которые звонят, чтобы задать вопрос или пожаловаться на муниципальные власти. С терпением Иова сотрудники организации выслушивают критику в адрес работников городских служб: «At the 311 headquarters on South Van Ness Avenue, Nancy Angela, an operator, solves problems with the dulcet voice of an NPR host and *the patience of Job*».

Только в одной статье, от 24 ноября 1985 года, которая относится к рубрике «Religion», было найдено прецедентное высказывание «the patience of Job» – «CONNECTICUT OPINION; From the Bible, a Wealth of Words». Данная публикация стала документальным подтверждением гипотезы о том, что в современном обществе происходит постепенный процесс секуляризации Священного Писания, и особенно отчетливо это видно на примере обращения к библейской фразеологии: «We casually refer to Jonahs and Judases, Nimrods and Jezebels, Davids and Goliaths, Methuselahs and Samsons and Delilahs and Salomes. ... We command, sometimes, the "*patience of Job*" and the "*wisdom of Solomon*"».

Легкость и даже некоторая небрежность, с которой носители языка употребляют библейские имена и фразеологизмы, вызывают у автора статьи чувство разочарования в современном обществе, в котором о сакральных смыслах говорят мимоходом, используя имена и ситуации из Священного Писания как разговорную лексику.

Результаты данного исследования полностью согласуются с выводами автора статьи «From the Bible, a Wealth of Words» и позволяют утверждать, что в современном мире теряется устойчивая ассоциативная связь между прецедентными феноменами библейского происхождения, к числу которых относится высказывание «the patience of Job», и Библией как их текстом-источником. Каноническое восприятие любой прецедентной ситуации, описанной в Священном Писании, которое определяло на протяжении веков узус библейской фразеологии, изменяется в сторону ее секуляризации: утрачиваются сакральные коннотации библеизмов, изменяется состав дифференциальных признаков прецедентных имен как ключевых компонентов ряда фразеологизмов, уменьшается их эмоциональный и когнитивный потенциал как признак прецедентности феноменов. Тем самым ставится под сомнение ценностный статус самой Библии как источника духовного просвещения, который на протяжении веков давал ответы на самые сложные вопросы человеческого существования.

Список литературы

1. Будаев Э.В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2021. – № 3 – (87). – С. 22-36. DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_02.
2. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К.Н. Дубровина. – М. : Флинта : Наука. 2010. – 808 с.
3. Ксензенко О.А., Менджеричкая Е.О. Лингвокогнитивные вопросы изучения современной медиасферы / О.А. Ксензенко, Е.О. Менджеричкая // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2021. – № 5. – С. 100-110.
4. Ма Т.Ю. Прецедентное высказывание «melting pot» в материалах телеканала CNN 2011-2021 годов / Т.Ю. Ма, И.Д. Танцура // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2022. – Вып. 8, № 1. – С. 113-124. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_113
5. Ма Т.Ю. Прецедентное имя библейского истока «DAVID» в материалах электронной версии журнала «TIME» / Т.Ю. Ма, Т.В. Хлопова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Вып. 5 (2). – С. 77-87.
6. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]: – URL : <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 21.04.2022)
7. Collins Dictionary [Электронный ресурс]: – URL : <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 21.04.2022)
8. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Pearson Education Ltd., 2005. – 1620 p.
9. Merriam Webster's Dictionary [Электронный ресурс]: – URL : <https://www.merriam-webster.com/word-of-the-day> (дата обращения: 21.04.2022)
10. The New York Times [Электронный ресурс]: – URL : <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 21.04.2022)

10.02.04

Е.Л. Малышева, Ю.Г. Романова, И.В. Чеснокова

Московский университет имени А.С. Грибоедова

**ДОСТИЖЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО
НА РУССКИЙ ЯЗЫК РЕЧЕВЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ
КАК КЛЮЧА К ПОНИМАНИЮ ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»
В ПЕРЕВОДЕ Р.РАЙТ – КОВАЛЕВОЙ)**

Целью данной статьи является анализ речи главного персонажа повести Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» в переводе Р.Райт – Ковалевой с позиций лингвистики и психологии для понимания особенностей перевода, достижения его эквивалентности, а также анализ средств художественной выразительности для достижения эмоциональной наполненности высказываний героя.

Ключевые слова: *перевод, эквивалентность, психологический образ, анализ речи, английский язык.*

Целью работы является исследование способов достижения эквивалентности при переводе с английского на русский язык как ключа к пониманию и передаче психологического образа через речевые высказывания на примере главного героя повести Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

В современном переводоведении постоянно отмечается важность вопроса о передаче психологического образа персонажа художественного произведения в его речевых высказываниях.

Психологический образ представляется как итог определенной внутренней, эмоционально-мыслительной работы или как проявление определенного душевного состояния. Внешние детали мотивируют внутреннее состояние героя, формируют его настроение, влияют на особенности мышления - иногда прямо, иногда очень опосредованно и косвенно

Критик Сергей Белов отмечает следующее: опубликованная 1951 году, повесть «Над пропастью во ржи» могла нравиться или не нравиться, но **равнодушным**, кажется, не оставила никого [9-с. 5]. Даже литературные критики, утратив профессиональное хладнокровие сердились или защищали Холдена (главного персонажа повести) так, словно он был реальным и хорошо знакомым лицом. Книга Сэлинджера удивляла **необыкновенной искренностью, подлинностью и откровенностью. Идея общечеловечности** всех людских проблем явилась общей в творчестве Дж. Д. Сэлинджера и У. Фолкнера, их универсальности [10- с. 6].

Образ Холдена раскрывается при общении его со школьными товарищами, комнаты которых в общежитии находятся рядом. Разговор Холдена с Экли грубоватый. Холден ваяет дурака с Экли; по признанию его самого, он так делает часто, чтобы не было скучно. Ощущается стиль общения: «дуралей», «детка», свойственный молодым людям этого возраста. “Stop calling me “Ackley kid,” God damnit. I’m old enough to be your lousy father.” – «Не смей называть меня «детка»!Черт! Я тебе в отцы гожусь, дуралей! Каждый старается держать себя на высоте, казаться взрослым,» -Холден, несмотря на то, что младше Экли на два года, старается убедить его, что притязания его к Стрэдлейтеру напрасны. «Просто Стрэдлейтер хотел сказать, что ты чувствовал бы себя лучше и выглядел бы лучше, если бы ты хоть изредка чистил зубы...Он не такой уж плохой.Ты просто его не знаешь, в этом все дело»,- говорит Холден. “All he meant was you’d look better and feel better if you sort of brushed your teeth once in a while... He’s not too bad,” I said.” Он отзывается о Стрэдлейтере как о человеке добром, который готов отдать вещь, которая понравится его товарищу.

В диалоге Холдена с Экли присутствует определенный эмоциональный накал, есть что-то отталкивающее, колючее, но до ругани не доходит. За всем этим скрывается душевная борьба: есть сомнения, противоречия, но вместе с тем нет какой-то искусственности. Мы наблюдаем живой контакт во всем его многообразии, при этом ощущается человечность. Они в душе не враги. Хотя они в чем-то друг друга не понимают, но нет чувства разобщенности и, если бы они оказались в экстремальной ситуации, они бы друг друга не подвели.

Далее шестнадцатилетний Холден в своем разговоре с сестрой затрагивает серьезные жизненные вопросы, тонкую грань бытия - чему человек должен посвятить свою жизнь? На вопрос Фиби, кем он хочет стать, ученым, адвокатом или еще кем-нибудь, Холден честно отвечает, что к наукам он не способен, а профессия адвоката вызывает у него двойственное отношение. *«И вообще, даже если ты все время спасал бы людям жизнь, откуда бы ты знал, ради чего ты это делаешь – ради того, чтобы на самом деле спасти жизнь человеку, или ради того, чтобы тебя все хлопали по плечу и поздравляли, когда ты выиграешь этот треклятый процесс... Как узнать, делаешь ты все это напоказ или по-настоящему, липа все это или не липа?»* - “Even if you did go around saving guys’ live sand all, how would you know if you did it because you really wanted to save guys’ lives, or because you did it because what you really wanted to do was beaterrific lawyer, with everybody slapping you on the back and congratulating you in court when the god dam trial was over...How would you know you weren’t be in gaphony? The trouble is, you wouldn’t”.

В зависимости от содержания диалогов меняется лексический состав речи говорящего и как меняется его психологический образ. Если в первом фрагменте (при разговоре с Экли) видим наибольшее использование сленговых выражений, то во втором (при разговоре с сестрой), только одно сленговое выражение, произнесенное Фиби. Когда Холден говорит о своей мечте, говорит эмоционально, его речь значительно отличается от предыдущих речевых высказываний, говорит абсолютно серьезно, говорит о сокровенном. Мы наблюдаем стилистически грамотно построенную речь, отмечаем ее красоту, правильность, где проявляется его истинный психологический образ. Найдено только одно сленговое выражение.

Анализируя работу, перевод мастера высокого класса, мастера слова и тонкого психолога, известного литературоведа Р. Райт-Ковалевой, мы соприкасаемся не просто с грамотно переведенным текстом оригинала, но с великим литературным произведением, ставшим не только популярным произведением, сначала среди советских читателей, а потом и среди огромной части российских читателей, как на территории нашей страны, так среди русскоязычных читателей, проживающих и в других странах мира, но и по-своему классическим произведением, образцом произведений переводческого искусства.

Анализируя перевод Р. Райт-Ковалевой, мы видим, как в речевых высказываниях проявляется эмоциональный настрой человека, в отдельных оборотах речи, в том, насколько явно мы ощущаем за этими репликами вполне определенный образ, который смогла так тонко воссоздать при переводе переводчица. Перевод читается легко, но, когда мы начинаем вчитываться в перевод текста, мы видим, насколько те речевые эквиваленты, которые так мастерски собраны в единую картину – единую по смыслу и содержанию всех ее составляющих – в картину речевой действительности, отражающую систему взаимодействия всех субъектов общества, являются не просто увиденными в жизни, скопированными, но творчески переработанными, стилистически едиными, обнаруживающими глубокую взаимосвязь двух речевых культур. Таким образом, при работе над переводом было проведено детальное сопоставление языковых конструкций, используемых в разговорной речи, носителями принципиально разных культур.

При выборе эквивалентного соответствия при переводе речевого высказывания переводчик обязан учитывать ряд факторов: авторский замысел всего произведения, роль выбранного отрывка в выражении идеи произведения, психологический образ каждого из персонажей выбранного отрывка, общую смысловую направленность речевого

высказывания каждого персонажа, индивидуальные особенности речи, передающие характер героя; также переводчик обязан учитывать влияние экстралингвистических факторов, к которым относится такой фактор, как речевая обстановка, учитывающая время и место действия, описанного в конкретном фрагменте.

Различные типы эмоций, которые испытывают персонажи в различных диалогах затрагивает их эмоциональную сферу общения, накладывает отпечаток на процесс коммуникации и тесного межличностного взаимодействия людей.

Список литературы

1. *Англо-русский словарь американского сленга*. «Книжный сад». М., 1993
2. *Будник Е.А.* Теория перевода. Краткий курс лекций. М., ИМПЭ им. Грибоедова, 2010
3. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М. «Смысл», С.-Петербург «Лань», 2003
4. *Логический анализ языка. Адресация дискурса*. Ответственный редактор Н.Д. Арутюнова М., «Индрик», 2012
5. *Немировская Л.З.* Философия. Курс лекций. М., 1995
6. *Радугин А.А.* Философия. «Центр» 1996
7. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика, очерки лингвистической теории перевода. М., «Р. Валент» 2007
8. *Сенюшкина Т.В.* Пособие по лингвистическому анализу текста часть 1 (английский язык) для студентов факультета лингвистики. М., ИМПЭ им. Грибоедова 2006
9. *Сэлинджер Дж. Д.* Повести и рассказы. «Молодая гвардия». М., 1967
10. *Фолкнер У.* Свет в августе. Особняк. «Художественная литература». М., 1975
11. *Salinger J.D.* Thecatcherintheye, ООО «Антология», 2016

10.02.04

Н.Б. Мухина

Стерлитамакский филиал
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
филологический факультет,
кафедра германских языков,
Стерлитамак, mukhnat@yandex.ru

ПОТЕНЦИАЛ ФОРМИРОВАНИЯ СИНОНИМОВ И АНТОНИМОВ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПОНЯТИЙНОЙ СФЕРЫ «ОДЕЖДА И МОДА» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В рамках анализа лексикографических интерпретаций английской лексики одежды и моды выявлены характерные для синонимии заимствования, использование синонимических дублетов, синтаксических и дефиниционных синонимов, отсутствие индивидуально-стилистических синонимов, наличие исторических синонимов, частое использование квазисинонимии. Специфика антонимии представлена областью функционирования глаголов, прилагательных, компонентов сложных слов, входящих в тематическую область одежды и моды и называющих разновидности одежды.

Ключевые слова: синонимия, антонимия, одежда, мода, денотат, парадигматическая оппозиция.

Цель статьи – выявить тенденции системной организации синонимов и антонимов сферы одежды и моды в современном английском языке. Новизна исследования обусловлена обращением к малоизученной в английском языке понятийной сфере одежды и моды с точки зрения исследования потенциала в области формирования парадигматических отношений в системе заявленной лексики. Материалы исследования основаны на выборке из словаря Oxford Advanced Learner's Dictionary [8].

Слова в тематической группе объединены особыми парадигматическими связями, т.е. «отношениями, сущность которых составляет сходство языковых единиц (не только слов) по одним компонентам и противопоставленность по другим» [6, с. 85], т.е. тематической группе слов присущи синонимические и антонимические парадигматические отношения. «Синонимия – это тип семантических отношений языковых единиц, заключающихся в полном или частичном совпадении их значений <...>» [3, с. 446]. Синонимия в сфере одежды и моды может распределяться на три категории: дублеты; синтаксические синонимы; дефиниционные синонимы [10]. Дублетные синонимы появляются в связи с историей становления данной понятийной сферы. На протяжении нескольких веков лидирующее положение по производству одежды являлась Франция, поэтому в английской тематической группе одежды и моды присутствует множество заимствованных лексем из французского языка, которые ассимилировались в языке или были заменены на исконно английские синонимы: *fashion – mode*. Дублетные синонимы характеризуются равнозначностью и отличаются друг от друга только по происхождению или структурой: e.g. *high fashion – haute couture* (designing and making of high-quality fashion clothes, or the clothes themselves); *low cut neck line – décolletage* (the top edge of a dress, etc. that is designed to be very low in order to show the shoulders and the top part of the breasts). Синтаксические синонимы подразделяются на три группы [4, с. 247]: 1) синонимические соответствия «слово-словосочетание»: *falred – bell-bottomed* (trousers that are very wide below the knee); 2) синонимические соответствия «словосочетание-словосочетание»: *classical suit – traditional suit* (formal wear); 3) синонимические соответствия «полная форма-краткая форма»: *brassier – bra* (a piece of women's underwear worn to cover and support the breasts). В третью группу

входят другие виды кратких форм в сопоставлении с полной формой: полная формально-лексическое сокращение: *hat maker* – *hatter* (a person who makes and sells hats); полная формально-словообразовательное сокращение: *hipster jeans* – *hipsters* (trousers that fasten at the hips and do not reach as high as the middle part of the body); полная форма-сокращения-символы: *pointed neckline* – *V-shaped neckline* (with a neckline in a form of letter “V”). Дефиниционной синонимии представляет собой производство синонимов в области одежды и моды, один из которых является собственно лексемой, а другой – ее дефиницией: *petticoat* – *underskirt* (a skirt that is worn under another skirt as underwear); *dickey* – *false front shirt* (a woman's false blouse front, worn to fill in the neck of a jacket or low-cut dress).

Выделение исторических синонимов [5, с. 246] обусловлено устареванием исконно английских слов и их заменой на вновь появляющиеся: *swimming suit* (*swimsuit*) вместо *bathing suit*.

Выделяются в английском языке квазисинонимы как «гипонимические корреляции, связывающие слово, обозначающее общее родовое понятие, со словами, обозначающими частные подразделения этого понятия» [7, с. 14]: *suit coat* (a sleeved, outer garment extending from the shoulders to just below the waist and buttoning down the front, usually forming the top part of a suit) – *suit* (a set of clothes made of the same cloth, including a jacket and trousers or a skirt), *footwear* (things that people wear on their feet, for example shoes and boots) – *shoes* (a pair of objects usually made of leather or plastic that you wear on your feet).

При изучении синонимии в рамках лексики одежды и моды в английском языке следует отметить частую квазисинонимию [7, с. 13], поскольку многие синонимы являются более конкретными, чем базовые компоненты синонимического ряда: *hat* (a piece of clothing made to fit the head, often with a brim (= a flat edge that sticks out), usually worn out of doors) – *bowler* (a hard black hat with a curved brim and round top, worn, for example, in the past by men in business in Britain) – *stetson* (a tall hat with a wide brim, worn especially by American cowboys) – *slouch* (wide-brimmed felt or cloth hat most commonly worn as part of a military uniform, often, although not always, with a chinstrap) – *fedora* (a low soft hat with a wide brim) – *fez* (a round red hat with a flat top and a tassel but no brim, worn by men in some Muslim countries) – *top hat* (a man's tall black or grey hat, worn with formal clothes on very formal occasions).

Антонимические отношения представлены реже в области английской лексики одежды и моды. Антонимы – это «слова, имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению» [1, с. 50]. Среди видов антонимов традиционно выделяют: контрарные антонимы; контрадикторные антонимы [3, с. 148]. Контрарные антонимы обозначают совершенно противоположные друг другу предметы и явления: *tie* (a long, narrow piece of cloth worn around the neck, especially by men, with a knot in front) – *jazzbow* (a ready-made bow tie). Контрадикторные антонимы являются однокоренными словами, причем одно из слов обладает префиксом: *comfortable* (making you feel physically relaxed; pleasant to wear, sit on, etc.) – *uncomfortable* (not letting you feel physically comfortable; unpleasant to wear, sit on, etc.).

В области тематической группы одежды и моды также выделяются такие виды антонимов, как: комплементарные, представленные двучленными оппозициями: *pre-worn* ((of clothing) previously owned and worn; secondhand.) – *brand-new* (completely new); векторные, связывающие лексемы, обозначающие разнонаправленные действия: *button* (to fasten something with buttons; to fasten the buttons on a piece of clothing somebody is wearing) – *unbutton* (to open the buttons on a piece of clothing); контрарные, которые связывают несколько понятий по их противоположности: *winter clothes* – *light clothing / summer wear* – *in-between-season garment*.

В целом, в области формирования лексики одежды и моды в английском языке можно отметить общие и дифференциальные признаки слов. У синонимов общий признак является доминирующим, поскольку они отражают одно и то же явление: *clothes* – *apparel*. Для антонимов общий признак является темой, являющейся критерием для противопоставления: *winter wear* – *summer wear* (общий признак «сезон»). Парадигматические отношения

лексических единиц понятийной сферы «одежда и мода» представлены синонимией и антонимией, в первую очередь. Характер синонимии данной тематической группы отличается заимствованиями по большей части из французского языка, словообразовательными моделями. Наиболее частотными в лексике одежды и моды являются дублеты, синтаксические и дефиниционные синонимы, которые часто называются квазисинонимами, а также исторические синонимы, которые можно исследовать в диахронии. Антонимы, использующиеся реже в области лексики одежды и моды, бывают контрастными, контрадикторными комплементарными, векторными.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Рипол-Классик, 2012. 608 с.
2. *Barthes R.* The Language of Fashion. – Sydney: Bloomsbury Academic, 2013. 183 p.
3. БЭС – Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. 688 с.
4. *Гринева-Гриневич С.В.* Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
5. *Долгова Т.В.* Некоторые лексико-семантические аспекты английской терминологии одежды и моды // Омский научный вестник. 2006. № 9 (47). С. 246-248.
6. *Котцова Е.Е.* Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. 203 с.
7. *Милова Н.В.* Лексико-парадигматический аспект анализа семантического поля «Костюм» // Русистика. 2008. № 2. С. 12-17.
8. *Oxford – Oxford Advanced Learner's Dictionary.* – Oxford University Press, 2010. URL: <https://languages.oup.com/>
9. *Пташников О.И.* Специфика пополнения модного словаря последних лет // Филологические науки. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «YSRP-2014». URL: <https://medconfer.com/node/4360>.
10. *Татаринов В.А.* Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. – М.: Московский Лицей, 2006. 526 с.

*10.02.04***Е.И. Никанорова, М.В. Аксенова**

ФГБОУ ВО Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина,
кафедра иноязычной профессиональной коммуникации,
Нижний Новгород, ek.nickanorova2018@yandex.ru, marina.v.aksenova@gmail.com

ОБРАЗ ВОЛГИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ВОСПРИЯТИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ТРАВЕЛОГАХ XVI - XVIII ВЕКОВ

Статья исследует дневниковые записи и травелоги, оставленные зарубежными путешественниками, которые посещали Россию в период XVI-XVIII веков. Исследуется образ Волги, великой русской реки, занявшей в зарубежных травелогах одно из главных мест. Отмечено, что Волга стала символом необъятных русских земель, величия и силы духа России. В статье анализируются травелоги Сигизмунда Герберштейна, Адама Олеария, стихи Пауля Флеминга.

Ключевые слова: *Волга, путешествие, травелог, образ реки, русско-зарубежные литературные связи.*

Травелог как литературный жанр развивался на протяжении многих столетий. Каждый новый век характеризовал этот жанр по-разному в зависимости от политических, экономических и социальных потребностей общества. Необходимость экономического развития и развития торговли привели к открытию новых морских путей между Европой и Азией. С XV века начинается эпоха морских путешествий и Великих географических открытий. В это время жанр травелога еще не сформирован в привычном для нас понимании, а существует лишь в деловой форме, в виде отчетов, официальных дипломатических документов. К травелогам данного периода можно отнести дневниковые записи Фернана Магеллана, получившие название «Путешествие Магеллана» (1610).

Начиная с XV века и европейские, и русские путешественники стремятся побывать в экзотических странах, наладить экономические связи, присвоить новые земли. «В России путешествия людей по речным путям известны еще со времен царствования Ивана Грозного. На Руси повсеместно было развито паломничество по святым местам, добраться до которых можно было, чаще всего, только по рекам» [2, с. 5]. Идея о путешествии и познании мира как части познания себя утвердилась довольно давно. Д. В. Семикопов и А. А. Захряпин отмечают: «Аспект взаимодействия культуры России и Европы является одной из ключевых тем проблемы генезиса и эволюции национального самосознания»[5].

В России всегда было много иностранцев, особенно начиная с XV-XVI веков, когда государство стало активно развиваться и стремилось сравняться с Европой. Среди иностранцев было много послов, дипломатов, торговцев, путешественников. Некоторые из них, покидая Россию, увозили с собой на Родину путевые дневники и заметки о своих путешествиях. Эти заметки имели большую ценность для Европы того времени, т.к. до этого в Европе не имелось каких-либо других описаний Российского государства.

В 1549 году выходит книга на латинском языке «Записки о Московии», написанная бароном Сигизмундом фон Герберштейном. Благодаря «Запискам о Московии» Западная Европа открыла для себя самое крупное восточнославянское государство [3, с. 88]. В «Записках о Московии» Герберштейн уделил много времени описанию быта, культуры, нравов и уклада жизни русских, были подробно описаны земли, реки поселения и города.

В 1669 году немецкий путешественник и географ Адам Олеарий издает книгу о своем путешествии по России под названием “History Of Muscovy, Tartary, Persia And Other Countries” («Описание путешествие Московию и через Московию в Персию и обратно»). В ней Адам Олеарий описывает свои странствия через Россию в Персию. Это было уже второе посольство Адама Олеария в Россию. Его путь лежал через многочисленные реки, такие как Москва, Ока, Волга. Стоит отметить, что именно для сплавления по Волге для посольства построили новый корабль «Фредерик» – это был первый вооруженный парусный корабль, построенный в России [8, с. 64]. Книга с заметками о посольстве было много зарисовок сцен быта и занятий местного населения, архитектурных построек, ландшафта. Много времени автор уделяет описаниям местности, особенно рекам, по которым проплывало посольство: “The Wolga is as broad as Elbe, but runs much more flowly. It refers near great Novgorod, out of the Lake called the Lake of Ilmen, and falls into that of Ladoga” [8, с. 101].

Адам Олеарий упоминает, что в Волге много рыбы (особенно путешественники оценили белугу и стерлядь), которой они и питались почти все посольство, много разбойников, которых нужно опасаться. Есть небольшие поселения, жители которых немногочисленны, но занимаются торговлей и хозяйством.

Путешественник отмечает, что достаточное количество городов расположилось на Волге – Нижний Новгород, Казань, Астрахань. Не обделяет вниманием Олеарий и церковь. Говорит о ее влиянии и большом авторитете среди русских. Он отмечает плодородие земель вдоль Волги, большие сады и хозяйства, которые возделываются местными жителями.

Вместе с Адамом Олеарием во второй дипломатической поездке в Россию был знаменитый немецкий поэт Пауль Флеминг. Он, вдохновленный красотой берегов Волги, пишет сонет “An die große Stadt Moskau, als er schiede” (1634) («Великому граду Москве»):

“...Nim itzo diß Sonnet. Komm ich mit Glücke wieder,
so will ich deinen Preis erhöh'n durch stärkre Lieder,
daß deiner Wolgen Schall auch hören sol mein Rhein.” [7, с. 82].

«Дарю тебе сонет. А там, в отчизне милой,
Тебя восславлю я с такой могучей силой,
Чтоб мой услышал Рейн журчанье волжских струй».

В своём сонете Пауль Флеминг воспекает Волгу, сравнивает ее величие с Рейном, называет ее «владычицей» страны, говорит о том, как Волга важна для народа, сколько всего она дает для жизни и как она защищает от врагов.

В 1711 года выходит книга с записками о втором путешествии Корнелия де Бруина (голландского художника, путешественника и писателя), которое он совершил в 1701 году через Россию в Персию. Корнелий де Бруин знакомится с Петром I, получает его разрешение на создание портретов придворных дам, чтобы отправить их европейским женихам, а также разрешение на зарисовку архитектурных построек не только в Москве, но и в других городах. Голландец, как и другие путешественники того времени, держал путь в Персию. Из Москвы он двинулся в Астрахань, большая часть его пути проходила по Волге: “Le Wolga à côté de la ville de Niji-Novgorod. Ce quartier-là est très-agreable... La riviere fort retrecie, et sur le soir des colines couvertes de petits arbres à droite et à gauche” [6, с. 128].

Корнелий де Бруин как и его предшественники отмечал размеры реки, ее широту, скудные поселения, и много рыбы, которую они вместе с командой часто останавливались ловить. Так же отмечает большое количество маленьких рек, которые впадают в Волгу. Путешественника удивили масштабы торговли, которая ведется на берегах этой могучей и полноводной реки. Рынки и базары привлекали много иностранных караванов, тут торговали абсолютно всем, но большей популярностью пользовались мед, воск, сукно из Персии. Персидское сукно перекупали местные торговцы и продавали дороже. Также продавали водку, рыбу, табак: “On trouve aussi parmi aux le meilleur miel du monde, et en grande abundance... de l'orge, de l'avoine, et grains” [6, с. 245].

Иностранцы путешественники часто сопровождали свои путевые заметки зарисовками, именно благодаря этим рисункам, сейчас можно сложить представление о местности того времени, о людях, что населяли города. Взгляд иностранцев на быт русского человека был совершенно иным и отличался от заметок наших соотечественников. Иностранцев удивляли и поражали масштабы и количество пустых земель Российского Государства. Русские просторы интересовали и манили чужеземцев. Их удивляло географическое положение государства, описывая земли в своих заметках, особое внимание они уделяли рекам, по которым чаще всего и странствовали через Россию. Конечно, особое место в их путевых заметках занимает истинно русская река – Волга. Путешественники подробно описывали население, которое располагалось на берегах этой могучей реки, давали точные характеристики местности, упоминали и об опасностях, с которыми могут встретиться не только русские путешественники, но и иностранцы.

Образ Волги по праву занимает такое важное место: ее спокойное и сильное течение на русских землях становится источником жизни и энергии, также как и поэтическое восприятие русской реки через образы в зарубежных травелогах помогает воссоздать русский характер, русский образ жизни. Течение реки создает бесконечное движение, которое поддерживает и сохраняет особенности русского топоса, и, как следствие, образа России.

Список литературы

1. *Аксенова М.В.* Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – №3(31). – С. 170 – 174.
2. *Алексеева Н.Д.* Исторический аспект развития речного круизного туризма в России // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-aspekt-razvitiya-rechnogo-kruiznogo-turizma-v-rossii/viewer> (дата обращения: 30.03.2022).
3. *Герберштейн С.* Записки о Московии/ Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Вступительная статья А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.
4. *Семикопов Д.В., Захрятин А.А.* Европа как «другой» русского историософского сознания: от средневековья к модерну // Вестник Мининского университета. – 2021. – Том 9. № 1. – С. 11.
5. *De Bruyn Cornelis* “Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales” Freres Wetstein – 1718. – P.469. URL: https://archive.org/details/gri_33125008232130/page/468/mode/2up (дата обращения: 21.03.2022).
6. *Fleming Paul* “Gedichte von Paul Fleming” F. A. Brockhaus, – 1870. – P.282. URL: https://archive.org/details/bub_gb_wEIJAAAAQAAJ (дата обращения: 2.03.2022).
7. *Olearius Adam* “History Of Mufcovy, Tartary, Perfia And Other Countries” State Central Library, Hyderabad. – 1669. – P.613. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.200849/page/n15/mode/2up> (дата обращения: 30.03.2022).

10.02.04

И.В. Уварова, И.А. Борисенко

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава России,
кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Данная статья посвящена вопросу обучения диалогической речи на занятиях по немецкому языку. В статье описываются трудности и проблемы обучения диалогической речи, приводятся виды речевой деятельности, рассматриваются виды диалогического общения. Также даются определения таким понятиям, как «диалог» и «диалогическая речь». Развитие диалогической речи на занятиях может активно применяться на разных этапах овладения иностранным языком.

Ключевые слова: обучение, диалог, диалогическая речь, иностранный язык.

Интерес к изучению иностранных языков стремительно растёт с каждым годом. Изучение иностранного языка благоприятно влияет на речевые способности обучаемых, а также на психологическое развитие в целом и расширяет их кругозор. Основной целью в преподавании иностранных языков является коммуникация, речевое общение, которое определяет ход всего учебного процесса. Диалогическую речь считают одной из основных форм речевого общения. В современном образовании иностранные языки занимают ведущее место, и умение обучаемых вести диалоги на заданные темы становится более значимым.

Термин «диалог» с греческого языка переводится как «разговор», «беседа». По мнению Л.П. Якубинского, диалог – это один из основных видов поведения индивидуума. Чтобы взаимодействовать с людьми посредством диалога, надо обладать большим количеством речевых, социальных навыков, которые осваиваются человеком не сразу, а постепенно [4, с. 177].

В процессе обучения студентов первого курса диалогической речи существуют определенные трудности и проблемы:

1) студенты боятся ошибиться, болезненно воспринимают критику преподавателя или стесняются отвечать на занятиях. В таких случаях преподавателю необходимо выстроить на занятиях тёплую, душевную и продуктивную атмосферу;

2) студенты не знают необходимого объема лексики, которая помогла бы им вести диалог по заданной теме. Преподаватель должен постоянно знакомить обучающихся с новыми словами, которые относятся к определённой тематике;

3) небольшое количество студентов может вступать в диалог друг с другом, а большинство студентов молчат. Для предотвращения создавшейся ситуации, преподавателю нужно часто устраивать на занятиях работу в парах или групповые работы для достижения продуктивного результата.

В процессе изучения немецкого языка в медицинском вузе студенты учатся общаться на изучаемом языке с целью обмена информацией, побуждения собеседника к выполнению каких-либо действий. Из вышеперечисленного следует, что основной целью обучения иностранному языку является развитие у обучающихся способности к общению на изучаемом иностранном языке.

В настоящее время обучение устному общению играет важнейшую роль. Устная речь и говорение выходят на первый план. Начиная изучать какой-либо иностранный язык, обучающиеся хотят научиться говорить на этом языке. Речь идёт о подготовке обучающихся к диалогу культур, где очень важны навыки монологического и диалогического общения. В реальном общении мы редко выступаем с продолжительными монологами, поэтому диалог играет ведущую роль.

При составлении диалогов перед студентами ставятся следующие задачи:

- научиться задавать вопросы разных типов;
- отвечать последовательно на поставленные вопросы;
- использовать в процессе общения различные виды реплик реагирования;
- употреблять разные вводные структуры и выражения – клише;
- пользоваться разнообразными способами реализации речевых функций: выражения согласия ли несогласия, сомнения, просьбы, вежливого отказа и т.д.

Одной из главных задач преподавателя является стимулирование мотивации изучения иностранного языка у обучающихся, которой способствуют применение современных методов обучения, использование компьютерных технологий и другие новейшие средства обучения.

Из всех видов речевой деятельности, к которым относятся слушание, говорение, чтение, письмо, устная форма или диалогическая речь является безусловным приоритетом. Рассмотрим термин «диалогическая речь» с позиции М.И. Лисиной. Она полагает, что «диалогическая речь» - это общение, особая коммуникативная деятельность человека [2, с. 115]. К.И. Саломатов утверждает, что диалогическая речь является одной из наиболее распространенных форм устной разговорной речи [3, с. 32].

Диалогическая речь создается в результате общения двух или более участников. Каждый участник преследует свою цель в диалогическом общении. Диалогическая речь проходит в непосредственном контакте участников диалога.

Работу над развитием навыков и умений устной речи следует проводить на каждом занятии. Важным моментом в обучении диалогической речи является овладение студентами различных речевых действий в виде диалогов: диалог-приветствие, диалог-знакомство, диалог-расспрос.

Диалог-приветствие

Изучив лексику по заданной тематике, студенты смогут:

- поздороваться;
- начать разговор с незнакомым человеком;
- представиться;
- спросить, как зовут собеседника;
- Guten Tag! – Здравствуйте!
- Ich bin Anna. – Меня зовут Анна.
- Wie heißen Sie? – Как Вас зовут?

Диалог-знакомство

Зная лексику данной тематики, студенты смогут:

- поздороваться;
- представиться;
- рассказать о себе;
- спросить, как зовут собеседника, откуда он родом, кто он по профессии, кем он работает, сколько ему лет.
- Guten Tag! – Здравствуйте!
- Ich bin Alex. – Меня зовут Алекс.
- Ich bin 20 Jahre alt. – Мне 20 лет.
- Ich bin Student. – Я – студент.
- Ich wohne in Krasnodar. – Я живу в Краснодаре.
- Wie heißen Sie? – Как Вас зовут?
- Wie alt sind Sie? – Сколько Вам лет?
- Woher kommen Sie? – Откуда Вы?
- Wo arbeiten Sie? – Где Вы работаете?
- Was sind Sie von Beruf? – Кто Вы по профессии?

Диалог-расспрос

Выучив лексику по теме «Beim Arzt» («У врача»), студенты смогут выступить в роли врача и пациента:

- поздороваться;
- представиться;
- спросить, как зовут пациента;
- спросить о самочувствии, жалобах пациента и о перенесенных заболеваниях.

Kranke: Guten Tag! – Здравствуйте!

Arzt: Guten Tag! – Здравствуйте! Tretten Sie bitte. Пожалуйста, проходите. Nehmen Sie Platz. Присаживайтесь. Wie heißen Sie? Как Вас зовут?

K. Ich heiÙe Elena. – Меня зовут Елена.

A. Was fehlt Ihnen? – Что с Вами?

K. Der Hals tut mir weh und ich habe hohes Fieber. – У меня болит горло и высокая температура.

A. Wie hoch ist das Fieber? – Какая температура?

K. 38°C.

A. Welche Krankheiten haben Sie durchgemacht? – Какие болезни перенесли?

K. Nur Masern. – Корь.

A. Zeigen Sie bitte Ihren Hals. Sie haben Angina. – Покажите, пожалуйста, горло. У Вас ангина.

В заключении хотелось бы отметить, что в освоении немецкого языка диалоги играют очень важную роль. Они не только обучают чтению, но и учат студентов строить фразы, корректно отвечать на вопросы собеседников и объяснять свои мысли. Кроме того, диалоги помогают тренировать имеющиеся грамматические навыки и знания.

Список литературы

1. Кондратьева В.А., Григорьева Л.Н. Немецкий язык для студентов-медиков: Учебник для медицинских вузов – М.: ГЭОТАР-МЕД, 2002. – 392с.
2. Лисина М.И. Потребности и мотивы общения между школьниками. – Минск: Тетра Системс, 1995. – 115 с.
3. Саломатов К.И. Проблемы обучения диалогической речи / К.И. Саломатов. – Иностранные языки в школе. 2007. – 32 с.
4. Якубинский Л.П. Язык и его функционирование. – Москва: Наука, 1996. – 177 с.

10.02.04

¹В.В. Федоров, ²Е.В. Плисов, ²Л.В. Гусева

¹Петропавловский филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
кафедра экономических и социально-гуманитарных дисциплин,
Петропавловск-Камчатский, vvfedorov@mail.ru,

²Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
факультет гуманитарных наук,
Нижний Новгород, e_plissov@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭПАТАЖНОЙ СТРАТЕГИИ В ПУБЛИЧНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ

В статье описываются разноуровневые репрезентации эпатажной стратегии в публичных выступлениях американского президента Д. Трампа. Систематизация способов вербализации и интерпретация способов актуализации указанной стратегии проводилась с привлечением культурологического и исторического материала, использовались методы компонентного и контекстуального анализа, а также метод построения семантического поля.

Ключевые слова: *публичная речь, текст, стратегия, тактика, эпатажная стратегия, уровни языка, оценочная лексика.*

Основы общей риторики предполагают формулирование базовых подходов к построению публичной речи вне зависимости от узкой проблематики отдельных сфер (политической, судебной, религиозной и пр.) и от национально-культурной специфики. Однако социокультурные факторы влияют на создание и практическое использование культурнообусловленных подходов к оформлению публичной речи, в этом отражается культурно-национальная ментальность языкового сообщества, эти особенности впоследствии становятся определенными символами, типичными маркерами, эталонами в данной культуре [2; 3]. Целью настоящей работы является анализ разноуровневых репрезентаций эпатажной стратегии в публичных выступлениях президента США Дональда Трампа. Систематизация способов вербализации указанной стратегии проводилась с привлечением культурологического и исторического материала, были применены методы компонентного и контекстуального анализа, а также метод построения семантического поля.

В ходе настоящего исследования было отобрано 30 выступлений американского президента Д. Трампа, которые характеризуются ярким проявлением эпатажной стратегии. Д. Трамп, являющийся сорок пятым президентом США, вошел в историю как один из ярких лидеров, который в своих выступлениях актуализирует эпатажную стратегию, нацеленную на привлечение дополнительного внимания и часто служащую провокацией для действий участников политического процесса [7; 9]. Говоря об экстралингвистических особенностях публичных речей Д. Трампа, следует отметить, что его выступления обусловлены культурными традициями США, сложившимися риторическими подходами к оформлению публичной речи, они соответствуют текущему политическому моменту, а также прагматическим и политическим задачам. Далее перейдем к рассмотрению лингвистических особенностей публичных выступлений американского президента. С точки зрения уровневого подхода в лингвистике представляется возможным выделить следующие значимые для реализации анализируемой стратегии уровни [4]: лексико-фразеологический уровень, синтаксический уровень и уровень макротекста.

С точки зрения *лексики и фразеологии* речи Д. Трампа характеризуются большим количеством использованных метафор, сравнений, оценочных единиц, личных местоимений, слов-эпистемиков, а также лексического повтора, например: «sounds good» (звучит хорошо),

«great American patriots» (великие американские патриоты), «our wonderful veterans» (наши чудесные ветераны), «horrible things» (ужасные вещи), «impressive properties» (впечатляющей собственностью), «tremendous talent» (огромный талант). «you know» (вы знаете), «people realize» (люди понимают). «the power of freedom» (сила свободы), «have a place in your heart» (найдется в сердце место), «We are in big, fat, ugly bubble» (Мы все в огромном, ужасном пузыре), «When you open your heart to patriotism...» (Когда вы откроете свое сердце патриотизму) «rattle on» (болтает) и т.п. Особенную сложность указанные средства могут представлять при переводе, поэтому здесь в значительном объеме могут быть задействованы переводческие трансформации [6], в частности, конкретизация: «bad decisions» (неверные решения), «the dignity of work» (важность труда), «ridiculous witch hunt» (нелепая охота на ведьм), «rotten scoundrel» (дрянной негодяй), «nasty woman» (скверная женщина) и т.д.

На уровне *синтаксиса* в речах Д. Трампа наблюдается явное превалирование эллиптических структур, а также вопросительных предложений, последние представляют собой в большинстве своем риторические вопросы. Они отражают индивидуальный стиль оратора и его специфическую модель речевого поведения, например: «Sounds good, doesn't work» (Звучит хорошо, на практике не работает), «That's right» (Верно), «Pretty corrupt» (Очень продажный), «Not for a long period of time, but about three weeks» (Непродолжительное время, около трех недель), «Nobody, right?» (Никто, верно?), «And I've been saying at big speeches where I have 20,000 and 30,000 people, what do you have to lose?» (И как я уже говорил в одном из прошлых своих выступлений, на котором присутствовало около двадцати или тридцати тысяч человек, что вам терять?), «You want the proof?» (Вы хотите доказательств?), «How corrupt do you have to be to get kicked off the Watergate commission?» (Насколько коррумпированной Вы должны быть, чтобы Вас выгнали из комиссии по Уотергейту?), «What is her pitch?» (И что достигнуто?), «How about him?» (Что насчет него?), «Did anybody ever hear Strzok?» (Кто-нибудь слышал что-нибудь о Стрзоке?), «Can you believe it?» (Вы можете в это поверить?), «Did you read what he said?» (Вы читали, что он говорит?), «Did I have a good hair day?» (У меня была красивая прическа?), «And you know what?» (И знаете что?), «They have a very big surprise coming, don't you think?» (Их ожидает большой сюрприз, вы согласны со мной?).

Что касается *уровня макротекста*, то Д. Трамп активно задействует в своих публичных выступлениях такой стилистический прием, как антитеза, для того, чтобы акцентировать внимание аудитории на кардинальных различиях, существующих между партией демократов и республиканцев, к последней из которых относится он сам. Эти различия показаны при помощи личных местоимений «We» и «They». Однако ввиду местоименной избыточности английского языка представляется целесообразным чередовать перевод на уровне эквивалентов (мы и они) с конкретизацией («We» – «партия республиканцев», «республиканская партия»; «They» – «партия демократов» или «демократическая партия») для облегчения восприятия текста иноязычной аудиторией, а также людьми не столь глубоко знакомыми с политической ситуацией в стране. Кроме того, аллюзии на политических оппонентов-представителей партии демократов (Х. Клинтон, Б. Обама, Э. Уоррен и т.д.) призваны подчеркнуть собственную исключительность [1] и сформировать отрицательный образ своих противников. Приведенные способы актуализации эпатажной стратегии могут быть использованы на занятиях по английскому языку на старшем этапе или в вузе в целях формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся [5; 8; 10].

Подводя итог, следует обратить внимание на то, что основными лингвистическими особенностями выступлений Д. Трампа является частотное употребление разных типов оценочной лексики, образных выражений, метафор. При работе над анализом способов реализации эпатажной стратегии и переводом следует учитывать возможности поиска эквивалентов или различного рода лексических и грамматических трансформаций. Для реализации эпатажной стратегии на синтаксическом уровне автор прибегает к кратким, неполносоставным, нераспространенным предложениям, который часто носят провокативный характер. Излюбленными способами достижения результата речевой

стратегии Д. Трампа становятся антитеза (как отражение бинарной оппозиции «свой – чужой», где свой предстает в аксиологически позитивном ключе) и аллюзия на своих предшественников и оппонентов, которые в представлении оратора были недостаточно квалифицированными, смелыми, ответственными.

Список литературы

1. *Бабаева А.В., Шмелева Н.В.* Репрезентации «человеческой исключительности» в культурном потоке Нового времени // Вестник Мининского университета. – 2022. – Т. 10. – №1. – С. 12.
2. *Войнова А.В.* Лингвокультурные знания о «времени» и их лексико-грамматическое строение // Наука и бизнес: пути развития. – 2013. – №9(27). – С. 7-9.
3. *Зими́на М.В., Бойко М.В.* Ассоциативное поле концепта Friendship в американской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – №10. – С. 210-213.
4. *Кузьмичева А.А., Плисов Е.В.* Анализ и интерпретация немецкого публицистического текста. Нижний Новгород: Мининский университет, 2020. 58 с.
5. *Плисов Е.В., Наумова Е.В.* Использование публицистических текстов на уроках английского языка в старших классах // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – №72-3. – С. 283-285.
6. *Плисов Е.В., Федоров В.В.* Теория и практика перевода. Нижний Новгород: Мининский университет, 2020. 88 с.
7. *Семикина А.В., Белова Е.Е.* О специфике предвыборного дискурса с позиций риторики // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования. – Чебоксары: Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2015. – С. 117-125.
8. *Суворова О.В., Егорова П.А., Хрулев А.Е., Сорокоумова С.Н., Гусева Л.В.* Персонифицированный опыт как фактор прогнозирования профессионально-коммуникативных качеств студентов – будущих педагогов // Язык и культура. – 2019. – №46. – С. 299-317.
9. *Федоров В.В.* Основные языковые и понятийные характеристики английского публицистического стиля и границы его варьирования // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2006. – №1(7). – С. 3-18.
10. *Pronina N.S., Klyueva M.I., Zimina M.V., Lyulyaeva N.I., Perova T.A.* Activation of Foreign Language Communicative Competence in Specialists' Professional Work // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2020. – Т. 129. – С. 799-807.

10.02.04

Ю.В. Шуйская д-р филол. наук, А.В. Арепьев, Е.Л. Малышева

Московский университет имени А.С. Грибоедова,
Москва, shujskaya@yandex.ru, avarepov@yandex.ru, chanel579@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ДАННЫХ КВАНТИТАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ХОДЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО)

В статье рассматриваются вопросы сопоставления данных корпусной лингвистики английского, немецкого и русского языков. Через призму количественных данных показана доказательная база стереотипа о «чайной» и «кофейной» культуре: представлен сопоставительный анализ относительной частотности употребления соответствующих слов в трех языках и его интерпретация.

Ключевые слова: *корпусная лингвистика, количественные методы в лингвистике, английский язык, немецкий язык, русский язык.*

Количественная лингвистика позволяет исследовать репрезентативную выборку представления тех или иных явлений в картине мира определенного языка, с поправкой на то, что корпус представляет собой не прямое отражение мира, но отражение его модели в текстах, доступных для создания корпуса. В связи с этим данные о частотности употребления того или иного слова в корпусе определенного языка нуждаются в интерпретации с поправкой на относительность представленной в корпусе модели. При сопоставлении различных языков имеют значение не абсолютные, но относительные данные, так как разные корпуса имеют разный общий объем единиц и вхождений слов и словосочетаний.

Для анализа привлечены данные трех репрезентативных корпусов: Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>), Британского корпуса (<https://www.english-corpora.org/bnc/>) и корпуса немецкого языка Лейпцигского университета (<https://corpora.uni-leipzig.de/>). В каждом корпусе рассмотрены слова «чай» и «кофе» (tea и coffee в английском языке и Tee и Kaffee на немецком языке). Поскольку общий объем корпусов различается, рассматривается относительная частотность употребления – какое слово используется чаще и какова разница между более и менее частотными показателями.

Получены следующие данные по относительной частотности в трех языковых корпусах (см. таблицу 1):

Таблица 1 – Частотность употребления слов «чай» и «кофе» по данным корпусной лингвистики

	чай	кофе
русский язык	29 145	15 886
английский язык	7 942	6 213
немецкий язык	3 461	10 849

Как уже было указано выше, абсолютные данные не могут быть интерпретированы прямолинейно – объем корпусов сам по себе различается, и, помимо этого, на апрель 2022 для запросов из России англоязычные и немецкоязычные корпуса доступны не в полном объеме. Интерес представляет преобладание количества определенных единиц и относительная разница между ними: так, по приведенным данным в русскоязычном корпусе количество вхождений слова «чай» в 1,83 раза превышает количество вхождений слова «кофе». В английском языке количество вхождений слова «чай» также превышает количество вхождений слова «кофе», однако разница между ними далеко не такая

разительная: количество вхождений «чая» в 1,28 раз превышает количество вхождений «кофе». Немецкий же корпус показывает масштабную разницу в пользу слова «кофе»: количество вхождений «кофе» превышает количество вхождений слова «чай» в 3, 13 раза.

Корпуса представляют репрезентацию соответствующей лексемы в картине мира носителей языка: так, контексты из Национального корпуса русского языка включают в себя фрагменты из художественных произведений, публицистических статей, анонсов и реклам, например:

«Пока варится ваш кофе, возьмите, размороженное заранее, слоеное тесто «Мастерица» [4].

«Алкоголь, никотин и кофеин (причем не только содержащийся в кофе, но и в чае, и в кока-коле) до определенного предела возбуждающе действуют на нервную систему, не давая возможности полноценно заснуть» [4].

Отсмеявшись, все трое стали пить чай из блюдца, есть клюкву и мед [4].

Из их смеси можно делать чай (по одной чайной ложке каждого цветка на 250 мл воды). Чай, кстати, получается очень вкусный. Смолы можно выпаривать в русской или турецкой бане [4].

То же наблюдаем в английском и в немецком корпусах:

She sits at a tea table with MR. WILLIAMS, a prayer book between them [1].

Она сидела за чайным столиком с мистером Вильямсом, между ними лежал молитвенник (перевод наш – Е.Л.).

I haven't eaten a meal or even had a cup of tea for a whole week [1].

Я целую неделю ничего не ел и не пил даже ни одной чашки чая (перевод наш – Е.Л.).

All rooms have colour TV, radio, coffee and tea making facilities [1].

Во всех комнатах есть цветной телевизор, радио, приспособления для приготовления чая и кофе (перевод наш – Е.Л.).

And after oil, coffee is the biggest commodity single product in world trade [1].

Кофе является крупнейшим (после нефти) товаром в мировой торговле (перевод наш – Е.Л.).

Anschließend lässt man den Kaffee noch ein- bis zweimal aufkochen [2].

Затем дайте кофе закипеть один-два раза (перевод наш – А.А.).

Nicht nur Rotwein und Kaffee, auch falsches Putzen können dem Weiß Ihrer Zähne schaden [2].

Нарушить белизну зубов могут не только красное вино и кофе, но и неправильная чистка (перевод наш – А.А.).

Hier kann der richtige Tee etwas Linderung verschaffen und auch vorbeugend verwendet werden [2].

Правильный чай может принести здесь некоторое облегчение, а также может использоваться в профилактических целях (перевод наш – А.А.).

Gegen Erkältungen helfen in der Regel nur viel Schlafen und Tee trinken [2].

Обычно от простуды помогает только долгий сон и чаепитие (перевод наш – А.А.).

Представленная статистика, как было указано выше, не может быть интерпретирована прямолинейно: данные не означают, что русскоязычные люди пьют чай в 2 раза чаще, чем кофе, а немцы – кофе в 3 раза чаще, чем чай. Указанные лексемы в картине мира носителей соответствующих языков представлены в пропорции, приблизительно отражаемой данными корпусов.

Анализ выборки текстов, представляемых корпусами, позволяет предположить, что преобладание слова «чай» в Национальном корпусе русского языка объясняется двумя факторами – во-первых, чай часто упоминается в словосочетании «пить чай» и его синонимах и дериватах, при этом данным словосочетанием не всегда обозначается именно питье чая как таковое – это обозначение общения, времяпрепровождения, в том числе упоминаемое в сказках и в принципе в детской литературе. Помимо этого, слово «чай», в отличие от слова «кофе», в качестве названия напитка не менялось – в отличие от слова «кофе»: ранее напиток назывался «кофий», и это слово имеет 139 вхождений в НКРЯ [4]:

Кофий сегодня пила, и без всякого удовольствия [4].

Горек ваш кофий, княгинюшка, горек, - пробормотал он, отставив чашку [4].

Преобладание слова “tea” в Британском корпусе вполне объяснимо с точки зрения традиций: стереотипное представление об англичанине предполагает, что он пьет чай в пять часов, любит чай с молоком и т.д. [6]. Однако культура чаепития не отменяет внимания к кофе как к бодрящему и тонизирующему напитку.

Стереотипы, касающиеся немцев, предполагают, что типичный немец пьет, главным образом, пиво, однако исследования немецкой гастрономической культуры опровергают этот стереотип: «Нужно сказать, что кофе немцы пьют значительно больше, чем пиво. Считается, что самый вкусный кофе варят в Бремене, первая кофейня там открылась около 350 лет назад» [5]. Культура питья кофе отражена в живописи, музыке (ср. «Кофейная кантата» Баха) и в целом была привнесена в Россию именно из Германии. Немецкие контексты со словом “Тее” часто связаны с медицинской тематикой – к чаю относятся примерно как к лекарству, средству для борьбы с простудой.

Для более широкого анализа необходимо проанализировать относительную частотность употребления названий других блюд и напитков. Исследования репрезентации лексем «чай» и «кофе» могут быть полезны в контексте преподавания иностранных языков для групп, изучающих языковую пару «английский – немецкий». Обучающимся можно представить «чай» и «кофе» как два полюса типов личности (ср. миф о психологическом тесте Анны Ахматовой), которая якобы делила всех людей на два типа: «кофе, кошка, Мандельштам» и «чай, собака, Пастернак», причем первый набор соответствовал Санкт-Петербургу, а второй – Москве) [3]. Обучающимся можно предложить атрибутировать немецкую и британскую культуру по этой дихотомии, а затем познакомить их с данными квантитативной лингвистики и продемонстрировать различия в относительной репрезентативности.

Список литературы

1. British National Corpus // URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
2. Deutsches Nachrichten-Korpus // URL: <https://corpora.uni-leipzig.de/>
3. Кто вы - «Чай, собака, Пастернак» или «Кофе, кошка, Мандельштам»? // URL: <https://www.livelib.ru/group/177/post/4353-kto-vy-chaj-sobaka-pasternak-ili-kofe-koshka-mandelshtam>
4. Национальный корпус русского языка // URL: <https://ruscorpora.ru/>
5. Она не такая: стереотипные мнения о немецкой кухне // URL: <https://aussiedlerbote.de/2018/05/ona-ne-takaya-steretipnye-mneniya-o-nemeckoj-kuhne/>
6. Столповская П. Стереотипы о британцах: миф или реальность? // URL: <https://www.tandem.net/ru/blog/british-stereotypes-fact-or-myth>

10.02.04

С.С. Шумбасова

Государственный социально-гуманитарный университет,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, svetshum13@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В данной статье рассмотрены понятия «дискурс» и «политический дискурс» с точки зрения различных исследователей и лингвистов. А также представлены основные лингвистические особенности, характерные для американского политического дискурса на примере публичных выступлений Д. Трампа.

Ключевые слова: *дискурс, политический дискурс, лингвистические особенности, грамматические экспрессивные средства.*

Термин «дискурс» (фр. *discourse*, англ. *discourse*, от лат. *discursus* «бегание взад-вперед; движение; круговорот; беседа, разговор») насчитывает множество различных дефиниций, которые раскрывают данное понятие с разных сторон. Этот термин является одним из самых сложных в современной лингвистике, так как он обозначает не просто явление языка, а его функционирование в реальных условиях. Н.Д. Арутюнова дает следующее определение дискурса: «Дискурс (от франц. *discours* – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [1, с. 136-137]. Условно можно выделить три основные группы критериев интерпретации данного понятия.

К первой группе относится *лингвистическое употребление*. Исторически первое упоминание данного термина в таком значении встречается в статье «Дискурс-анализ» (<https://studylib.net/doc/25193085/discourse-analysis>) американского лингвиста З. Харриса в 1952 году. Под «дискурсом» ученый понимает «последовательность предложений, произнесенную (или написанную) одним (или более) человеком в определенной ситуации» (“the sentences spoken or written in succession by one or more persons in a single situation”). Такое определение дискурса, считает автор, не уменьшает полезности анализа, поскольку все языковые явления внутренне взаимосвязаны (“This restriction to connected discourse does not detract from the usefulness of the analysis, since all language occurrences are internally connected”). Эта теория подтверждает определение Н.Д. Арутюновой про «речь, погруженную в жизнь». Преимущественно первая группа интерпретаций термина «дискурс» представлена в англоязычной научной традиции.

Вторая группа употреблений термина «дискурс» сформирована идеями М. Фуко. Термин «дискурс» описывает *способ говорения* и имеет определение – *какой или чей дискурс* [4, с. 47-97]. Исследователи интересуются не дискурсом в целом, а его конкретными разновидностями, которые задаются широким набором параметров: языковыми отличительными чертами, стилистической спецификой, спецификой тематики и систем убеждений, а также способов рассуждения и т.д. Дискурс рассматривается с точки зрения стилистической специфики и стоящей за ней идеологии. Такое понимание термина представляется *социологическим*, т.к. указание на автора речи или на ее особенности может

рассматриваться как коммуникативное своеобразие автора, оратора или объекта дискурса. Это может быть конкретный человек (дискурс Пелевина), абстрактный объект (дискурс веры) или групповой объект (студенческий дискурс).

Третья группа употреблений термина «дискурс» связана с именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса. Дискурс представляет собой *идеальный вид коммуникации*, который осуществляется в максимально возможном удалении от социальной реальности, авторитета, традиций, коммуникативной рутины и т.д. Своей целью дискурс имеет критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации. Связь между языком и политикой очевидна.

Таким образом, дискурс – это неотъемлемая часть любых социальных отношений, так как одновременно формирует эти отношения и формируется ими сам. Необходимо отметить, что специфика политики заключена в ее преимущественно дискурсивном характере, в отличие от некоторых других сфер человеческой деятельности. Исходя из широкого понимания термина «политический дискурс», его можно охарактеризовать как совокупность всех речевых актов, которые используются в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, исторически проверенных опытом [5, с. 44].

Многие политические действия являются речевыми действиями. Е.И. Шейгал отмечала в свою очередь, что политический дискурс является своеобразной знаковой системой, в которой осуществляется модификация семантики и функций языковых единиц и речевых действий [6, с. 298].

Лингвистические особенности политического дискурса позволяют политикам грамотно вести диалог и влиять на собеседника или слушателя, убеждая их в своей правоте. С целью приобретения политического веса и популярности политик должен уметь находить выход из сложных ситуаций, используя свое ораторское искусство и нестандартное, но рациональное мышление.

Обращаясь к наиболее значимым лингвистическим особенностям политического дискурса, стоит отметить тщательный выбор и употребление синтаксических конструкций, в первую очередь активного и пассивного залога. *Активный залог* используется политиками в речи в рамках обращения к народу для того, чтобы показать готовность к выполнению обещаний и действию в целом:

- *But you know what? We have never had an empty seat.* [9]
- *You know, they always talk about the Democrats. They have enthusiasm, right? We have so much more enthusiasm than them.* [9]

В этих примерах также заметно противопоставление неопределенно-личных конструкций или вполне конкретных личных, выраженных местоимениями “they” и “we”, что подчеркивает значимость Дональда Трампа, его команды и партии.

Употребление глагола в *пассивной форме* позволяет перефокусировать внимание слушателей с действующего лица, сняв тем самым некоторую степень ответственности с него за какие-либо действия:

- *In recent months, our nation, and the entire planet, has been struck by a new and powerful invisible enemy.* [11]
- *Hunter got thrown out of the military. He was thrown out dishonourably discharged.* [7]

Одним из самых частых и действенных приемов привлечения внимания, а точнее создания эффекта вовлечения каждого слушателя «в разговор», является постоянное употребление вопросительных предложений, часто риторических вопросов. Этим также славится Д. Трамп:

- *And you know they went after us on everybody knows the wall is going up. So what's happening? You do know who's paying for the wall, don't you?* [9]
- *Remember when I closed the borders to certain areas of the world? I took a lot of heat.* [8]

Для достижения большего эффекта Д. Трамп часто прибегает к *повторам*:

- *The March for Life is a movement born out of love: you love your families; you love your neighbors; you love our nation; and you love every child born and unborn, because you believe that every life is sacred, that every child is a precious gift from God.* [10]

• *Together, we will write the next chapter of the Great American Story. <...> We are delivering lifesaving therapies, and will produce a vaccine BEFORE the end of the year, or maybe even sooner! We will defeat THE VIRUS, end the pandemic, and emerge stronger than ever before. <...> But in this country, we don't look to career politicians for salvation. In America, we don't turn to government to restore our souls – we put our faith in Almighty God. <...> Your vote will decide whether we protect law abiding Americans, or whether we give free reign to violent anarchists, agitators, and criminals who threaten our citizens.* [11]

Определенное влияние оказывает также еще один излюбленный прием Д. Трампа – *градация*. Она относится к лексико-грамматическим стилистическим приемам:

• *These pioneers didn't have money, they didn't have fame – but they had each other. They loved their families, they loved their country, and they loved their God!* [11]

• *Americans have steel in their spines, grit in their souls, and fire in their hearts.* [11]

Для американского политического дискурса характерно употребление экспрессивных средств грамматического уровня. На примере публичных выступлений президента США Д. Трампа нам удалось проиллюстрировать особенности политического дискурса, который относится, по нашему мнению, ко второй группе, т.е. к социологическому типу дискурса.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
2. Лобзов Р.А. Стилистические особенности политического дискурса Дональда Трампа и Терезы Мэй / Р. А. Лобзов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – №19 (205). – С. 401-403.
3. Филоненко Т.А. Жанрово-стилистические характеристики англоязычного научно-методического дискурса: Автореферат дис. кандидата филологических наук: 10.02.04. – Самара, 2005. – 20 с.
4. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. М. : Магистериум, 1996. – С. 47-97.
5. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие. М. : Наука, 2007. – 256 с.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. – 324 с.

Электронные ресурсы

(транскрипты публичных выступлений Д. Трампа):

7. Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript 2020 [Electronic resource]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-1st-presidential-debate-transcript-2020> (дата обращения: 04.04.2021)
8. Donald Trump Charlotte, North Carolina Rally Transcript [Electronic resource]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-charlotte-northcarolina-rally-transcript-trump-holds-rally-before-super-tuesday> (Дата обращения: 15.03.2021)
9. Donald Trump New Hampshire Rally Transcript February [Electronic resource]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-new-hampshirerally-february-10-2020> (дата обращения: 13.03.2021)
10. President Trump's historic speech to 2018 March for Life [Electronic resource]. – URL: <https://www.lifesitenews.com/news/full-text-president-trumps-historic-speech-to-march-for-life> (дата обращения: 22.02.2022)
11. Trump D. President Trump's Republican National Convention Speech. [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/08/28/us/politics/trump-rnc-speech-transcript.html> (дата обращения: 22.02.2022)

10.02.04

Л.Г. Юсупова

Уральский государственный горный университет,
Екатеринбург, lyalyax@bk.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена вопросам принципа антропоцентризма, в основе которого лежит выдвигание на первый план общего субстанционального характера человеческой сущности. Автор статьи отмечает, что для настоящего исследования больший интерес представляет изучение именно антропоморфной природы языка с выявлением конкретных лингвокогнитивных механизмов образования соответствующей лексики. Индивид накладывает строение своего организма на собственные представления о мире, что в дальнейшем и приводит к появлению антропоморфных метафор. Автор рассматривает антропоморфную метафору как универсальное средство мышления и перенесения человеческих признаков: названий частей тела, его форм, размеров, эмоций на предметы окружающего мира исходя из прожитого опыта.

Ключевые слова: *антропоцентризм, антропоморфизм, антропоморфная метафора, картина мира.*

Описывая принцип антропоцентризма, Вильгельм фон Гумбольдт отмечает, что «познание человека нельзя считать полным без изучения языка, которым владеет субъект». В основе принципа антропоцентризма лежит выдвигание на первый план общего субстанционального характера человеческой сущности. Именно этот принцип относят к одному из главных факторов в построении картины мира. В этой связи имеет смысл процитировать А. П. Чудинова, который говорит, что «создаваемая человеком картина мира изначально антропоцентрична: этот мир строится разумом человека, который концептуализирует... реалии, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира» [7].

Принцип антропоцентризма находит проявление в языке в качестве антропоморфизма, который мы также рассмотрим в данной работе. Основываясь на данном утверждении, можем отметить, что антропоморфизм стоит, вне сомнения, ближе к языку. Исходя из этого, для настоящего исследования больший интерес вызывает изучение именно антропоморфной природы языка с выявлением конкретных лингвокогнитивных механизмов образования соответствующей лексики.

Начиная с античных времен, метафору рассматривали как стилистический прием, который служит для создания образности в языке, и исследовали в рамках поэтики, стилистики и риторики. Основоположителем учения о метафоре считается Аристотель и именно на его определении строятся все дальнейшие изучения метафоры многими исследователями. Аристотель определяет метафору как «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [2].

В «Большом энциклопедическом словаре» под редакцией Н. В. Ярцевой метафора трактуется как «троп, или механизм речи, суть которого состоит в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименование второго класса объектов, аналогичного данному в каком-либо соотношении» [8, с. 296].

Интересным видится определение природы метафоры, выдвинутое представителем аналитической философии М. Блэком. Он, «сняв покров тайны метафоры», сравнивает ее с закопченным стеклом, сквозь которое мы смотрим на мир. Так же человек смотрит на главный субъект метафорического суждения сквозь метафорическое выражение [3]. Современное понимание метафоры основано на гипотезе Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафора – важнейшее средство создания языковой картины мира. В ее основе лежит осмысление одного понятия в терминологии другого [6].

Наиболее распространенным в лингвистике определением метафоры является следующее: «Метафора (метафорическая конструкция) – уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования или характеристики других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [5].

Исследования когнитивной лингвистики последних лет показали, что с древнейших времен человек в словах воссоздает картину мира, используя антропоморфные формы представлений об окружающей действительности. Индивид накладывает строение своего организма на собственные представления о мире, что в дальнейшем и приводит к появлению антропоморфных метафор. Иными словами, человек создает действительность, отталкиваясь от собственного тела, органов, физических потребностей и связей с родственниками.

Антропоморфная метафора и в русском, и в английском языках раскрывает семантическое пространство и дает понимание структуры языковой единицы как универсального средства мышления и перенесения человеческих признаков: названий частей тела, его форм, размеров, эмоций на предметы окружающего мира исходя из прожитого опыта [4].

Роль человеческого фактора в языке, имеет две стороны: перенос наименований, связанных с человеком, на другие предметы и явления и обратный процесс, когда в окружающих объектах и живых существах прослеживается модель собственного поведения, видится сходство с самим собой.

Интересно отметить, что в концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона такие метафоры, как *foot of the mountain*, *head of a cabbage*, *leg of a table* относятся к разряду несистемных. Авторы считают такие метафоры мертвыми, в отличие от «живых» типа *wasting time*, *attacking positions*. По нашему мнению, такие метафоры, как *foot of the mountain/hill*, *head of the mountain/river/column*, *shoulder of the mountain/bottle* и т.п. нельзя считать несистемными, изолированными, поскольку, во-первых, это довольно продуктивная модель (добавим сюда, например, *the heart of the mountain*, *the cheek of the mountain*; заметим, что только со словом *head* таких сочетаний более 100), во-вторых, антропоморфные модели частотны и ни в коем случае не изолированы.

Таким образом, в данной работе было представлено обоснование антропоцентрического принципа, который находит проявление в языке через антропоморфизм, и поэтому гораздо ближе к языку, а также рассмотрение антропоморфных метафор как механизмов описания образного пространства.

Список литературы

1. Аржанова И.А. Функции антропоморфной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (139). С. 161-164.
2. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. — М.: Мысль, 1983, с. 699.
3. Блэк М. 1990. Метафора «Models and Metaphors». В кн.: Теория метафоры. М., Прогресс: 153-172.
4. Бурмакова Е.А. Антропоморфная метафора в художественном дискурсе (на материале автобиографических рассказов В.М. Шукшина) [Текст] / Е.А. Бурмакова, Н.И. Маругина // Научный диалог. – 2015. -№3 (39). – С. 29-45.
5. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000. с. 177-178
6. Лакофф Дж., Джонсон М. 2008. Метафоры, которыми мы живём. М., URSS, 256 с.
7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография [Текст] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. – 238 с.
8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд-е 2-е. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

Р.К. Ахметгареева, М.К. Гулканян

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
кафедра иностранных языков,
Казань, rozateacher@mail.ru, mgerandmary@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ И ВНЕДРЕНИЯ НА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЯХ
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ УЧЕБНО-РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ**

В статье рассматриваются вопросы разработки и внедрения на учебных занятиях по иностранному языку востребованных временем учебно-речевых ситуаций. Главный акцент сделан на необходимости готовить наших специалистов к реальной инженерной деятельности с учетом мировых тенденций. Сегодня важно научить выпускник вуза самостоятельно ориентироваться в иноязычной среде, уметь обрабатывать материалы на иностранном языке.

Ключевые слова: конкурентоспособность, иноязычная среда, ситуативный подход, образовательный процесс.

Считаем, что каждый здравомыслящий человек сегодня внимательно следит за мировой ситуацией. Наше государство максимально подвергнуто антироссийским санкциям. Вводимые сегодня очередные запреты (ограничительные меры) со стороны США, западных и иных недружественных нам стран, требуют в кратчайшие сроки внести изменения и в сферу подготовки современных, конкурентоспособных специалистов. Однако, как думают многие эксперты, даже в условиях максимальной изоляции, разрыва в различных сферах деятельности, сокращения международного информационного обмена иностранный язык по-прежнему будет востребован.

Рассматривая проблемы разработки и внедрения на учебных занятиях по иностранному языку востребованных временем учебно-речевых ситуаций, необходимо несколько слов сказать о важности языковой подготовки в стенах вуза. На каждом курсе обучения студент продвигается в составе своей учебной группы по пути познания различных учебных дисциплин. На учебных занятиях по иностранному языку обучающийся погружается в сложный процесс поиска соответствующего эквивалента, ему предстоит найти синонимы и антонимы, перевести с одного языка на другой. Как отмечают многие студенты-выпускники, овладение иностранным языком прямым образом оказывает воздействие на содержание базовых основ профессиональной подготовки. Изучение иностранного языка ведет к уточнению всего содержания профессионально-релевантных дисциплин. В итоге это прямым образом способствует развитию профессионального интеллекта. На занятиях по иностранному языку активизируются самые различные психические процессы: внимание, память, мышление, речь и т.д. В дальнейшем они позволяют достичь студенту успехов в решении самого широкого круга профессиональных задач.

Начиная подготовку к занятию, преподаватель заранее, с учетом требования времени, обязан создавать для каждой учебной группы проект общения на иностранном языке. Как отмечают многие преподаватели казанских вузов, одним из наиболее эффективных средств обучения иностранному языку являются учебно-речевые ситуации. Под речевой (коммуникативной) ситуацией понимается ситуация общения, определяемая как совокупность обстоятельств, вызывающая необходимость обращения к речи в целях воздействия одного человека на других людей в процессе деятельности. Важно учитывать и различные каналы коммуникации, каким образом происходит обмен информацией.

Проведённый опрос преподавателей иностранного языка об их отношении к ситуативному подходу на занятиях показал, что более 43% считают данный метод наиболее востребованным, он позволяет максимально направлять студента к профессиональной сфере, формировать у него профессиональную готовность. На выходе для преподавателя показателями успешности являются готовность будущего инженера к применению иностранного языка в профессиональной сфере, сформированные предметно-речевые способности, умение читать и переводить любую документацию и т.д. Анализируя различные источники о вводимых запретах в различных сферах науки, техники, производства и т.д. со стороны недружественных стран, мы все более четко понимаем, что импортные технические устройства необходимо в кратчайшие сроки заменить отечественными и даже превосходящими по своим показателям техническими аналогами. Многие понимают, что без чтения и изучения иноязычной документации, литературы в той или иной области науки будет затруднительно достичь хороших результатов.

Чтобы лучше понять, как зависит успешность будущего специалиста от применения иностранного языка в профессиональной сфере обратимся к понятию профессиональной готовности выпускника именно к инновационной сфере деятельности. Не вдаваясь в различные определения по вопросам готовности специалистов к работе в той или иной сфере деятельности, уточним, что для нас важен вопрос, насколько безболезненно будет готов выпускник приступить к решению поставленных перед ним задач на производстве. Проводимый в течение всего исследования сбор эмпирических данных осуществлялся методами экспертной оценки, анкетного опроса, традиционного анализа документов и т.д. Анкетный опрос студентов проводился на заключительном этапе обучения. Рассматривая готовность будущего инженера к профессиональной деятельности, мы основное внимание в исследовании сосредоточили на той части профессиональной готовности будущего специалиста, которая характеризует его способности и возможности соответствовать современным требованиям производства, отражает весь потенциал личности инженера. В нашем понимании готовность специалиста-выпускника включиться в сферу производства это – основное социальное качество личности, отражающее степень соответствия молодого специалиста к возрастающим требованиям конкретного производства. Готовность характеризуется мотивированной функциональностью субъекта профессиональной деятельности на основе сформированного уровня профессионально важных свойств и характеристик, базовых профессиональных компетенций.

На кафедре иностранного языка КГАСУ для каждого курса обучения преподавателями заблаговременно создаются учебно-речевые ситуации. Они несут предметно-деятельностный аспект взаимодействия. Как нам представляется, наряду с рядом важных функций наиболее важной является общепедагогическая функция. Она позволяет с использованием смоделированной учебно-речевой ситуации раскрыть возможность формирования речевых умений через решение речемыслительных задач. Решаемые на занятиях учебно-речевые ситуации воссоздают наиболее реальное речевое взаимодействие.

Для наглядности рассмотрим основные этапы формирования учебно-речевых действий. На начальном этапе преподаватель ставит задачу провести в конце занятия по изучаемой теме ролевою игру. Предлагается тематика: «Работа в составе иностранной делегации по вопросам технического обслуживания технических систем безопасности на объекте». Последовательно в составе учебной группы обсуждаются различные ситуации, возникающие на пути решения поставленных задач, подбираются речевые действия. Касательно представленной тематики (работы в составе иностранной делегации) студент должен быть готов к иноязычному общению от этапа встречи партнеров, что предполагает начало установления речевого контакта, представление делегации и др. Следующий этап - это уточнение некоторых данных, что включают в себя технические системы безопасности, учет пожеланий иностранных партнеров относительно регламента, размещения, организации питания и т.д. Студенты готовят изученные ими ранее слова и выражения, которые нужны для совершения выделенных действий и могут использовать учебно-методическую

литературу. Другими словами, в дидактике это обозначают проблемной ситуацией: сначала формируется потребность в знаниях, потом эти знания сообщаются преподавателем или добываются самостоятельно.

Как мы видим, приступая к решению поставленной задачи или возникшей профессиональной ситуации, студент самостоятельно на начальном этапе делает попытку использовать известные ему способы действия. На обозначенном этапе решения задачи студенту недостаточно просто владеть логическими операциями, необходимы общие умственные способности. Студенту необходима мобильность, позволяющая видоизменять задачи, находить новые способы их решения, разумно переходить от одного способа к другому более рациональному и др.

Список литературы

1. *Ахметгареева Р.К.* Внедрение в образовательный процесс профессионально значимых учебно-речевых ситуаций при подготовке линейных инженеров //Казанская наука. - 2019. - №7. С.82-85.
2. *Вайсбурд М.Л.* Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке. -М.: Титул, 2001.-128с.
3. *Кирсанов А.А., Жураковский В.М., Приходько В.М., Федоров И.В.* Основы инженерной педагогики.-М.: МАДИ (ГТУ); Казань: КГТУ,2007.-498с
4. *Ратнер Ф.Л.* Развитие межкультурной коммуникации в курсе обучения иностранным языкам в высшей школе // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Материалы международной научной конференции 14-15 ноября 2003 г. Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. С.42-44.

10.02.19

А.Ф. Барышников, В.В. Белоконь

Военный университет им. князя Александра Невского Минобороны России,
кафедра средневосточных языков,
Москва, afbaryshnikov@yandex.ru, vbelokon@yandex.ru

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕННОЙ ЧАСТИ ПЕРСИДСКОГО СЛОЖНОГО ГЛАГОЛА

В статье детально анализируется именная часть сложного глагола по признаку категориальной принадлежности составляющих её лексических единиц. Акцент делается на арабских элементах в роли именной части, как численно превосходящих лексику иранских корней. Авторы приходят к выводу о большом потенциале образования новых сложных глаголов по модели «именная часть плюс компонирующий глагол».

Ключевые слова: *именная часть, сложный глагол, компонирующий глагол, многочленный глагольный фразеологизм, категориальная принадлежность, словообразовательная модель.*

По нашему мнению, прежде чем дать характеристику категориальной принадлежности именной части сложного глагола персидского языка, необходимо уточнить, что абсолютно все глаголы, построенные по модели «ИЧ плюс КГ» (в целях краткости изложения мы будем использовать общепринятые в лингвоиранистики аббревиатуры, такие как СГ – сложный глагол, ИЧ – именная часть, КГ – компонирующий глагол и МГФ – многочленный глагольный фразеологизм) вне зависимости от состава их ИЧ (в том числе и МГФ) относятся к категории СГ. Выделение каких-то особых групп СГ некорректно. Ю.А. Рубинчик в своей Грамматике уже отмечал разнообразие категориальной принадлежности ИЧ СГ [1, с.218]. В первую очередь мы проанализируем в качестве ИЧ одночленных СГ лексику исконно персидских корней в порядке соотнесенности с конкретными частями речи. Все примеры СГ даются в одном значении без учета их многозначности.

Персидские существительные как ИЧ. Использование существительных в качестве ИЧ создает СГ, в основном, активного действия. Отмечается структурное разнообразие существительных как ИЧ. Это могут быть существительные как предметного, так и абстрактного значения. Простые существительные: چشم انداختن – смотреть; گوش دادن – слушать; سرما خوردن – простудиться). Производные существительные: پیروزی یافتن – победить; پیروی کردن – сопровождать; آگاهی دادن – оповещать). Полуаффиксальные существительные: همکاری کردن – сотрудничать; دستگیر کردن – ловить; دل شکسته کردن – огорчать). Сложные (копулятивы и детерминативы) существительные: نان و آب داشتن – приносить доход; گفتگو کردن – разговаривать, вести переговоры; تیرباران کردن – расстреливать).

Целый ряд СГ с ИЧ существительными как персидского, так и арабского происхождения имеют фиксированное предложное управление. В таких случаях предлог является органическим элементом ИЧ (در چیزی تاثیر گذاشتن – достигать ч.-л.; دست به چیزی یافتن – влиять; از چیزی استقبال کردن (کسی) – встречать, приветствовать; بر چیزی تأکید کردن – подтверждать). У некоторых глаголов при сохранении основного состава ИЧ замена предлога ведет и к смене значения (از چیزی دیدار کردن – посещать, наносить визит; با کسی دیدار کردن – встречаться с к.-л.). В глаголе چیزی را به کسی تبریک گفتن – поздравлять к.-л. с ч.-л. несоблюдение фиксированного предложного управления ведет к смысловой ошибке.

Персидские прилагательные как ИЧ. Персидские прилагательные как демонстраторы признака эту же функцию выполняют в качестве ИЧ СГ. В подобных глаголах достаточно четко определяются залоговые отношения (نزدیک کردن – приближать и نزدیک شدن – приближаться). Чаще ИЧ являются простые качественные прилагательные (تیز کردن – точить; پاک کردن – чистить). В синонимичных глаголах (پیروز آمدن и پیروزمند شدن – побеждать) ИЧ представлена простым и производным прилагательными.

Своеобразно речевое использование антонимичных глаголов (خوش آمدن – нравиться и بد آمدن – не нравиться). Лицо показывается местоименной энклитикой после ИЧ, а КГ остается во временной форме третьего лица единственного числа (خوشم میاید – «мне нравится» и آمد بدشان – «им не понравилось»). Имеют место именные и глагольные полуаффиксальные и сложные прилагательные как ИЧ (بد گمان شدن – ревновать; روسیاه کردن – позорить; زنگ بودن – нетерпеливо ждать; چشم زد کردن – мигать).

Иные персидские части речи и словоформы как ИЧ. СГ с наречиями и местоимениями в роли ИЧ незначительное количество, но отметить их необходимо (دیر کردن – опаздывать, задерживаться; بهم آمدن – собираться вместе). В этих примерах ИЧ являются наречия. Притяжательное местоимение خود, широко употребляемое с различными оттенками значения в живой речи, оставило свой след и при образовании СГ (از خود رفتن – терять сознание; به خود آمدن – приходиться в себя). У этих глаголов фиксированное предложное управление. В глаголе از خود نشان دادن – «проявлять к.-л. качества» местоимение خود является обязательным смысловым элементом ИЧ. Это местоимение часто фигурирует в многочисленных МГФ (خود را به آب و آتش زدن – идти на риск).

Достаточно широко в функции ИЧ используются неличные формы глаголов. Редкий случай – инфинитив в роли ИЧ (دیدن کردن – посещать, осматривать). Причастие прошедшего времени дают достаточное число примеров (برآورده کردن – выполнять, осуществлять; پیوسته کردن – соединять; کوفته کردن – утомлять, изнурять). Причастия настоящего времени (خواهان بودن – желать). Следует отметить, что все причастия иранских корней играют атрибутивную роль. Основы настоящего времени: تاب خوردن – скручиваться; گیر افتادن – попасть в беду. Основы прошедшего времени: در آمدن کردن – приступать; گشت زدن – гулять.

В ряде случаев весьма затруднительно определить природу ИЧ. Например: شکست خوردن – потерпеть поражение. Что собой представляет شکست как ИЧ? Или это субстантивированная основа прошедшего времени глагола شکستن, или исконное существительное, от которого образован двузальный отыменный глагол?

Арабские элементы как ИЧ. Подавляющее превосходство арабской лексики в словарном составе персидского языка привело и к численному преобладанию персидских СГ с ИЧ арабского происхождения над СГ с исконно иранской ИЧ. Большую часть арабизмов в роли ИЧ составляют арабские масдары (имена действия) и причастия, выполняющие в персидском языке атрибутивную функцию и часто субстантивирующиеся.

Здесь мы еще раз считаем необходимым подтвердить нашу принципиальную позицию в отношении арабских элементов в персидском языке. При безбрежном количестве арабизмов в словарном составе современного персидского языка весь этот массив заимствован на лексическом уровне. Никаких арабских грамматических явлений и процессов в персидском языке не существует и не происходит. Несмотря на многовековое воздействие, начиная с VII века, арабского языка на персидский и некоторый период арабизации персидского языка сразу после так называемой исламской революции грамматического подчинения персидского языка арабскому не произошло. Исключительно благодаря стойкости своего грамматического строя персидский язык не утратил национальный характер и не превратился в некий диалект арабского языка. Естественно, арабская лексика вошла в

персидский язык в своих арабских грамматических формах, и мы анализируем ее с учетом арабской грамматики, но только в целях уяснения ее природы и, в первую очередь, ее значений, и не более того.

В функции ИЧ персидских СГ выступают масдары и причастия всех 9 наиболее употребительных арабских пород (1-8 и 10 породы). Напомним, что система арабских пород – это, по сути дела, арабская глагольная система, но персидский язык заимствовал только отглагольные имена, т.е. масдары и причастия.

I порода: عمل کردن – действовать; عمر کردن – жить; معلوم کردن – узнавать;

II порода: تسليم کردن – вручать; تقسیم کردن – делить; مشتق شدن – ответвляться; مزین شدن – украшаться;

III порода: مداخله کردن – вмешиваться; مبارزه کردن – бороться; مبارز طلبیدن – вызывать на бой; محاطب ساختن – обращаться с речью;

IV порода: اصلاح کردن – исправлять; احساس کردن – чувствовать; محکم کردن – укреплять; مجری داشتن – исполнять;

V порода: تشکر کردن – благодарить; تسلط کردن – господствовать; متوجه شدن – обращать внимание; متجسم شدن – воплощаться;

VI порода: تکامل بخشیدن – совершенствовать; تفاوت گذاشتن – различать; متوافق بودن – соответствовать; متقاطع شدن – пересекаться;

VII порода: انکشاف کردن – обнаруживать; انطباق دادن – сопоставлять; منقسم شدن – делиться; منکسر شدن – ломаться;

VIII порода: انتقال دادن – перемещать; احتمال دادن – предполагать; منتشر شدن – издаваться; منتظر شدن – ждать;

X порода: استعمال کردن – использовать; استعفاء دادن – подавать в отставку; مستقد شدن – размещаться; مستفهم شدن – просить разъяснения.

Встречаются абсолютные синонимы с однокорневыми ИЧ. Например: انتصاب کردن и منتصب کردن – назначать на должность.

При богатстве морфологических форм заимствованных персидским языком арабизмов помимо масдаров и причастий и иные арабские лексические единицы служат ИЧ при образовании персидских СГ. Арабские абстрактные существительные (رقابت کردن – соперничать; شجاعت کردن – проявлять отвагу). Арабские прилагательные (کثیف کردن – пачкать; غنی شدن – богатеть). Имя места и времени (مورد داشتن – иметь повод к ч.-л.). Арабские сложные слова (فارغ التحصیل شدن – окончить учебное заведение).

Одним из признаков полной ассимиляции иноязычных лексических заимствований является их словообразовательная активность в рамках нового языка. В персидском языке арабизмы – это неиссякаемый деривационный материал при образовании производных, полуаффиксальных и сложных слов, но уже по персидским словообразовательным моделям. Многие из этих новых словообразований пополняют персидские СГ в качестве ИЧ. Производные слова (عملی کردن – осуществлять; اجرائی شدن – выполняться). Полуаффиксальные слова (مسخره بازی کردن – шутить; ماتم داری کردن – соблюдать траур). Сложные слова (مادر غم شدن – прибедняться; بحث و مذاکره کردن – обсуждать).

Европеизмы как ИЧ. Западноевропейские лексические заимствования, в первую очередь, англицизмы проявили себя и при образовании персидских СГ. Известные области влияния европеизмов на словарный состав персидского языка: общественно-политическая, военная, спортивная и, в основной массе, научно-техническая терминология, в том числе глагольная. «Классовая ненависть» исламского руководства Ирана ко всему западному сказалась и на языковой политике. Иранским меджлисом был принят закон о запрете использования западноевропейских заимствований в официальной сфере. Но язык в своем развитии не подчиняется указам и распоряжениям, и объективно процесс лексических заимствований из

европейских языков не прекращался и не прекращается. При языковых контактах язык – рецептор играет активную роль и заимствует только то, что ему необходимо. В глагольной системе это отображения тех действий, для которых нет своего национального эквивалента. Число западноевропейских лексических заимствований постоянно множится: پاراف کردن – визировать; وتو گذاشتن – налагать вето; پارتی داشتن – пользоваться протекцией; تویت کردن – размещать информацию в электронных средствах; بلوک کردن – блокировать; بوکس زدن – боксировать; گل زدن – забивать гол ...

Многочленные глагольные фразеологизмы. МГФ, являясь неотделимой частью персидской глагольной системы, обладают рядом специфических характеристик, что делает их предметом особого рассмотрения. Полноценное описание МГФ мы находим в труде Ю.А. Рубинчика «Основы фразеологии персидского языка» [2, с.192-201]. Мы ограничим себя рассмотрением ИЧ МГФ в сопоставлении с обычными СГ. Различие между МГФ и типичными СГ проявляется в двух планах, структурном и семантическом. Если у, так сказать, рядового СГ ИЧ выражена одной лексемой, то у МГФ ИЧ – это целое словосочетание. Значение обычного СГ напрямую зависит от значения его ИЧ. МГФ, представляющее собой центр глагольной фразеологии, с течением времени утратили свою мотивированность и сейчас их значение – это не сумма значений лексических единиц, составляющих их ИЧ, а обобщенное глагольное значение. Здесь нужно иметь в виду, что степень мотивированности значения МГФ может быть различной. К слову, МГФ в персидской фразеологии составляют бóльшую часть по сравнению с именными фразеологизмами. Вот примеры немотивированных глагольных фразеологизмов: (سر کسی با – دست کسی را کار کوتاه کردن – оставлять дело неоконченным); تن سنگینی کردن – рисковать жизнью).

Наше рассмотрение характеристик ИЧ персидских СГ свидетельствует о категориальном и словообразовательном многообразии лексических единиц, составляющих ИЧ. По признаку источника лексики становится очевидным преобладание арабизмов в роли ИЧ в силу количественного преимущества арабских элементов в словарном составе современного персидского языка, в котором возможности образования новых СГ поистине безграничны. В целом, персидское грамматическое явление «сложный глагол» оставляет широкое поле для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М. Восточная литература. РАН. 2001.
2. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. М. Наука. 1981.
3. Персидско-русский словарь. 2 тома. Под редакцией Ю.А. Рубинчика. М. Русский язык. 1985.

10.02.19

А.Ф. Барышников, В.В. Белоконь

Военный университет им. князя Александра Невского Минобороны России,
кафедра средневосточных языков,
Москва, afbaryshnikov@yandex.ru, vbelokon@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И КРАТКИЙ АНАЛИЗ ИМЕННОЙ ЧАСТИ ПЕРСИДСКОГО СЛОЖНОГО ГЛАГОЛА

В статье раскрывается история изучения персидского сложного глагола, делается краткий анализ его именной части, а также приводится авторская позиция в отношении данного грамматического явления.

Ключевые слова: сложный глагол, именная часть, компонирующий глагол, словообразовательная модель, деривационные возможности.

Понимание сущности персидского языкового явления «сложный глагол» формировалось постепенно. Двое из основоположников современной лингвоиранистики Л.С. Пейсиков и Ю.А. Рубинчик внесли значительный вклад в разработку теории персидского сложного глагола.

В целях краткости изложения в последующем мы будем использовать общепринятые в лингвоиранистики аббревиатуры, такие как СГ – сложный глагол, ИЧ – именная часть, КГ – компонирующий глагол.

Л.С. Пейсиков в «Очерках по словообразованию персидского языка» дает следующее определение сложного глагола: «Персидские «сложные глаголы» – глагольные устойчивые единицы, представляющие собой соединение так называемой именной части и компонирующего служебного глагола» [4, с.13]. В некоторых случаях Л.С. Пейсиков называет ИЧ словоморфемой. «Соединение словоморфемы с компонирующим служебным глаголом является особым типом сложного слова или «гибридным» образованием – промежуточным звеном между фразеологической единицей и сложным словом, характерным для персидского и многих других иранских языков» [4, с.14].

В «Лексикологии современного персидского языка» Л.С. Пейсиков вновь обращается к проблеме СГ. «Основная масса новых глагольных лексем образована за счет широкого развития фразеологических моделей типа «имя плюс компонирующий глагол» (так называемые сложные глаголы)» [3, с.69]. И далее: «Неоднократно отмечалось, что глагольная система персидского языка отличается огромной массой так называемых сложных глаголов – глагольных устойчивых двухкомпонентных (трехкомпонентных) сочетаний, функционирующих наряду с простыми и префиксальными глаголами для обозначения действий, состояний, процессов... В новоперсидский период фразеологическое моделирование становится главным путем пополнения глагольной системы» [3, с.108-109].

Что обращает на себя внимание в вышеперечисленных высказываниях Л.С. Пейсикова? Постоянное употребление Л.С. Пейсиковым оборотов «так называемые сложные глаголы», «так называемая именная часть» свидетельствует о скептическом отношении к самим этим терминам. Нет единства и в типологизации сложного глагола. Л.С. Пейсиков называет СГ глагольной лексемой, сочетанием, сложным словом, фразеологизмом. То же самое мы видим в обозначениях ИЧ – имя, номинативная часть, именная часть, словоморфема. В 70-е годы господствовала точка зрения на любой СГ как на фразеологизм. Л.С. Пейсиков был сторонником такого подхода. Таким образом, Л.С. Пейсиков не определяет своей однозначной позиции по отношению к сложному глаголу, оставляя пространство для широкого толкования сути этого грамматического явления.

С течением времени и накоплением фактического материала происходили определенные трансформации в подходе к оценке природы СГ, но по-прежнему присутствовала противоречивость суждений. Ю.А. Рубинчик в «Грамматическом очерке персидского языка» (приложении к Персидско-русскому словарю) утверждает: «Однако при всех обстоятельствах сложный глагол – это устойчивое словосочетание, а не слово. Сложные глаголы воспроизводятся как готовые единицы языка с единым значением» [5, с.828]. На наш взгляд, есть определенные смысловые противоречия между первой и второй частями цитаты.

В своем капитальном труде «Грамматика современного персидского литературного языка», вышедшем спустя 15 лет после издания Персидско-русского словаря, в начале раздела «Сложные глаголы» Ю.А. Рубинчик подразделяет СГ на свободные и устойчивые глагольные словосочетания по степени мотивированности их значений и тут же констатирует: «Среди глагольных фразеологизмов в многочисленных грамматиках и учебниках персидского языка выделяются двучленные глагольные фразеологические единицы, называемые сложными глаголами» [6, с.217]. Здесь мы видим, что Ю.А. Рубинчик время от времени возвращается к своей изначальной точке зрения о фразеологичности всех сложных глаголов.

И далее: «По своим фразеологическим и грамматическим свойствам СГ представляют собой весьма пеструю картину: они неоднородны как по семантической слитности компонентов, так и по характеру лексико-грамматических взаимоотношений. Вопросы о природе СГ и его отношении к сложному слову и словосочетанию, о его месте в системе языка, т.е. в грамматике и фразеологии, о его фразеологических и аналитических свойствах не являются до конца выясненными... СГ, обладая всеми семантическими, морфологическими и синтаксическими свойствами глаголов, не являются сложными словами, а представляют собой глагольные словосочетания разной степени устойчивости, компоненты которых сохраняют словесную автономность» [6, с.217]. В целом, можно прийти к выводу, что Ю.А. Рубинчик по сравнению с Л.С. Пейсиков пошёл дальше в понимании сущности персидского сложного глагола.

Мы берем на себя смелость дать собственное определение персидского СГ. Персидский сложный глагол – целостная моделированная (именная часть плюс компонирующий глагол) единица языка и речи, спаянная благодаря обобщенному глагольному значению, определяемому значением его именной части. Основным пунктом в этой формулировке является целостность СГ, смысловая и структурная. Как показывает практика, любые манипуляции с ИЧ приводят к распадению СГ او این کار را کرده است – «Он выполнил эту работу» или او هیچ کاری نکرده است – «Он ничего не сделал». В обоих случаях глагол کار کردن – «работать, заниматься делом» распался, его ИЧ стала второстепенным членом предложения, обретя грамматические показатели выделенности.

Если проводить, так сказать, «спектральный анализ» персидского СГ, с очевидностью обнаруживается разделение функций между ИЧ и КГ. Именная часть – это смысловое начало. При образовании СГ происходит определенная вербализация его ИЧ (ملاقات – «встреча» – ملاقات کردن – «встречаться»; اجراء – «выполнение» – اجراء کردن – «выполнять»).

В ряде случаев наблюдается дистанционное разложение ИЧ по отношению к КГ. Например: کاستی ها در سیاست گذاری ما نباید از مذاکرات سیاسی انتظار رفع مشکلات ساختاری و اقتصادی را داشته باشیم «Мы не должны ожидать от политических переговоров устранения структурных проблем и слабостей в экономическом планировании». Подобного рода «отрыв» ИЧ от КГ – это исключительно стилистический прием акцентации. Рамочная же конструкция – грамматическое свойство небольшой группы глаголов, словарное значение которых не завершено без логической смысловой вставки. Это такие глаголы, как موجب شدن) قرار دادن – «стать причиной чего-то, привести к чему-то»; مورد چیزی – «подвергаться чему-то», مورد چیزی گرفتن – «подвергать чему-то». Указанные глаголы вне рамочной конструкции не используются (سبب کامیابی شدن) –

«привести к успеху», مورد انتقاد قرار دادن – «подвергать критике»). Некоторые глаголы имеют факультативную рамочную конструкцию (به اطاق داخل شدن = داخل اطاق شدن) – «входить в комнату»).

При однородных сказуемых, выраженных СГ с одинаковыми КГ, в рамках предложения первое сказуемое представлено только его ИЧ. این نشست صبح روز دوشنبه آغاز و بعد از چند – «Это заседание началось утром в понедельник и завершилось после нескольких часов обсуждений».

Указанные выше варианты речевого использования СГ ни в коей мере не умоляют принцип слитности СГ как языковой единицы. Персидский СГ – это не простая сумма значений, составляющих его компонентов, а обобщенное глагольное значение. При характеристике любого языкового явления определяющий фактор – его значение, форма всегда вторична.

Представители той или иной знаменательной части речи, не исключая и арабские элементы, которые полностью ассимилировались и, так сказать, «примкнули» к определенной персидской части речи, выступая в роли ИЧ, помимо словарного значения, передали СГ и свои иные семантические характеристики: это, в первую очередь, многозначность. Примеров многозначности персидских СГ под влиянием многозначности их ИЧ бесчисленное множество. Существительное تنظیم – «организация, устройство; приведение в порядок, налаживание; упорядочение, урегулирование; составление (документа)». Глагол تنظیم شدن – «быть организованным, устроенным; налаживаться, упорядочиваться; составляться (о документе)». Прилагательное درست – «правильный, верный, здравый, четкий, прямой; целый, полный; полновесный, полноценный». Глагол درست کردن – «исправлять, поправлять, ремонтировать; устраивать, налаживать, приводить в порядок; делать, изготавливать, производить; фабриковать, придумывать; приготавливать еду».

КГ в составе СГ взял на себя роль показателя грамматических параметров. В исходной инфинитивной форме это залог за редкими исключениями, когда форма КГ не соответствует залогу (مدعی شدن – «утверждать, высказывать свое мнение»; ترقی کردن – «развиваться, прогрессировать»), и через двоякое значение – вид (ترجمه کردن – «переводить и перевести»). Личные формы КГ показывают категории времени, лица, числа, наклонения и конкретизацию аспектных отношений.

Наш краткий анализ именной части персидского сложного глагола в определенной степени свидетельствует о том, что возможности образования всё новых и новых сложных глаголов в персидском языке являются поистине безграничными. В целом, персидское грамматическое явление «сложный глагол» оставляет широкое поле для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Барышников А.Ф. Грамматический аспект при преподавании практического курса общего перевода персидского языка. Соискатель № 2. 2009. Приложение к научному журналу «Вестник Военного университета». М. Военный университет. 2009.
2. Пейсиков Л.С. Лексикология современного персидского языка. М. МГУ. 1975.
3. Пейсиков Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка. М. МГУ. 1973.
4. Персидско-русский словарь. 2 тома. Под редакцией Ю.А. Рубинчика. М. Русский язык. 1985.
5. Рубинчик Ю.А. Грамматический очерк персидского языка. Персидско-русский словарь. Том II. М. Русский язык. 1985.
6. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М. Восточная литература. РАН. 2001.

10.02.19

Р.И. Бачиева, Е.В. Казанская, Г.С. Саидова, В.Б. Черемина

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
факультет лингвистики и журналистики,
кафедра иностранных языков для экономических специальностей,
Ростов-на-Дону, jenni.kot@yandex.ru, gamzatartur4040@gmail.com, vicfoxik@yandex.ru,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства,
кафедра английского и русского языков,
Махачкала, gulbariyat.bagautdinova@mail.ru

ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье рассмотрены особенности влияния процесса цифровизации на базовые ценности русскоязычной языковой личности. Цифровизация понимается как современная глобальная тенденция в развитии экономики, затрагивающая все сферы жизни общества. В ходе анализа текстов, содержащихся в документах национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" получены наборы значений, связанных в сознании русскоязычных респондентов с идентификацией ключевых понятий цифровизации. С помощью программного продукта TextAnalist и ряда методов количественного анализа построена сеть понятий с высоким семантическим весом исследуемого массива текстовой информации. С целью проведения сравнительного анализа в фокус-группах респондентов и выделения вербализованных базовых ценностей русскоязычной языковой личности проведена группировка понятий в тематические группы и их анализ.

Ключевые слова: базовые ценности, семантическая сеть, языковая личность, цифровизация.

В настоящее время ценностная картина мира претерпевает ряд изменений под влиянием цифровизации, затрагивающей все сферы общественной жизни и вызывающей резкий сдвиг ценностных ориентаций человека. Быстро меняющаяся реальность бросает вызов стабильному развитию российского общества. В этих условиях особое значение приобретает изучение, анализ и упорядочение основных ценностей русскоязычной языковой личности сквозь призму цифровизации [1].

Представляется целесообразным решение проблемы систематизации культурных ценностей методами когнитивной и квантитативной лингвистик. Постинновация и решение проблемы обусловлены необходимостью понимания степени ценностных изменений в культурных процессах, протекающих под влиянием цифровизации, что соответствует направлениям "Стратегии научно-технического прогресса" [10].

Теоретическим обоснованием статьи являются идеи Г.И. Богина (1986, 1995), Евсюковой (2001), Байрамовой (2002) о том, что наиболее значимые ценности личности формируются в процессе их вербализация в текстах, созданных этой личностью [2; 3; 4; 8].

Методология лингвокогнитивного анализа разработана в рамках когнитивной лингвистики и использует два подхода: "от значения к языку", где определенное понятие культуры предстает в качестве значения, анализируемое с целью выяснения всех возможных способов его вербализации; и "от языка к смыслу" (семантико-когнитивный), в котором за отправную точку выбирается ключевая языковая единица (слово, словосочетание, поговорка) и исследуются тексты на наличие особых семантических признаков, актуализирующих концепт [4; 5; 6; 7]. Данная работа предполагает применение семантико-когнитивного подхода в рамках лингвокогнитивного метода. Основными методами исследования являются количественный, концептуальный и лингвокогнитивный анализ. Количественный анализ

включает изучение текста с использованием количественных и статистических методов. Одной из основных целей количественного анализа является изучение актуализированного смысла текста, его качественного своеобразия, степени интенсивности его свойств на основе существующей связи между количественными и качественными показателями. Метод количественного анализа предполагает учет таких факторов, как фрагментарность, систематичность, объективность, общность. Количественная оценка и характеристика качественных явлений языка неразрывно связаны с изучением сущности рассматриваемого языкового явления [8; 9]. В Программе "Цифровая экономика" и "Стратегии развития информационного общества до 2030 года" цифровизация экономики и общества в целом определяется как процесс повышения эффективности функционирования важнейших социальных институтов путем активного внедрения технологий Четвертой промышленной революции, обработка данных и автоматизация всех процессов [10; 11]. Цифровизация понимается как современная глобальная тенденция в развитии экономики, влияющая на все сферы жизни социума. Деятельность по цифровизации способствует конкурентоспособности страны, качественным преобразованиям, экономическому росту и национальному суверенитету.

Составленная с целью уточнения степени и особенностей влияния цифровизации на мировоззрение русскоязычных респондентов, форма Google содержала вопросы, уточняющие отношение и ценностные оценки процессов цифровизации в различных сферах человеческой жизни. Целью исследования было найти связи между концепцией цифровизации со способностью мыслить и действовать независимо, стимулированием и достижением целей, властью, ресурсами, доминированием, репутацией, общественной и личной безопасностью, традициями, режимом, удовольствием, соответствием, заботой о природе и других, терпимостью, семьей, культурой, искусством, свободой, чувством долга, знаниями, доброжелательностью, правилами и общением [11; 12; 13]. Ответы 200 респондентов были преобразованы в лингвистический текст и проанализированы с помощью системы автоматического анализа текста TextAnalist [13].

Научным результатом исследования является набор вербализованных базовых ценностей, характеризующих русскоязычную языковую личность через призму цифровизации. Респонденты придают большое значение возможностям, росту, ускорению процессов человеческого развития в свете процессов цифровизации. Эти процессы были связаны для респондентов с ответственностью за действия, вопросами независимости и свободы, возможностью общения, социальными сетями и Интернетом, также большое значение коммуникации, отсутствию контроля, соблюдению правил, гармонии, доступности, праву на конфиденциальность, вмешательству в личную жизнь, различных средств массовой информации, функциональности цифровых систем (таргетинг), распределению и делегированию между человеком и компьютером.

В рамках настоящего исследования количественные методы анализа текста позволили классифицировать ценностно-ориентированные лексические единицы лингвистического массива с использованием системы автоматического анализа текста TextAnalist, что стало связано с разработкой специальных лингвистических процедур для обнаружения скрытых и реализованных форм в определенных ситуациях использования языка [15]. Полученные данные были систематизированы в соответствии с весом смысловых связей и ценностным приоритетом респондента. Построение семантических сетей (с помощью технологии автоматического анализа текста) анализируемого текста позволило найти наиболее значимые и ценностно ориентированные понятия из множества концептов текста, увидеть концепты в их связи с другими концептами, а также способы языковой репрезентации.

Таким образом, можно утверждать, что результаты анализа, проведенного в рамках опроса респондентов помогли выявить особенности влияния процесса цифровизации на базовые ценности русскоязычной языковой личности, продемонстрировав различные подходы к пониманию процессов цифровизации, что, несомненно, требует дальнейших исследований.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. - 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2014. – 288 с.
2. *Байрамова Л.К.* Лакунарные фразеологизмы и универсальные концепты языка / Л.К. Байрамова // Слово. Фраза. Текст: Сб. науч. ст. к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. - М.: Азбуковник, 2002. - С. 41-46.
3. *Богин Г.С.* Понимание менталитета и текста. Отв. ред. проф. Г.И. Богин – Тверь: Изд. Тверского ГУ, 1995 – С. 154-161.
4. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.
5. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Анна Вежбицкая; [пер с англ. А. Д. Шмелева]. - Москва : Языки славянской культуры, 2001. - 287 с.
6. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф ; вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и И. И. Чельшевой. - Изд. 3-е изд., стер. - Москва : URSS, 2005.
7. *Воркачев С.Г.* Антология концептов: в 2 Т. / под ред Карасика В. И. , Стернина И. А. - Волгоград: парадигма, 2005. - Т. 1. - 347 с. ; Т. 2. - 355 с.
8. *Евсюкова Т.В.* Словарь культуры как проблема лингвокультурологии / Т. В. Евсюкова; М-во образования Рос. Федерации. Рост. гос. экон. ун-т (РИНХ). - Ростов н/Д: РИНХ, 2001. - 255 с.
9. *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. - Москва: Гнозис. 2019. - 424 с.
10. Цифровая экономика РФ URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>
11. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. — М.: Шк. Культ. Полит., 1995. — 800 с.
12. *Evsyukova T., Glukhova O., Varabanova I., Kotelnikova E.* The foreign language trademarks and axiological code transformation under the host culture influence Published in European Research Studies Journal in 2018 <https://publons.com/p/33901900/> <https://www.ersj.eu/journal/1294>
13. Text Analyst 2.0. персональная система автоматического анализа текста <https://www.analyst.ru/index.php?lang=eng&dir=content/products/&id=ta>

*10.02.19***А.А. Бен Шушан**

Башкирский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра иностранных языков естественных факультетов,
Уфа, mgore2004anna@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕАКТОВОЙ СТРУКТУРЫ ОБОДРЯЮЩЕГО ЭМПАТИЙНОГО ПОСЛАНИЯ

В статье рассматривается речеактовая структура ободряющих посланий, обладающих эмпатическим потенциалом. В качестве речеактовых компонентов эмпатического сообщения выделяются среди прочих эксплицитные и косвенные формы речевого акта пожелания, вокативы, а также одноименный речевой акт одобрения.

Ключевые слова: *вербальная эмпатия, иллюкутивный тип, сфера сопереживания, ободрение, речеактовая структура, психологическая поддержка.*

На сегодняшний день мировое сообщество, пребывающее в сложном состоянии экономической и социальной турбулентности, как никогда испытывает дефицит в гуманизации всех отраслей человеческого бытия, в том числе в области межличностного общения. В процессе межличностного взаимодействия проявление таких нравственных черт как человечность, доброта, отзывчивость, является в наши дни ценнейшим качеством речевого поведения и свидетельствует о способности коммуникантов проявлять вербальную эмпатию.

Цель работы – выявление особенностей речеактовой структуры ободряющих посланий сферы сопереживания вербальной эмпатии, включающей несколько речевых актов разных классов. Выявление приоритетной сочетаемости речевых актов в пределах одного эмпатийного послания в монотематической ситуации, связанной с проведением спецоперации на Украине. Материалом исследования послужили вербальные сообщения со словами поддержки военнослужащих российской армии, осуществляющих защиту мирных граждан на Украине и в Республиках Донбасса, заимствованные из Интернета.

В межличностной коммуникации эмпатический отклик, вызванный сопереживанием, может быть реакцией на инициальное высказывание адресанта или стать результатом определенного пресуппозиционного события. Так, реагирующими высказываниями адресантов в результате событий, связанных со спецоперацией российских войск на Украине, стали ободряющие послания для русских военнослужащих, продиктованные стремлением оказать им психологическую поддержку и повысить их эмоциональный тонус:

– Будьте здоровы, уверены в своей правоте и оставайтесь людьми в любой ситуации посреди этого бесчеловечного хаоса! Пока вы защищаете неприкосновенность нашей страны и наше право жить по своим принципам, мы молимся о вас, желаем вам сил, и чтобы справедливость восторжествовала! [4]

Как правило, ободряющие послания такого рода представляют собой сочетание нескольких речевых актов, ряд из которых обладает эмпатическим потенциалом [1, С. 29]. Необходимо отметить, что высказывание может считаться эмпатическим при условии, что его иллюкутивная сила вербализует намерение говорящего выразить сопричастность к эмпатогенной речевой ситуации (в данном исследовании продиктованной сложными стрессовыми событиями), или продемонстрировать сочувствие по отношению к адресату для достижения перлокутивного эффекта. Перлокуцией ободряющих посланий в стрессовой ситуации является создание атмосферы эмоциональной включенности и заботы. Например, в качестве ободряющего сообщения военнослужащим может выступать сочетание

эксплицитно выраженного и косвенно выраженного экспрессивного [3, С. 272] речевого акта *пожелания*, завершающееся экспрессивным речевым актом *напутствия* для поддержания боевого духа военнослужащих: «Берегите себя! Вас ждут дома. Работайте, братья! [4]».

Речевой акт пожелания может быть эксплицирован при помощи перформативного глагола «желаю»: «Желаю вам удачи, скорейшего успешного завершения поставленной задачи и возвращения домой к семьям! [6]».

Проявлением эмпатической заботы в адрес российских военнослужащих, выступает инициальная реплика ободряющего сообщения, реализованная при помощи речевого акта пожелания (здоровья) [2, С. 2172] («Будьте здоровы») или доброго пожелание в форме *напутствия* («Пусть шальные пули вас обойдут стороной!», «Пусть бог оберегает вас, ребятушки!», «Вернитесь живыми!» [4] и др.). Стремление говорящего продемонстрировать искреннее неравнодушное беспокойство по отношению к адресату свидетельствуют об эмпатической направленности высказывания пожелания в рассматриваемой речевой ситуации.

Среди других форм, выражающих пожелание косвенно в эмпатических посланиях, встречается экспрессивный речевой акт *благословения* «Храни вас Господь!», «Пресвятою Богородицей спаси вас и сохрани!», «Да хранит вас Аллах наш!» [5].

Другой частотной формой косвенно выраженного пожелания является иллокутивный тип «*утверждение*» класса репрезентативов, например, для передачи говорящим желания благополучного возвращения российских военнослужащих домой («Вас ждут дома!», «Ждем вас!», «Мы верим, что вы вернетесь домой целыми и невредимыми!» [6]).

Кроме этого, высокая степень ситуативной зависимости иллокутивного типа «пожелание» дает возможность различать выражение надежды на будущее благополучие адресата «Возвращайтесь живыми с Победой домой!» [5] или успешное совершение им действия: «Дай Бог, чтобы наши семьи воссоединились в скорейшем времени, дорогие наши защитники! [6]».

Стремление продемонстрировать искреннее сопереживание адресату в трудной жизненной ситуации часто реализуется при помощи сочетания иллокутивного типа «пожелание» с вокативами класса экспрессивов эмпатической направленности [1, С. 85]: «Дай Бог, чтобы наши семьи воссоединились в скорейшем времени, *дорогие наши защитники!*» [4], «*Ребятунки*, обнимаю вас крепко-крепко! Вернитесь живыми!» [4], «*Мужики*, хочу пожелать вам скорейшего завершения операции!» [5], «Работайте и возвращайтесь невредимыми, *братья!*» [6]. Позитивно-оценочный компонент ласковых обращений (ребятушки, дорогие) и комплиментивных вокативов (мужики, защитники, братья), выступает инструментом эмпатического воздействия, позволяющий интенсифицировать иллокутивное намерение говорящего, а именно чувство глубокой сопричастности к переживаемым событиям в жизни адресата.

В качестве следующего структурного речевого акта эмпатического послания психологической поддержки русским военнослужащим рассмотрим эксплицитно выраженные ободряющие реплики, преимущественно представленные перформативным глаголом в императивной форме: «Ребята! *Держитесь!*», «*Держитесь и не падайте духом*» [5], «*Держитесь, солдаты!*». Вербальная поддержка адресата может быть косвенно выражена в форме репрезентатива: «Мы *поддерживаем* вас, и переживаем за вас и украинский братский народ» [7].

Таким образом, были выявлены структурные компоненты эмпатических посланий, направленных на оказание психологической поддержки российским военнослужащим во время спецоперации на Украине, в том числе экспрессивные речевые акты пожелания, пожелания (здоровья) в эксплицитной форме; косвенные формы иллокутивного типа «пожелание» представлены экспрессивными речевыми актами благословения и напутствия, а также речевым актом утверждения класса репрезентативов. Среди прочих речеактовых репрезентаций, обладающих эмпатической направленностью в рассматриваемой ситуации общения, встречается эксплицитная форма иллокутивного типа «ободрение». Установлено,

что проанализированные речевые акты обладают достаточно высокой сочетаемостью друг с другом, и могут пропозиционально занимать место препозиции, постпозиции или находиться в центре эмпатического ободряющего сообщения.

Список литературы

1. *Бен Шушан А.А.* Киберкоммуникация: эмпатический аспект (на материале русского и французского языков): монография / А.А. Бен Шушан. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 160 с.
2. *Газизов Р.А., Бен Шушан А.А.* Косвенные формы выражения речевого акта пожелания (здоровья) в негативной ситуации / Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2021. Том 14. Выпуск 7. 2021. С. 2172-2176.
3. *Трофимова Н.А.* Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.
4. URL: <https://ok.ru/vesti.crimea/topic/154354955457848>
5. URL: <http://forum.likar.info/topic/986944-pozhelaniya-nashim-voinam/>
6. URL: https://vk.com/wall-76835213_1480152?ysclid=l21xxyysql
7. URL: https://t.me/nash_prezident_putin/1156

10.02.19

А.А. Бен Шушан

Башкирский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра иностранных языков естественных факультетов,
Уфа, mgore2004anna@gmail.com

ИЛЛОКУТИВНЫЙ ТИП «БЛАГОДАРЕНИЕ» КАК ИНСТРУМЕНТ ЭМПАТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

В статье рассматривается экспрессивный речевой акт «благодарения» в качестве одной из составляющих эмпатического потенциала высказывания соболезнования и психологической поддержки адресата. Выявляются наиболее частотные случаи сочетания благодарения с иллокутивными типами «соболезнование» и «похвала». Определяются способы вербализации речевого акта благодарения в рамках эмпатического общения.

Ключевые слова: *иллокутивный тип, благодарение, вербальная сфера эмпатии, соболезнование, ободрение, сочетаемость, речевая тактика, сопереживание.*

В Послании президента Федеральному собранию от 12 декабря 2012 говорится о том, что «сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг к другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все времена исторически делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились» [7]. Однако, в условиях совершенно новой реальности наша страна ярко демонстрирует единодушие, духовную сплоченность, которая выражается в стремлении оказания поддержки и помощи, в том числе, военнослужащим российских войск, осуществляющим спецоперацию на Украине, выражение сочувствия жителям Донбасса и беженцам. Яркое проявление соучастия наблюдается в виртуальных текстах сообщений социальных сетей и комментариев информационных источников, посвященных спецоперации.

Данная работа посвящена рассмотрению речевого акта *благодарения* в качестве конституента эмпатических высказываний, адресованных участникам спецоперации при оказании моральной поддержки или в ситуации траура для определения его эмпатического потенциала. Выявляются наиболее частотные случаи его сочетаемости с другими эмпатийными иллокутивными типами.

Согласно классификации Дж. Серля, речевой акт *благодарения* входит в класс экспрессивов, с иллокутивной силой высказывания, проявляющейся в стремлении говорящего выразить определенное психологическое состояние, вызываемое положением вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания [2, С. 183]. Кроме этого, отечественные лингвисты Н. И. Формановская [4, С. 192], Т. В. Ларина [1, С. 43] и др. акцентируют внимание на фатическом характере речевого акта *благодарения* Н. А. Трофимова [3, С. 61] относит его к подтипу экспрессивных речевых актов, так называемых социативами.

Мы рассматриваем речевой акт *благодарения* как один из компонентов эмпатического общения с общим иллокутивным намерением выразить соучастливое отношение к собеседнику в стрессовой экстремальной ситуации.

В ходе анализа эмпатийных высказываний, включающих выражение признательности, были выделены две речевые ситуации, одна из которых требует сопереживания и оказания психологической поддержки; вторая относится к выражению слов скорби.

Иллокутивный тип «благодарение» может выступать в качестве инициальной реплики при выражении соболезнования: «Спасибо дорогие наши чеченские ребята!!! Сижу и плачу вместе с вашими матерями! Это наше общее горе! ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!!!!!!» [5].

В ситуации траура, обращение к погибшим при исполнении воинского долга со словами благодарности позволяет выразить глубокое уважение к усопшим, продемонстрировать искреннее понимание той цены, которую военнослужащие заплатили за свершение общей цели. В сочетании с речевой тактикой «Я с вами» косвенно выражающей речевой акт *соболезнования* и репрезентативным речевым актом *утверждения* (Это наше общее горе!) автор эмпатического сообщения подчеркивает искреннее сопереживание по поводу случившегося. Финальная реплика представляет собой слова скорби косвенно выраженного соболезнования в форме пожелания (Вечная память!!!). Употребление речевого акта *благодарения* в данном случае невозможно расценивать как ритуализованную фразу этикетного общения, а обращения (ребята, дорогие, наши) свидетельствуют о глубоком проникновении в трагическую ситуацию.

Стремление говорящего выразить разделение горестных чувств возможно при помощи выражения положительного эмоционального состояния соболезнующего к актанту ситуации в постпозиции эмпатийного высказывания: «Аллах встретил этих Героев, спасибо Вам мужики!» [5].

Вербальным воплощением благодарения выступает лексема «спасибо» в сочетании с упоминанием того, к кому адресовано данное послание. Адресант предпринимает попытку транслировать личностное отношение к актантам трагической ситуации путем использования лексикографических средств, а именно названия воинов «Герои», «Вам», «мужики». В условиях скорби комбинация репрезентативного речевого акта утверждения и иллокутивного типа «благодарение» способствует созданию атмосферы глубоко почтения и сострадания, что безусловно свидетельствует об эмпатическом потенциале высказывания.

Другим случаем частотного использования речевого акта *благодарения* в эмпатическом общении являются сообщения, направленные на оказание психологической поддержки адресата. При этом, наиболее насыщенным эмпатическим зарядом поддерживающих высказываний обладает сочетание благодарения с экспрессивным речевым актом *похвалы*: «Настоящие Герои нашего времени. Спасибо родителям за таких сыновей!» [6]

При высказывании *похвалы* выражение восхищения является проявлением внутреннего одобрительного отклика говорящего по отношению к действию, совершенному актантами, а также к их личностным качествам. Вербальная реализация похвалы реализуется при помощи поощряющих лексем («Настоящие», «Герои»). Обращение с благодарностью к близким военнослужащим и хвалебное сообщение свидетельствует о внимательном и почтительном отношении говорящего к адресатам, стремлении укрепить их эмоциональное состояние.

Иногда высказывание признательности адресату может иметь развернутую форму, с объяснением повода, в связи с которым благодарят. Например, в следующих ободряющих высказываниях говорящий вербализует признательность адресатам, прибегая к пояснениям (за то, что Вы пришли на нашу защиту) или (за ваше мужество и отвагу): «Эти слова хочется адресовать всем русским солдатам. Дорогие наши мужчины, защитники, русские богатыри, герои! Огромное спасибо Вам за то, что Вы пришли на нашу защиту!» или «С такими защитниками Россия может спать спокойно, враг точно не пройдет! Низкий поклон вам, ребята, за ваше мужество и отвагу!» [6]

Данные ободряющие послания представляют собой сочетание косвенно выраженного речевого акта *похвалы* в форме обращения или репрезентативного *утверждения* и эксплицитного речевого акта *благодарения*. Выражая признательность вербально, автор прибегает к интенсификации слов благодарения: «огромное спасибо», «низкий поклон».

Обобщая вышесказанное можно прийти к следующим выводам: 1) ситуативная зависимость позволяет рассматривать речевой акт *благодарения* в ситуации эмпатического общения; 2) экспрессивный иллокутивный тип «благодарение» может считаться эмпатийным на том основании, что иллокутивная сила высказывания направлена на разделение горестных чувств с собеседником или эмоциональный отклик для поддержания эмоционального тонуса адресата; 3) наиболее часто речевой акт *благодарения* встречается в ситуации траура и ситуации, требующей психологической поддержки адресата;

4) в эмпатическом общении благодарение, как правило, вербализовано эксплицитно, с использованием интенсификаторов на лексико-графическом уровне для усиления эмпатической реакции говорящего; 5) изолированное употребление речевого акта *благодарения* направлено на проявление своего эмоционального одобряющего состояния по отношению к личностным качествам адресата или совершенного им действия. В процессе эмпатийного взаимодействия, *благодарение* нередко сочетается с речевыми актами *соболезнования* и *ободрения*, и, помимо первичной иллокуции, является конституентом эмпатийного высказывания для достижения генеральной иллокутивной цели.

Список литературы

1. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации / Т. В. Ларина // Рукописные памятники Древней Руси. – М.: Изд-во РУДН, 2009. – 507 с.
2. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. С. 170–194.
3. Трофимова Н.А. Штрихи к портретам социативных речевых актов / Н. А. Трофимова // Известия Российского госпедуниверситета им. А. И. Герцена. – 2007. Вып. 34. Т. 8. С. 61–74.
4. Формановская Н.И. Речевое общение: Коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
5. <https://chechnyatoday.com/news/353406>
6. https://vk.com/wall-169005748_46124?ysclid=l2bs4zzzeb
7. <http://kremlin.ru/acts/bank/36699>

10.02.19

С.Х. Битокова, Т.А. Битокова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
социально-гуманитарный институт,
кафедра английского языка,
Нальчик, rinkas@rambler.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ МОГОЗНАЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В статье рассматриваются особенности метафорических и метонимических переносов в семантической структуре многозначных прилагательных. Выявляется специфика каждого из обозначенных механизмов развития полисемии. Обоснована сложность дифференциации метафоры и метонимии, обусловленная онтологическими свойствами адеквативной лексики.

Ключевые слова: *многозначность семантический перенос, метафора, метонимия.*

Прилагательные наряду с глагольной лексикой и наречиями формируют разряд признаков имен. Их функция - обозначать всевозможные признаки, свойства и качества предметов, их состояние и отношения. Такая онтологическая особенность объективно предполагает вывод денотативного содержания за пределы их знакового обозначения, которое вне контекста аккумулирует, в основном, сигнификативную составляющую значения. И только обращение к предметному ряду, заполнение актантных позиций при глагольной лексеме и выделение носителя адеквативного признака позволяет в полной мере получить представление о конкретной денотативной ситуации, именуемой признаковым именем.

Цель статьи заключается в выявлении специфики семантической деривации в адеквативных полисемантах по сравнению с предметными именами. Актуальность изучения особенностей семантических сдвигов в структуре многозначных прилагательных обусловлена неоднозначностью многих явлений, связанных с адеквативной полисемией.

Известно, что логика познания предполагает, в первую очередь, выделение в окружающем мире конкретных сущностей, некоторых устойчивых фрагментов, которые в языковой плоскости представлены именами существительными. Далее сознание человека детализирует присущие конкретным вещам признаки, качества, подвергает инвентаризации возможные состояния, а также отношения, в которые эти сущности могут находиться. Они объективируются в языке именами прилагательными и глагольными именами. Можно предположить, что численно свойства и качества вещей, а также их динамические характеристики превышают перечень стационарно существующих элементов вещного мира. Такое положение вещей обуславливает необходимость поиска новых имен, или использование уже существующих для наречения новых выявленных признаков. Последнее порождает многозначность адеквативов, которые занимают вторую позицию после глаголов по количеству многозначных единиц и по степени их полисемичности [3]. Имена прилагательные, обозначая только один признак, обладают сравнительно бедным содержанием, по сравнению, например, с предметными именами, которые являют собой совокупность самых разнообразных признаков [1]. Это, однако, не препятствует их превращению в чрезвычайно вариативный разряд лексики, который носит открытый характер и постоянно пополняется [6].

Основные механизмы развития многозначности - метафора и метонимия – имеют длительную историю исследования, однако, до сих пор многие вопросы, связанные с принципом их действия на материале адеквативной лексики не имеют однозначного толкования [3; 4]. Метафорический перенос предполагает сходство между исходным объектом и новым объектом, который заимствует имя первого: *лист* растения – *лист*

(бумаги), *игла* (швейная) – *игла* (хвойного дерева) и т.д. Производные значения подобного рода компенсируют дефицит номинативных средств языка, выполняют идентифицирующую функцию.

В случае с метонимией происходит взаимодействие онтологически сопряженных, смежных сущностей. Имя *лиса*, например, генерирует метонимическое значение – *мех* такого животного. На его основе появляется производное значение – *изделия из меха, шкурки такого животного*. Другой пример: *звонок* – *металлический колокольчик, а также прибор, устройство для подачи звуковых сигналов, напоминающих звук колокольчика*. Метонимический дериват – *звуковой сигнал, производимый колокольчиком или специальным прибором*. Например, *звонок на урок; ранний звонок*. Производные значения предметных имен, основанные на метафорических и метонимических переносах, обозначают автономные сущности, не требующие речевых индикаторов для своей актуализации.

Иначе обстоит дело с адъективными именами. Они обозначают единичный признак, который по своей сути чрезвычайно мобилен и может быть приписан большому множеству предметов. Например, *умный студент, человек, и умная машина, умные слова, умное решение, поведение* и т. д. Причина высокой мобильности адъективов объясняется необходимостью дать название новым свойствам и качествам вещей, которые обыденное сознание человека обнаруживает в результате все усложняющегося опыта познания окружающего мира. Учитывая, что постижение сути вещей предполагает обязательную опору на уже усвоенное и закрепленное в когнитивной базе человека, его сознание мобилизуется на поиск подходящего элемента опыта. Путем сравнения и аналогии выделяется уже существующий в других объектах признак и атрибутируется к свойствам нового объекта. Например, адъектив *умный* – *обладающий здравым умом, сообразительностью*, используется для описания «умных» свойств механизмов, способных, подобно человеку выполнять разнообразные функции и операции. До настоящего времени дискуссионным остается вопрос, реализуются ли разные значения адъектива при сочетании с именами, принадлежащими к разным таксономическим классам, или это одно и то же значение. Высказывается мнение, что у прилагательных не меняется значение. Так, R. Jackendoff [8] полагает, что *sad* в сочетаниях *sad woman* и *sad book* реализует одно и то же значение – *sorrowful (печальный), mournful (грустный)*. Такого же мнения придерживаются и J. Aarts & J. P. Calbert [5]. Они считают, что *angry* в *angry man* и *angry letter* сохраняет один и тот же набор признаков. В первом случае – *a man experiencing anger*, реализуется один предикативный релятор, во втором случае – *a letter manifesting anger experienced by the writer*, где появляется два предикативных релятора.

Особенности семантики признаков имен, обусловленные их онтологической сущностью, затрудняют дифференциацию метафорических и метонимических сдвигов в значении прилагательных. Метафорическое значение генерируется в результате взаимодействия двух концептуальных сфер – сферы источника и цели – и заключается в проецировании элементов структуры одной области на структуру другой [2]. Метафорические переносы в признаковых именах происходят между признаками объектов двух разных таксономических классов. Как справедливо отмечает Е.В. Рахилина и др. [4], они в значительной степени предсказуемы, что обусловлено синкретичностью человеческого восприятия. Важным условием переноса является то, что один и тот же признак должен быть совместим с семантикой элементов новой концептуальной зоны, что свидетельствует о «когнитивной проницаемости» границ взаимодействующих концептуальных областей. Например, *острый нож* – *острый ум*. Основой метафорического переноса служит способность человека, обладающего *острым умом*, быстро проникать в суть вещей, анализировать и принимать правильное решение, что уподобляется характеристикам хорошо отточенного ножа быстро выполнять свое функциональное предназначение. Еще пример метафорического переноса: *мягкий диван* – легко поддающийся нажиму, деформации, вызывающий приятные ощущения. На основе этих признаков появляется значение *мягкий человек* – спокойный, благожелательный, идущий на уступки, не конфликтный.

При метонимическом сдвиге взаимодействие между двумя значениями возникает в пределах общей (смежной) для них концептуальной зоны, в результате чего происходит выделение, акцентирование некоторого фрагмента этой области [7; 9]. Смежная зона, определяемая по предметному имени, с которым сочетается признак, носит довольно размытый характер, что не позволяет однозначно квалифицировать тип содержательной связи между значениями прилагательного. Например, можно ли считать *веселая книга* метонимией (ср. *веселый человек*), устанавливая общую границу между человеком и книгой, или это метафора, поскольку *человек* и *книга* это разные концептуальные области. Вопрос остается открытым. Ответ во многом зависит от субъективной трактовки границ взаимодействующих концептуальных зон.

Итак, изучение семантической деривации, активно действующей в разряде признаков имен, сопряжено с определенными трудностями. Они обусловлены синкретичностью человеческого восприятия, что влечет за собой чрезвычайную мобильность признака. Представляется, что в дифференциации метафорических и метонимических сдвигов в разряде многозначных прилагательных, важным является поиск объективных критериев разграничения различных понятийных областей, которые определяются предметными именами - опорными элементами адъективных сочетаний.

Список литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. - Изд. 6-е. - Москва: URSS, 2009. – с. 342.
2. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. *Лещева Л.М.* Лексическая полисемия в когнитивном аспекте.- М.: Языки славянской культуры, 2014.- 256.
4. *Рахилина Е.В., Карнова О.С., Резникова Т.И.* Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие. В сб.: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции "Диалог". 2009. С. 420-426.
5. *Aarts J., Calbert J. P.* Metaphor and Non-Metaphor. The semantics of Adjective-Noun Combinations. Tübingen, 1979. – 240 p.
6. *Croft W.* Typology and universals. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 314 p.
7. *Dirven R.* Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualization //R. Dirven and R. Pörings (eds.) Metaphor and Metonymy in comparison and contrast. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2002. Pp. 75–111.
8. *Jackendoff R.* Conceptual Semantics and Cognitive Semantics // Cognitive Linguistics. 1996. № 7-1. P. 93–129.
9. *Peirsman Y., Geeraerts D.* Metonymy as a Prototypical category // Cognitive Linguistics 2006, 17(3). Pp. 269–316.

10.02.19

¹А.К. Булатова канд. филол. наук, ²Ф.К. Сагдеева канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,

¹отдел лексикологии и диалектологии,²отдел общей лингвистики,

Казань, alf_0082.82@mail.ru, fauzija.sagdeewa@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье рассматриваются эвфемизмы татарского языка, которые ранее не выступали в качестве объекта отдельного изучения. Данное исследование осуществляется с учетом культурологической составляющей лингвистического анализа. В качестве источника послужили материалы, содержащиеся в различных словарях татарского языка, а также в татарской художественной литературе и языке средств массовой информации.

Ключевые слова: *табу, эвфемизм, полисемия, вторичная номинация, татарский язык, дисфемия.*

В отечественном языкознании термин эвфемизм (греч. *εὐφημία* — «благоречие») обозначает «смягчающее значение выражение того, что представляется говорящему нетактичным, неприличным, грубым по отношению к слушающему» [1, с. 336].

В практике деятельности и общения людей веками формировалась система различных запретов и ограничений на обсуждение тех или иных тем. Язык начал использовать различные лексические элементы для смягчения и вуалирования данных тем.

Исследователи видят предназначение эвфемизмов «в нейтрализации истинного смысла прямых наименований, смягчении его, путем «облекания» в обтекаемые словесные формы. Такой камуфляж не скрывает смысла [3, с. 193; 5, с. 164; 6, с. 158]. Новые наименования воспринимаются однозначно, однако форма облачения смысла различна. Большинство эвфемизмов восходит к расширению значений уже имеющихся лексем, и могут быть рассмотрены как результат семантической деривации [2, с. 59].

К примеру, имя человека несет сакральный смысл, и если рождается слабый ребенок или через некоторое время ребенок заболевает, то у татар часто повторно происходил обряд имянаречения и одно имя заменялось другим, а первое имя обычно скрывалось от посторонних и его знали только родители ребенка. Также, если ребенка обсыпали родинки или появлялась пигментация принято было к основному имени добавлять компонент *миңле* (с родинкой) или происходило замена именем с этим элементом: *Миңлебай, Миңлебану*. Из-за боязни того, что злые духи могут навредить женщине в положении, и ныне напрямую не говорится, что она беременна, а это понятие передается выражениями: *эни булырга жыена, бала кәтә, авыры бар, гаиләләре арта* и др.: – *Нәфисәнең көмәнле булуы да рас килеп тора* (Г.Гыйльманов) 'Нафиса действительно беременная'. – *Ул эни булырга әзерләнгән иде* (Р.Вәлиев) – Она готовится стать матерью'. А сам процесс родов и плодоизгнания *бала тудыру (табу)* заменяется эвфемизмом *котылу*: [*Миңҗамал:*] *Хәмит Бикәсенең бишенче баладан котылганына ай да юк – өзлегермен дип курка, бармый*. (З.Зәйнуллин) 'букв. [Минджамал]: Нет и месяца как жена Хамита Бика разрешалась от бремени, боится осложнений, не пойдет'. Интересно, что в народе до сих пор живет верование, что нельзя умиляться маленьким ребенком, чтоб не сглазить его, говорят – *ямьсез* (некрасивый), *норсыз* (неприятный), в особенности о младенцах.

В качестве примера можно также привести использование эвфемизма *корыботак* (сухая ветка, сухостой) вместо *чуан, сызлавык* (чири): *Чуан дисәң юаная, корыботак дисәң – корый*. (Әйтем) 'букв. Если говорить чирю – разрастётся, если говорить сухая ветвь – то высохнет'.

Прибегая к деликатности и вежливости, человек старается смягчить или напрямую не называть какое-либо понятие, которое может быть слушателю неприятным или же вызывать у него дискомфорт. С этой целью говорящий старается не называть напрямую смерть, болезни, физические и психические недостатки людей, не именовать прямыми терминами явления «телесного низа», физиологии, секса и т.п. Например, вместо *акылдан язган кеше, юлар* (сумашедший человек), используются эвфемистические выражения *бераз жиңеләйгән* (букв. немного полегчал), *тулы тугел* (неполный).

Темы смерти и похорон, различных серьезных заболеваний, если эти события актуальны вербализуются почти исключительно с помощью эвфемизмов. Так, выражение *улү* (умереть) заменяется выражениями *юк булу* (исчезнуть), *күз йому* (закрывать глаза), *китү* (уйти): *Сагнын хатлар язма, бәхетсез карт, Зәңгәр күзле улың исменә; Ул юк инде... Сагнын хатлар көтмә, «изге» карчык!* (Н.Такташ) ‘букв. Твоего сына уже нет, несчастный старик, не пиши, тоскуя, письма на имя голубоглазого сына своего; Его уже нет, «святая» старуха, не жди, тоскую от нет писем’. — *Синең яланыңда әткәй китте аklar кулыннан* (Н.Такташ) ‘букв. Отец ушел от рук белых на твоём поле’. — *Әтибез Герман жирендә күзен йомды* (Безнең гәжит) ‘букв. Отец закрыл глаза на германской земле’.

Можно также выделить слова-эвфемизмы и выражения, отражающие определенные части тела, связанные с ‘телесным низом’. Данная тема использования эвфемизмов предполагает в большинстве случаев, что обозначения их в разговорной речи воспринимаются большинством носителей языка как неприличное, среди медиков для этих целей используется латынь. Ср.: *Ялангач ботлар да шәрә күт эротика гына.* (Я.Язучов) ‘Оголенные бедра, голый зад – всего лишь эротика’ — *Баязитны әчелеккә яткырлар, бөтен шәкертне жыялар да, аркасын, бөтен йомшак жирларен ачтырып, мәдрәсәнең иң дишәке малаеннан унбиш чыбык суктыралар* (Г.Ибраһимов) ‘букв. Баязита кидают грязный порог, собирают всех шакирдов, учащихся, открывают спину, мягкие места, самый заядлый хулиган медресе наказывает его прутом’ — *Кайчан тора икән соң ул? Арт санын кояш кыздыра башлагачмы?* (Г.Бәширов) ‘Когда же он встанет, проснется? Что когда со лице начнет греть его пятую точку’.

К темам, наиболее часто прибегающим к эвфемизмам, можно отнести — отношения между полами (находиться в близких, интимных отношениях, в интимной связи, физическая близость): *Алар арасында берни булмады* (Безнең гәжит) ‘букв. Между ними ничего не было (имеется в виду физическая близость) и т.п.

Эвфемизмы также помогают снизить эмоциональность высказывания, тем самым делая его нейтральным. В качестве примера в татарском языке можно привести наименование *түгәрәкләнү* (полненький) вместо *юан* (толстый), употребляемое относительно толстого человека, с одной стороны это можно отнести и к деликатности, так же это и уменьшение эмоциональной нагрузки на высказывание: *Әминә жәй азагына күзгә күренеп түгәрәкләнгән иде* (Акчарлак) ‘К концу лета Амина заметно пополнела’.

Нередко эвфемизмы используются с целью манипуляция и воздействия на аудиторию. Иными словами эвфемизмы могут стать стилистическим средством, с помощью которого создается какой-то определённый эффект высказывания: *Ә анә анда, өстә утырганнар нишләп төгәлсезлек жиберәләр?* (Н.Акмал) ‘Почему же там, вышестоящие допускают неточности.’ Для смягчения восприятия аудиторий вместо *ялгышу* (ошибиться) используется выражение *төгәлсезлек жиберү* (допустить неточность), также употреблен эвфемизм *өстә урыганнар* (букв. выше сидящие) для иносказательного обозначения руководящих органов.

Эвфемизмы также употребляются и с целью вуалирования сущности дела, например в политическом дискурсе. Это такие эвфемизмы, как *тынычлык саклау органнары* вместо *полиция*, *махсус кешеләр* или *ирекләре чикләнгән кешеләр* вместо *тоткын* (заключенный) и др.

Изучаемые лексические элементы также могут выполнять и маскирующую функцию, другими словами донесение информации адресату понятным и только ему способом, «сообщить нечто адресату таким образом, чтобы это было понятно только ему» [4: 39].

Әнвәр: «Теге жџиргә барып карамыйсыңмы соң», – дид сорады. ‘Анвар спросил: «Не сходишь ли ты в то место?»

В медицинской традиции больным не рекомендуется объявлять о том, что у них обнаружено неизлечимое заболевание, поэтому скрываются и заменяются эвфемизмами наименования, обозначающие некоторые неизлечимыми заболеваниями. Как правило, настоящие названия опасных болезней, из опасения навлечь их на себя и окружающих, в речи не употребляют. Вместо этого применяют различные иносказания, многие из которых со временем становятся устойчивыми. Например, очень много таких иносказаний связано с названием рака. Вместо настоящего названия рак (онкологическое заболевание) используют следующие выражения *яман шеш* (авыру) (опухоль) *теге авыру* (букв. та болезнь), *начар авыру* (плохая болезнь).

Эвфемизмы могут быть использованы в речи из-за толерантности, например, слово *инвалид* заменяется в речи на *физик мөмкинлекләре чикле кеше* (человек с ограниченными физическими возможностями).

Таким образом, татарский язык богат эвфемистическими выражениями, которые играют важную роль в социальных и межличностных отношениях. Использование эвфемизмов помогает избежать коммуникативных конфликтов или коммуникативного дискомфорта, они помогают зашифровать информацию, предназначенную какому-то конкретному лицу стремление в какой-то степени приукрасить действительность, широкий круг номинаций, применяемых в том случае, когда считается некорректным прямое наименование.

Список литературы

1. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. С. 636.
2. Булатова А.К. Полисемия в современном татарском литературном языке. Казань: ИЯЛИ, 2018. 108 с.
3. Гилязова И.Р. Процесс эвфемизации в современных татарских СМИ // Казанская наука. 2012. №3. С. 192–194.
4. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm> (дата обращения 29.03.2022)
5. Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 154–182.
6. Ханбикова Ш.С. Эвфемизмнар һәм какофемизмнар // СССР Фәннәр Академиясенә Казан филиалы Тел, әдәбият һәм тарих институты хезмәтләре. Казан, 1963. Б. 158–169.

10.02.19

**Н.В. Возмищева канд. филол. наук, Н.М. Люкина канд. филол. наук,
Г.Е. Поторочина канд. педагог. наук, М.Н. Смирнова канд. педагог. наук**

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко,
кафедра иностранных языков и удмуртской филологии,
Глазов, natalymag@mail.ru, nadluk.63@mail.ru,
potorochina1959@mail.ru, dozentgpi@yandex.ru

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ГЕРМАНСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ, ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРАХ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВ)

В данной работе рассматривается социокультурный потенциал пословиц и поговорок германских и финно-угорских языков. Актуальность темы исследования состоит в том, что паремии способствуют обогащению устной речи специалистов в области иностранных языков, расширяют их знания о культуре, истории и ментальности представителей иных этнических групп, обогащают активный словарь, способствуют развитию социокультурной компетенции. Авторы рассматривают некоторые коммуникативные функции пословиц английского, немецкого и удмуртского языков, а также сложности их перевода на русский язык. В работе подчеркивается практическая значимость изучения фольклорного материала с точки зрения профессиональной подготовки филологов.

Ключевые слова: *пословицы, коммуникативные функции, смысловой эквивалент, английский язык, немецкий язык, удмуртский язык, социокультурная компетенция.*

Пословицы и поговорки, отражающие быт и нравы людей, помогают увидеть типичные черты культуры, истории и ментальности представителей отдельно взятой нации, однако коммуникативное намерение носителя языка, а также скрытый смысл паремий не всегда очевидны при переводе. Сравнение пословиц и поговорок разных народов показывает, как много общего имеют эти фразеологизмы, а правильный перевод и интерпретация способствуют лучшему пониманию смысла такого рода выражений и правильному их использованию в ситуациях межкультурной коммуникации. Таким образом, изучение пословиц и поговорок способствует формированию и развитию социокультурной компетенции специалистов в области иностранных языков [2, с. 98].

В данной работе мы проанализировали пословицы и поговорки английского, немецкого и удмуртского языков, обозначили черты сходства и различия в менталитете носителей языков, которые нашли свое проявление в этом жанре устного народного творчества, рассмотрели способы перевода паремий.

Если говорить об английских пословицах, то значительная их часть имеет иностранное происхождение. Паремии часто проникали в английский язык из латинского, греческого, других европейских языков через ученых, врачей, служителей закона, теологов. Довольно существенная часть пословиц появилась после норманнского завоевания, соединив классическую модель с традиционно английской. Пословицей исконно английского происхождения является, например, высказывание: «It never rains but it pours» («Начался дождь – ожидай ливня» / «Лиха беда начало») [1, с. 8].

Значительное число пословиц и поговорок современного немецкого языка обязано своим происхождением литературным произведениям разных эпох. Национально-культурная специфика этих единиц обусловлена, прежде всего, тем, что все подобные фразеологизмы родились на немецкой земле и тесно связаны с культурой страны [3, с. 98]. Вот пример высказывания Ф. Кафки, которое вполне можно считать известной поговоркой: «Wege entstehen dadurch, dass man sie geht» (дословный перевод – «Путь создается, когда мы идем по нему», смысловой эквивалент – «Дорогу осилит идущий») [4].

Большая часть удмуртских пословиц представляет собой очень древний пласт лексики и устного фольклора, свод правил житейской мудрости и народной этики. В них выражено отношение народа к различным достоинствам и недостаткам человека, содержится оценка дружбы и любви, богатства и бедности, понимание счастья и горя, жизни и смерти. Например: «Бызыны капчи, пиосмуртлы дэрем вурыны секыт» (дословный перевод – «Замуж выйти легко, трудно мужу рубашку сшить», возможный смысловой эквивалент – «Замуж не напасть, да замужем бы не пропасть») [6].

Отметим, что у каждой пословицы есть своя коммуникативная задача:

1. Предупреждение. Как показало исследование, в целом носители английского, немецкого и удмуртского языков призывают к осторожности в сходных ситуациях: финансово-денежные и межличностные отношения, новые знакомства, человеческие пороки: вспыльчивость, жадность, злопамятность.

А) Английский язык: «Creditors have better memories than debtors» – «Долги помнит не тот, кто берет, а кто дает» (дословно – «У кредиторов память лучше, чем у должников») [2, с. 8]. Б) Немецкий язык: «Hochmut kommt vor dem Fall» – «Высокомерие приходит перед падением» (русский эквивалент – «Кто высоко взлетел, тому больно падать») [4]. В) Удмуртский язык: «Муртлэн дасез шоры ымдэ эн усьты» – «На чужой каравай рот не разевай» [5].

2. Высмеивание. Судя по имеющимся примерам, высмеивались также человеческие пороки. Англичане и немцы могли едко высказаться о лени и жадности. А представители финно-угорской культуры – о глупости. Непрофессионализм в своем деле порицали представители всех трех этносов.

А) Английский язык: «Small is beautiful, but big pays more» – «Краткость – достоинство, но за объем больше платят» [3, с. 77-80]. Б) Немецкий язык: «Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute» – «Завтра, завтра, не сегодня, все лентяи говорят» [2, с. 99]. «Wenn der Reiter nicht staut, ist das Pferd schuld» – «Если наездник никуда не годен, то виновата лошадь» (смысловой эквивалент – «Плохому танцору ноги мешают») [4]. В) Удмуртский язык: «Уж вылын калтак, кыл вылын мастак» – «На словах мастак, а на деле – еле-еле». «Бер чорьясь атас» – «Поздно кукарекающий петух» (возможный смысловой эквивалент: «Доходит, как до жирафа») [5].

3. Совет / Полезное наблюдение. Проанализировав примеры, мы пришли к заключению, что советы, которые высказывают английские пословицы, призывают к бережливости и предусмотрительности. Немцы делают упор на прилежание, аккуратность и скрупулезность. Удмурты призывают к трудолюбию.

А) Английский язык: «Forewarned is forearmed» – «Предупрежден – значит, вооружен» [1, с. 8]. Б) Немецкий язык: «Erst wägen, dann wagen» – «Сперва обдумать, потом отважиться» (русский эквивалент – «Семь раз отмерь, один – отрежь») [4]. В) Удмуртский язык: «Калык ужаку ужа, калык юмшаку юмша» – «Народ работает – и ты работай, народ гуляет – и ты гуляй» [5].

4. Поучение. Не удивителен тот факт, что большинство примеров народной житейской мудрости касается вопросов, чрезвычайно важных для каждого отдельного человека и сообщества в целом: сбережения здоровья, хозяйственной деятельности и воспитания подрастающего поколения. Однако подходы к бытовым проблемам могли быть в корне различны. Примером тому служат английские и удмуртские идеи педагогики: англичане настаивали на строгой дисциплине, удмурты считали, что лаской можно добиться значительно лучших результатов.

А) Английский язык: «An apple a day keeps a doctor away» – «Кто яблоко в день съедает, у того доктор не бывает». «Spare the rod and spoil the child» – «Кто обходится без розги, тот губит ребенка» [3, с. 77-80], [1, с. 8]. Б) Немецкий язык: «Gute Saat, gute Ernte» – «Хорошее семя – хороший урожай» (русский смысловой эквивалент – «Что посеешь, то и пожнешь») [4]. В) Удмуртский язык: «Пиналэз ньöрын но черекъяса уд дышеты» – «Ребенка розгой и криком не выучишь». «Ужтэк нянез уд басьты» – «Без работы хлеб не придет» [5].

3. Философские идеи (зачастую – отвлеченного характера). Сюда можно отнести поговорки, выражающие некие общеизвестные истины, представления о добре и зле, пороке и добродетели.

А) Английский язык: «Hope springs eternal» – «Надежда никогда не умирает» (смысловый эквивалент – «Надежда умирает последней»; интересно, что восприятие способности человека надеяться несмотря ни на что, в ментальности английского народа, если можно так выразиться, более «оптимистично») [1, с. 8]. Б) Немецкий язык: «Zu spät ist zu spät» – «Слишком поздно есть слишком поздно» (русский возможный смысловый эквивалент – «Задним умом дело не поправишь») [2, с. 99]. В) Удмуртский язык: «Шонер кырыжез ворме» — «Правда кривду побеждает» [5].

Как следует из приведенных выше примеров, при переводе пословиц и поговорок далеко не всегда можно подобрать точный смысловый эквивалент в принимающем языке. Если говорить о моделях перевода, то пословицы и поговорки английского, немецкого и удмуртского языков можно условно разделить на три группы:

1. Пословицы и поговорки, которые имеют почти дословный перевод в русском языке в силу схожести образного компонента. Например: «Don't bite the hand that feeds you» (англ.) – «Не кусай кормящую руку». «Schmiede das Eisen, solange es glüht» (нем) – «Куй железо, пока горячо». «Газалык – ваньлык» (удм.) – «Здоровье есть богатство» [1, с. 9], [4], [5].

2. Пословицы и поговорки, которые имеют относительно точные смысловые эквиваленты в русском языке, хотя заложенные в исходный и принимающий языки образные компоненты могут быть совершенно различными. Например: «When in Rome, do as the Romans do» (англ.) – «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Дословный перевод: «В Риме поступай так, как положено римлянам». «Dem Glücklichen schlägt keine Stunde» (нем.) – «Счастливые часов не наблюдают». Дословный перевод: «Счастливому не бьют никакие часы». «Чечы вышкые сылал пызьнаны» (удм.) – «Ложка дегтя в бочке меда». Дословный перевод: «В кадку с мёдом насыпать соли» [1, с. 9], [4], [5].

Впрочем, заметим, при переводе ряда подобных высказываний необходимо помнить о социокультурных реалиях текста. Допустим, английскую поговорку «Pretty penny saves a round» не всегда можно перевести как «Копейка рубль бережет», поскольку ни копеек, ни рублей жители Великобритании в быту не используют.

3. Пословицы, которые не имеют точных смысловых эквивалентов в принимающем языке в силу культурных и аксиологических различий. Интересный пример представляет собой в таком ключе шотландская поговорка «Suffering for a friend doubles friendship». Дословный перевод: «Страдание за друга удваивает дружбу». Казалось бы, в русском языке есть довольно похожая пословица «Друг познается в беде». Однако если в русском варианте говорится о том, чтобы не отвернуться от друга и помочь ему в трудной ситуации, то в шотландской пословице подчеркивается необходимость страдать вместе с товарищем, тем самым усиливая дружбу [1 с. 9]. Имеются подобные поговорки и в немецком языке: «Dienst ist Dienst und Schnaps ist Schnaps» – «Работа работой, а выпивка – выпивкой». Казалось бы, у пословицы есть очевидный смысловый эквивалент: «Дружба – дружбой, а служба – службой». Однако в немецком языке это выражение имеет несколько иной смысл. Даже если мы выполняем работу, которая нам нравится, это не всегда приносит лишь удовольствие. Поэтому нужно собраться, принять неизбежное и выполнить свои обязанности [4]. В удмуртском языке примером отсутствия точного переводного эквивалента может служить поговорка «Чечы дузэ сюрыса но улыны öз вала» – «Не смогла ужиться и в хорошей семье». Дословный перевод: «Не смогла жить, попав в кадку с мёдом». Смысл выражения заключается в том, что некоторые женщины слишком капризны, чтобы поладить даже с хорошими людьми [5].

Надо сказать, большая часть пословиц и поговорок английского и немецкого, так и удмуртского языков все же имеет смысловые эквиваленты в русском языке. Можно сделать вывод о некоторой схожести нравственных ценностей носителей данных языков, потому что пословицы обычно восхваляются ум, честность, справедливость, труд, мастерство и

осуждают лень, склочный нрав, упрямство, жадность, глупость и другие человеческие пороки. Также заметим, что поговорки включают в себя накопленный жизненный опыт многих поколений, мудрость народа, помогают понять особенности национального характера, хранят историю этноса, приобщают к культуре страны изучаемого языка через элементы фольклора. Все это создает ощущение сопричастности другому народу, формирует уважительное и терпимое отношение к представителям иных этнических групп. Поэтому изучение паремий, несомненно, имеет огромную практическую значимость с точки зрения профессиональной подготовки филологов.

Список литературы

1. *Винокурова П.И., Возмищева Н.В.* 21. Английские пословицы и поговорки в обучении устной и письменной речи на английском языке [Текст] / И.П. Винокурова, Н.В. Возмищева // Вестник педагогического опыта. 2021. № 50. С. 6-10. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46452441> (дата обращения: 02.02.2022)
2. *Гордеева Н.В., Кузнецова С.В., Шепелева Е.В.* Источники происхождения пословиц в английском и немецком языках [Текст] // Наука без границ. 2019. №7 (35). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-proishozhdeniya-poslovits-v-angliyskom-i-nemetskom-yazykah> (дата обращения: 30.03.2022)
3. *Ионина А.А.* Английские половицы и поговорки как «свод народной мудрости» [Текст] / А.А. Ионина // Иностранные языки в школе. - 2010. - № 1. – с. 77-80.
4. Пословицы, которые часто употребляют немцы [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.liveinternet.ru/users/irina_horn/post379900492/ (дата обращения: 30.03.2022)
5. Пословицы и поговорки на удмуртском языке [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://loveudm.ru/poslovitsyi-i-pogovorki-na-udmurtskom-yazyike/> (дата обращения: 30.03.2022)
6. Проектная работа «Народная мудрость в пословицах и поговорках» [Электронный ресурс]: статья. – Режим доступа <https://infourok.ru/proektnaya-rabota-narodnaya-mudrost-v-poslovicah-i-pogovorkah-1136164.html> (дата обращения 09.04.2022).

10.02.19

Л.М. Гиниятуллина канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова,
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, gin_liluk@mail.ru

ВНЕШНЯЯ СТРУКТУРА СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается внешняя структура сложного синтаксического целого (ССЦ). Актуальность работы обусловлена потребностью более полного научного исследования особенностей композиции сложного синтаксического целого в татарском языке. Цель исследования – определить особенности внешней структуры сложного синтаксического целого в татарском языке. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе компонентов сложного синтаксического целого.

Ключевые слова: *татарский язык, сложное синтаксическое целое, композиция, компоненты ССЦ.*

Текст для исследователя является реальным заменителем связной речи. Изучение текста невозможно без всестороннего анализа составляющих его элементов. Сложное синтаксическое целое является компонентом текста. Оно имеет как синтаксические черты, так и прямое отношение к структуре текста, к композиции.

Композиция ССЦ – это его строение, соотношение и взаимное расположение его частей. Как правило, композиция включает три части:

- 1) зачин – начало мысли, формулируется микротема ССЦ;
- 2) медиальная часть – развивается микротема, микроидея;
- 3) концовка – композиционная точка, подводится итог микротемы сложного синтаксического целого.

Зачин дает определенную установку на содержание последующих предложений. Некоторые ученые утверждают, что зачином сложного синтаксического целого может быть только автосемантическое предложение (А.М. Пешковский, Е.А. Реферовская, О.Ю. Лысова, А.Ф. Папина и др.). Но мы согласны с мнением И.С. Папуши [4] о том, что зачин сложного синтаксического целого тесно связан с последующими предложениями в плане содержания, фонетического, лексического, грамматического оформления. Таким образом, зачин, входя в ССЦ, тоже является синсемантическим.

Медиальная часть ССЦ может состоять как из одного предложения, так и из ряда предложений. Модель ССЦ также влияет на синтаксическую структуру медиальной части. В зависимости от внешней модели сложного синтаксического целого, она может состоять только из простых предложений, только из сложных предложений либо иметь смешанную структуру.

Концовка – это нижняя граница сложного синтаксического целого. Она вместе с зачином определяет модель ССЦ. Она часто оформляется с помощью синтаксических средств. Показателями концовки ССЦ являются обобщающие слова; вводные слова, указывающие на законченность, завершенность мысли; сочинительные союзы в начале последнего предложения; изменение временного плана, модального плана, структуры последнего предложения относительно предыдущих; односоставное предложение; восклицательное, вопросительное предложение; инверсия.

Предлагаем пример анализа ССЦ:

(1) *Кем ничек, ә менә акчасын банкта саклаучылар узып баручы елны тиз генә оныта алмаячак.* (2) *«Татфондбанк» тирәсендәге хәлләр күпләрнең төн йокысын качырды.* (3) *Яңа ел алдыннан мондый «бүләк» көтмәгәннәр, билгеле.* (4) *Татарстан Президенты Рәстәм Миңнеханов «Татфондбанк» эшен үз контроленә алды.* (5) *Ике көн элек Россия Банку раисе Эльвира Набиуллина да әлеге мәсәлә уңаеннан үз фикерен белдерде [2].* / 'Кто как, а вот те, кто хранит деньги в банке, не смогут быстро забыть уходящий год. Многие из-за ситуации вокруг «Татфондбанка» потеряли свой сон. Такого «подарка» в канун Нового года, разумеется, никто не ожидал. Президент Татарстана Рустам Минниханов дело «Татфондбанка» взял под свой контроль. Два дня назад свое мнение по этому вопросу высказала и председатель Банка России Эльвира Набиуллина.'

ССЦ состоит из 5 предложений. Смысловое ядро выражено словом *банк*, которое повторяется в данном ССЦ четыре раза.

Первое предложение – зачин ССЦ. Зачин отличается от других предложений формой глагольного сказуемого. В зачине сказуемое выражено глаголом изъявительного наклонения в форме будущего категорического времени (*оныта алмаячак* 'не сможет забыть'). Сказуемые второго, четвертого и пятого предложений выражены глаголами изъявительного наклонения в форме прошедшего категорического времени, что устанавливает между ними параллельную связь. В зачине определяется микротема ССЦ – *акчасын банкта саклаучылар оныта алмаячак* 'те, кто хранит свои деньги в банке, не смогут забыть'. В медиальной части данная тема развивается, конкретизируется. Между первым и вторым предложением установлена цепная связь посредством частичного лексического повтора (*банк* – «Татфондбанк»). Между вторым и третьим предложением наблюдаем цепную местоименную связь. Между вторым и четвертым предложением – дистантную параллельную связь. Между первым и вторым, вторым и третьим, четвертым и пятым установлена контактная связь. Между вторым и четвертым предложением слово «Татфондбанк» формирует цепную дистантную связь.

Вводное слово *билгеле* 'разумеется' выражает уверенность, что сообщение соответствует действительности, что говорящий не сомневается в его достоверности.

Концовку формируют четвертое и пятое предложения. В них выражается отношение автора к происходящему, сообщается некий результат по поднятому в медиальной части вопросу.

Л.Г. Бабенко предложен алгоритм комплексного лингвистического анализа художественного текста. Четвертый пункт под общим названием «Анализ структурной организации текста» данного алгоритма включает анализ сложных синтаксических целых в тексте.

По утверждению автора, анализ структурно-смыслового членения текста состоит из выявления ССЦ, описания внутреннего композиционного устройства ССЦ. Комплексный лингвистический анализ подразумевает также анализ связности текста, где требуется выявить и охарактеризовать текстообразующие логико-семантические и грамматические средства связи [1, с. 332–334].

При анализе внешней формы сложного синтаксического целого предлагаем следующий алгоритм: выявление количества предложений, входящих в ССЦ; определение структуры зачина, концовки, медиальной части; выделение средств связи между компонентами и предложениями ССЦ; выявление порядка следования предложений разных структур, местоположение простых и сложных предложений, наличия в ССЦ односоставных предложений, вопросительных, побудительных, восклицательных предложений, «оборванных» предложений, осложнения простых предложений и частей сложных предложений.

Предлагаем пример анализа:

(1) *Язмыш малайга мәрхәмәт күрсәтә.* (2) *Яшәсен олы әжизнәсе Насретдин!* (3) *Әгәр Салихның үз көче белән аякка баскан әтисендә приказчик булып эшләгән, куллары хезмәттә чыныккан бу кеше Жамалетдин Сәйдәшевләр токымына кияү кеше буларак кушылып китмәгән булса, малайның язмышы, ай-һай, музыка дигән олы дөньяга барып ялганыр иде микән?*

(4) *Татар җанлы, чын татар кыяфәтле Насретдин, өлкән абыяларының каршылыгына карамастан, тол бикә Мәхүбҗамалны, алма апасы Әминә белән кечкенә Салихны үзенең җитешле йортына сыендыра.* (5) *Насретдинның хатыны Рауза һәм аларның тупырдап торган дүрт кыз балалары – барлыгы тугыз җан – бер түбә астында әнә шулай тату яшиләр* [3, с. 11]. / ‘Судьба проявляет милосердие к мальчику. Да здоровствует старший зять Насретдин! Если бы этот трудолюбивый человек, работавший приказчиком у отца Салиха, который встал на ноги своими силами, не присоединился к роду Сайдашевых в качестве зятя, то судьба мальчика присоединилась бы к большому миру музыки?’

Истинный татарин Насретдин несмотря на то, что старшие братья были против, приютил в своем богатом доме вдову Махубджамал, Амину и маленького Салиха. Жена Насретдина Рауза и их четверо дочерей – всего девять душ – так дружно живут под одной крышей.’

Сложное синтаксическое целое состоит из 5 предложений.

Первое предложение формирует зачин ССЦ. Зачин выражен простым, двусоставным, распространенным, полным предложением.

Концовка ССЦ – четвертое и пятое предложения. Это – простые, двусоставные, распространенные, полные предложения. Четвертое предложение осложнено однородными определениями, дополнениями и обособленным обстоятельством уступительности. Пятое предложение осложнено однородными подлежащими и пояснением. Между этими двумя предложениями установлена контактная параллельная связь.

Зачин и концовка связаны между собой дистантной параллельной связью.

Второе и третье предложения являются медиальной частью ССЦ. Они отличаются от остальных предложений как по структуре, так и по цели высказывания. Второе предложение – восклицательное, третье – вопросительное. Во втором предложении наблюдаем инверсию. Оно – простое, двусоставное, распространенное, полное предложение. Третье – многочленное сложноподчиненное предложение. Между предложениями цепная связь посредством местоимения. Союз *әгәр* ‘если’ выражает условное отношение. Между первым и третьим предложениями наблюдаем дистантную цепную связь посредством лексического повтора (*малайга* ‘мальчику’ и *малайның* ‘мальчика’).

Таким образом, внешнюю структуру сложного синтаксического целого формирует композиция, куда входит зачин, медиальная часть и концовка в тандеме с моделью ССЦ.

По структуре всех компонентов ССЦ (зачин, медиальная часть и концовка) определяется модель сложного синтаксического целого.

Внутренняя и внешняя структура сложного синтаксического целого тесно связаны между собой. Следует подчеркнуть, что при комплексном анализе ССЦ должны быть учтены особенности как внутренней, так и внешней структуры сложного синтаксического целого.

Список литературы

1. *Бабенко Л.Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
2. *Вәлиева Э.* Акча бездә бер букча / Э. Вәлиева // Ватаным Татарстан. – 2016. – 30 дек.
3. *Низами Р.М.* Без яшибез / Р.М. Низами. – К.: Татар. кит. нәшр., 2011. – 526 б.
4. *Папуша И.С.* Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование: дис. ... док. филол. наук / И.С. Папуша. – М., 2011. – 401 с.

10.02.19

Л.Б. Здановская

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина»,
кафедра иностранных языков,
Краснодар, zdanovskaya2903@gmail.com

**ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ
«ПАНТЕОН ВЛАСТИ» / "PANTHEON OF POWER" / "PANTHEON DER MACHT"
В АСПЕКТЕ РАССМОТРЕНИЯ КОНЦЕПТОВ СОЗИДАНИЯ**

В статье анализируется специфика когнитивной и языковой объективации понятия «Пантеон власти» / "Pantheon of power" / "Pantheon der Macht" на оригинальном материале публицистических изданий Х. Зайпеля, Б. Вудворда, Э. Ролл в русской, американской и немецкой языковых пространствах. Автором исследуются особенности признаковых характеристик понятия, позволяющие отнести его к концептам созидания с бинарной коннотацией.

Ключевые слова: *концепт, лингвокультура, бинарная коннотация, созидание, деструкция.*

Архитектура глобального миропорядка, подвергаемая усиленному прессингу со стороны основных политических сил, руководителей политических партий, соотносимых с крупнейшими государствами мира, «проходя тест» на прочность, устойчивость и стабильность, демонстрирует угрожающую тенденцию к деструктивному характеру развития событий. В данном контексте особый смысл приобретает появление концептов созидания, в состав которых нами включены «понятия, имплицитные действие, процесс, направленные на создание нового, не существовавшего ранее, произведенного при наличии определенных способностей или воображения» [3. С. 69].

Перейдем к рассмотрению понятия «Пантеон власти» / "Pantheon of power" / "Pantheon der Macht" в русской, американской и немецкой лингвокультурах.

Символом сосредоточения государственной политической власти, ее «пантеоном», как правило, выступает официальная резиденция главы государства (правительства), соотносимая с его именем: русский «Пантеон власти» – Кремль – Владимир Путин (с 2012 по настоящее время); американский "Pantheon of power" – The White House – Donald John Trump (2017-2021гг.); немецкий "Pantheon der Macht" – Der Bundestag – Angela Dorothea Merkel (2005-2021).

Идеально организованный и строго упорядоченный «Пантеон власти» – Кремль – выступает основным смысловым компонентом в следующих словосочетаниях: «*хозяин Кремля*», «*Кто хозяин в Кремле?*»; «*<...> Кремль не упускал ни одной возможности <...>*»; «*механизмы в Кремле <...>*» [2. С. 30; «*кремлевские стратегии*», [2. С.78].

Кремль президента Путина как *средоточие* центральной политической власти сравним «*<...>* с замысловатыми сооружениями древних греков и египтян, отличавшимися бесчисленными переходами, извилистыми коридорами, тайными помещениями» [4. С. 103]. Конструктивная, полномасштабно созидательная деятельность Кремля, по мнению Х. Зайпеля, активно поддерживаемая многочисленным электоратом хозяина русского «Пантеона власти», не оставляет сомнений в неизменности выбранного курса: «*<...> Путин и дальше будет рассматривать ход вещей в присущей ему манере, а Запад – продолжать жить своими мифами*» [2. С. 345].

Олицетворением немецкого "Pantheon der Macht" является величественное здание парламента Германии (der Bundestag). Весьма любопытным, на наш взгляд, и, несомненно, заслуживающим внимание, является констатация факта: имя федерального канцлера Германии Ангелы Меркель в период пребывания в должности канцлера не ассоциируется в

немецком языковом сознании с сооружением, предназначенным для местопребывания (проживания) главы государства, а именно с Bundeskanzleramt – ведомством федерального канцлера: „*Ich wollte in den Bundestag.*“ [6. С. 117]. Словосочетание «*Отцы-основатели*» (*'Gründerväter'*) ассоциативно воспроизводит в сознании образы немецких канцлеров, хозяев «германского пантеона», начиная с 1949 года, внесших весомый вклад в становление германской государственности: Konrad Adenauer, Ludwig Erhard, Kurt Georg Kiesinger, Willy Brandt, Helmut Schmidt, Helmut Kohl, Gerhard Schröder. На особый характер политической борьбы за завоевание и удержание лидерских позиций в «Pantheon der Macht» указывает Э. Ролл: „*Wer in der Politik immer auf die gefahrlose Gelegenheit wartet, wer immer alle Risiken und Nebenwirkungen ausgerechnet haben will, bevor er handelt, wer nie spielt, wird seine Macht nicht vergrößern.*“ [6. С. 279]. Экспликация плодотворных, *созидательных* действий «корифеев» "Pantheon der Macht" прослеживается в выражениях „<...> *Architekten der deutschen Wiedervereinigung*“ [6. С. 209]; „<...> *nach dem Mauerfall* <...>“; „<...> *schnelle deutsche Einheit* <...>“ [6. С. 117].

Единица *the White House*, соотносимая с конкретным сооружением, выполненным в неоклассическом палладианском стиле, сохраняя константность на лексическом уровне, подвергается регулярной семантической трансформации. Причины данных изменений объясняются не только архитектурным решением (каждый вновь избранный президент вносил определенный вклад в реконструкцию Белого дома), но и обусловлены индивидуальными характеристиками человека, избранного на пост главы американского государства. Образ американского "Pantheon of power" – Белый дом времен президента Трампа – иллюстрируется словосочетаниями с акцентированной персонифицированной характеристикой резиденции: «*Белый дом президента Трампа*» (*'President Donald Trump's White House'*), «*чиновники Белого дома Трампа*» (*'Trump White House officials'*) [5. С. 190]; «*анархия Белого дома и характер Трампа*» (<...> *anarchy* <...> *of the White House, and Trump's mind* <...>) [5. С. xix]. Негативная характеристика личности хозяина американского "Pantheon of power", представленная Б. Вудвордом, иллюстрируется следующими определениями: "*gaffe-prone*" – *склонный к оплошностям, ошибкам, необдуманным поступкам*; "*profane*" – *непристойный, вульгарный*; "*subversive*" – *разрушительный, провокационный*; *unpredictable* – *непредсказуемый*.

Динамика созидательной, конструктивной деятельности членов команды Трампа передана словосочетанием "*to build a bridge*". «Наведение мостов» – удобный и эффективный путь успешной реализации задуманного, многократно просчитанное движение политика нового формата (<...> *not a professional ladder-climber in politics*) [5. С. 2] к обретению полного контроля над «Пантеоном власти». Единица ассоциативно связана с латинским выражением "*Hosti fugienti pontem substerne aureum*" [1. С. 450] – «*Строить золотой мост отступающему неприятелю*». Фразеологизм, предположительно, имеет отношение к одному из законов Ликурга – политического деятеля и законодателя Древней Спарты, согласно которому спартамцам запрещалось преследовать врага больше, чем этого требовала ситуация. Таким образом, словосочетание "*to build a bridge*" указывает на следующую импликацию: *если правильно и своевременно построить мост, то возникают не только реальные шансы начать впоследствии триумфальное шествие к победе, но и в случае успешных маневров заставить противника отступить с потерей ранее завоеванных им преимуществ*.

Разрушительный, деструктивный характер действий претендовавшего на обретение глобального политического господства "Pantheon of power" раскрывается в словосочетании "*the architects of this mess*" [5. С. 256]. Указанная единица соотносится, по нашему мнению, с фразеологизмом "*to make a mess*" – «*заварить кашу*». Замена инфинитива *to make* существительным *architects* придает более экспрессивный характер высказыванию, демонстрируя полярную трансформацию смысла: архитектор – лицо создающее, творящее, созидующее; "*the architects of this mess*" («*архитекторы этого беспорядка*»), то есть люди, создавшие путаницу, неразбериху, сумбур, скандал, затеявшие неприятное, опасное дело.

Представленная иллюстрация демонстрирует бинарную коннотацию понятия "Pantheon of power", созидание (положительная) ↔ деструкция (негативная, отрицательная).

Подвергнутый сравнительно-сопоставительному анализу материал позволил нам прийти к следующему заключению:

1. Официальные резиденции глав государств и правительств России, ФРГ, США (Кремль, der Bundestag, The White House) соотносимы в языковом пространстве русского, немецкого и американского социумов с именами их политических лидеров.

2. Анализ эксплицируемых признаков репрезентантов понятия в русском и немецком языковых пространствах («Пантеон власти», "Pantheon der Macht") позволяет включить его в группу концептов созидания.

3. Полярность признаков, транслируемых понятием в американском, немецком языковых пространствах, свидетельствует о присутствии двойственной, бинарной коннотации, включающей оппозицию созидание ↔ деструкция. Истинным проявлением американского, западноевропейского стандарта поведения на «политическом небосклоне» является участие властителей «Pantheon of power", "Pantheon der Macht" в развязывании, разжигании национальных конфликтов, ведении затяжных, войн.

4. Особенности признаковых характеристик репрезентантов понятия «Пантеон власти» / "Pantheon of power" / "Pantheon der Macht" обусловлены ментальными особенностями, этнокультурной специфичностью русского, немецкого и американского народов.

Список литературы

1. Бирих К.А., Мокиенко В.М., Степанова А.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М., Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926 с.
2. Зайпель Х. Путин: Логика власти / Пер. с нем. М.: Время, 2016. – 384 с.
3. Здановская Л.Б. Особенности репрезентации концептов созидания в русской, немецкой и английской лингвокультурах // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 4. – С. 66-75.
4. Здановская Л.Б. Лингвокогнитивная экспликация понятия «Пантеон власти» в языковом сознании Х. Зайпеля (На материале на материале книги „Innenansichten der Macht“ // Казанская наука. 2021. №3. – С. 102-107.
5. Bob Woodward. Fear. Trump in the White House. Simon & Schuster 1230 Avenue of the Americas New York, NY 10020. 2018. P. 420.
6. Evelyn Roll. Die Kanzlerin. Angela Merkels Weg zur Macht. Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin, 2009. S. 430.

10.02.19

**А.С. Кисельников канд. филол. наук, М.К. Гулканян канд. филол. наук,
И.И. Кузнецова канд. филол. наук.**

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
кафедра иностранных языков,
Казань, kalejandr@gmail.com

ФОРМУЛА ЧИТАБЕЛЬНОСТИ COH-METRIX L2 READING EASE КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЧИТАБЕЛЬНОСТИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА

Статья актуализирует тему оценки читабельности академического текста на иностранном языке. Успешность правильного восприятия информации текста зависит от различных факторов, в том числе, от его читабельности. Из широкого спектра существующих формул читабельности, в статье применяется формула Coh-Metrix L2 Reading Ease, которая является частью инструмента для анализа сложности текста Coh-Metrix. В работе произведён анализ тринадцати текстов. Корреляция Пирсона применяется для установления наличия/отсутствия зависимости между распределением текстов в учебнике и их индексов читабельности.

Ключевые слова: *Coh-Metrix L2 Reading Ease, Coh-Metrix, академический текст, читабельность текста.*

В современных реалиях трудно представить академический дискурс без продуктов IT-индустрии. Это и онлайн-источники с обширной базой данных (книги, лекции, презентации, видео и т.д.) практически по всем дисциплинам, и современное программное обеспечение, и интернет-инструменты для осуществления различного рода анализа.

Наш интерес сопряжён с академическим текстом, с которым регулярно взаимодействуют студенты. Текст может являться источником информации и языковых знаний одновременно. Чтобы текст был понятен, он должен удовлетворять ряд требований. Например, быть грамотно и правильно составленным, структурированным, целостным, логичным. В противном случае, понимание может быть заблокировано такими факторами, как структура текста или его лексический состав. Подготовка текста для его последующего представления студентам – трудоёмкий процесс, требующий, как чёткого перечня критериев отбора текстов, так и наличие инструментов для осуществления данной работы.

На сегодняшний момент можно говорить о существовании широкого спектра различных автоматизированных программ, способных осуществлять анализ текстов на разных уровнях. Макроуровень предназначен для расчета количественных параметров, таких как слоги, слова, предложения и абзацы в тексте. Микроуровень ориентирован на качественные параметры, такие как семантическая интерпретация, оценка целостности и согласованности текста и другие.

В рамках настоящей статьи мы демонстрируем применение формулы читабельности Coh-Metrix L2 Reading Ease (далее CML2) для анализа академического текста. Источником анализируемого материала является учебник «Английский для инженеров» Поляковой и др. [2]. Мы выбрали 13 текстов, обозначенных в источнике как “Text_номер юнита_С”. Каждый текст взят из отдельного юнита учебника. Данное условие необходимо, чтобы сравнивать подобные тексты одинаковой длины (длина текста, в данном случае, определяется количеством слов) и тематической принадлежности. Мы маркировали каждый анализируемый текст буквой T (T – текст) и числом от 1 до 13. Числовой индекс после буквы T соответствует юниту учебника, который представляет текст. Таким образом, диапазон анализируемых текстов – T1 – T13.

Поскольку тексты расположены в разных юнитах учебника, последовательно удаляясь от начала книги, мы полагаем, что тексты, предъявляемые в начале учебника, должны быть читабельнее, чем тексты, расположенные в конце.

В статье мы проводим анализ на основе данных, полученных при помощи автоматического анализатора текста Coh-Metrix [4], т.к. применяемая формула CML2, была разработана в рамках данной системы. Coh-Metrix широко используемый инструмент для анализа текста [3, 6], который демонстрирует 106 индексов сложности текста. Все показатели, сообщаемые Coh-Metrix, нормализованы по длине текста [7]. Все индексы сгруппированы в 11 пунктов, среди которых: референциальная связность, лексическое разнообразие, синтаксическая сложность и другие [5].

Несмотря на широкое разнообразие критериев оценки текста в системе Coh-Metrix, в работе мы рассматриваем только параметр «читабельность». Coh-Metrix предлагает оценку данного параметра при помощи трёх формул читабельности: Flesch Reading Ease, Flesch-Kincaid Grade Level и Coh-Metrix L2 Reading Ease. Анализ данных текстов при помощи первых двум формул читабельности продемонстрировал отсутствие зависимости распределения текстов от их индексов читабельности [1]. Несмотря на то, что все три представленные формулы имеют одну цель – продемонстрировать предполагаемую читабельность текста для некой целевой аудитории, формулы имеют ряд различий. Например, первые две формулы предназначены для анализа текстов на английском языке для носителей языка, а формула CML2 разработана для прогнозирования читабельности текста изучающими английский язык как неродной.

Представим алгоритм проводимых действий с текстами:

Этап 1. Все тринадцать текстов последовательно проанализированы при помощи автоматизированной системы Coh-Metrix (версия 3.0). В рамках данного исследования, из 106 индексов Coh-Metrix был выбран только индекс читабельности Coh-Metrix L2 Reading Ease.

Этап 2. Реализован анализ соответствия расположения текста в учебнике и его индекса читабельности, а именно, имеется ли закономерность снижения читабельности текстов от начала учебника к его концу.

Этап 3. Расчёт коэффициента корреляции Пирсона для определения наличие линейной зависимости между индексом CML2 и расположением текстов в учебнике.

Применяемая в работе формула читабельности Coh-Metrix L2 Reading Ease имеет вид:

$$CML2 = -45,032 + (52,230 \times \text{значение количества знаменательных слов}) + (61,306 \times \text{значение подобности синтаксиса предложений}) + (22,205 \times \text{значение частоты CELEX})$$
 [3], где все переменные – это количество единиц в тексте.

Применение формулы CML2 предполагает демонстрацию когнитивных и психолингвистических процессов, возникающих при чтении. Для её расчёта используются три переменные: частота слов CELEX (среднее логарифмическое значение частоты знаменательных слов, на основе сформированной базы данных), подобность синтаксиса предложений и количество знаменательных слов) [4]. Работа с такими переменными существенно отличает формулу CML2 от традиционных формул читабельности, которые, в свою очередь, без учёта содержательной стороны текста, оперируют только формальными его параметрами, например, средняя длина слова или средняя длина предложения. Таким образом, формулу CML2, скорее, можно отнести к простым инструментам оценки сложности текста, целью которых является описание текста в соответствии с его синтаксисом, словарным составом, морфологией, семантикой и т.д. Кроме того, данная формула была разработана на основе корпуса академических текстов.

Далее представим результат анализа тринадцати текстов.

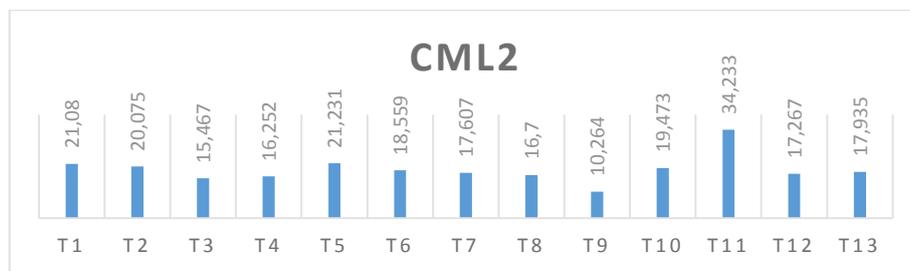

Рис. 1 – Индексы читабельности по формуле CML2

На Рисунке 1, который отражает индексы читабельности текстов на основе применения формулы CML2, мы не наблюдаем снижения читабельности текстов. В то же время, прослеживается сравнительно равный уровень индексов читабельности проанализированных текстов, за исключением текстов T9 и T11, которые определяют крайние границы спектра варьирования индексов читабельности.

Применяемый в работе коэффициент корреляции Пирсона (r) между удаленностью каждого из 13 текстов от начала книги и их индексами CML2 не демонстрирует наличие корреляции, так как имеет значение $r = 0,110943$.

Отсутствие какой-либо зависимости говорит о том, что формулы читабельности не применялись или не являлись одним из основных критериев отбора текстов при составлении учебника.

Список литературы

1. Кисельников А.С., Вахитова Д.К., Казымова Т.С. Применение формул читабельности для определения закономерности распределения академических текстов в учебнике по английскому языку для технических вузов // *Казанская наука*. №3 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022. – С. 165-167.
2. Полякова Т.Ю., Синявская Е.В., Тынкова О.И., Улановская Э.С. Английский язык для инженеров. Москва: Издательский центр «Академия» - 2016. – 560 с.
3. Chang Y., Stone D. Why does decomposed audit proposal readability differ by audit firm size? A Coh-Metrix approach. *Managerial Auditing Journal* 34(8). – 2019. – pp. 895-923.
4. Coh-Metrix – Режим доступа: <http://www.cohmetrix.com> (дата обращения 17.04.22).
5. Joshua W., Rod R., Yusra A. Automated formative writing assessment using a levels of language framework. *Assessing Writing* 34. – 2017. – pp. 16-36.
6. MacArthur C., Jennings A., Philippakos Z. Which linguistic features predict quality of argumentative writing for college basic writers, and how do those features change with instruction? *Reading and Writing* 32(6). – 2019. – pp. 1553-1574.
7. Wiley J., Hastings P., Blaum D., Jaeger A., Hughes S., Wallace P., Griffin T., Britt M. Different Approaches to Assessing the Quality of Explanations Following a Multiple-Document Inquiry Activity in Science *International Journal of Artificial Intelligence in Education* 27(4). – 2017. – pp. 758-790.

10.02.19

Х.Х. Кузьмина, Г.К. Хадиева, Г.Р. Шакирова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра татарского языкознания,

Казань, shirmanx@yandex.ru, gul-khadieva@yandex.ru, shakirova25@mail.ru

АВТОРСКАЯ ИНТЕНЦИЯ В ПОЭМЕ КУЛ ГАЛИ «КЫССА-И ЙУСУФ»

В работе представлены результаты изучения лингвистических средств выражения авторской интенции в поэме XIII века «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. Выявлено, что авторская интенция Кул Гали заключается в утверждении им в поэме основных принципов ислама. В качестве вербальных средств выражения интенции Кул Гали использует тюркские стилистические средства выразительности, такие как эпитет, метафора, антитеза, афоризмы, пословицы и изречения из Корана.

Ключевые слова: *интенция, коммуникативное намерение, стилистические категории, история языка, Кысса-и Йусуф.*

Язык художественной литературы – явление уникальное, требующее основательного изучения как с точки зрения собственно филологии, так и в разноплановом культурологическом аспекте. Его уникальность заключается в открытости системы выбора языковых средств, в свободном использовании любых языковых возможностей, если они эстетически оправданы. В формировании художественности языка огромную роль играет личность автора произведения, его образование, воспитание, мировоззрение, социальный круг общения, т.е. языковой паспорт личности, благодаря которому формируется его коммуникативное намерение – авторская интенция. Зная основные вехи биографии автора, мы можем рассуждать о влиянии на его творчество определенных жизненных ситуаций, которые зачастую меняют интенцию, тем самым меняя авторский стиль коммуникации. Языковое, стилистическое оформление интенции очень важно для художественного стиля литературного языка. Сложно выявить мотивы авторской интенции в художественных произведениях, написанных в древности и в средневековье, когда биография автора в силу светской либо религиозной этики тех времен отодвигалась на самый последний план, иногда автор вовсе не указывался, и исследователи не обладают никакими сведениями о его личности. Так, например, автором крупного тюркского поэтического произведения XIII века «Кысса-и Йусуф» является Кул Гали, в дословном переводе на русский язык его имя звучит как «Раб Гали». Традиция называть себя Рабом (скорее всего, божьим рабом) была присуща тюркским поэтам (Кул Шариф, Кул Мухамед, Мавля Кулый и др.), а также слово *раб* часто встречается в имянаречении татар (Кулбарс, Кулсамат, Кулбек и др.).

Целью настоящей работы является определение лингвистических средств выражения авторской интенции в поэме XIII века «Кысса-и Йусуф» Кул Гали.

Наряду с общелингвистическими методами исследования, такими как описательный, структурный, историко-лингвистический и др., основными методами в работе выступают контент-анализ и интент-анализ, которые предусматривают анализ содержания текста, стилевую и лексико-грамматическую направленность, эмотивность, анализ фреймов и др.

Поэма имеет довольно обширную историю исследования [6], однако в аспекте изучения авторской интенциональности работы ранее не проводились.

Итак, возвращаясь к теме автора произведения «Кысса-и Йусуф», необходимо отметить, что в титульных листах многочисленных рукописей поэмы имя автора не указывается, а авторское название («Кысса-и Йусуф») заменялось другим – «Йосыф китабы» («Книга о Йусуфе»). В конце произведения автор указывает свое имя, обращаясь к Аллаху от первого лица: «*Рахмәт қыйлгыл, рәхим қыйл Қол Фалийә,*» (*Яви доброте, ниспошли милость Кул Гали*) [2, с.294].

«По нашим наблюдениям, многие читатели (исполнители, слушатели) поэмы имеют весьма отдаленное представление о Кул Гали, как об её творце. В бытовой практике поэма жила как бы самостоятельно в духе традиций фольклорных (анонимных) произведений», – отмечает Илбарис Надиров [4, с. 204]. Существует исторический источник – «Таварих-и Булгария» («История Булгарии») Таджетдина Ялчыгол, в котором приводится родословная Кул Гали, однако ученые (М.А. Усманов и др.) целиком и полностью отрицают её правдоподобность [5]. Таким образом, современным исследователям трудно определить, являлся ли Кул Гали священником, либо дворцовым поэтом, или же образованным рабом – в этом отношении достоверных сведений нет, однако авторские интенции, провозглашенные в поэме, дают основание предполагать духовное начало в его деятельности, т.е. о возможном сане священника в Булгарском государстве XIII века.

Как известно, в основе поэмы Кул Гали «Кысса-и Йусуф» лежит библейско-коранический сюжет о Прекрасном Иосифе. Р.Х. Шаряфетдинов, тщательно изучив поэму, отмечает, что «По своему пафосу и художественному своеобразию поэма может быть рассмотрена не только как сказание, но и как произведение с отчетливо выраженной проповедческой и дидактической направленностью, характерной для литературы того периода» [7]. В этом и заключается интенциональное начало автора поэмы – донести до читателя или слушателя основные принципы (не путать со столпами) ислама, это – вера во Всевышнего, в ангелов Всевышнего, в Писание Всевышнего, в Пророков и Посланников Всевышнего, в предопределение Всевышнего, в жизнь после смерти. В исламе есть понятие *ниййа* (ният) – «намерение, провозглашаемое непосредственно перед совершением какого-либо действия, молитвы, поста» [1]. Кул Гали в вступительной части произведения четко демонстрирует свое намерение рассказать о жизни и бытие пророка Йусуфа, о том, как родные братья продали его в рабство, и как позже он стал правителем Египта, и всё это случилось по предопределению Всевышнего.

Итак, рассмотрим первую интенцию автора – намерение рассказать читателям о вере во Всевышнего:

1. Кул Гали начинает повествование с восхваления Всевышнему, употребляя эпитет *Әхәдә* – Единый (единственный) (*Әлхәмду шөкер вә сипас ул әхәдә* (Хвала, благодарение, слава ему, Единому). Далее по ходу повествования автор в лице своего героя несколько раз рассказывает иноверцам о Всевышнем, которые, увидев прекрасное лицо Йусуфа и творимые им чудеса, оставляют свою прежнюю религию, обращаются в ислам и становятся мусульманами. При этом автор устами Йусуфа категорично заявляет о Создателе: «*Йусеф әйдүр: “Йаратқаным халиқ дорыр, Йәрдә, күкдә қоллар үзә разиқ дорыр, Халиқлыга, разиқлыга лаиқ дорыр, – Сезни, безни ул йаратди, белең имди!*» (Йусуф сказал: Меня сотворил Создатель, Дающий жизнь и пищу своим рабам на земле и на небе. Он достойный Творец и Кормилец, Знайте: Он создал всех вас и нас!) [2, с. 110].

2. Авторская интенция о вере в ангелов Всевышнего раскрывается в эпизодах с участием ангела Джабраиль: «*Ул тависе мәлаиқ, пәйке хәзрәт, Қадир аңа гәта қылмыш қати қуввәт*» (Прекраснейший из Ангелов – великий вестник, Наделенный Всемогущим огромной силой) [2, с. 76] Как видно из примера, Кул Гали с помощью эпитетов описывает Джабраиля прекрасным и могущественным. В учении ислама Джабраиль – это ангел, который передает пророкам наставления, вести (*вахи*) от Аллаха, это – божий посланник. Интересно, что в поэме Кул Гали Джабраиль воспринимается как друг, который спешит к Йусуфу в трудные минуты. Следовательно, в сознании читателя закрепляется мысль, что через веру можно обрести духовного друга [3, с. 83]. Также в поэме задействованы и другие ангелы, с помощью которых утверждается авторская интенция – вера в их существование.

3. Авторская интенция веры в Писание Всевышнего – Корана, который упоминается в поэме в вступительной части при перечислении имен пророков: «*Андан соңра эзги Ғосман шәһиди вар, аның васъфен Қоръән эчрә үкди жәббар*» (После него – святому Усману – мученику, Чьё достоинство Всемогущий отметил в Коране) [2, с. 46].

4. Вера в Пророков и Посланников Всевышнего утверждается в самом начале – вступительной части поэмы и их имена часто повторяются в повествовании. Например, автор несколько раз упоминает родословную Йусуфа, тем самым не оставляя сомнений в его наследственной святости: «*Ибраһим ғаммамәсин баиә чалди, Исхақ-зәбих қәмәрини қушандырди, Исхақ сәүчи зәнбилинә азық қуйди, – бардагинә сувин дағый қуйар имди*» (Надел ему на голову чалму Ибрагима, Опоясал поясом Исхак-Забиха, В корзину Исхака положил пищу, В кожаный бурдюк налил воды) [2, с. 60]. Йусуф и сам, понимая всю ответственность ношения «света святости», нередко обращается к своим далеким предкам. Так утверждается авторское намерение доказать существование Пророков и Посланников Всевышнего.

5. Вера в предопределение Всевышнего – самое сильное утверждение автора, провозглашенное в поэме. Является доминирующей интенцией, так как в разных ситуациях акцентируется непредотворимость судьбы и непреодолимость начертанного Всевышним, и провозглашается покорность, терпимость. Автор в различных жизненных ситуациях – во взлетах и падениях героев – призывает к терпимости, к пониманию о божественном предопределении и с целью воздействия на самые тонкие струны души читателей использует как тюркские, так и арабские пословицы, изречения из Корана, такие как «*Қадир мәүлиниң тәдбирин кем ашыра, Нә чара вар, аның хәкме ула имди*» (Кто низвергнет волю Всевышнего? Что бы не делал Раб, свершится суд Его). Ислам в переводе с арабского означает «покорность», и авторская интенция Кул Гали в данном случае состоит в проповедовании покорности и терпимости воле Всевышнего.

6. Вера в жизнь после смерти. Кул Гали утверждает, что все люди, живущие на земле, после смерти попадут в рай или ад, и каждому воздастся по его земным делам. «*Ужмах сатун, тамуг алмаң*» (Продавая рай, не покупайте муки ада) [2, с. 68], «*Дунья – фани, бақый күшек анда имди*» (Этот мир тленен, вечный дворец – там) [2, с. 164]. Как видно из примеров, автор в этом случае так же использует антитезу и афоризмы.

В поэме имеются и другие жизнеутверждающие интенции Кул Гали, такие как категорическое отрицание братоубийства, осуждение прелюбодеяния, торопливости, необдуманности в деяниях и др. В качестве средств выражения интенции Кул Гали выбирает тюркские стилистические средства выразительности, такие как эпитет, метафора, антитеза, афоризмы, пословицы и изречения из Корана. Соглашаясь с Р.Х. Шаряфетдиновым в том, что это «произведение с отчетливо выраженной проповедческой и дидактической направленностью», тем не менее, мы считаем, что «Кысса-и Йусуф» является уникальнейшим образцом художественной словесности тюркских народов, который в течение многих веков был и остается духовной пищей татарского народа.

Список литературы

1. Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде. – М.: Ансар, 2007. – С. 225.
2. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф / Төп текстны (транскрипцияне) әзерләүче, кереш мәкаләне, искәрмә һәм аңлатмаларны, кулъязмаларның тасвирламасын ясаучы филология фәннәре кандидаты Ф.С. Фәсиев. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1983. – 542 б.
3. Кузьмина Х.Х. Лексика поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. – Казань: изд-во ДАС, 2001. – 98 с.
4. Надиров И.Н. Традиции «Кысса-и Йусуф» в татарском фольклоре // Поэт-гуманист Кул Гали. – Казань: Таткнизд., 1987. – 264 с.
5. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 1972. – 223 с. – С. 165.
6. Хисамов Н.Ш. Сюжет Йусуфа и Зулейхи в средневековой тюрко-татарской поэзии XIII-XV вв (Проблема версий). – Казань: ГУП ПИК «Идел-Пресс», 2001. – 215 с. – С. 12.
7. Шаряфетдинов Р.Х. Трансформация коранического сюжета об Иосифе Прекрасном в поэме Кул Гали "Кысса-и Йусуф" ("Сказание об Йусуфе"). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – М., 2009. – 18 с. – С. 7.

10.02.19

В.Н. Лим

Тихоокеанский государственный университет,
Факультет востоковедения и истории,
кафедра восточных языков,
Хабаровск, limvale@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОРЕЙСКИХ ВИДЕОИГР НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье анализируются лингвокультурологические проблемы, с которыми сталкивается переводчик в процессе локализации видеодискурса. Выявляются типы лингвокультурного компонента, лексическо-грамматические трудности, а также предлагаются способы переводческих решений для адекватной передачи игрового видео- контента с корейского на русский язык.

Ключевые слова: перевод; локализация; лингвокультурный компонент; лексическо-грамматические трудности.

Сегодня, в связи с широким распространением видеоигр, актуальной становится проблема выработки теоретических и практических знаний по их локализации на язык пользователей. С точки зрения лингвистики можно говорить лишь о зарождении этой области исследования, терминологический аппарат которой только формируется на пересечении лингвистики, информатики, переводоведения и лингвокультурологии. Однако ученые единодушны в том, что перевод видеоигр представляет собой специфическое направление лингвистических и переводоведческих исследований, требующее междисциплинарного и комплексного подхода. Важно отметить, что при проведении лингвистических исследований необходимо учитывать специфику видеоигр как дискурсивных явлений, относящихся к сфере компьютерных коммуникаций.

Цель исследования заключается в выявлении лингвокультурологических особенностей локализации компьютерных видеоигр на материале корейского и русского языков. Практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты могут быть использованы в курсах стилистики, лексикологии, теории и практике перевода, методике преподавания иностранного языка.

С точки зрения лингвистики, видеоигра представляет собой «набор языковых единиц, создающих отдельный внутриигровой дискурс, который можно анализировать относительно адекватности в контексте современной теории перевода» [5, с.11]. Однако, с позиции переводоведения локализация – это «специфический вид перевода, при осуществлении которого учитываются культурно-специфические особенности адресата» [1]. В целом, по мнению ученых, локализация является более обширным понятием и «включает в себя и трансформацию игрового контента в соответствии с лингвокультурными особенностями принимающей стороны» [5, с.3]. Подчеркивая важность лингвокультурологического компонента в процессе локализации Д. К. Саяхова подчеркивает, что он является «неотъемлемой частью локализации, так как для успешного проведения процесса продукт должен быть адаптирован к картине мира потребителей и восприниматься не как переведённый продукт, а как «свой», созданный на территории данной культуры» [4, с.56]. Данная точка зрения поддерживается при локализации когнитивного пространства на другие восточные языки [2]. Таким образом, можно утверждать, что локализация имеет более широкое значение, чем термин перевод так как, включает в себя наряду с переводом и другие процессы адаптации текста.

В процессе перевода, локализации подвергаются: названия игры, имена собственные, выдуманные слова и выражения, метафоры или единицы, не имеющие равнозначных аналогов в других языках [4]. В случае, когда перевод подразумевает трансформацию языковых единиц с сохранением их семантических и прагматических свойств, то задачи локализации становятся намного шире. Необходимо не только применить адекватные переводческие трансформации, но и интегрировать их в целевую культурную среду [3].

При локализации видеоигр имеется немало технических нюансов, которые обусловлены различием в средней длине слов и фраз в разных языках: русское слово длиннее корейского. Соответственно, переводчик должен учитывать, что при переводе текста на русский язык длина предложения увеличится на 150-170% и будет на 30% длиннее сообщения на корейском языке [7, с.183]. Этот факт неизбежно вызывает техническую проблему – текстовые поля в игре невозможно расширить и подогнать под соответствующие фразы. Таким образом, при переводе игры переводчик должен стараться не превышать число символов оригинальной текстовой строки, в особенности, если она относится к области интерфейса или меню игры.

Лексическая трудность перевода также может быть обусловлена тем, что семантическая структура слов не совпадает в разных языках. Например, если русское слово «земля» имеет более широкое значение, то в корейском языке это значение конкретизируется: 땅(земля), 토지(земля сельскохозяйственного назначения), 부지(земельный участок промышленного назначения), 육지(твердая поверхность в отличие от водного пространства), 토양(почва, грунт).

Если рассматривать видеоигру как отдельный игровой дискурс, представляющий собой определенный набор языковых единиц, то необходимо отметить, что при переводе игровых меню и интерфейса, игровых субтитров и игровых описаний, локализация создает множество трудностей и, что каждая из них требует от переводчика отдельных умений и знаний.

Рассмотрим один из таких текстов, представляющий собой анонс обновлений видеоигры Dota - 2. 내일 업데이트로 도타의 새로운 랭크 시즌이 시작됩니다. 새로운 시즌이 적용되므로, 다시 10번의 등급 산정 매치를 거쳐 새로운 랭크 메달이 지정됩니다. 이번 시즌에는, 이전 랭크를 바탕으로 배정되는 산정 게임에서 실제로 발휘한 경기력에 따라 산정 결과가 크게 달라질 수 있습니다. 이전 시즌 메달은 새로운 메달과 함께 개인 프로필에 표시됩니다. 랭크 메달 시스템 자체에도 몇 가지 변화가 있었습니다 [6]. «Новый сезон начнется после завтрашнего обновления. Вы получите новую медаль после калибровочного матча на десять игр. В этом сезоне калибровка может значительно изменить ранг. В зависимости от вашего уровня игры и на основе ранга прошлого сезона — медаль за него будет отображаться в вашем профиле рядом с новой медалью. Сообщаем, что в саму систему медалей тоже внесены изменения».

Лексический анализ показал, что главной особенностью корейских игровых текстов, является наличие в них значительного количества терминов, образованных от корейских слов и англицизмов. Так, в данном тексте следующие слова заимствованы из английского языка: 시즌 (season) – «сезон», 랭크 (rank) – «ранг», 메달 (medal) – «медаль», 시스템 (system) – «система», 업데이트 (update) – «обновление», 프로필 (profile) – «профиль». Можно выделить и слово-кальку с английского языка - 등급 산정 매치 «калибровочный матч», которое образовано из двух сино-корейских слов и английского match и является термином исключительно для видеоигры Dota 2. Значение этого термина переводчик может определить только из контекста. Характерно, что по частотности использования английских заимствований, данный стиль текста является типичным для корейских текстов видеоигр. Эту особенность следует отнести к универсальным признакам виртуальных коммуникативных пространств исследуемых лингвокультур.

К культурно-специфическим признакам корейского дискурса видеоигр можно отнести явление Konglish – «кореизированные английские слова». Данный пласт лексики имеет корейский акцент, так как заимствование происходит по фонетическим правилам корейского языка. Трудность для переводчика заключается в том, что и в письменном виде и в устной речи в этих англицизмах сложно распознать английский первоисточник. Например, List (리스트) по-корейски звучит как – *рисытхы*; Cyber money (사이버머니) - *саибо мони*; Lamp stand (램프 스탠드) – *рэмпхы стхэнды* [6]. В этом случае переводчику необходимо обратиться к словарю заимствованных слов.

Таким образом, процесс видеоигровой локализации отличается многогранностью и разнообразием, требуя от переводчика многих фоновых и дополнительных знаний, а также четкого понимания медиума, в котором он осуществляет работу. Локализация видеоигр, не ограничиваясь переводом текста с одного языка на другой, требует учитывать еще и дополнительные моменты, важные для представителей той или иной культуры. Следует так же отметить, что данное исследование не охватывает всех аспектов рассматриваемой проблемы, и лингвокультурологические проблемы локализации представляют собой широкое поле для дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Болотина М.А., Кузьмина Е.В. Лексические проблемы перевода компьютерных игр. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. № 1. С. 43—50.
2. Лихова О.М., Кривошеева Е.И. Локализация когнитивных пространств на японском языке (на материале локализации сайта ТОГУ) // Материалы секционных заседаний 60-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ. Материалы конференции. Издательство: Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск). – 2020. – С. 205-210.
3. Петраченко М.В. Локализация компьютерных игр [Электронный ресурс]: текст — Режим доступа: <https://www.rgph.vsu.ru/ru/science/sss/reports/5/petrachenko.pdf> (дата обращения 24.03.2022).
4. Саяхова Д.К. Лингвокультурная адаптация текста при переводе (на материале ви деоигр). [Электронный ресурс]: текст — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnaya-adaptatsiya-teksta-pri-perevode-na-materiale-videoigr> (дата обращения: 21.03.2022.)
5. Саяхова Д.К. Языковая локализация видеоигр: лингвокультурологический и когнитивно-прагматический аспекты. [Электронный ресурс]: текст — Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/yazykovaya-lokalizatsiya-videoigr-lingvokulturologicheskii-i-kognitivno-pragmaticeskii-aspe/read> (дата обращения 26.03.2022).
6. 성두현. 디지털 시대와 언어. 단국대학교출판부. 2016. 259.
7. 최정화 국제회의 통역사되는 길 통번역입문. 서울. KPI Publishing Co.2001. 297.

10.02.19

¹В.М. Липицкая канд. филос. наук, ¹В.А.Тубальцева канд. педагог. наук,
²Д.Б. Закирова канд. филол. наук

¹Казанское высшее танковое командное училище,
кафедра иностранных языков,

²Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
кафедра иностранных языков и языкознания,
Казань, vmnasrtdinova@mail.ru, tubaltseva@mail.ru, zakirovadb@gmail.com

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ DIGITAL NATIVES: КОНВЕРГЕНЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ

Авторами настоящей работы рассмотрены традиционные и современные методы преподавания иностранного языка в ВУЗе. Сделаны выводы о фактической конвергенции методов, применяемых педагогами высшей школы сегодня. Кроме того, доказано правомочное превалирование методов с применением электронных образовательных технологий для современного поколения обучаемых (т. н. digital natives).

Ключевые слова: *традиционные методы, современные методы, электронная образовательная среда, электронный образовательный ресурс, военно-профессиональные тексты.*

Методы преподавания иностранных языков вообще, и английского языка – в частности в научном сообществе принято подразделять на традиционные и современные. Безусловно соглашаясь с целесообразностью названной теоретико-методической дихотомии, авторы настоящей работы, вместе с тем, считают необходимым подчеркнуть, что в случае обучения иностранному языку указанная классификация носит выраженный дескриптивно-хронологический характер, указывающий в большей степени на период очередного расширения категориального аппарата методики преподавания иностранных языков как области знания, нежели маркирующий релевантность или нерелевантность того или иного метода вообще. Объясняется это тем, что, в известной степени, *язык и есть методика*, а прагматическая сверхзадача его изучения остается неизменной на протяжении столетий: это подготовка уверенного актора иноязычной коммуникации, адресата и адресанта вербальных посланий на иностранном языке, явленных изустно или письменно; в различных регистрах, в повседневной и профессиональной сферах речевой деятельности. Таким образом, отмечая, например, преимущества использования коммуникативного метода по сравнению с грамматико-переводным, мы не считаем последний дидактически несостоятельным или утратившим эффективность, но указываем на его периферийный, *немагистральный* для современной системы обучения характер. Представление авторов о неизбежной конвергенции методов обучения (как сознательно избираемой педагогом, так и ситуативно-фоновой) подтверждается, например, наличием в рабочей тетради (Workbook) учебника Language Leader (издательство Pearson Longman), полностью созданного на основе коммуникативной методики, упражнений с заданием “Translate into your own language. Discuss the differences with your partner” (переведите на свой родной язык, обсудите различия с партнёром). Далее, опираясь на сделанное выше и имеющее методологическое значение предупреждение о фактически интегрированном применении как традиционных, так и современных методов обучения иностранному языку, мы рассмотрим обе указанных группы. В своей программной работе, посвященной сравнению и анализу традиционных и нетрадиционных методов преподавания иностранного языка А.Ж. Ахметова, Л.Е. Дальбергенова и П. Коста к первой из названных групп предлагают относить «натуральный, грамматико-переводной, прямой, аудио-лингвальный и аудио-визуальный

методы, метод «общины», метод «тихого обучения», а ко второй, в свою очередь, коммуникативный метод и группу методов проблемного обучения [3]. Авторам настоящей работы указанная классификация видится по-прежнему референтной; однако, не будучи дополненной спектром более современных методов, обусловленных непрекращающимся развитием компьютерных, мультимедийных и Интернет-технологий, предлагаемая система требует уточнений, отвечающих текущему социокультурному и образовательному контекстам. В сущности, область методики обучения иностранным языкам на сегодняшний день является беспрецедентным полем созидательного эксперимента и педагогического творчества: педагогу и методисту доступны во множестве как «классические» разработки, так и новейшие технологии, позволяющие транскрибировать традиционные приемы и методы таким образом, чтобы последние симметрично отвечали образовательным вызовам текущего времени. Отметим, что всевозрастающее значение ориентации на диджитализацию образовательного процесса не есть формальное следование за технологической экспансией. Американским писателем М. Пренски в 2001 году был сформулирован термин “digital natives” («цифровые аборигены», «цифровые уроженцы»), с которым хорошо знакомо российское научное сообщество (см., например, работы М.Ю. Копыловской, С.А. Шейпак, Е.В. Водопьяновой, А.Г. Мартыновой). Так по определению автора принято называть «поколение людей, выросших в эпоху вездесущих технологий, включая компьютеры и интернет» (англ. “the generation of people who grew up in the era of ubiquitous technology, including computers and the internet”) [2]. Мультимедийные и телекоммуникационные каналы информации для представителей этого поколения являются наиболее привычными и органическими, а сама электронная среда для них есть поле продуктивной деятельности. Таким образом, повсеместное внедрение ЭОС и ЭОР в системе российского высшего образования вообще и военного образования – в частности, является фактическим «следованием за жизнью», то есть созданием максимально комфортного образовательного энвайронмента для обучаемых, интуитивно понятного на уровне интерфейса и способствующего овладению общекультурными и профессиональными компетенциями в оптимальные сроки. По мнению ряда современных авторов [4, 7], интеграция электронных образовательных технологий и ЭОР в процесс языковой подготовки приводит к изменению характера взаимодействия преподавателя и обучаемого, способствуя увеличению познавательной самостоятельности последнего, а также трансформирует способ подачи учебного материала, создавая поле иммерсивного, трёхмерного образовательного воздействия (аудиовизуальное, тактильное, психоэмоциональное). Кроме того, обращение к электронным образовательным технологиям позволяет, в соответствии с общемировыми тенденциями и методическими рекомендациями Британского Совета (British Council) [5], сократить т. н. teacher talking time (время говорения преподавателя) до оптимальных показателей, и добиться увеличения student talking time (время говорения студента) на фоне интерактивного характера занятия. Одним из определяющих факторов, влияющим на эффективность обучения с применением электронных образовательных технологий, является качество электронных учебников и ресурсов, обучающих программ. Коллективом кафедры иностранных языков Казанского высшего танкового командного училища на базе программы *SunRay* разработан электронный учебник «Английский язык» в двух частях, успешно применяемый в процессе языковой подготовки курсантов. С методической и структурной точки зрения данный ЭУ является контекстной и тематической адаптацией опыта зарубежных коллег, которые при создании учебного пособия для любого уровня владения языком традиционного предлагают многокомпонентный УМК (книга для студента *Student's book*, рабочая тетрадь *Workbook*, книга для учителя *Teacher's book*, подборка тестового материала *Test File*, банк видеофрагментов и фильмов *Film Bank* и т.д.). Электронный учебник «Английский язык», используемый в Казанском ВТКУ, включает в себя значительный спектр упражнений рецептивного, репродуктивного и продуктивного характера, а также демонстрирует опору на аутентичный материал и междисциплинарный подход: при создании учебника коллектив авторов консультировался с профессорско-

преподавательским составом военных кафедр, что позволило добиться валидности передачи специфической терминологии военного дела в текстах военно-профессиональной направленности. Наряду с электронным учебником преподавателями эффективно применяется спектр электронных образовательных материалов (обучающе-контролирующие интерактивные программы, контролирующие тесты, презентационные слайды), созданных на базе программных мультимедийных сетевых классов DLL (Digital Language Laboratory; NetClass PRO CRMS), а также Rinel-lingo. Современные компьютерные лингафонные классы с ПО Rinel-lingo позволяют преподавателям создавать обучающие и контролирующие интерактивные программы – т.н. «Мультимедийные книги» (название разработчиков ПО). Работа с электронной оболочкой Rinel-lingo способна ситуативно моделировать применение актуальной технологии BYOD (bring in your own device), англ. «принесите (на занятие свой собственный девайс»[1]. Разумеется, применение данной технологии в оригинальном её виде в ВУЗах Министерства Обороны РФ невозможно в связи с существующими требованиями службы Защиты Государственной Тайны. Однако ПО Rinel-lingo предоставляет участникам занятия возможность обмениваться быстрыми сообщениями внутри указанной электронной оболочки: как друг с другом, так и с преподавателем, и даже в формате выделенной группы (диада, триада и т.д.), тем самым предоставляя преподавателю значительный простор для творческих экспериментов, согласующихся с принципов жизнеподобного обучения (lifelike learning) [6]. Таким образом, техническая и технологическая модернизация образовательной среды, эффективное внедрение современных технологий, электронных образовательных ресурсов способствует повышению качества языковой подготовки курсантов, формированию их коммуникативной компетенции для выполнения задач военно-профессиональной деятельности.

Список литературы

1. *McLean KJ* (2016) The Implementation of Bring Your Own Device (BYOD) in Primary [Elementary] Schools. *Front. Psychol.* 7:1739.
2. *Prensky M.* (2001), "Digital Natives, Digital Immigrants Part 1", *On the Horizon*, Vol. 9 No. 5, pp. 1-6.
3. *Ахметова А.Ж., Дальбергенова Л.Е., Коста П.* Традиционные и нетрадиционные методы преподавания иностранного языка. // Вестник Кокшетауского государственного университета им. Ш.Уалиханова – 2019 - №2 – Серия Филологическая. – С. 298-304.
4. *Босикова К.Н.* Информационные и коммуникационные технологии как фактор повышения учебной активности студентов//Высшее образование. 2009. №4.С.76-78.
5. *Насртдинова В.М.* Категории лексических единиц и речевых образцов (ЛЕ и РО), релевантных для использования преподавателем английского языка во время Teacher Talking Time // Казанская наука. – 2020. – №10. – С.82-84.
6. *Насртдинова В.М.* К вопросу о применении принципа lifelike learning (жизнеподобного обучения) в преподавании юридического английского языка // *Magyar Tudomány Journal.* - 2020. - №40. – С.40-41.
7. *Образовательно-инновационные технологии: теория и практика: монография / Е.М. Авласович Н.Е. Александрова А.И. Артюхина и др.; под общ. ред. О.И. Кирикова.* Кн. 5. Воронеж: ВГПУ. 2010. 360 с.

10.02.19

А.И. Мамедбейли

Азербайджанский университет языков,
филологический факультет,
кафедра лексикология и стилистика английского языка,
Баку, mamedbeilifa@mail.ru

РОЛЬ ЧАСТИЦ В РИТОРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА (НА ОСНОВЕ АНГЛИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ)

В данной статье рассматриваются функции частицы в риторической структуре текста. Материалом исследования являются английские художественные тексты. Анализируя языковой материал, автор отмечает, что в данных текстах частица отличается по содержанию от своей морфологической функции, но как морфологическая единица она не сильно отклоняется от нее; в новом контексте она выполняет новую функцию первой грамматической основы в информационном пространстве. Такой подход требует, чтобы служебные части речи, в том числе частицы, характеризовались иначе, чем при традиционном подходе.

Ключевые слова: *частицы, текст, риторическая структура, информация, отношения, служебная, новый подход.*

В процессе коммуникации частицы, как и другие служебные части речи, выполняют многогранную функцию; с одной стороны, усиливает смысл слов и предложений, с другой стороны, он может создавать различные содержательные связи между компонентами текстов, являющихся единицей информации [3, с. 38]. В нормативной лингвистике частицы характеризуются как служебная часть речи как часть речи, усиливающая значение слов или словосочетаний в предложении в зависимости от коммуникативных требований. Однако развитие коммуникации и теории текста, как и других служебных частей речи, требует функционально нового подхода к частицам. Это связано с их ролью в риторической структуре текста.

Новый подход к частицам, прежде всего, дает новые факты о глобальных функциях языковых единиц в передаче информации. С другой стороны, с точки зрения развития интеллектуального уровня людей она ведет к определению любой языковой единицы, особенно новой функциональной сферы частиц. Этот знак проясняет многие вопросы на уровне языкового динамизма. В результате проявляются дополнительные функции частиц в языке. В связи с этим отмечается, что «основной функцией частиц является коммуникативная, т.е. участие в организации коммуникативного процесса как обмена информацией в широком смысле этого слова. Коммуникативная функция частиц заключается не только в выдвигании коммуникативно насыщенного компонента высказывания, но и внесении дополнительных смысловых добавок в смысл высказывания» [4] Поэтому они являются не только маркерами коммуникативного высказывания в языке, но и средством обеспечения смысловой нагрузки текста, а также прагматической нагрузки. Семантические типы частиц в английском языке разделены, или «скорее смысловое значение грамматической лексической единицы находится в форме отношений» [2]. На этих отношениях основана и их функция в риторической структуре текста. Функция частицы в риторической структуре текста возникает в контексте их морфологической природы; они оцениваются с точки зрения организации информации в процессе коммуникации. Например, “ ‘Well’ may the court be dim, with wasting candles here and there; well may the fog hang heavy in it, as if it would never get out; well may the stained-glass windows lose their colour and admit no light of day into the place; well may the uninitiated from the streets, who peep in through the glass

panes in the door, be deterred from entrance by its owlish aspect and by the drawl, languidly echoing to the roof from the padded dais where the Lord High Chancellor looks into the lantern that has no light in it and where the attendant wigs are all stuck in a fog-bank!" (Ch. Dickens "Bleak house"). — «Ну что ж», пусть двор будет тусклым, кое-где гаснут свечи; хорошо пусть туман висит в нем тяжелым, как будто он никогда не выйдет наружу; хорошо, что витражи потеряют свой цвет и не пропускают сюда дневной свет; пусть непосвященных с улиц, которые заглядывают через стеклянные панели в дверях, может отпугнуть от входа его совиный вид и протяжное эхо, доносящееся до крыши с обитого помоста, где лорд-канцлер смотрит в фонарь в котором нет света и где парики дежурных все застряли в тумане!

В тексте частица «well» стоит в начале микротекста, то, что суд в целом погружен во мрак, что горящие свечи не в состоянии разогнать эту тьму, что туман висит в этой густой пелене, что он вечен, что солнечный свет не проникает и т.д., связаны с союзом «well» который существует в сфере коммуникации с частицей. «Эти типы частиц называются дискурсивными частицами» [1, с. 34]. Функционально такое различие частиц контрастирует с их морфологическими особенностями; анализируется как признак новой функциональной сферы. Дискурсивные частицы и морфологические частицы являются репрезентациями одной и той же языковой единицы в разных аспектах; морфологические частицы принадлежат к более ограниченной сфере, чем дискурсивные частицы, то есть дискурсивные частицы относятся к глобальной сфере – уровню информации. Этот уровень имеет свои особенности и требования. Это требование не выходит за рамки частицы, оно действует в контексте знаков в глобальной сфере. Например, *"He was an old man who fished alone in a skiff in the Gulf Stream and he had gone eighty-four days now without taking a fish. In the first forty days a boy had been with him"* (E. Hemingway "The old man and the sea"). — Это был старик, который в одиночку ловил рыбу на ялике в Гольфстриме, и вот уже семьдесят четыре дня он не поймал ни одной рыбы.

Частица «alonein» направляет информацию в микротексте к одинокому старому рыбаку, на его неудавшуюся охоту. Бесконечное невезение старика в улове рыбы приводит, к сожалению, и отдалению мальчика от него и так далее. Здесь только частица («alonein») отделяет старика от других рыбаков и формирует в этом аспекте микротекст. В этом заключается дискурсивность этой частицы. Таким образом, дискурсивные частицы, в отличие от морфологического аспекта, обладают свойством организации текста. Иногда наречие становится частицами и может выполнять эту функцию: *"Suddenly a very little counsel with a terrific bass voice arises, fully inflated, in the back settlements of the fog, and says, "Will your lordship allow me? I appear for him. He is a cousin, several times removed"* (Ch. Dickens "Bleak house"). — Внезапно в глухих селениях тумана возникает очень маленький советник с потрясающим басом, полностью раздутый, и говорит: «Вы позволите мне, ваше сиятельство? Я выступаю за него. Он двоюродный брат, несколько раз удалявшийся».

Частица «suddenly» (вдруг, внезапно) в начале текста – это переход наречий в частицы. Она грамматически теряет свое номинативное значение, абстрагировалась и стал средством связи компонентов текста в микротексте. Эту функцию также выполняют наречия «well», «thus», «suddenly», «therefore», «now» и «then». В этом случае они обычно используются в начале текста. Это происходит как в монологическом, так и в диалогическом текстах. Дело в том, что развитие этих частиц в начале текста создает связь между этой частью и последующими частями как по когезии, так и по когерентности. В этом аспекте реализуется функция данных языковых единиц в риторической структуре текста. «В нормативных грамматиках английского языка частицы используются для усиления, подкрепления, уточнения, ограничения и т.д. Они также имеют связующие функции» [3]. Это связано с функцией данных частиц в риторической структуре текста.

В английских литературных текстах мы также наблюдаем, что союз играет соединительную функцию в функции частиц: *"My father's family name being Pirrip, and my Christian name Philip, my infant tongue could make of both names nothing longer or more explicit*

than Pip. So, I called myself Pip, and came to be called Pip. I give Pirrip as my father's family name, on the authority of his tombstone and my sister,— Mrs. Joe Gargery, who married the blacksmith” (Ch.Dickens “Bleak house”). — Фамилия моего отца была Пиррип, а мое христианское имя Филипп, мой младенческий язык не мог сделать из обоих имен ничего более длинного и ясного, чем Пип. Итак, я назвал себя Пип и стал называться Пип. Я даю Пиррип как фамилию моего отца, на основании его надгробия и моей сестры, миссис Джо Гарджери, вышедшей замуж за кузнеца.

В данном случае «so» — это дискурсивная частица. Союз «but» также используется для выполнения функции частиц в начале текста: *“A whisper still goes about that she had not family; howbeit, Sir Leicester had so much family that perhaps he had enough and could dispense with any more. But, she had beauty, pride, ambition, insolent resolve, and sense enough to portion out a legion of fine ladies”* (Ch.Dickens “Bleak house”). — До сих пор ходят слухи, что у нее не было семьи; как бы то ни было, у сэра Лестера было так много родственников, что, возможно, у него было достаточно, и он мог обойтись без большего. Но у нее были красота, гордость, честолюбие, дерзкая решимость и достаточно ума, чтобы разделить легион прекрасных дам.

Роль частиц в риторической структуре текста состоит в разъяснении, отрицании, утверждении, ограничении и других отношениях, лежащих в основе их морфосемантики. Само понятие отношения имеет абстрактную связь, не ограничивается сферой одной языковой единицы, оно имеет более широкий диапазон. Широту отношений можно охарактеризовать масштабом их развития в зависимости от различных ситуаций в процессе общения. Потому что ситуация полирует языковые единицы функционально. Это позволяет расширять рамки функциональной сферы. В приведенных примерах мотивация частиц в зависимости от характеристик представленной информации также является показателем их динамичности. Основная функция частиц связана с коммуникацией. Информация является основной единицей коммуникации и имеет многогранный характер. Частицы играют роль в организации информации. Он также охватывает риторический аспект текста, который включает в себя структурно-смысловые аспекты.

Список литературы

1. *Абдуллаев К.М.* Теоретические проблемы синтаксиса азербайджанского языка. Баку: Маариф, 1998.
2. *Благочинная А.С.* Частицы в современном английском языке и их перевод на русский // *Образование и наука в России и за рубежом.* 2020. № 7 (71). с. 175-180.
3. *Мамедов А.* Система формальных средств коммуникации при создании текста. Баку: Эльм, 2001.
4. *Маковеева С.Е.* Частицы в современном английском языке (генезис и функциональный аспект). Архангельск, 2001.

10.02.19

Е.В. Соболева

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка (второго),
Москва, sobalen@mail.ru

ЦЕННОСТНО-ИНФОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена изучению прагмалингвистических особенностей языкового манипулирования в ценностно-информативном аспекте на материале текстов политико-публицистического дискурса.

В работе ставится задача в рамках ценностно-информативного подхода провести исследование функционирования основных механизмов речевого воздействия, реализующих возможности манипулятивных стратегий и тактик оказания влияния на ментальную сферу массового адресата и имплицитного внедрения в его психику определенных ценностных установок, соответствующих концепции автора в политико-публицистическом дискурсе. Публицистические тексты анализируются с точки зрения возможности отражения в них ценностных ориентаций участников медийного дискурса: адресантов и адресатов.

Ключевые слова: *публицистический текст, языковое манипулирование, лингвистические механизмы, оценочность; ценностная информативность.*

В контексте современных конфронтационных международных отношений и информационного противоборства возрастает значимость прагмалингвистических исследований, связанных с изучением приемов, стратегий и тактик языкового манипулирования в политико-публицистическом дискурсе, направленного на имплицитное внедрение в психику массового адресата альтернативных ценностных установок и трансформации его системы ценностей.

Предвзятое освещение в средствах массовой информации событий, происходящих в мире, ложная интерпретация фактов и дезинформация стали инструментом внешней политики большинства «недружественных» России стран мира и основной составляющей информационной войны (ИВ), использующей разнообразные языковые приемы для кодирования своих сообщений, обладающих мощным манипулятивным потенциалом [2, с. 10-16.].

В таких условиях информирование массового адресата западными агентствами с использованием заведомо ложной информации и фейковых новостей преследует цель навязывания читателю различных ценностных установок и стереотипов, оказывающих влияние на изменение основ языковой и понятийной картины мира реципиента. Основными приемами внедрения новых ценностных представлений и их языковой репрезентации в массовое сознание являются дезинформация, мистификация и языковое манипулирование.

Феномен языкового манипулирования, как вид речевого воздействия с целью завуалированного внесения в психику адресата чуждых ценностей и убеждений, приводящих к некритическому восприятию адресатом речевого сообщения и к трансформации его когнитивно-психологической системы, давно стал объектом исследования многих областей научного знания: лингвистики текста, политической лингвистики, социолингвистики, когнитивистики, психолингвистики и прагматической лингвистики. С психолингвистической позиции явление манипуляции в политической коммуникации представлено в исследованиях К.А. Крайновой, А.Ю. Мягковой, А.П. Крячковой, Р.А. Сафиной, Е.В. Гориной и других.

В сфере политической коммуникации феномен языкового манипулирования был подвергнут глубокому и всестороннему анализу такими исследователями как Е.В. Сидоров, С.А. Степанов и Н.А. Сидорова. В их работах этот феномен исследовался как средство эффективного воздействия на коммуниканта для изменения его ценностных установок и ориентаций с помощью манипулятивных стратегий и тактик речевого воздействия в интересах адресанта (автора публицистического текста).

Тем не менее, вопросы языкового манипулирования, как средства распространения информации и создания иной ценностной картины мира реципиента, а также проблемы исследования лингвистических характеристик и речевых приемов манипуляции в публицистическом дискурсе, имплицитно внедряющих в сознание адресата систему ценностей адресанта, остаются до конца неизученными.

В связи с этим, в статье проводится углубленное исследование современных инновационных способов, стратегий и тактик речевого воздействия, связанных не только с информированием, но и с дезинформированием реципиента. Основанные на применении ценностно-смыслового механизма порождения текста, реализующего авторский замысел манипулятивные приемы, позволяют внедрять в сознание адресата ценности, соответствующие идеологическим убеждениям автора политико-публицистического текста, его представлениям о мироустройстве и актуальной политической ситуации.

Разработанная профессором Е.В. Сидоровым теория дискурса создаёт предпосылки новой парадигмы исследования речевой коммуникации в различных сферах социальной деятельности человека [7, с. 32]. Рассматривая характерные особенности публицистического дискурса, следует выделить его политическую составляющую, обладающую наивысшей степенью социальной эффективности. Поскольку «современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими людьми, текстами и культурами» [9, с. 55], профессор Е.В. Сидоров определяет содержательную диалогичность категории текста как дискриптивную функцию воздействия посредством убеждения для координации деятельности и речевого поведения участников коммуникации [7, с. 32].

Очевидно, что публицистические тексты, равно как и другие материалы СМИ содержат информацию в преобразованном в соответствии с авторской позицией виде и, следовательно, не могут быть полностью объективными, поскольку содержат определенную оценку описываемых фактов, событий и явлений, данную автором текста. Это позволяет говорить о том, что публицистический текст, как знаковый комплекс, обладает такой характеристикой, как *оценочность*, выражающейся в позиции автора, в его умении оказывать влияние на массовую аудиторию с целью формирования определенных аксиологических установок, закрепляющих в массовом сознании политические, идеологические, морально-нравственные и другие универсальные и этноспецифические ценности.

Проблема оценочности, рассматриваемая как свойство языковых единиц выражать ценностную значимость с позиций теории информации в лингвистике, неотделима от проблемы *ценностной информативности* публицистического дискурса. До сих пор среди ученых остается нерешенным вопрос, «какая закономерность влияет на построение речевого общения, на ход протекания коммуникативных действий?» [6, с. 121-124]. Ряд ученых (А.А. Леонтьев, В.Г. Верещагин, Е.В. Сидоров, В.И. Карасик, Е.Ф. Тарасов, Н.А. Сидорова и др.) оправданно полагают, что ценности определяют речь говорящего и, выражаясь в речевых произведениях, становятся движущей силой речевой коммуникации [5, с. 121-124]. В свою очередь, ценности, являясь субъективными оценками предметов или явлений и играющие роль ориентиров в социальной практике индивида, оказывают влияние на его поведение, а также на процессы создания и понимания текстов [6, с. 122].

Исследование категории «оценочности», как компонента в семантической структуре языковой единицы, устанавливающей ценностное отношение субъекта речи к объекту и языковых средств ее выражения, тесно связано с изучением одной из основных текстовых категорий: *категории информативности*. Под информативностью в нашем исследовании мы понимаем не общую информационную наполняемость текста, а степень его

смысло-содержательной новизны для читателя, который из огромного потока информации выбирает *новую* и полезную для него, а, следовательно, ценную информацию, так как именно она отвечает его интересам и потребностям. Эта информация может быть отнесена к информационному наполнению текста или, другими словами, к информативности текста, и раскрывается в теме, в авторской концепции и авторских оценках, содержащихся в тексте [1, с. 50].

Таким образом, информативность политико-публицистического текста может быть выражена совокупностью фактов, сведений и данных, ментально обработанных, организованных в языковую структуру и внесенных в текст автором. При этом, информативность текста может включать ложную информацию, фейки и различные оценочные языковые средства, для оказания манипулятивного воздействия на реципиента и его индоктринации (навязывание чужих ценностей).

Как известно, тексты, содержащие ложную информацию и фейковые новости, могут оказаться очень привлекательными и информативными для читателей, однако ценностные установки и стереотипы, транслируемые авторами с помощью различных языковых приемов и способов подачи информации, оказывают воздействие на сознание реципиентов и, тем самым, создают почву для соответствующих выводов и умозаключений.

Одним из способов оказания манипулятивного воздействия на реципиента является дезинформация, которую можно определить как «коммуникативный процесс, или метод искажения фактов, сведений в целях введения в заблуждение или навязывания лживых представлений о реальных событиях..., привнося изменения в картину мира и представления о реальности, являющихся выгодными для манипулятора» [9, с. 80].

Однако следует отличать дезинформацию от ложной недостоверной информации. Если недостоверная информация — это любая ложная информация, распространяемая в социальных сетях среди друзей и родных как правдивая или авторами публицистических текстов по ошибке, то дезинформация — это заведомо недостоверная, намеренно распространяемая информация институционального происхождения, когда организация или отдельно взятый человек (автор публицистического текста) намеренно фабрикует и распространяют ложные факты. Однако и те, и другие принадлежат к инструментам манипуляций и, распространяемые в больших масштабах на крупных платформах, выдаются за подлинные новости. Дойдя до обширной и разнообразной аудитории, такие публицистические материалы становятся фейками, в основе которых лежит мистификация — намеренная попытка введения людей в заблуждение через предоставление им несуществующих фактов, фиктивных историй, подкрепленных рядом правдоподобных доказательств, которые воспринимаются значительной частью аудитории как реальность.

В последнее время большое распространение в сети получили информационные продукты, созданные авторами-мистификаторами. Такая практика является коммуникационной стратегией политических элит, главная цель которых - дискредитация какой-либо организации, персоны или целой страны. Особую роль в этом процессе играет политическая мистификация. Получая при этом политические дивиденды, она использует «ложные утверждения политиков, которые вводят в заблуждение общественность и журналистов, имитируя реальные заявления и декларации» [3, с. 77- 82].

Особенностью ложных публицистических материалов является то, что они маскируются под истинные сообщения и создаются, таким образом, «когда в начало материала выносятся самое важное, кульминационный момент события, факта, а далее излагается информация по принципу убывания интереса» [3, с. 77-82].

В качестве яркого примера можно рассмотреть опубликованный 20 января 2022 г. Госдепартаментом США бюллетень под заголовком: «Russia's Top Five Persistent Disinformation Narratives. Fact Sheet Office of the Spokesperson January 20, 2022» [10] (Пятерка самых стойких дезинформационных нарративов в России. Информационный бюллетень Офиса пресс-секретаря 20 января 2022 года).

В данном случае используется намеренно броский заголовок (кликбейт, от англ. click - нажатие клавиши, bait - приманка), предназначенный для привлечения внимания аудитории, и провоцирующий читателя на переход к основному материалу.

Однако, для того, чтобы сделать вывод о том, что в данном материале содержится дезинформация, читателю и переводчику необходимо научиться выявлять лингвистические механизмы или, как их еще называют, текстовые маркеры фейка [8, с. 34].

Очевидно, что данный документ обладает всеми характерными особенностями фейковых текстов, а именно: содержит актуальную информацию, распространяется в медиапространстве и может вызывать сильные эмоции: испуг, страх, возмущение, негодование. Здесь также имеются: анонимная атрибуция информации, упоминание событий, которых не было в действительности, приведение оценок, выгодных авторам, а также ложные высказывания, опирающиеся на свойство неопределенности информации.

«*After invading Ukraine in 2014, the Russian government and state-controlled disinformation outlets began to accuse anyone who questioned Russia's actions of being xenophobic Russophobes*» [10].

Кроме того, в данном случае имеет место следующий прием: «вплетение в «текстовую ткань» событий, которые не имели места или оценка которых детерминирована аксиологическими установками акторов политической коммуникации» [3, с. 77-82].

Второй темой в документе назван «исторический ревизионизм». В качестве примера представители Государственного департамента назвали Пакт о ненападении с Германией, который якобы «поспособствовал скорому началу Второй мировой войны».

«**Theme 2: Historical Revisionism**

When history does not align with the Kremlin's political objectives, *Russian government officials and their proxy voices deny historical events or distort historical narratives to try to cast Russia in a more favorable light and serve its domestic and geopolitical agenda. For example, the 1939 non-aggression pact between the Soviet Union and Nazi Germany, also known as the Molotov-Ribbentrop Pact, which helped precipitate World War II, is politically inconvenient for the Putin regime*» [10].

В данном случае используются следующие приемы: использование «анонимной атрибуции, т.е. отсутствие конкретных имен и фамилий людей, предоставивших информацию» [3, с. 77-82]. **Russian government officials and their proxy voices** - «использование догадок и домыслов о возможных, но точно не известных фактах или событиях, в качестве аргументов» [8, с. 34].

Глава МИД Соединенного Королевства Элизабет Трасс назвала «"highly likely" ("хайли лайкли", "весьма вероятно") "вторжение" России на Украину, несмотря на то, что российские войска начали возвращаться в пункты постоянной дислокации после завершения учений» [4]. (Ср.: «*хайли лайкли*» (*весьма вероятно*) в речи английского премьера Терезы Мей).

На основе проведенного анализа электронной версии оригинальных англоязычных медиаитеткстов в рамках применения ценностно-информативного подхода к изучению и научному описанию приемов, стратегий и тактик языкового манипулирования, мы делаем вывод о том, что комплексное использование разнообразных лингвистических механизмов манипуляции способствует осуществлению авторской интенции – ценностно-информативного воздействия на сознание реципиента. Однако овладение навыками и умениями распознавания манипулятивных лингвистических приемов воздействия, позволит реципиенту распознавать дезинформацию в текстах политико-публицистического дискурса.

В заключение можно сказать, что данное направление исследования позволило нам рассмотреть феномен языкового манипулирования, как способ речевого воздействия на ментальную сферу адресата с целью изменения его ценностных ориентаций и внедрения в его сознание заданной системы ценностей.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 172 с.
2. Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 10-16.
3. Кошкарлова Н.Н., Бойко Е.С. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 77-82.
4. Россия "highly likely" вторгнется на Украину, заявила глава МИД Британии // РИА Новости. 15.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220215/ukraina-1772937343.html>
5. Сидоров Е.В. Общая теория речевой коммуникации: учебное пособие. М.: Издательство РГСУ, 2010. 244 с.
6. Сидорова Н.А. Ценности как ориентир коммуникативных действий // Казанская наука. 2020. № 2. С. 121-122.
7. Сидорова Н.А., Степанов С.А., Лимарова Е.В. Политический дискурс – языковые манипуляции. М., 2018. 177 с.
8. Стернин И.А., Шестернина А.М. Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы. Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. 34 с.
9. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. № 2 (40). 2012. С. 53-59.
10. Russia's Top Five Persistent Disinformation Narratives // U.S. Department of State. 20.01.2022. URL: <https://www.state.gov/russias-top-five-persistent-disinformation-narratives/>

10.02.19

Э.Э. Тундума

Тувинский государственный университет,
кафедра иностранных языков,
Кызыл,
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
кафедра зарубежной лингвистики и теории языка,
Абакан, emilydistance@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ В АССОЦИАТИВНОМ ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

В статье рассматривается структурно-содержательная общность и специфика этнических автостереотипов и гетеростереотипов жителей Республики Тыва, представленных в их ассоциативных полях на соответствующие этнонимы. Показано преобладание позитивных аксиологических оценок по отношению к представителям собственного народа в отличие от восприятия другого народа. В системе гетеростереотипов на двух языках преобладают реакции нейтральной оценки, связанные, в том числе, с номинацией гражданской и (или) этнической идентичности.

Ключевые слова: *этническая идентичность, автостереотип, гетеростереотип, ассоциативный эксперимент, Республика Тыва.*

Исследования этнической стереотипов и межэтнических отношений являются актуальными для многонациональной Российской Федерации, поэтому научным поиском по данной проблематике занимаются ученые, работающие в области политологии, психологии, этнологии, культурологии, этнографии и лингвистики. Этностереотипы, как устойчивые представления о достоинствах и недостатках разных этносов, базируются на классической дихотомии «мы – они» или «свои – чужие». Соответственно в их структуре ученые выделяют два типа стереотипизации: представления о себе, которые называются автостереотипами, и мнения о других в виде гетеростереотипов. Этнические автостереотипы, как правило, включают в основном признаки, «культурно одобряемые», в то время как этнические гетеростереотипы служат резервуаром для отрицательных качеств, нежелательных в собственной культуре и поэтому отчуждаемых [1, 4].

Общее в определении и оценке собственной этничности связано не только с идентификацией с определённой группой, но и эмоционально-оценочным восприятием данной принадлежности. Кроме того, подчеркивается динамичность этнической идентичности, которая может меняться в зависимости от времени и контекста, и поэтому ее следует рассматривать с учетом ее формирования и изменения [3, 5, 6].

Цель данной статьи – выявить современные этнические автостереотипы и гетеростереотипы тувинских и русских жителей республики Тыва, представленные в ассоциативных полях соответствующих этнонимов. Материал исследования был получен автором в ходе свободного ассоциативного эксперимента с участием 250 тувинских и 173 русских респондентов (далее ТР и РР соответственно) с 2018 по 2020 год, которым было предложено написать свои первые ассоциации на такие слова-стимулы, как *тыва кижиги / тувинец и орус кижиги / русские*.

Анализ полученных ассоциативных полей позволил выделить и рассмотреть в сравнительном аспекте ассоциативные линии восприятия русских и тувинцев современными жителями Республики Тыва с точки зрения содержательной структуры, идентичности и аксиологических аспектов.

Автостереотипы русских респондентов

В АП *русские*, сформированном из реакций РР, ведущее место занимает группа реакций, отражающих их связь с Россией и русским народом или гражданскую идентичность (46 %):

нация, Россия / граждане, сильная (нация), народ, страна, земляки, патриотизм, братья.

Нейтральная группа выражена реакциями *люди, человек, разные, сын, школа, сады, строительство* (28%).

Реакции, содержащие эксплицитную позитивную характеристику русских, включают такие оценочные парадигматические и синтагматические ассоциаты, как: *дружелюбные, отзывчивые, простые, открытые и гостеприимство, блины, друзья, работа, выносливость* (11 %). Ассоциативная связь с этнической идентичностью составила 12 %: *славяне, я*.

Таким образом, у РР превалирует гражданская идентичность, которая совпадает с их этнической идентичностью. Россия – это страна, в которой русское население преобладает, и первое значение слова *россияне* – русские оказывается по-прежнему актуальным [см. об этом: 2].

Автостереотипы тувинских респондентов

В АП тувинских респондентов, созданном на основе их реакций на слово стимул *тыва-кижи*, первое место заняла группа позитивной самооценки (49 %), в которой преобладает парадигматическая модель ассоциирования с помощью прилагательных: *бичии сеткилдиг (скромный), хундулээчел (вежливый), ажылгыр, кежээ (работающий, трудолюбивый), хостуг (свободный), томаанныг (смирный), дузааргак (отзывчивый), торелсирек (проявляющий родственные чувства), дидим (смелый)*.

Второе место заняла группа реакций, отражающая этнокультурную идентичность ТР (26 %). *Тувинцы - тыва хептиг (с национальной одеждой), мен (я), чанчылдар (традиции), тыва дылдыг (с тувинским языком), малчын (скотовод), хоомей (горловое пение), тыва кижии (тувинец), угум тыва кижии мен (родом я из тувы)*. Как видно из примеров, реакций, включающих слово *тыва* очень много. Этническая принадлежность ТР играет ключевую роль в их самосознании.

Третья группа реакций описывает внешность тувинцев, которая отличает их от внешнего вида русских (21 %): *монголоид кижии (монголоидный человек), хурен (коричневый, о коже), узун чаи (длинные волосы), бичии карактарлыг (маленькие глаза)*.

Также мы можем наблюдать наличие контрастивных реакций: *тувинец – оожум / тихий, но тувинец – изиг ханныг / горячая кровь, тувинец – орус кижии (русский человек)*. К реакциям, обладающим отрицательной семантикой, можно отнести *порук (застенчивый)* и *эвээш чон (малочисленный народ)* (2%). Реакцию *порук (застенчивый)*, приведенную ТР по отношению к себе, можно считать и особенностью поведения людей азиатского происхождения – консервативное воспитание накладывает отпечаток на их характер и на поведение в обществе. В устах тувинцев можно услышать фразу «мы - эвээш чон (малочисленный народ)», что передает чувства сожаления и беспокойства за свою нацию.

Гетеростереотипы русских респондентов

Ведущее место в русском АП *тувинцы* занимают реакции, характеризующие их этнокультурную идентичность (38 %): *горловое пение, традиции, скачки, юрты, бараны, буддисты, чабаны, хан чай, хан*.

Вторая группа реакций отражает гражданскую идентичность ТР (34 %). Для РР *тувинцы – это нация, народ, состав России*.

Третью группу занимают реакции нейтрально – позитивного характера (22 %). Позитивная оценка (15 %) выражена реакциями: *друзья, братья, сплоченные, хорошие, творческие, семья, вежливый, много друзей, гостеприимство, молодцы*. Нейтральная группа занимает 7 %.

Малочисленные группы реакций связаны с внешностью тувинцев: *азиаты, черные волосы* (3 %) и с негативной оценкой (2 %) - *ножи, дикари*. Минимальная доля негативных характеристик свидетельствует о наличии дружественных отношений между двумя народами, проживающими на одной территории РТ. Это особенно заметно в сравнении с существенно более высокой долей (60%) негативного восприятия тувинцев русскими респондентами в соседней Республике Хакасия в 2007 году [1].

Гетеростереотипы ТР

Первую группу реакций можно обобщенно назвать как «*русские – чужие или другие*»

(70 %). В данной группе, превалирующей является ассоциативная линия характеристики внешности *орус кижги (русских)*, отличающих их от тувинцев (58 %): сарыг (желтый), ак кешиг (белокожий), улуг карактарлыг (большеглазые), славян дурзулуг (славянская внешность). Реакции, выражающие отчужденность тувинцев от *русских* (12 %), выражены синонимичными словами *оске* и *ангы* (в значении *другой или чужой*). Например, *оске нация (другая нация)*, *оске кижги (другой или чужой человек)*, *дылы ангы (другой язык)*, *чанчылдары ангы (другие традиции)*.

Вторая группа реакций отражает гражданскую идентичность русских (17 %): хамааты (гражданин), нация, нациязы орус (нация, русская нация), Россия, Путин. Для тувинских респондентов русские – это граждане РФ.

Позитивная оценка ТР выражена такими реакциями, как орус кижги / русские - эштеривис (друзья), чанында кожа чурттап турар (сосед), чараш (красивый), дузааргак кижги (отзывчивый / чуткий) и составляет 8 %. Реакции *друзья, сосед* отражают дружеские и соседские отношения, сложившиеся у носителей тувинского и русского языков РТ. Следует отметить, что такие реакции представлены как в русских, так и в тувинских АП.

Последняя группа реакций в тувинском АП представлена негативными реакциями (5 %): ааспырак (грубый в разговоре), соок (холодный), чыдыг (дурно пахнущий).

С точки зрения структуры ассоциирования у РР выявлено преобладание парадигматических связей (94 %) – люди, нация, Россия, славяне, народ – о русских и нация, народ, традиции, скачки и т.д. – о тувинцах. У ТР больше синтагматических связей (74 %): чолдак (низкий ростом), кара (темный, о коже), хундулээчел (уважительный, почтительный), биче сеткилдиг (добродушная), чараш (красивый) и др. в отношении тувинцев и сарыг (желтый, волосы кожа), узун (высокий), улуг карактарлыг (большеглазые), кок карактарлыг (синеглазые), ак (белый) для характеристики русских.

Таким образом, анализ ассоциативных полей, сформированных на двух языках – русском и тувинском, выявил содержательную и структурную общность и специфику этнических автостереотипов и гетеростереотипов жителей Республики Тыва. Показано преобладание позитивных аксиологических оценок по отношению к представителям собственного народа в отличие от восприятия другого народа. В то же время и в системе гетеростереотипов на двух языках преобладают реакции нейтральной оценки, связанные, в том числе, с номинацией гражданской и (или) этнической идентичности. Для РР Республики Тыва тувинцы в первую очередь характеризуются с точки зрения их этно-региональной и этнокультурной принадлежности – это коренные жители республики Тыва, в отличие от русских, которые ассоциируются с совмещенной гражданской и этнической идентичностью на уровне РФ. Для ТР русские воспринимаются по заметной линии значения *чужие/другие*. Однако выявленная отчужденность не коррелирует с негативной оценкой – в языковом сознании ТР выявлено больше позитивных групп реакций, показывающих положительную динамику в взаимоотношениях двух народов.

Список литературы

1. *Боргоякова Т.Г.* Этнические стереотипы жителей Хакасии: лингвокультурологический аспект //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т.5, вып. 1. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. С. 5-11
2. *Боргоякова Т.Г., Каксин А.Д., Чугунцова А.Н.* Репрезентация российской, региональной и этнической идентичности // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Научный журнал. №18. Абакан, 2017. С. 19-22.
3. *Дробизева Л.М.* Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с.
4. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
5. Энциклопедический словарь / Словари и энциклопедии на Академике 2000 – 2022: [Электронный ресурс] <https://ethnopsychology.academic.ru/393> (дата обращения 01.04.2022).
6. *Phinney J.S., Ong A.D.* Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions // Journal of Counseling Psychology. 2007, Vol. 54, № 3. P. 271 -281.

10.02.19

О.Р. Хисамов

Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
Отдел лексикологии и диалектологии,
Казань, ohisamov75@mail.ru

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ РЕКУ В ВОСТОЧНОМ ДИАЛЕКТЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуются видовые термины, обозначающие реки в восточном диалекте татарского языка. Проводится сравнительное исследование с другими говорами и диалектами татарского языка и другими родственными и неродственными языками. Научная новизна данного исследования определена изучением специфики категории географических терминов татарской диалектной лексики, которые обозначают реки. Географические термины, обозначающие реки в восточном диалекте являются терминами общетюркского характера и наглядно проявляют близость к татарскому литературному языку и другим его диалектам. Выявлены диалектные лексемы, которые относятся к понятию «река», выделены группы наиболее частотно употребляемых наименований с фонетическими вариантами гидрографического термина йыгыт, цагыт, чагыт, ч^мүгет; қол/қул; лагы/лугы.

Ключевые слова: *восточный диалект татарского языка, река, видовой географический термин, диалектизм, Западная Сибирь.*

Целью исследования является определение особенностей географических терминов, обозначающих реки в восточном диалекте татарского языка. Актуальность данного исследования в том, что анализ специфики лексических единиц определенного диалекта и говора в системе того или иного национального языка позволяет ввести новый языковой материал, в данном случае названия, обозначающие реки, который будет способствовать не только более полному изучению словарного и звукового состава языка или диалекта как целостной системы, но и позволит изучить этнокультурные, социолингвистические особенности.

Материалами анализа являются данные экспедиций Института языка литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, проведенных в 2013-2021 годы в районах компактного проживания татар региона Западной Сибири, также использованы диалектные материалы прошлых экспедиций и диалектологических словарей татарского языка.

Объектом анализа является тематическая группа слов, которая связана с понятием *река*, поскольку по территории Западной Сибири протекает более 2000 рек и расположено около одного миллиона озёр. Их общая площадь составляет более 100 тыс. км².

В тюменском, тобольском, тарском говорах тоболо-иртышского диалекта и в томском диалекте в значении маленькая речка используется термин *йырганақ*, в тобольском говоре термин *йырық*. Но все таки их основное значение “канау, овраг; протока, водомоина; выкопанное место; овраг, расщелина, русло высохшей реки; сухой ров”, и поэтому анализировать их мы будем в разделе оронимов. У заболотных татар и в некоторых других населенных пунктах представителей тоболоского говора зафиксирован термин *йыгыт* в значении “река, протекающая через лесистую местность” [5, с.261]. В других диалектах и говорах татарского языка данный термин не зафиксирован.

В значении “маленькая речка” у заболотных татар используется еще термин *цагыт*. У них же, и у тевризских татар зафиксировано и значение “рытвина, протока”. Термин *цагыт* используется у тевризских и заболотных татар и в значении “лог, овраг”, а в говоре села

Муллаша Тюменского района Тюменской области нами зафиксировано значение “яма, низменность”. В барабинском диалекте зафиксирован термин *ч^мүгет* в значении “болотное озеро”. Термины *цагыт* и *йыгыт* в составе топонимов Западной Сибири не зафиксированы. В других диалектах татарского языка термины не зафиксированы.

В диалектах сибирских татар замечен термин *килбадат* в значении “речка” [2, с. 235]. Камалетдинова З.С. источник этого термина не указала.

В томском диалекте сибирских татар есть термин *қол* в значении “река, речка, русло реки, протока, рукав реки”. Этим термином томские татары называют протоки р. Том, которые появляются после половодья [2, с.235]. Камалетдинова З.С. считает, что термин происходит от общетюркского *кол*, *кул*, *хул* “рука, рукав” и только позднее по уподоблению получил значение притока реки. Ахметзянов Р. считает, что *кол* и *кул* не одно и то же, и с фонетической стороны такой переход не оправдан [1, т.1, с.431-432]. Тем не менее, *қол* в значении «рука» имеется в калмакском говоре томского диалекта: *қолын йоуаты* «руку моет» [5, с.409]. Топографическое значение термина *қол/кул* в диалектологических словарях татарского языка не зафиксировано. В фонетическом варианте *кул* встречается в татарской гидронимии. В значении «река» термин зафиксирован у киргизов, но только в географических названиях [4, с.112].

В топографическом значении термин практический не используется и сохранился только в составе топонимов, хотя, как часть тела человека почти все тюркские народы его активно используют. Причем у большинства тюрков *кул* это “верхняя часть руки”. Вторичное значение «низина, сухое русло, долина и т.д.» сохранилась только в топонимах. О.Т. Молчанова отмечает, что в Горном Алтае встречается большое количество топонимов с исходом на *коол*. Имеются варианты *коол*, *кол*, *хол*, *гол*, *голу*. [3, с. 92]. Термин достаточно активно употребляется и в монгольских языках. Сравните: в монгольском языке *гоул*, *гол* – «река, русло реки; долина; большое озеро; в калмыкском *gol* – «русло, речная долина, река». Таким образом, мы видим, что термин является общеалтайским языковым достоянием.

О.Т. Молчанова пишет, что фонетический вариант термина *гол* распространен в большом ареале охватывающий всю северную и северо-западную части МНР, пограничную часть Китая в провинции Синьцзян до р. Яркенд, затем топонимы с *гол* цепочкой тянутся вдоль китайско-монгольской границы, усиливаясь в районе озера Далай-Нур и реки Шара-Мурэн, а также реки Керулен. А также по всей территории Бурятии и Читинской области, усиливаются на восточной тувинско-монгольской границе и тянутся до Алтая. Дальше начинается свой путь вариант *қол*. Этот ареал тянется с юга Киргизии через бывшие Алма-Атинскую, Семипалатинскую, Восточно-Казахстанскую области Казахстана в Алтайский край и через него в Туву [3, с. 94]. В свою очередь добавим, что термин в фонетическом варианте *қол* добрался до востока Западной Сибири, в Томскую область, куда очевидно, его принесли калмаки из Алтая, возможно, даже раньше более ранние тюркские племена.

В тоболо-иртышском диалекте и особенно в его заболотном говоре активно используются термины *лагы* и *лугы*. *Лагы* имеет значение “небольшая речка вытекающая с озера”. В этимологическом словаре Ахметзянова Р.Г. приведено значение термина «глубокий проток» [1, т.1, с.529]. Термин *лугы*, который зафиксирован нами в говоре юрты Турбинских Тобольского района Тюменской области используется в значении “протока”. *Лагы* зафиксировала в говоре села Лайтамак Тобольского района Тюменской области Д.Г.Тумашевой [6, с.144]. Мы считаем, что все эти термины имеют одинаковое происхождение от русского географического термина *ляга*, который имеет значения “яма среди ровного дна реки или озера; наполненное водою углубление в земле; заболоченное место; высохшее займище, где хороший сенокос”. В деревне Муллаши термин в фонетическом варианте *лагә* применяется в последнем значении.

В словаре Мурзаевых Э. и В. термин ляг, ляга приведен в значении «яма, омут в реке, лужа, болотце, за торфованное озеро; овраг, ложбина, долинка; сырые, иногда и заболоченные понижения на равнинах с зарослями пушистой березы, злаково-осоковым травостоем». Последнее значение авторы зафиксировали в Западной Сибири. А в Восточной Сибири данная лексема бытует в значении «западины, ложбины с луговой растительностью и хорошими сенокосами» [4, с.142].

В качестве детерминатива термин *лагы* зафиксирован в топониме *Лагы пецәнлек*. Так называют одно из мест сенокоса жители деревни Шатанова Ярковского района Тюменской области.

Таким образом, рассмотрев географические термины, обозначающие реку, можно сделать следующие выводы. Географические термины, обозначающие реки в восточном диалекте являются терминами общетюркского характера и наглядно проявляют близость к татарскому литературному языку и другим его диалектам. В ходе изучения выявили диалектные лексемы, которые относятся к понятию «река», выделили группы наиболее частотно употребляемых наименований с фонетическими вариантами гидрографического термина *йыгыт, цагыт, чагыт, ч^мугет; қол/қул; лагы/лугы*.

Определенную часть названий составляют заимствования из русского языка. Также приведенные материалы показывают, что в своем распространении определенные лексемы территориально ограничены. Кроме того, лексический материал отражает активное взаимовлияние говоров разных диалектов между собой, поскольку лексика, как наиболее изменчивый уровень языка, быстрее подвергается влиянию извне.

Перспективы дальнейших исследований видятся нам в более детальном анализе географических терминов, обозначающих реки в восточном диалекте и других диалектах татарского языка, для синхронного и диахронного описания системы географических терминов татарского диалектного языка.

Список литературы

1. *Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка. Казань: Магариф-Вакыт, 2015. Том I, 543 с. Том II, 567 с.
2. *Камалетдинова З.С.* Тюркская ландшафтная лексика Нижнего Притомья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. 257 с.
3. *Молчанова О.Т.* Энциклопедия названий мест Горного Алтая [2-е изд., расш. и перераб.]. Щецин: Volumina.pl Daniel Krzanowski, 2018. том 1.
4. *Мурзаевы Э. и В.* Словарь местных географических терминов. Москва, 1959, с. 303.
5. Татар теленен зур диалектологик сүзлеге. Казан: Татар.кит.нәшр., 2009. 839 б.
6. *Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. 294 с.

10.02.19

¹А.Н. Холстинина, ²Т.В. Холстинина канд. филол. наук, ²А.В. Поройков

¹ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России
(Сеченовский Университет),
Москва, kholstinina.anna@mail.ru,

²ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет (МГОУ),
Мытищи, tat78@mail.ru, povar_18@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛОКУСА ЭФФЕКТА ВЕРБАЛЬНОГО НАСЫЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХО- И НЕЙРОЛИНГВИСТИКЕ

В статье представлен сравнительный анализ результатов новейших исследований в области психо- и нейролингвистики, посвященных феномену вербального насыщения. Отмечается, что отсутствие единого мнения относительно локуса развития сатиации, неточности в моделировании экспериментальной части работ, а также расхождения в терминологии обуславливают необходимость дальнейшего изучения феномена, модификацию экспериментальных подходов и структурирование имеющейся информации.

Ключевые слова: *семантическое насыщение, вербальное насыщение, лексическое насыщение, ассоциативное насыщение, эффект сатиации.*

Феномен семантического насыщения в психо- и нейролингвистике определяется как многократное повторение одного и того же слова или группы слов, которое приводит к субъективному ощущению утраты их смысла [1]. Несмотря на тот факт, что упомянутый эффект, известен ещё с начала 20 века [7], на сегодняшний день не существует единого мнения о механизме, природе и локусе возникновения явления, во многом благодаря малому количеству исследований, посвященных сатиации, и сложностей в моделировании, проведении и интерпретации результатов экспериментальной составляющей. Неопределенность относительно фундаментальных представлений о феномене насыщения, а также неточности в переводе терминов, используемых в зарубежных научных трудах, обуславливают часто неверное использование связанной с эффектом терминологии.

Феномен насыщения в прикладной лингвистике принято именовать по месту его возникновения в структуре модели восприятия. Учитывая отсутствие консенсуса относительно локуса развития эффекта, формируются, как минимум, два существенно отличающихся термина – семантическая и перцептивная или, в рамках лингвистики, лексическая сатиация. Существует также теория ассоциативного насыщения, которая описывает сатиацию, как разобщение восприятия формы и значения слова. Данная реакция возникает, согласно мнению ряда авторов, вследствие нарушения эффективности ассоциации между вышеупомянутыми характеристиками после многократного действия стимула [10].

Термин “семантическая сатиация”, в свою очередь, подчеркивает, что при повторном воздействии одного и того же раздражителя насыщение возникает на уровне когнитивной обработки исключительно значения слова. Для подтверждения семантического локуса сатиации возможно использование методов нейролингвистики, которые позволяют оценивать не только поведенческую реакцию как конечный результат, но и подробно изучать предшествующие нейрофизиологические звенья поведенческого акта. Важную роль в понимании развития насыщения играет исследование потенциалов, связанных с событиями, а в частности изучение изменения амплитуды компонента N400, регистрируемого как ответ на нарушение контекста [6,8]. Так, группа исследователей из Швеции в 2017 году провела ряд экспериментов, сфокусированных на фиксации и оценке модификаций N400, с целью доказательства превалирующего влияния семантической составляющей эффекта сатиации:

участникам, свободно говорящим на шведском языке, было предложено прочесть про себя несколько существительных длиной от 2 до 12 букв, которые демонстрировались по одному в центре экрана компьютера [9]. Слова были объединены в смысловые группы, причем в составе каждой выделяли три компонента: первый - “фиксирующее” слово или прайм, которое появлялось на экране несколько раз подряд с целью достижения эффекта сатиации; второй - целевое слово, имеющее смысловую связь с праймом; третий компонент – целевое слово, не имеющее смысловой связи с праймом. Примером такого “триплета” служит группа “häxa, magi, paraply”, что можно перевести на русский язык как “ведьма, магия, зонтик”. В первом варианте постановки эксперимента прайм, в качестве которого в вышеупомянутом сочетании выступает существительное “ведьма”, 3 раза последовательно возникал на экране, во втором варианте – 30 раз. Следует отметить, что каждые появляющиеся друг за другом праймы имели визуальные отличия, например, различный формат записи (полужирный, курсив) или регистр букв, а в 10% испытаний одно из повторяющихся существительных было заменено на слово, обозначающее цвет, при возникновении на экране которого участникам эксперимента требовалось нажимать на клавишу “пробел”. Данный подход обуславливал сконцентрированность внимания испытуемых на каждом слове и обработку всех представленных элементов на семантическом уровне. По ходу эксперимента проводилась запись электроэнцефалограммы для оценки мозговой активности. При изучении полученных результатов было отмечено заметное увеличение амплитуды N400 в условиях 3 повторений после появления на экране целевого слова, не имеющего смысловой связи с праймом, в то время как после 30 повторений компонент прослеживался уже несущественно. Полученные данные свидетельствуют о снижении степени выраженности N400 при большем количестве воздействий одного и того же стимула, что авторы объясняют ослаблением интенсивности процессов установления смысловой связи между праймом и следующими после него целевыми словами. Таким образом, отсутствие хорошо заметной реакции на контекстуально аномальную информацию после именно 30 повторений по сравнению с 3 при условии визуальных различий последовательно возникающих слов может быть обусловлено развитием эффекта сатиации уже в семантическом локусе.

Однако выборка, представленная в обсуждаемой работе, была достаточно небольшой (25 человек) и состояла преимущественно из молодых испытуемых (в возрасте от 21 до 32 лет), что ограничивало изучение сатиации только одной возрастной группой, и тем самым не учитывало влияния возраста на изменение чувствительности к насыщению. В одном из последних исследований, посвященных семантической сатиации, было отмечено выраженное ослабление прайминг эффекта по мере увеличения количества повторений при решении задач на сопоставление преимущественно у более молодых людей [4]. Так, интерпретируя полученные результаты, авторы сделали вывод о том, что пожилые люди менее чувствительны к семантическому насыщению, чем молодые. Данная особенность требует дальнейшего изучения, поскольку имеет важное значение в разработке критериев отбора объектов исследования сатиации и планировании дизайна эксперимента.

Упомянутый выше термин “лексическое насыщение” указывает, что потеря смысла зависит от изменений в обработке орфографического или фонологического представления слова, то есть возникает “пресемантическая” или перцептивная адаптация посредством модификации обработки непосредственно формы слова. Одной из последних работ, направленных на изучение влияния лексической обработки на развитие сатиации, является исследование 2019 года, где авторы, используя особенности китайского письма, разработали примеры заданий, требующие орфографического анализа записи редко встречающихся идеограмм [5]. Испытуемым требовалось решить являются ли предлагаемые известные иероглифы составной частью сложного мало распространенного иероглифа, который предварительно несколько раз появлялся на экране для стимуляции развития эффекта насыщения. Подобный подход, таким образом, ограничивает обработку демонстрируемой информации непосредственно орфографическим уровнем. В ходе работы было также отмечено конкурирующее влияние, так называемого, эффекта практики, взаимодействие

которого с сатией напоминало соревнование по перетягиванию каната, где в первых испытаниях “выигрывал” эффект практики, что выражалось в ускорении времени ответа в задачах на сопоставление, но в дальнейшем при достижении своего верхнего предела данный эффект уступал свои позиции насыщению, способному накапливаться во времени и, соответственно, замедляющему реакцию испытуемого. Таким образом, в условиях проведенного эксперимента превалирующее значение в развитии сатии имел лексический локус, однако вследствие ряда противоречий с результатами похожих исследований, авторы придерживаются того мнения, что реализация механизма эффекта насыщения способна происходить в любом из рассматриваемых локусов, а именно лексическом, ассоциативном и семантическом, либо, изменяясь во времени, затрагивать несколько локусов одновременно.

Существует также обобщающий термин – “вербальная сатия”, подчеркивающий, что объектом, в отношении которого развивается насыщение, является набор языковых единиц в речи. Данный термин включает в себя более узкие понятия, такие как семантическое, лексическое, ассоциативное, синтаксическое и прочие виды насыщения, и тем самым не отражает связи с определённым локусом.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, мы пришли к выводу, что феномен сатии известен относительно давно, но тем не менее остается мало изученным, что обуславливает неполное понимание процессов, лежащих в основе эффекта насыщения, отсутствие единого подхода к методологии исследований и серьезные расхождения в терминологии по данной проблеме. Также на наш взгляд необходимо уделить больше внимания вопросу исследования влияния возрастных особенностей, структурирования полученной информации, четкого определения и совершенствования методов исследования, моделирования эксперимента и интерпретации результатов. Феномен сатии представляет интерес для многих смежных наук, поэтому требует междисциплинарного подхода к изучению проблемы его функционирования и влияния на когнитивные процессы при восприятии информации и формировании речи.

Список литературы:

1. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. (Экспериментальная психологика, т.1) / *Аллахвердов В. М* – СПб: «Издательство ДНК», 2000. – 528 с.
2. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение: Учебное пособие. / *Гончаренко С.Ф.* - М.: ЭТС. - 2002. - 424 с.
3. *Balota D.A, Black S.*, Semantic satiation in healthy young and older adults. *Memory & Cognition*, 1997. Vol. 25, № 2. P. 190–202.
4. *Black S.R. et al.* Adult Age Differences in Sensitivity to Semantic Satiation // *Experimental Aging Research*. 2022. P. 1–21.
5. *Cao K. et al.* A Lexical Representational Mechanism Underlying Verbal Satiation: An Empirical Study with Rarely Used Chinese Characters // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. P. 2236.
6. *Seyednozadi Z., Pishghadam R., Pishghadam M.* Functional role of the N400 and P600 in language-related ERP studies with respect to semantic anomalies: An overview // *Archives of Neuropsychiatry*. 2021. Vol. 58. №. 3. P. 249-252.
7. *Severance E., Floy Washburn M.* The Loss of Associative Power in Words after Long Fixation // *The American Journal of Psychology*. 1907. Vol. 18, № 2. P. 182–186.
8. *Stalpaert J. et al.* A case series of verbal semantic processing in primary progressive aphasia: Evidence from the N400 effect // *International Journal of Language & Communication Disorders*. 2021. Vol. 56, № 6. P. 1165–1189.
9. *Ströberg K., Andersen L.M., Wiens S.* Electrocortical N400 Effects of Semantic Satiation // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. P. 2117.
10. *Yuan J. et al.* An associative account of Orthographic Satiation in Chinese characters // *Reading and Writing*. 2017. Vol. 30, № 3. P. 631–651.

10.02.19

Е.О. Чурюканова канд. филол. наукГосударственный гуманитарно-технологический университет,
Орехово-Зуево, edellvise@yandex.ru**ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с гендерными исследованиями народного песенного жанра Великобритании. Определяется понятие гендера и гендерных характеристик женского и мужского психотипов. Анализируются лексико-семантические и тематические маркеры песен маскулинного и фемининного типов.

Ключевые слова: *гендер, психотип, фемининный, маскулинный, народная песня.*

Лингвистические исследования последних десятилетий носят смежный характер и ориентируются на проявление культуры, ментальности и поведенческих характеристик в языке. Социокультурные и лингвопсихологические исследования языковых явлений оказываются особенно актуальными в настоящее время, поскольку все теснее проявляется зависимость языковых характеристик от внешних факторов.

В современной лингвистике социокультурные дифференцирующие признаки, связанные с половыми особенностями, предопределяющие лингвокоммуникативное поведение, называется гендером. Гендер считается явлением социального порядка, поскольку гендерные характеристики предопределяются и формируются в обществе. Принято говорить о женской идентичности и мужской идентичности, которые несут в себе социальную информацию через внешние признаки (поведение, самопрезентацию) и языковые характеристики и речевые стратегии.

Первые гендерные исследования носили социальный характер и были связаны с дискриминационным положением женщины в обществе. В современной науке гендерные исследования носят обобщенный характер и являются совокупностью знаний многих направлений учений о человеке – философских, политических, экономических, социальных, лингвистических. В современном социуме гендерный подход для описания разного порядка явлений является новым, поскольку традиционно общество рассматривалось как патриархальное, что подразумевает главенствующую роль мужчины и дискриминацию женщины. В основе современных концепций «гендера» лежит символический психоанализ Ж. Лакана, который появился в середине XX века. Его основной идеей является то, что «важнейшую роль в самоидентификации и выборе соответствующих социальных ролей играет «символическое, языковое, культурное». «Биологическое» здесь выполняет лишь провокационную функцию». Таким образом, понятие гендер является социально-культурным явлением, подкрепляемым физиологическими особенностями человека.

Исследователи отмечают, что пол имеет определённый морфологический маркер во многих языках. В целом же речь женщин и мужчин имеет ряд дифференцирующих признаков, ли преференций. Известно, что мужчины и женщины по-разному воспринимают действительность и оперируют фактами действительности. Это обусловлено женскими и мужскими психотипами. Психотипы детерминируются определенными чертами характера, манерой общаться, наличием интересов, что в совокупности формирует модели речевого поведения. Модель речевого поведения зависит от возраста, жизненного опыта, воспитания, культурных традиций и прочих условий жизни [4, с.98] Гендерная лингвистика основывается на социолингвистических учениях и обусловлена ростом интереса к прагматическому аспекту учения о языке. Гендерные исследования включают в себя феминистские и маскулинные исследования, психолингвистический анализ пола (гендера), а также гендерные субкультуры. Ряд задач, которые решает гендерная лингвистика, основываются на изучении

языка и отражении в нем специфических характеристик пола, а также речевое поведение мужчин и женщин, специфические гендерные речевые стратегии, гендерные предпочтения фонетического, номинативного, синтаксического, стилистического характера.

Гендерная лингвистика прежде всего описывает концепты «женственность» (фемининность) и «мужественность» (маскулинность) в лингвистическом ракурсе. Женская лексика имеет ряд особенностей и содержит обозначение досуговой и рекреативной деятельности женщины. Указывая на основной различительный гендерный принцип языка, важно отметить, что для женщины важна форма, для мужчины важен смысл. Форма выражается в использовании различных аффиксов, дополняющих значение слов. Мужчине свойственно ссылаться на авторитетные источники, его речь характеризуется доминированием логического типа мышления (причинно-следственные связи).

Целью настоящей статьи является гендерный лингвистический анализ английских народных песен. Нами выдвигается гипотеза, что народные песни носят гендерно зависимые лексические и семантические характеристики, что должно находить дифференцированное выражение в фольклорных композициях женского и мужского вариантов. В качестве объекта исследования нами выбрана народная песня, поскольку в ней находит концентрированное выражение существующих национально-культурных концептов, характерных для различных исторических периодов и закреплённых за определённой этнической группой.

Народная песня представляет собой поэтическое произведение в форме куплетов, имеющее вокальное исполнение. Жанровое разнообразие народных песен неисчерпаемо: к ним относятся песни лирического, исторического или обрядового характера, а также, связанные с темой труда и быта. Народная песня в своём историческом развитии существовала в устной форме, как основной традиционный народный вид творчества. Специфическим признаком народной песни является синкретизм, поскольку народное творчество носило в эпоху своего становления эстетико-прикладной характер. Ценность народной песни заключается в её способности аккумулировать многовековой культурно-исторический опыт этнической группы и передавать его, в частично изменённой форме, новым поколениям. В связи с выше сказанным, народную песню можно определить как продукт многовекового культурно-исторического развития этнической группы, имеющий специфические лингвистические характеристики и являющийся формой выражения и существования культурно-нравственных концептов.

Приступая к анализу гендерных характеристик английских народных песен, необходимо отметить, что маскулинность и феминность в них могут носить как открытый, так и завуалированный характер.

Народные песни можно условно разделить на женские народные песни и мужские народные песни. Критерием классификации является тематическое и лексическое варьирование народного песенного контента.

К народным песням маскулинного типа можно отнести песни про моряков, пиратов, поскольку мореплавание является исторически и географически обусловленным видом занятий англичан. В качестве материала исследования нами были проанализированы народные шуточные песни на предмет проявления в них маскулинных лингвистических признаков. Тематика таких песен содержит сцены из жизни пиратов, моряков, морских приключений. К подобного типа песням можно отнести «What'll we do with a drunken sailor?» («Что нам делать с пьяным матросом?»), «Fifteen men on a dead man's chest» («Пятнадцать человек на сундук мертвеца»). В них прослеживается закономерное употребление специфической мужской лексики, обозначающей род деятельности или с характерной маскулинной маркировкой: *drunken sailor, sober, rusty razor, hawse pipe; Drink and the devil had done for the rest, Ev'ry man jack could ha' sailed with Old Pew* и прочее.

Вторая группа маскулинных песен носит лирический характер и может быть отнесена к группе потенциально феминных песен. В них главный герой и его любовь обречены на несчастные чувства безответной или разрушенной любви, переживание расставания или смерти любимой.

Например, в песне «Greensleeves» («Зелёные рукава») сердце героя разрывается от разлуки с покинувшей его возлюбленной, в «Bonny Barbara Allan» («Любимая Барбара Элэн») повествуется о жестокосердной девушке, оказавшейся равнодушной до сердечных вздыханий юноши, что привело к трагической смерти молодого человека (And slowly slowly raise she up, And slowly slowly left him; And sighing, said, she could na stay, Since death of life had reft him.).

Фемининность любовно-лирических народных песен подтверждается лексико-семантическим наполнением произведений (Greensleeves was *my delight*, Greensleeves was *my heart of gold*, Greensleeves was *my heart of joy*, And who but my lady Greensleeves).

Этим объясняется и тот факт, что повествование в этого типа песнях, изначально ведущееся от лица мужчины, позднее переходит к девушке, нередко с трансформацией ведущего сюжета повествования. Так, например, в песне «All Around My Hat» («На полях моей шляпы») в оригинальной версии речь идёт о рыбаке, клянущемся в вечной любви к девушке, по одной версии, сосланной за кражу на каторгу, по другой версии, вышедшей замуж за другого. Однако в более поздних версиях роли героев меняются и повествование ведётся от лица девушки (But my own true love I've lost, I'll sing and I'll be merry, When occasion I do see, *He's a false, deluding young man, Let him go, farewell he, and ...*). К народным песням фемининного типа можно также отнести и «Let No Man Steal Your Thyme» («Никому не позволяй срывать твой чабрец»), в которой повествование ведётся от лица девушки, просящей своих подруг никому не позволять срывать чабрец (символ плодородия), что символизирует утрату счастья и любви (For when your thyme, it is past and gone He'll care no more for you, And every place your time was waste Will all spread over with rue Will all spread over with rue).

В народных английских песнях четко прослеживается гендерная маркированность тематического и лексического наполнения произведений, что позволяет нам утверждать наличие песен маскулинного и фемининного типа. Однако песни фемининного типа носят промежуточный или завуалированный характер, поскольку в некоторых случаях являются продуктом переосмысления сюжета, что в целом подтверждает положение о первичности патриархального (маскулинного) начала в языке.

Список литературы

1. Афлетунова Г.Э., Богданов А.И. Особенности речевого поведения мужчин и женщин [Текст] // Научное сообщество студентов XXI столетия. //сб. ст. по мат. XXX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3(30). - Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. – С.32-37
2. Ивлиева П.Д. Феминистская литературная критика и феминистская критика языка (к проблеме определения понятия и явления) [Текст] // Вестник Нижегородского университета им.Н.И.Лобачевского.- №1(2), 2013.- С.112-116
3. Панасенко В.П. Гендерный подход при обучении английскому языку // Молодой ученый. — 2017, №6. -[Электронный ресурс].- Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/140/39660>
4. Чурюканова Е.О. Гендерная дифференциация английского произношения. - Казанская наука. №4 2020г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – С.97-99.
5. Wodak R. Gender and Language: Cultural Concerns [Текст]// International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2015.- P. 690-703

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

В.В. Агеносов, С.С. Царегородцева, Е.В. Шерчалова
СПЕЦИФИКА ХРОНОТОПА РОМАНА
«НЕПОБЕДИМОЕ СОЛНЦЕ» В. ПЕЛЕВИНА

Ключевые слова: хронотоп,
постмодернизм, двоемирие, В. Пелевин.

В статье представлено описание пространства и времени романа В. Пелевина «Непобедимое солнце», выполненное посредством фокусировки исследовательского внимания на отдельно взятых топосах, в которых действуют персонажи произведения, а также осмысления работы автора со временем как художественной категорией, в частности, субъективным восприятием времени героями, представленными интроспективно или репрезентативно. Актеры оказываются в локациях, которые не просто обозначают географию места действия, но также характеризуют персонажей, что позволяет нам применять тезис В.Н. Топорова о взаимосвязи пространства и героя к постмодернистскому произведению.

В.А. Бодров
«НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО.
НЕКОТОРЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: Неточка Незванова,
роман-воспитание, психологизм.

В работе исследуются некоторые художественные аспекты незавершенного произведения Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова», рассматриваются признаки, характерные для романа-воспитания, жанровые особенности произведения, его психологизм.

С.А. Ларин
КОЛЛЕЖСКИЙ СЕКРЕТАРЬ ОБЛОМОВ: ЗАГАДКА ЧИНА

Ключевые слова: И.А. Гончаров; Н.В. Гоголь; Обломов;
Пишеницына; чин; коллежский секретарь.

В статье рассматривается один из наиболее дискуссионных вопросов поэтики романа И.А. Гончарова «Обломов» – трансформация, которая происходит с чином заглавного героя: от «губернского секретаря» в рукописи к «коллежскому секретарю» в окончательном печатном тексте. Анализ существующих редакций и вариантов романа позволяет предположить, что такое «переозначивание» было связано не только с выстраиванием особой «обломовской» характерологии, но и с влиянием образа Агафьи Матвеевны Пишеницыной, подобно своей предшественнице и обладательнице того же чина Настасьи Петровны Коробочки из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» во многом предопределившей сюжетную судьбу своего как бы «случайного» гостя.

Е.П. Лынова
ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
ОБРАЗА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ ПОВЕСТИ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»

Ключевые слова: реализм, «натуральная школа», воздействие
социальной среды, приемы углубленного психологизма,
романтизм, детские образы.

В статье речь идет об использовании Ф. М. Достоевским в его раннем творчестве реалистических принципов изображения характера главной героини. Автор статьи попытался показать, что разработка детского образа Неточки у Достоевского явилась более достоверной по сравнению с романтическим изображением характера Козетты из романа «Отверженные» В. Гюго. В статье приведены мнения А. В. Дружинина – критика, осуществлявшего анализ изображения детских характеров в повести Достоевского.

V.V. Agenosov, S.S. Tsaregorodtseva, E.V. Sherchalova
THE SPECIFICITY OF CHRONOTOPE OF THE NOVEL
«THE INVINCIBLE SUN» BY V. PELEVIN

Keywords: actor, chronotope,
postmodernism, dual world, V. Pelevin.

The article presents a description of chronotope of V. Pelevin's novel «The Invincible Sun», made by focusing research attention on individual places in which the characters act, as well as understanding the author's work with time as an artistic category, in particular, how the characters presented representatively or introspectively perceive time of performing actions. Actors find themselves in locations that not only indicate the geography of the scene of action, but also characterize characters, which allows us to apply the thesis of V.N. Toporov about the relationship of space and the hero to a postmodernist work.

V.A. Bodrov
«НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА» BY F.M. DOSTOEVSKY.
SOME ARTISTIC ASPECTS OF THE WORK

Keywords: Netochka Nezvanova,
Roman-upbringing, psychologism.

The paper explores some artistic aspects of the unfinished work of F.M. Dostoevsky's "Netochka Nezvanova", the signs characteristic of the novel-upbringing, genre features of the work, its psychologism are considered.

S.A. Larin
COLLEGIATE SECRETARY OBLOMOV: THE MYSTERY
OF THE RANK

Keywords: I.A. Goncharov, N.V. Gogol,
Obломov, Pshenitsyna, rank; collegiate secretary.

The article deals with one of the most controversial issues of the poetics of Goncharov's novel "Oblomov" – the transformation that occurs with the title character's rank: from the "provincial secretary" in the manuscript to the "collegiate secretary" in the final printed text. The analysis of existing editions and versions of the novel suggests that this was connected not only to the "Oblomov's" characterology, but also to the influence of the image of Agafia Matveyevna Pshenitsyna. Like her predecessor and the owner of the same rank Nastasia Petrovna Korobochka from Gogol's poem "Dead Souls", she predetermined the plot fate of her seemingly "accidental" guest.

E.P. Lynova
FEATURES OF THE ARTISTIC REALIZATION OF THE
IMAGE OF THE MAIN CHARACTER OF THE STORY F. M.
DOSTOEVSKY "NETOCHKA NEZVANOVA"

Keywords: realism, "natural school", the impact of the social
environment, techniques of in-depth psychologism, romanticism,
children's images.

The article deals with the use of F. M. Dostoevsky in his early work of realistic principles of portraying the character of the main character. The author of the article tried to show that the development of the children's image of Netochka in Dostoevsky was more reliable compared to the romantic image of Cosette from the novel Les Misérables by V. Hugo. The article presents the opinions of A. V. Druzhinin is a critic who analyzed the depiction of children's characters in Dostoevsky's novella.

Г.И. Модина

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА «ПРОРИЦАНИЙ НЕВЕДЕНИЯ
УИЛЬЯМА БЛЕЙКА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Ключевые слова: жанр, прорицания, изречения, гномическая баллада, дидактическая поэма, философская поэма, переводная литература.

Статья посвящена анализу переводов поэмы Уильяма Блейка «Прорицания Неведения» на русский язык. Рассматриваются жанровая природа поэмы, прослеживаются особенности ее восприятия и воссоздания переводчиками. Анализ позволяет видеть в переводах поэмы Блейка не сумму текстов, но яркий пример феномена переводной множественности и факт русской переводной литературы.

G.I. Modina

GENRE PECULIARITIES OF WILLIAM BLAKE'S
«AUGURIES OF INNOCENCE»
IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Keywords: genre, prophecy, auguries, philosophical poem, translated literature

The article is devoted to the analysis of the Russian translations of William Blake's "Auguries of Innocence". Attention is paid to genre features of the poem, features of its perception and reconstruction by translators are traced. The analysis reveals in the translations of Blake's poem not the sum of the texts, but a vivid example of the phenomenon of translated multiplicity and the fact of Russian translated literature.

Г.А. Абрамова, В.П. Абрамов, В.В. Костенкова
К ВОПРОСУ ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Ключевые слова: лексическая система современного русского языка, специальная лексика современных СМИ, термины, заимствованная лексика, тематический признак.

В статье на современном уровне рассматриваются основные вопросы лексикологического аспекта специальной лексики языка современных СМИ. Дается определение терминам «специальная лексика», «термин», «заимствования». С помощью выделения тематических групп специальных слов анализируется степень актуальности обозначаемых реалий.

G.A. Abramova, V.P. Abramov, V.V. Kostenkova
TO THE QUESTION OF THEMATIC CLASSIFICATION OF
SPECIAL VOCABULARY OF THE LANGUAGE OF
MODERN MEDIA

Keywords: lexical system of the modern Russian language, special vocabulary of modern media, terms, borrowed vocabulary, thematic feature.

The article deals with the main issues of the lexicological aspect of the special vocabulary of the language of modern media at the modern level. The definition of the terms "special vocabulary", "term", "borrowings" is given. By highlighting thematic groups of special words, the degree of relevance of the designated realities is analyzed.

Г.А. Абрамова, В.П. Абрамов, В.В. Тихонов
ИНТЕГРАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ
ИЗДАНИЙ В СЕТЕВОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО

Ключевые слова: сетевое медиaproстранство, интеграция традиционных периодических изданий, сетевые периодические издания, интерактивность, кроссплатформенность.

В статье проанализированы основные процессы интеграции СМИ в цифровое медиaproстранство, вызванные научно-техническим прогрессом и изменениями в системе традиционных периодических изданий. Рассматриваются ключевые особенности сетевых СМИ: высокая скорость передачи информации, больший объем для хранения данных, интерактивность и кроссплатформенность.

G.A. Abramova, V.P. Abramov, V.V. Tikhonov
INTEGRATION OF TRADITIONAL PERIODICALS INTO
THE ONLINE MEDIA SPACE

Keywords: network media space, integration of traditional periodicals, online periodicals, interactivity, cross-platform.

The article analyzes the main processes of media integration into the digital media space caused by scientific and technological progress and changes in the system of traditional periodicals. The key features of the network media are considered: high speed of information transmission, a larger amount of data storage, interactivity and cross-platform.

Аль-Баидхани Валид Абдулкарим Саид, Р.П. Баканов
СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ТЕМЫ ПАТРИОТИЗМА
В ТВОРЧЕСТВЕ ЖУРНАЛИСТА И БЛОГЕРА
ЛЕОНИДА ПАРФЕНОВА

Ключевые слова: журналистика, тема патриотизма, публицистический образ героя, Нижний Новгород, купец, Владимир Зворыкин, Леонид Парфенов.

В статье представлены результаты изучения специфики проявления темы патриотизма в творчестве известного в России и в других странах журналиста и блогера Леонида Парфенова. Материалы исследования: фильмы Л. Парфенова «Карман России» и «Зворыкин-Муромец». Авторы статьи выяснили, что тема патриотизма проявляется в данных фильмах через поступки их героев, часто людей богатых, которые бескорыстно помогли родным городам, стране быть лучше, привлекательнее для потенциальных гостей. Л. Парфенов сформировал медиаобразы героев своих фильмов как смелых, честных людей, не забывающих о своих учителях.

Al-Baidhani waleed Abdulkareem saeed, R.P. Bakanov
THE SPECIFICS OF THE MANIFESTATION OF THE THEME
OF PATRIOTISM IN THE WORK OF A JOURNALIST
AND BLOGGER LEONID PARFENOV

Keywords: journalism, the theme of patriotism, the publicistic image of the hero, Nizhny Novgorod, merchant, Vladimir Zvorykin, Leonid Parfenov.

This article presents the results of studying the specifics of the manifestation of the theme of patriotism in the work of the well-known journalist and blogger Leonid Parfenov in Russia and other countries. Research materials: L. Parfenov's films "Pocket of Russia" and "Zvorykin-Muromets". The authors of the article found out that the theme of patriotism is manifested in these films through the actions of their heroes, often rich people who selflessly helped their hometowns, the country to be better, more attractive to potential guests. L. Parfenov formed media images of the heroes of his films as brave, honest people who do not forget about their teachers.

Альтамеми Мохамедальмуштафа Шукур Махмуд
ОБРАЗ ИРАКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ АРАБСКИХ СТРАН И РФ

Ключевые слова: Ирак, иракское общество, социум, публицистика, арабские страны, пресса.

В данной научной работе, автор попытался проанализировать ключевой образ Ирака в публицистике различных арабских стран и РФ. Помимо этого, была рассмотрена позиция западных СМИ, по отношению к политике Ирака. Актуальность работы диктуется сложившимся кровопролитным образом Ирака в западном и арабских мирах, а

Altamemi Mohamedalmustafa Shukur Mahmud
THE IMAGE OF IRAQ IN THE JOURNALISM OF ARAB
COUNTRIES AND THE RUSSIAN FEDERATION

Keywords: Iraq, Iraqi society, society, journalism, Arab countries, press.

In this scientific work, the author tried to analyze the key image of Iraq in the journalism of various Arab countries and the Russian Federation. In addition, the position of the Western media in relation to the politics of Iraq was considered. The relevance of the work is dictated by the prevailing bloody image of Iraq in the

также влиянием западных и арабских СМИ на становление этого образа. Война в Ираке привела к тому, что образ этой страны ассоциируется с кровопролитием среди западных и арабских журналистов.

О.Н. Горячева, М.Г. Яковлева
ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Ключевые слова: лингвокультурология, пресса, СМИ, прецедентный феномен, заголовок, журналистский текст.
Статья посвящена выявлению и описанию типов прецедентов в СМИ, определению их способов функционирования в периодической печати Республики Татарстан. Цель исследования связана с изучением способов функционирования прецедентного феномена в контексте печатных СМИ. Изучение прецедентных феноменов помогает разобраться в первоосновах существования и развития языков и культур.

А.У. Киньябулатов, Н.Х. Шарафутдинова, С.Г. Аксенов,
В.Д. Чистонов, Э.А. Гурьянова, А.А. Хазиманова,
С.М. Шамсутдинов, Р.Н. Зигитбаев, М.Р. Гайсин
ЮБИЛЕЙНЫЙ ПРОЕКТ «65 ЛЕТ СОЮЗУ ЖУРНАЛИСТОВ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН— 65 ПЕРВЫХ ЧЛЕНОВ
СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР ИЗ БАШКОРТОСТАНА
(1957—2022 ГГ.)»

Ключевые слова: Союз журналистов РБ, журналистика, первые члены Союза журналистов СССР.
В 1957 году было организовано Башкирское отделение Союза журналистов СССР, которое после нескольких переименований стал Союзом журналистов Республики Башкортостан. В 2022 году исполняется 65 лет Союзу журналистов Республики Башкортостан, в рамках юбилейных мероприятий запланирован юбилейный проект «65 лет Союзу журналистов Республики Башкортостан— 65 первых членов Союза журналистов СССР из Башкортостана (1957—2022 гг.)».

В.Л. Кондратская
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО
ОБЩЕСТВА. КРЫМСКИЙ ФОРМАТ

Ключевые слова: социальная журналистика, благотворительность, меценатство, общество, реформа.
В предлагаемой статье утверждается особая роль социальной журналистики при формировании системы ценностей и социальных приоритетов как современного общества, так и общества ушедших веков. Проводятся параллели с историей благотворительности в Крыму в прошлом веке и в наше время, уточняются перспективы и наиболее значимые векторы развития благотворительных движений в регионе.

Г.В. Мишина, Т.А. Цыганкова
«ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ» КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ПРОВОКАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. АКУНИНА ОБ
ЭРАСТЕ ФАНДОРИНЕ

Ключевые слова: Б. Акунин, вторичный текст, первичный текст, заимствования, цитата.
В работе освещается проблема функциональности «вторичного текста» в цикле произведений Б. Акунина об ЭрASTE Фандорине. Рассмотрена поэтика «вторичного текста» в романах «Алмазная колесница», «Турецкий гамбит», «Смерть Ахиллеса» и др. Выявлены некоторые источники заимствований. Систематизированы формы и способы заимствований.

М.С. Штейман
СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ
(НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: конвергенция, масс-медиа, контент, аудитория, региональные СМИ, социальные сети, мультимедиа, интернет.

Western and Arab worlds, as well as the influence of Western and Arab media on the formation of this image. The war in Iraq has led to the fact that the image of this country is associated with bloodshed among Western and Arab journalists.

O.N. Goryacheva, M.G. Yakovleva
A PRECEDENT PHENOMENON IN THE HEADLINES OF
NEWSPAPERS IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Keywords: linguoculturology, press, mass media, precedent phenomenon, header, journalistic text.
The article is devoted to identifying and describing the types of precedents in the media, determining their ways of functioning in the periodical press of the Republic of Tatarstan. The purpose of the study is related to the study of how the precedent phenomenon functions in the context of print media. The study of precedent phenomena helps to understand the fundamental principles of the existence and development of languages and cultures.

A.U. Kinyabulatov, N.Kh. Sharafutdinova, S.G. Aksenov,
V.D. Chistonov, E.A. Guryanova, A.A. Khazimanova,
S.M. Shamsutdinov, R.N. Zigitbaev, M.R. Gaysin
JUBILEE PROJECT "65 YEARS OF THE UNION OF
JOURNALISTS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN -
65 FIRST MEMBERS OF THE UNION OF JOURNALISTS OF
THE USSR FROM BASHKORTOSTAN (1957-2022)"

Keywords: The Union of Journalists of the Republic of Belarus, journalism, the first members of the Union of Journalists of the USSR.
In 1957, the Bashkir branch of the Union of Journalists of the USSR was organized, which, after several renamings, became the Union of Journalists of the Republic of Bashkortostan. In 2022, the 65th anniversary of the Union of Journalists of the Republic of Bashkortostan will be celebrated, as part of the anniversary events, a jubilee project "65 years of the Union of Journalists of the Republic of Bashkortostan - 65 first members of the Union of Journalists of the USSR from Bashkortostan (1957-2022)" is planned.

V.L. Kondratskaya
CHARITY AS A TREND OF MODERN SOCIETY.
CRIMEAN FORMAT

Keywords: social journalism, charity, patronage, society, reform.
The proposed article asserts the special role of social journalism in the formation of a system of values and social priorities of both modern society and the society of bygone centuries. Parallels are drawn with the history of charity in the Crimea in the last century and in our time, the prospects and the most significant vectors of the development of charitable movements in the region are clarified.

G.V. Mishina, T.A. Tsygankova
"SECONDARY TEXT" AS AN INTELLECTUAL
PROVOCATION IN THE WORKS OF B. AKUNIN ABOUT
ERAST FANDORIN

Keywords: B. Akunin, secondary text, primary text, borrowings, quotation.
The paper highlights the problem of the functionality of the "secondary text" in the cycle of works by B. Akunin about Erast Fandorin. The ethics of the "secondary text" in the novels "Diamond Chariot", "Turkish Gambit", "Death of Achilles" and others are considered. Some sources of borrowings have been identified. The forms and methods of borrowing are systematized.

M.S. Shteyman
STRATEGIES FOR THE DEVELOPMENT
OF THE REGIONAL PRESS
(ON THE EXAMPLE OF THE LIPETSK REGION)

Keywords: convergence, mass media, content, audience, regional media, social networks, multimedia, internet.

В статье рассматривается специфика функционирования региональных масс-медиа Российской Федерации в условиях формирования рыночных отношений и ослабления влияния федеральной прессы. Выделяются факторы трансформации местной периодики на современном этапе. Методология исследования основана на понимании необходимости выработки новой стратегии развития локальных средств массовой информации.

The article discusses the specifics of the functioning of the regional mass media of the Russian Federation in the conditions of the formation of market relations and the weakening of the influence of the federal press. The factors of transformation of local periodicals at the present stage are highlighted. The research methodology is based on the understanding of the need to develop a new strategy for the development of local media.

Ю.В. Шуйская, О.О. Богомолов, К.С. Смекалина
РОЛЬ МЕТОДОЛОГИИ ЖУРНАЛИСТСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО
ЗНАНИЯ В СМИ

Ключевые слова: *Методология,
метод сбора информации, история, СМИ.*

В статье затронута тема правильного подбора методологической основы для популяризации исторического знания в СМИ. Верный выбор методов сбора и интерпретации информации обеспечивает правильное восприятие материала аудиторией. Актуальность продвижения исторического знания в современном мире растет, поэтому необходимо говорить о правильном методологическом подходе к осуществлению данной деятельности.

Yu.V. Shuiskaya, O.O. Bogomolov, K.S. Smekalina
THE ROLE OF THE METHODOLOGY OF JOURNALISM
IN THE POPULARIZATION OF HISTORICAL
KNOWLEDGE IN THE MEDIA

Keywords: *Methodology,
method of collecting information, history, media.*

The article touches upon the topic of the correct selection of the methodological basis for the popularization of historical knowledge in the media. The right choice of methods for collecting and interpreting information ensures the correct perception of the material by the audience. The relevance of promoting historical knowledge in the modern world is growing, so it is necessary to talk about the correct methodological approach to the implementation of this activity.

Н.И. Белунова
ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР И ОСОБЕННОСТИ
ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ТЕКСТАХ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Ключевые слова: *лексико-синтаксический повтор, лексико-позиционный повтор, лексико-композиционный повтор, бессоюзное сложное предложение, абзац, функция: интегрирующая, текстообразующая, экспрессивная.*

В статье дается определение лексико-синтаксического повтора (ЛСП), выделяются его разновидности; определяется синтаксическая и текстовая сфера «бытования» ЛСП в текстах публицистического стиля; выявляются и рассматриваются основные функции ЛСП в соответствующих текстах.

N.I. Belunova
LEXICAL-SYNTACTIC REPETITION AND FEATURES ITS
FUNCTIONING IN THE TEXTS OF JOURNALISTIC STYLE

Keywords: *lexical-syntactic repetition, lexical-positional repetition, lexical-compositional repetition, non-union compound sentence, paragraph, functions: integrating, test-forming, expressive.*

The article gives a definition of lexical-syntactic repetition (LSR), distinguishes its varieties; determines the syntactic and textual sphere «existence» of LSR in journalistic texts; identifies the main functions of the LSR and its consideration in the relevant texts.

Гао Минхун, Ци Гоцзян
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА
ВЫВЕСКИ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В
ПОГРАНИЧНОМ ПОРТЕ ХЭЙЛУНЦЗЯН

Ключевые слова: *вывески, китайский язык, один пояс и один путь, перевод, пиджин, русский язык, Хэйлунцзян.*

Публикация посвящена одной из важных проблем исследования Хэйлунцзянского развития по экономике и обществу-2021, посвящена (Специальному объекту наук иностранных языков) «На фоне инициативы Один пояс и один путь модель перевода лингвистического ландшафта с китайского языка на русский в хэйлунцзянских пограничных портовых городах» № WY2021053-С. Настоящая статья содержит анализ фактов перевода вывесок с китайского языка на русский в контексте типологических особенностей обоих языков. Материал для исследования был собран на территории пограничного порта провинции Хэйлунцзян. Актуальность исследования связана с тем фактом, что изменения языкового кода и этикетных стереотипов с соответствием быстрым изменениям инфраструктуры города.

Gao Minghong, Qi Guojiang
PECULIARITIES OF TRANSLATION OF THE ORIGINAL
TEXT OF SIGNS FROM CHINESE INTO RUSSIAN IN THE
BORDER PORT OF HEILONGJIANG

Keywords: *signs, Chinese, Belt and Road Initiative, translation, pidgin, Russian, Heilongjiang.*

The publication is dedicated to one of the important issues of the study of Heilongjiang Economic and Social Development 2021, dedicated to (Foreign Language Science Special Object) "Against the background of the One Belt and One Road initiative, the model of translation of the linguistic landscape from Chinese into Russian in Heilongjiang border port cities" No. WY2021053 -C. This article contains an analysis of the facts of the translation of signboards from Chinese into Russian in the context of the typological features of both languages. The material for the study was collected on the territory of the border port of Heilongjiang Province. The relevance of the study is related to the fact that changes in the language code and etiquette stereotypes correspond to the rapid changes in the city infrastructure.

Р.Г. Гатаулина
ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА КАК МОТИВИРУЮЩИЙ
ФАКТОР РАЗВИТИЯ УСТНОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ
СТУДЕНТОВ

Ключевые слова: *языковая среда, русский язык как иностранный, коммуникация, аудирование, говорение, респондент.*

Статья посвящена проблеме мотивации иностранных слушателей, изучающих русский язык. В статье описывается, как языковая среда мотивирует учащихся и стимулирует их к усовершенствованию речи. Представлены результаты опроса иностранных слушателей.

R.G. Gataulina
THE LANGUAGE ENVIRONMENT AS A MOTIVATING
FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF SPEECH OF
FOREIGN STUDENTS

Keywords: *language environment, Russian as a foreign language, distance learning, communication, auding, speaking, respondent.* The paper is devoted to the problem of motivation of foreign students studying Russian. The paper describes how the language environment motivates students and stimulates them to improve their speech. The results of the survey are presented.

А.Л. Голованевский, Н.В. Атаманова,
Н.В. Трошина, Т.А. Распопова
ЭПИСТОЛЯРИЙ ТЮТЧЕВА 1820-1849 ГОДОВ И «СЛОВАРЬ
ЯЗЫКА ПУШКИНА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ
ЗАИМСТВОВАНИЙ

*Ключевые слова: заимствования,
эпистолярный Тютчева, Словарь языка Пушкина.*

В статье приводится сопоставительный анализ использования заимствований в эпистолярном Тютчева и в «Словаре языка Пушкина», отразившем всё его творчество. Сопоставительный материал рассматривается с трех сторон: 1) общая для обоих авторов заимствованная лексика; 2) отсутствующие в «Словаре языка Пушкина» заимствования, употребляемые в эпистолярном Тютчева; 3) русские варианты заимствований, по-разному употребляемые Тютчевым и Пушкиным.

А.В. Грудина
РОЛЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ В СОЗДАНИИ
ТЕМПОРАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА «ПОЛТАВА»)

*Ключевые слова: устаревшие слова, темпоральность,
темпоральные указатели, ретроспекция.*

Статья посвящается установлению роли устаревших слов в контексте темпоральной ретроспекции. Рассматривается категория художественного времени, которое мыслится как временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального. Отражение осмысления времени событий по отношению ко времени автора или читателя определяется как темпоральность. Темпоральная ретроспекция понимается как смещение временных планов в прошлое. При этом утверждается ключевая роль устаревших слов в создании ретроспективных ссылок.

А.Р. Дадаева
АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ ЛИЦО / СОВЕСТЬ / ЧЕСТЬ В
МЕТАЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И
ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКОВ

*Ключевые слова: концепт, лингвокультура, совесть, честь,
достоинство, лексема.*

В данной статье проведен анализ концептов ЛИЦО/СОВЕСТЬ/ЧЕСТЬ в русском, немецком и чеченском языках. Автор приходит к выводу о том, что изучение в различных лингвокультурах концептуализацию мира, свидетельствует о том, что сходств в исследуемых лингвоконцептах «честь», «совесть», «достоинство», «долг» больше, чем различий.

З.М. Дударева
ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК ЭРГОНИМ

*Ключевые слова: прецедентность, прецедентный феномен,
эргоним, язык города.*

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием эргонимов, восходящих к прецедентным именам. Акцент работы сделан на анализе наименований магазинов, торгующих товарами для детей, что обусловило особый подход к подобному рода наименованиям. На основе анализа эргонимов показано, что использование прецедентных феноменов из сферы-источников «Сказка» и «Мультфильм» в качестве наименования магазинов является культурно значимым элементом в лингвистическом ландшафте города, в том числе в гносеологическом аспекте.

Е.Р. Зайцев
НОВОСТНЫЕ МЕДИАТЕКСТЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

*Ключевые слова: медиатекст, медиадискурс, региональные
СМИ, информационное пространство.*

В статье рассматриваются особенности новостных

A.L. Golovanevsky, N.V. Atamanova,
N.V. Troshina, T.A. Raspopova
TYUTCHEV'S EPISTOLARY OF 1820-1849 AND «PUSHKIN
LANGUAGE DICTIONARY» FROM THE POINT OF VIEW
OF BORROWING

*Keywords: borrowings, Tyutchev epistolary,
Pushkin Language Dictionary.*

The article provides a comparative analysis of the use of borrowings in Tyutchev's epistolary and in the Pushkin Language Dictionary, which reflected all his work. Comparative material is considered on three sides: 1) the borrowed vocabulary common to both authors; 2) borrowings absent in the «Dictionary of Pushkin's Language» used in Tyutchev's epistolary; 3) Russian versions of borrowings, used differently by Tyutchev and Pushkin.

A.V. Grudina
THE ROLE OF ARCHAIC WORDS IN THE CREATION OF
TEMPORAL RETROSPECTION (on the example of A. S.
Pushkin's poem "Poltava")

*Keywords: obsolete words, temporality,
temporal pointers, retrospection.*

The article is devoted to the problem of establishing the role of obsolete words in the context of temporal retrospection. The article considers the category of artistic time, which is thought of as a time continuum of depicted phenomena, different from the real one. In the article, reflection of the comprehension of the time of events in relation to the time of the author or reader is defined as temporality. Temporal retrospection is understood as the displacement of time plans into the past. At the same time, the key role of obsolete words in the creation of retrospective links is asserted.

A.R. Dadaeva
ANALYSIS OF THE CONCEPTS PERSON / CONSCIENCE /
HONOR IN THE METAL-LANGUAGE SYSTEM OF THE
RUSSIAN, GERMAN AND CHECHEN LANGUAGES

*Keywords: concept, linguistic culture, conscience, honor, dignity.
This article analyzes the concepts PERSON/CONSCIENCE/HONOR in Russian, German and Chechen languages. The author comes to the conclusion that the study of the mentality of various linguocultural communities and the ways they conceptualize the world captured in the language indicates that there are more similarities in the studied linguoconcepts "honor", "conscience", "dignity", "duty" than differences. In general, the unanimity of languages. Moments that are unique to individual languages appear as additional connotations, which are determined by the context.*

Z.M. Dudareva
PRECEDENT NAME AS AN ERGONYM

*Keywords: precedent, precedent phenomenon,
ergonym, language of the city*

This article discusses issues related to the functioning of ergonyms dating back to precedent names. The emphasis is made on the analysis of the names of stores selling goods for children, which led to a special approach to such names. According to the analysis of ergonyms, it is shown that the use of precedent phenomena from the sphere of sources "Fairy Tale" and "Cartoon" as the names of stores is a culturally significant element in the linguistic landscape of the city including epistemological aspect.

E.R. Zajcev
NEWS MEDIA TEXTS IN REGIONAL MEDIA SPACE
*Keywords: media text, media discourse, regional media,
information space.*

The article presents the features of the news media texts as part of the regional information space. Media texts features are

медиа-текстов как части регионального информационного пространства. Особенности медиа-текстов определяются условиями их функционирования, спецификой региона распространения, ожиданиями целевой аудитории. Среди устойчивых признаков новостного медиа-текста можно выделить четкую композиционную структуру, небольшой объем, подчеркнутую информативность, использование преимущественно нейтральной лексики и упрощение синтаксиса.

С.М. Керимова

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В ТРУДАХ РУССКОГО ФИЛОСОФА ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЛЬИНА

Ключевые слова: слово, концепт, ментальность, женщина.

В статье рассмотрена реализация концепта «женщина» в трудах русского философа Ивана Александровича Ильина. Проясняются признаки концепта «женщина» в русской ментальности. Выявляется связь слова с концептом.

determined by the conditions of functioning, the regional specifics and audience expectations. News media text features include distinct compositional structure, small volume, high information value, the use of neutral vocabulary and simplification of syntax.

S.M. Kerimova

THE CONCEPT OF "WOMAN" IN THE WORKS OF THE RUSSIAN PHILOSOPHER IVAN ALEXANDROVICH ILYIN

Keywords: word, concept, mentality, woman.

The article considers the implementation of the concept of "woman" in the works of the Russian philosopher Ivan Alexandrovich Ilyin. The signs of the concept of "woman" in the Russian mentality are clarified. The connection of the word with the concept is revealed.

П.А. Колобаев

МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «ДУХОВНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ» И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

Ключевые слова: теолингвистика; речевой жанр; воспоминания; духовные воспоминания; модель жанра, автобиографическая составляющая.

В статье представляется модель описания речевого жанра «духовные воспоминания», в которую были включены такие параметры, как адресат, адресант, духовно-религиозные интенции автора, христианские образы, репрезентативные лингвостилистические средства, автобиографическая составляющая, проявление локуса. На материале произведений митрополита Евлогия (Георгиевского), митрополита Вениамина (Федченкова), епископа Василия (Родзянко), архимандрита Тихона (Агрикова) показывается реализация модели, разработанной в ходе исследования, определяются основные черты описываемого речевого жанра. В результате исследования делается вывод о наличии в жанре «духовные воспоминания» автобиографического компонента, показывающего путь религиозного становления человека, и особого локуса, места обретения истинных ценностей и христианских смыслов.

P.A. Kolobaev

MODEL OF DESCRIPTION OF "THE SPIRITUAL MEMORIES" GENRE AND ITS IMPLEMENTATION.

Keywords: theolinguistics; speech genre; memories; spiritual memories; genre model, autobiographical component.

The article presents a model for describing the speech genre «spiritual memories», which included such parameters as the addressee, the addressant, the spiritual and religious intentions of the author, Christian images, representative linguo-stylistic means, the autobiographical component, the manifestation of the locus. On the material of the works of Metropolitan Evlogy (Georgievsky), Metropolitan Veniamin (Fedchenkov), Bishop Vasily (Rodzianko), Archimandrite Tikhon (Agrikov), the implementation of the model developed in the course of the study is shown, the main features of the described speech genre are determined. As a result of the study, a conclusion is made about the presence in the genre of «spiritual memories» of an autobiographical component that shows the path of a person's religious development, and a special locus, a place where true values and Christian meanings are acquired.

Т.С. Кондратьева, И.М. Любина

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО АНТРОПОНИМА МОИСЕЙ В МАСС-МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: прецедентный антропоним, медиа-текст, Моисей.

В работе представлены результаты анализа семантико-прагматических особенностей реализации прецедентного антропонима Моисей как составляющей актуального медиапространства, а также выявлены ядерные семантические компоненты, лежащие в основе формирования прецедентного антропонима при его реализации в текстах СМИ.

T.S. Kondratieva, I.M. Lyubina

SEMANTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRECEDENT ANTHROPONYM MOSES IN MASS MEDIA TEXTS

Keywords: precedent anthroponym, media text, Moses.

This paper presents the results of the study of analysis of the semantic and pragmatic features of the implementation of the precedent anthroponym Moses as a component of the current media space, as well as the identification of core semantic components that underlie the formation of the precedent anthroponym when it is implemented in media texts.

Е.С. Константинов

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В ЛЕТОПИСЯХ XIII–XV ВЕКОВ

Ключевые слова: описательный глагольно-именный оборот, диахрония, семантика, сочетаемость.

Статья посвящена изучению семантической сочетаемости глагольно-именных оборотов (ОГИО) в текстах древнерусских летописей. В ходе исследования описаны семантические модели данных единиц, извлечённых из текстов Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописей. Рассматриваются особенности этих конструкций в диахронии.

E.S. Konstantinov

SEMANTIC COMPATIBILITY OF THE COMPONENTS OF A VERBAL-NOMINAL PHRASES IN THE ANNALS XIII–XV CENTURIES

Keywords: verbal-nominal phrases, diachrony, structure, semantics, compatibility.

The article is devoted to the study of the semantic compatibility of verb-nominal turns in the texts of Old Russian chronicles. The study describes the semantic models of these units collected in the texts of the Laurentian, Ipatiev and Novgorod first chronicles. The features of these constructions in diachrony are considered.

Е.А. Кузнецова

СЛАВЯНСКОЕ ДОХРИСТИАНСКОЕ ИМЯ В ОЙКОНИМИИ
ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ*Ключевые слова: ономастика, топонимы, ойконим, ойконимия, личное имя, славянское дохристианское имя, прозвище.**В статье представлена попытка анализа специфики славянских дохристианских имён, которые были положены в основу образования ойконимов (названий населённых мест) Владимирской области. Славянские дохристианские имена классифицированы на основании мотивировки наречения ими; выделены группы ойконимов, образованные от обозначенных личных имен.*

А.С. Лебедева, О.А. Салтымакова

ЦЕННОСТНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ВОЕННЫХ ПИСЬМАХ ВОВ

*Ключевые слова: естественная письменная речь, концепт, военные письма, языковая личность,**ценностно-концептное миромоделирование, наивный автор.**В статье на материале текстов естественной письменной речи рассмотрено ценностно-концептное миромоделирование авторов. В работе выделены и описаны концепты, характерные для письменно-речевых личностей фронтового эпистолярного жанра.*

С.В. Минибаева, Д.Г. Дмитриева

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЮРИЯ ДУДЯ

*Ключевые слова: языковая личность, речевое поведение, особенности речи, структура, Юрий Дудь.**В статье представлены результаты исследования языковой личности Юрия Дудя на основе его речевого поведения в выпусках «вДудь». По структуре изучения языковой личности Ю.Н. Караулова рассматриваются особенности работы журналиста в жанре интервью, влияние его речи на реакцию собеседника и психологические языковые «уловки».*

Ни Цзюнься

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
КОНЦЕПТА «ЧАЙ» В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ*Ключевые слова: концепт «чай», культура чаепития, китайская культура, русская культура,**Слово "чай" в русском языке является типичным иноязычным словом, заимствованным из китайского языка. В статье проводится исследование концепта «чай» и тесно связанного с ним понятия «байховый» на материале русского и китайского языков. Анализ сходств и различий между чайной культурой в Китае и в России, способствует не только взаимному изучению языка и культуры обеих стран, но и общему развитию и распространению чайной культуры во всём мире.*

О.О. Петрова

О МЕТОНИМИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ И МОДЕЛЯХ
ПЕРЕНОСА, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ГРАНИЦЕ
СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ*Ключевые слова: метонимия, синхрония, диахрония, метонимические значения-архаизмы, метонимические модели-архаизмы.**В статье рассмотрены теоретические аспекты деактуализации метонимических значений и моделей метонимического переноса ближней диахронии, с которыми мы встречаемся в художественных текстах классической русской литературы XVIII–XX веков и которые нередко представлены в современных толковых словарях. Эти значения и модели представляют большой интерес для теории и практики изучения вторичных значений с точки зрения их коммуникативной активности и ценности как части общей культуры.*

E.A. Kuznetsova

SLAVIC PRE-CHRISTIAN NAME IN THE OIKONYMY OF
THE VLADIMIR REGION*Keywords: onomastics, toponyms, oikonym, oikonymy, personal name, pre-Christian Slavic name, nickname. The article presents an attempt to analyze the specifics of Slavic pre-Christian names, that were the basis for the formation of oikonyms (names of the settlements) in the Vladimir region. Groups of Slavic pre-Christian names have been identified according to the motivation of the naming, as well as groups of oikonyms formed from these personal names.*

A.S. Lebedeva, O.A. Saltymakova

VALUE CONCEPTS IN WWII MILITARY LETTERS

*Keywords: natural written speech, concept, military letters, linguistic personality,**value-conceptual world modeling, naive author.**In the article, on the material of texts of natural written speech (hereinafter referred to as NWP), the value-conceptual world modeling of the authors is considered. The paper highlights and describes the concepts that are characteristic of the written and speech personalities of the front-line epistolary.*

S.V. Minibaeva, D.G. Dmitrieva

LANGUAGE PERSONALITY OF YURI DUD

*Keywords: linguistic personality, speech behavior, features of speech, structure, Yuri Dud.**The article studies the linguistic personality of Yuri Dud based on his speech behavior in the episodes "vDud". According to the structure of the study of linguistic personality, Y.N. Karaulov examines the features of the work of a journalist in the interview genre, the influence of his speech on the reaction of the interlocutor and psychological language "tricks".*

Ni Junxia

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF THE
CONCEPT "TEA" IN CHINESE AND RUSSIAN CULTURES*Keywords: the concept of "tea", the culture of tea drinking, Chinese culture, Russian culture.**The word "tea" in Russian is a typical foreign word borrowed from Chinese. The article studies the concept of "tea" and the closely related concept of "beach" on the material of the Russian and Chinese languages. Analysis of the similarities and differences between the tea culture in China and Russia contributes not only to the mutual study of the language and culture of both countries, but also to the overall development and spread of tea culture throughout the world.*

O.O. Petrova

ON METONYMIC MEANINGS AND TRANSFER MODELS
LOCATED ON THE BORDER OF SYNCHRONY AND
DIACHRONY*Keywords: metonymy, synchrony, diachrony, metonymic meanings-archaisms, metonymic models-archaisms**The article discusses the theoretical aspects of deactualization of metonymic meanings and models of metonymic transfer of near diachrony, which we meet in literary texts of classical Russian literature of the XVIII–XX centuries and which are often presented in modern explanatory dictionaries. These meanings and models are of great interest for the theory and practice of studying secondary meanings from the point of view of their communicative activity and value as part of a common culture.*

Е.П. Филиппова, О.С. Шемонаева

**СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ К КОНТЕКСТУ (НА
МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. БУЛГАКОВА)**

Ключевые слова: М.А. Булгаков, фразеологизмы, структурные преобразования устойчивых оборотов.

В статье анализируются структурные приемы преобразования фразеологизмов у М.А. Булгакова. Эти способы сводятся к незначительным отступлениям от узальной формы оборотов. В результате устойчивое выражение приспосабливается к условиям и особенностям контекста.

E.P. Filippova, O.S. Shemonaeva

**STRUCTURE MODIFICATION OF IDIOMS AS A RESULT
OF AN ADJUSTMENT TO THE CONTEXT (BASED ON THE
MATERIAL OF THE WORKS BY M. BULGAKOV)**

Keywords: M.A. Bulgakov, idioms, structure modification of idioms.

The article deals with some structure methods of the modification of idioms in the works by M.A. Bulgakov. The methods come to slight deviation from the customary forms of the phrases. As a result the idiomatic expressions are adjusted to the context conditions and peculiarities.

Яо Цянь

**РАЗЛИЧИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКИХ
И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ**

Ключевые слова: язык, фразеологизм,

русская культура, китайская культура, семантика.

Язык является носителем культуры, фразеологизм как часть языка занимает важное место в языке, несёт в себе содержание национальной культуры и истории, составляет сущность языка. В статье используется метод противопоставления для анализа и изучения семантики русских и китайских фразеологизмов с точки зрения национальной культуры. На основе глубокого понимания различных характеристик русской культуры и китайской мы можем понять значение русских и китайских фразеологизмов.

Yao Qian

**DIFFERENCES IN ETHNOCULTURAL SEMANTICS IN
RUSSIAN AND CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS**

Keywords: language, phraseology, Russian culture,

Chinese culture, semantics.

Language is the bearer of culture, phraseologism as part of the language occupies an important place in the language, carries the content of national culture and history, and is the essence of the language. The article uses the method of opposition to analyze and study the semantics of Russian and Chinese phraseological units from the point of view of national culture. Based on a deep understanding of the various characteristics of Russian culture and Chinese culture, we can understand the meaning of Russian and Chinese phraseological units.

С.Н. Аверкина, Г.И. Родина, Е.А. Сакулина

**ЭПИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОЗДНИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ТОМАСА МАННА**

Ключевые слова: эпический дискурс,

романное мышление, творческая зрелость, ирония.

Данное исследование посвящено проблеме изучения романного мышления классика немецкоязычной литературы XX столетия Томаса Манна. На протяжении всей жизни писатель критически осмысливал ключевые художественные дискурсы, а на поздних этапах творчества ему удалось создать собственную теорию эпического, основанную на традициях классической литературы и на ключевых критических текстах значимых мыслителей эпохи. Среди своих учителей Т. Манн называет И.В. Гёте, Т. Шторма, Л.Н. Толстого, эпический дар которых писатель связывает с духовной зрелостью и возрастанием творческого потенциала, характеризующих последние десятилетия жизни прозаиков. Очевидно, что автор «Иосифа и его братьев» создал оригинальную и продуктивную теорию эпического дискурса, важную для понимания литературного процесса столетия.

S.N. Averkina, G.I. Rodina, E.A. Sakulina

**EPIC DISCOURSE IN THE LATER WORKS
BY THOMAS MANN**

Keywords: epic discourse, novel thinking,

creative maturity, irony.

The research is devoted to the problem of studying the novelistic thinking of Thomas Mann, a classic of German-language literature of the twentieth century. Throughout his life, the writer critically comprehended key artistic discourses, and in the later stages of his work he created his own theory of the epic, based on the classical literature traditions and key critical texts of significant thinkers of that era. Among his teachers were Johan Wolfgang von Goethe, Theodor Storm, Leo Tolstoy, whose epic gift Mann associates with spiritual maturity and the growth of creative potential that characterize the last decades of their life. It is obvious that the author of "Joseph and His Brothers" has created an original and productive theory of epic discourse, significant for understanding the literary process of the twentieth century.

Н.Д. Белоношко

**СМЕЩЕНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ФОКУСА АЛЛЮЗИИ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ**

Ключевые слова: аллюзия, интертекстуальность, оценка.

В работе рассматривается стилистический приём аллюзии как оценочного средства, используемого авторами художественных текстов. В большинстве случаев аллюзивная оценка направлена на внутритекстовые объекты – персонажей или события произведения, – но в ряде случаев её фокус смещается на денотат самой аллюзии. В статье анализируются условия возникновения подобного смещения и характер распределения оценочного значения между формальным объектом оценки и денотатом аллюзии.

N.D. Belonozhko

**SHIFT OF THE EVALUATIVE FOCUS OF ALLUSIONS IN
BELLES-LETTRES TEXTS**

Keywords: allusion, intertextuality, evaluation

The paper deals with the stylistic device of allusion as a means of evaluation used by authors of belles-lettres texts. In the majority of cases, allusion in the evaluative function has one of the intratextual elements as its object – characters or events – but there are instances when the evaluative focus shifts onto the denotatum of the allusion itself. In the papers conditions for such shift are analysed, as well as ways the evaluative meaning is distributed between the formal object of evaluation and the denotatum of the allusion.

Е.А. Боброва, Ю.Б. Косова

**О СПЕЦИФИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ОСНОВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА
К КОНЦЕПТУ**

Ключевые слова: Культурный концепт, Ю.С. Степанов, концептосфера, лингвокультурный подход к исследованию концепта, смежные концепты.

В статье анализируются особенности лингвокультурного направления в исследовании концептов на основе

E.A. Bobrova, Yu.B. Kosova

**ON SPECIFICS OF LINGUISTIC RESEARCH BASED
ON LINGUOCULTURAL APPROACH TO CONCEPT**

Keywords: Concept, conceptual sphere, Yu. S. Stepanov, linguacultural approach to studying concepts, cultural concepts, related concepts.

The article analyses the specific features of lingua-cultural direction in studying concepts based on existing approaches as well as on research papers of modern linguists. The method

существующих подходов и работ ученых-лингвистов. Этот метод стал очень актуален в последние десятилетия в связи с развитием когнитивного и лингвокультурного направления исследования языковых единиц, поскольку он позволяет исследователям обратиться к областям, глубоко проникшим в сознание человека, относящимся к сфере его представлений, верований, социальных императивов, фиксированных языком. В данной статье делается попытка обзора литературы и теоретических работ лингвокультурного направления исследований концептов; делается вывод о высокой научно-исследовательской перспективности данного подхода, его связи с другими направлениями лингвистики и областями знания.

Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман
АМПЛИФИКАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИХ
ТРАНСФОРМАЦИИ В КИНОДИСКУРСЕ

Ключевые слова: фразеологизм,
аксиология, трансформация, киноперевод.

В работе представлены результаты лингвостилистического исследования, подтверждающего способность фразеологических единиц усиливать присущий им оценочный аспект значения в художественном языке кинодиалога. В соответствии с поставленной целью исследования — выявления дискурсивных условий, обеспечивающих амплификацию аксиологических смыслов — в речи персонажа анимационного фильма «Король Лев. Акуна Матата» («The Lion King. Hakuna Matata») идентифицированы релевантные виды фразеологической трансформации, способствующие более эффективному воздействию высказывания на зрителя. Установление окказиональных способов применения узуальных языковых средств, идиом, для создания прагматической экспрессии речевого общения сочетает как практическую значимость, так и научную новизну исследования.

Ю.А. Гаврикова, Е.Е. Белова, М.А. Мальцева, Т.Е. Никольская,
С.Ю. Филиппова, Э.Д. Шапиро, А.А. Степичева
РОЛЬ И ФУНКЦИИ ПОЭТОНИМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ

Ключевые слова: поэтоним, имя собственное, функция,
личность героя, этническая культура.

В статье рассматриваются поэтонимы, которые являясь антропонимами в художественном произведении и выполняя ряд функций, способны отражать свойства окружающего мира. В статье анализируется лингвокультурологический аспект антропонимики. Выявляется неразрывная связь между поэтонимами реального мира и художественного, что помогает глубже понять произведение, найти скрытый смысл.

Л.М. Гараева, Г.М. Ильдуганова, Г.Р. Нуриева
ЛИНГВОЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ВЕРБАЛЬНЫХ ИНВЕКТИВ

Ключевые слова: лингвоэтнокультура, инвектива,
национальная группа, расовая принадлежность.

Цель исследования - изучение лингвоэтнокультурного аспекта англоязычных вербальных инвектив. В статье проясняется роль вербальной инвективы как формы деструктивного речевого поведения говорящего по отношению к другому этносу в межкультурной коммуникации, обосновывается функционирование вербальной инвективы в национальном языке на материале словарей английского языка Longman, Cambridge и Oxford Dictionaries. Научная новизна исследования заключается в изучении вербальных инвектив с точки зрения лингвоэтнокультурного аспекта. В результате выявлено, что инвектива, определяемая той или иной национальной культурой, с одной стороны, является ее отражением, с другой, - источником ее хранения, что обусловлено наличием лингвоэтнокультурной составляющей и пространственно-временной, исторической вариативности национального языка.

became popular due to the development of cognitive and lingua-cultural paradigms in the language science. It made it possible to refer to the areas of social science, the main values, beliefs and social imperatives of the society, represented in a language. The article attempts to review the literature and theoretical works of this scientific direction. It is concluded, that the lingua-cultural approach has a high research potential in studying concepts and is tightly connected with other scientific directions.

E.V. Butenko, G.A. Tsimmerman
AMPLIFICATION OF AXIOLOGICAL SEMANTICS OF
PHRASEOLOGISMS AS A RESULT OF THEIR
TRANSFORMATION IN FILM DISCOURSE

Keywords: phraseology, axiology,
transformation, film translation.

The paper presents the results of the linguo-stylistic research which confirms the ability of phraseological units to enhance their inherent evaluative aspect of meaning in the artistic language of film dialogue. According to the set goal of the study – to identify the discourse conditions that provide amplification of axiological meaning – the authors ascertain the relevant types of phraseological transformation, as well as conventional language means used unconventionally in transformed idiomatic formula in the animated film “The Lion King. Hakuna Matata”. The specification of the device, contributing to a more effective impact of characters' utterances on the viewer, constitutes both practical significance and scientific novelty of the research.

Yu. A. Gavrikova, E.E. Belova, M.A. Maltseva,
T.E. Nikolskaya, S.Yu. Filippova, E.D. Shapiro, A.A. Stepicheva
ROLE AND FUNCTIONS OF A POETONYM IN FICTION

Keywords: poetonym, proper name,
function, hero's personality, ethnic culture

The article deals with poetonyms, which, being anthroponyms in a work of art and performing a number of functions, are able to reflect the properties of the surrounding world. The article analyzes the linguocultural aspect of anthroponymy. It reveals an inextricable link between the poetonyms of the real world and the artistic world is revealed, which helps to better understand the work, to find the hidden meaning.

L.M. Garaeva, G.M. Ilduganova, G.R. Nurieva
LINGVO-ETNOCULTURAL ASPECT
OF ENGLISH VERBAL INVECTIVES

Key words: linguistic and ethnic culture,
invective, national group, race.

The purpose of the study is to study the linguistic and cultural aspect of English verbal invectives. The article clarifies the role of verbal invective as a form of destructive speech behavior of the speaker in relation to another ethnic group in intercultural communication, substantiates the functioning of verbal invective in the national language on the material of the Longman, Cambridge and Oxford dictionaries. The scientific novelty of the research lies in the study of verbal invectives from the point of view of the linguistic and cultural aspect. As a result, it was revealed that the invective, determined by a particular national culture, on the one hand, is its reflection, on the other hand, it is a source of its storage, which is due to the presence of a linguo-ethno-cultural component and spatio-temporal, historical variability of the national language.

В.Е. Глызина, Н.Е. Горская, Н.В. Максимова
РОЛЬ ФРАЗЕЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНИФИКАТОРОВ В
ФОРМИРОВАНИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОГЕРЕНТНОСТИ
ДИСКУРСА

Ключевые слова: дискурс, прагматическая когерентность, фразеологические интенсификаторы, иллокутивность.

В статье доказано, что в дискурсе, на всех его уровнях преобладает определенный "порядок" коммуникативных единиц, в том числе фразеологических интенсификаторов. Делается вывод о присутствии взаимосвязанных интенциональных состояниях в речевом акте, которые формируются за счёт фразеологических интенсификаторов.

V.E. Glyzina, N.E. Glyzina, N.V. Maksimova
THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL INTENIFICATORS
IN THE FORMATION OF PRAGMATIC COHERENCE
OF DISCOURSE

Keywords: discourse, pragmatic coherence, phraseological intensifiers, illocutionary.

The article proves that in the discourse, at all its levels, a certain "order" of communicative units, including phraseological intensifiers, prevails. The conclusion is made about the presence of interconnected intentional states in a speech act, which are formed due to phraseological intensifiers.

Л.М. Зиннатуллина, Г.Н. Фахретдинова
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ АДВЕРБИАЛЬНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И
РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: лексическое варьирование, структурно-грамматический, адвербиальные фразеологические единицы, сравнительный анализ.

Статья посвящена решению вопроса лексического варьирования адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. В работе предпринята попытка решения проблемы определения критериев выделения лексических фразеологических вариантов, что в свою очередь поможет внести значительный вклад в создании двуязычных и многоязычных словарей. Актуальность работы заключается в недостаточном научном освещении определения лексического варьирования адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. Проведен анализ примеров определения лексических вариантов.

L.M. Zinnatullina G.N. Fakhretdinova
LEXICAL VARIANTS OF ADVERBIAL PHRASEOLOGICAL
UNITS IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Keywords: lexical variation, structural and grammatical, adverbial phraseological units, comparative analysis.

The article is devoted the problem of lexical variation of adverbial phraseological units in English and Russian languages. In the paper there have been made the attempt to solve the problem of determining the criteria for the selection of lexical phraseological variants, which in turn will help to make a significant contribution to the creation of bilingual and multilingual dictionaries. The relevance of the work lies in the insufficient scientific coverage of the definition of the lexical variation of adverbial phraseological units in English and Russian. The analysis of examples of definition of lexical variants has been carried out.

Ю.Н. Зинцова, Е.А. Хроменкова
ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В
НЕМЕЦКОЙ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Ключевые слова: некоммерческая реклама, социальная реклама, персуазивность, рекламный дискурс, рекламный текст, лексические средства выразительности.

В статье рассматриваются особенности персуазивного дискурса в немецких социальных рекламных текстах, выявленные на стилистическом уровне среди лексических средств выразительности, которые направлены на привлечение интереса реципиента и воздействие на его сознание.

Yu.N. Zintsova, E.A. Chromenkova
LINGUISTIC IMPLEMENTATION OF PERSUASIVENESS IN
GERMAN NON-COMMERCIAL ADVERTISING

Keywords: non-commercial advertising, public service announcement (PSA), persuasiveness, advertising discourse, advertising text, lexical expressive means.

The article deals with the features of the persuasive discourse in German social advertising texts identified at the stylistic level among the lexical expressive means, which are aimed at attracting the recipient's interest and the impact of his consciousness.

А.А. Котельникова, Н.А. Лаврова
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ
ЭВФЕМИЗМОВ С ПОЗИЦИИ ЭКОЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: эвфемизм, эколингвистика, опрос, табу, толерантность.

В работе представлены результаты социолингвистического опроса носителей английского языка на предмет их отношения к эвфемизации языка и речи. Результаты опроса обнаружили, что положительные коммуникативные задачи и мотивы доминируют над негативно-избегающими мотивами: вежливость и коммуникативная эмпатия преобладают над чувством страха и стыда. Было также установлено, что эвфемизация вносит коррективы в экологию языкового сознания носителей английского языка.

A.A. Kotelnikova, N.A. Lavrova
SOCIOCULTURAL ASPECTS OF ENGLISH EUPHEMISMS
WITHIN THE FRAMEWORK OF ECOLINGUISTICS

Keywords: euphemism, ecolinguistics, survey, taboo, tolerance. This paper presents the results of a sociolinguistic study of English native speakers' attitude towards euphemisms. Research results revealed that positive communicative intentions and motives dominate over negative-avoidant motives: politeness and communicative empathy prevail over fear and a sense of shame. The research demonstrates that as a broad phenomenon, euphemisms straddle the line between linguistics, culture studies and sociology, and shape native speakers' linguistic mentality.

И.И. Курмаева, М.Н. Винникова, О.В. Бабенко
СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ,
ВЫРАЖАЮЩИХ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ И МНОГОКРАТНОСТЬ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: длительность, многократность, вид, время, семантика.

Статья посвящена подробному описанию семантики английских глаголов, выражающих длительность и многократность. Актуальность исследования состоит в высокой степени зависимости определения семантики длительных и непродолжительных форм от методологического подхода к анализу категории вида.

I.I. Kurmaeva, M.N. Vinnikova, O.V. Babenko
SEMANTICS OF VERBS EXPRESSING DURATION AND
FREQUENCY IN THE ENGLISH LANGUAGE

Keywords: duration, frequency, aspect, tense, semantics. The article is devoted to a detailed description of the semantics of English verbs expressing duration and frequency. The relevance of the study lies in the high degree of dependence of the definition of the semantics of durative and frequent verb forms on the methodological approach to the analysis of the category. It is proved that the aspectual meaning is inherent both to durative verb forms and non-durative verb form, the action of which, denoted by this form, depending on the context, can be frequent.

Доказано, что видовое значение присуще не только длительной форме, но непродолжительной форме, действие которой, обозначаемое этой формой в зависимости от контекста может быть многократной.

Н.А. Левковская, А.Е. Локонова
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СВЕРХТЕКСТА

Ключевые слова: сверхтекст, модальность, итеративность, многоголосие, функциональная значимость, субъективная направленность.

В статье рассматривается проблема функциональной значимости сверхтекста, который определяется как сложное, многомерное, динамическое явление, обладающее цельностью и связанностью. Подробно рассматриваются факторы, создающие сложность и многомерность анализируемого явления, среди которых наибольшую значимость имеет сложная система разнонаправленных модальностей («многоголосие» по М. Бахтину), которые в конечном счете определяют функциональную значимость сверхтекста как единство. Создаваемое в сверхтексте единое информационное поле обеспечивает целостность анализируемого явления с точки зрения концептуально-смысловой протяженности и итеративности последнего. Статья демонстрирует иерархичность сверхтекста по двум основным параметрам: историчности и культурологический аспект. Единицы сверхтекста с одной стороны представляют индивидуальные точки зрения авторов эссе, представленных в сборнике; с другой стороны, они дают синтез контекстуализированных мнений большого количества исследователей, в результате чего требуется необычная структура текста, а именно сверхтекст.

А.Е. Локонова
**ОСОБЕННОСТИ СВЕРХТЕКСТА
 В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Ключевые слова: сверхтекст, целостность, модальность, концептуально-прагматическая установка, политический дискурс.

Статья посвящена изучению феномена сверхтекста в политическом дискурсе. Автор анализирует понятие «сверхтекст» и выделяет ключевые особенности формирования данного явления. В статье рассматривается процесс взаимодействия единиц сверхтекста, а также лингвистические и экстралингвистический особенности, определяющие целостность сверхтекста. В результате исследования определено, что сверхтекст обладает многомерной структурой, единицы которого находятся в зависимости от авторских концептуально-прагматических установок, и отражают целостность самого явления.

Т.Ю. Ма, Н.В. Пинчукова
**ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ
 «THE PATIENCE OF JOB» В ПУБЛИКАЦИЯХ ГАЗЕТЫ
 «THE NEW YORK TIMES»
 КАК ПРИМЕР СЕКУЛЯРИЗАЦИИ УЗУСА
 БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Ключевые слова: прецедентное высказывание, прецедентное имя, секуляризация, сакральные коннотации, Ветхий Завет, библейский текст, СМИ.

В статье рассматривается прецедентное высказывание «the patience of Job» как способ апелляции к прецедентной ситуации страдания за веру, как эталон стойкости человеческого духа, которое в современном англоязычном мире фактически утратило закрепленные за именем «Job» сакральные коннотации, и употребляется в СМИ как синоним терпения или умения справляться с житейскими проблемами. Статьи, размещенные в открытом доступе на сайте газеты «The New York Times», были использованы в качестве фактического материала исследования для подтверждения выдвинутой авторами гипотезы.

N.A. Levkovskaya, A.E. Lokonova
THE FUNCTIONAL ASPECT OF SUPERTEXT

Keywords: supertext, modality, iterativity, polyphony, functional aspect, subjectivity

The article deals with a problem of the functional aspect of supertext which is defined as a complex, multidimensional, dynamic phenomenon which is characterized by wholeness, cohesion, and coherence. The article analyzes different factors which make the analyzed supertext a complex and multidimensional phenomenon, the dominant feature of which is polymodality ("polyphony" according to M. Bakhtin). All those factors make supertext a unique functional entity based on the unity of its elements and conceptual unanimity. Supertext is presented in the article as a hierarchal phenomenon revealed in two fundamental parameters: historical and cultural. The elements (texts) of the supertext, on the one hand, present individual subjective views of the authors of the essays comprising the collection, and, on the other hand, they constitute a synthesis of the above-mentioned essays. Consequently, we need a supertext to realize all that complexity and polymodality.

A.E. Lokonova
**SUPERTEXT PARTICULARITIES IN POLITICAL
 DISCOURSE**

Keywords: supertext, integrity, modality, conceptual and pragmatic purposes, political discourse.

The article is devoted to the phenomenon of supertext in political discourse. The author reveals the notion of «supertext» and focuses on key particularities of such a phenomenon. The research discusses the integrity of supertext units as well as their linguistics and extralinguistic specifics. The article draws a conclusion that supertext has multidimension structure which unites reflects the supertext integrity and depends on the conceptual and pragmatic purposes of the author.

Т.Ю. Ма, Н.В. Пинчукова
**THE PRECEDENT PHRASE "THE PATIENCE OF JOB"
 IN "THE NEW YORK TIMES" PUBLICATIONS AS AN
 EXAMPLE OF BIBLICAL PHRASEOLOGY USUS
 SECULARIZATION**

Keywords: precedent saying, precedent name, loss of sacred status, sacred connotations, Old Testament, biblical text, mass-media.

The article examines the precedent statement "the patience of Job" as a way of appealing to the precedent situation of suffering for faith, as a standard of the fortitude of the human spirit, which in the modern English-speaking world has actually lost the sacred connotations attached to the name "Job", and is used in the media as a synonym for patience or the ability to cope with everyday problems. The articles published in open access on "The New York Times" website were used as data material to confirm the hypothesis put forward by the authors.

Е.Л. Малышева, Ю.Г. Романова, И.В. Чеснокова
ДОСТИЖЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК РЕЧЕВЫХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ КАК КЛЮЧА
К ПОНИМАНИЮ ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА
«НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»
В ПЕРЕВОДЕ Р.РАЙТ – КОВАЛЕВОЙ)

Ключевые слова: перевод, эквивалентность,
психологический образ, анализ речи, английский язык.

Целью данной статьи является анализ речи главного персонажа повести Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» в переводе Р. Райт – Ковалевой с позиций лингвистики и психологии для понимания особенностей перевода, достижения его эквивалентности, а также анализ средств художественной выразительности для достижения эмоциональной наполненности высказываний героя.

Н.Б. Мухина

ПОТЕНЦИАЛ ФОРМИРОВАНИЯ СИНОНИМОВ И
АНТОНИМОВ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПОНЯТИЙНОЙ
СФЕРЫ «ОДЕЖДА И МОДА» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: синонимия, антонимия, одежда, мода,
денотат, парадигматическая оппозиция.

В рамках анализа лексикографических интерпретаций английской лексики одежды и моды выявлены характерные для синонимии заимствования, использование синонимических дублетов, синтаксических и дефиниционных синонимов, отсутствие индивидуально-стилистических синонимов, наличие исторических синонимов, частое использование квазисинонимии. Специфика антонимии представлена областью функционирования глаголов, прилагательных, компонентов сложных слов, входящих в тематическую область одежды и моды и называющих разновидности одежды.

Е.И. Никанорова, М.В. Аксенова
ОБРАЗ ВОЛГИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ВОСПРИЯТИЯ В
ЗАРУБЕЖНЫХ ТРАВЕЛОГАХ XVI - XVIII ВЕКОВ

Ключевые слова: Волга, путешествие, травелог, образ реки,
русско-зарубежные литературные связи.

Статья исследует дневниковые записи и травелоги, оставленные зарубежными путешественниками, которые посещали Россию в период XVI-XVIII веков. Исследуется образ Волги, великой русской реки, занявшей в зарубежных травелогах одно из главных мест. Отмечено, что Волга стала символом необъятных русских земель, величия и силы духа России. В статье анализируются травелоги Сигизмунда Герберштейна, Адама Олеария, стихи Пауля Флеминга.

И.В. Уварова, И.А. Борисенко
ОБУЧЕНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО
НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: обучение, диалог,
диалогическая речь, иностранный язык.

Данная статья посвящена вопросу обучения диалогической речи на занятиях по немецкому языку. В статье описываются трудности и проблемы обучения диалогической речи, приводятся виды речевой деятельности, рассматриваются виды диалогического общения. Также даются определения таким понятиям, как «диалог» и «диалогическая речь». Развитие диалогической речи на занятиях может активно применяться на разных этапах овладения иностранным языком.

В.В. Федоров, Е.В. Плисов, Л.В. Гусева
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭПАТАЖНОЙ СТРАТЕГИИ В
ПУБЛИЧНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ

Ключевые слова: публичная речь, текст, стратегия, тактика,
эпатажная стратегия, уровни языка, оценочная лексика.

В статье описываются разноуровневые репрезентации эпатажной стратегии в публичных выступлениях

E.L. Malysheva, Y.G. Romanova, I.V. Chesnokova
ACHIEVING EQUIVALENCE IN THE TRANSLATION
FROM ENGLISH INTO RUSSIAN OF THE MAIN
CHARACTER'S SPEECH UTTERANCES AS A KEY TO
UNDERSTANDING HIS PSYCHOLOGICAL IMAGE
(ON THE EXAMPLE OF J. D. SALINGER'S NOVEL
"THE CATCHER IN THE RYE" TRANSLATED
BY R.WRIGHT - KOVALEVA)

Keywords: equivalence, psychological image,
speech analysis, English.

The purpose of this article is to analyze the speech of the main character of J. D. Salinger's novel "The Catcher in the Rye" translated by R. Wright - Kovaleva from the standpoint of linguistics and psychology for understanding the features of translation, achieving its equivalence, as well as analyzing the means of artistic expression to achieve emotional fullness of the hero's statements.

N.B. Mukhina

POTENTIAL TO FORM SYNONYMS AND ANTONYMS
OF LEXICAL UNITS OF "CLOTHES AND FASHION"
SPHERE IN THE ENGLISH LANGUAGE

Keywords: synonyms, antonyms, clothes, fashion, denotation,
paradigmatic opposition.

Lexicographic interpretation of the English clothes and fashion vocabulary determined the borrowings, synonymic doublets, syntactic and definition synonyms, absence of individual stylistic synonyms, historic synonyms and quasi-synonyms functioning. Antonymic specificity is given in the sphere of functioning of verbs, adjectives, compound words components, entering the thematic sphere of clothes and fashion. The investigation novelty is conditioned by defining topical ways of synonyms and antonyms development by statistical analysis.

E.I. Nickanorova, M.V. Aksenova
THE IMAGE OF THE VOLGA AND THE PECULIARITIES
OF ITS PERCEPTION IN FOREIGN TRAVELOGUES
OF THE XVI - XVIII CENTURIES

Keywords: the Volga, travelling, travelogue,
image of the river, Russian-foreign literary relations.

The article explores diary entries and travelogues left by foreign travelers who visited Russia during the XVI-XVIII centuries. The image of the Volga, the great Russian river, which has occupied one of the main places in foreign travelogues, is being investigated. It is noted that the Volga has become a symbol of the vast Russian lands, the greatness and strength of the spirit of Russia. The article analyzes the travelogues of Sigismund Herberstein, Adam Olearius, and the poems of Paul Fleming.

I.V. Uvarova, I.A. Borisenko
TEACHING DIALOGICAL SPEECH AT GERMAN
LANGUAGE CLASSES AT A MEDICAL UNIVERSITY

Keywords: teaching, dialogue,
dialogical speech, foreign language.

This article is devoted to the problem of teaching dialogical speech at the German language classes. The authors describe the difficulties and problems of teaching dialogical speech, classifies the types of speech activity, examines the types of dialogical communication. Definitions of such concepts as "dialogue" and "dialogical speech" are also given. The development of dialogical speech in the classroom can be actively used at different stages of mastering a foreign language.

V.V. Fyodorov, E.V. Plisov, L.V. Guseva
VERBALIZATION OF THE OUTRAGEOUS STRATEGY
IN PUBLIC SPEAKING

Keywords: public speech, text, strategy, tactics,
outrageous strategy, language levels, evaluative vocabulary.
In an article about the accepted multi-level representations of the outrageous strategy in the public speeches of the American

американского президента Д. Трампа. Систематизация способов вербализации и интерпретация способов актуализации указанной стратегии проводилась с привлечением культурологического и исторического материала, использовались методы компонентного и контекстуального анализа, а также метод построения семантического поля.

Ю.В. Шуйская, А.В. Арепьев, Е.Л. Малышева
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ДАННЫХ
КВАНТИТАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ХОДЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ
АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО)

Ключевые слова: корпусная лингвистика,
квантитативные методы в лингвистике, английский язык,
немецкий язык, русский язык.

В статье рассматриваются вопросы сопоставления данных корпусной лингвистики английского, немецкого и русского языков. Через призму квантитативных данных показана доказательная база стереотипа о «чайной» и «кофейной» культуре: представлен сопоставительный анализ относительной частотности употребления соответствующих слов в трех языках и его интерпретация.

С.С. Шумбасова
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс,
лингвистические особенности, грамматические экспрессивные
средства.

В данной статье рассмотрены понятия «дискурс» и «политический дискурс» с точки зрения различных исследователей и лингвистов. А также представлены основные лингвистические особенности, характерные для американского политического дискурса на примере публичных выступлений Д. Трампа.

Л.Г. Юсупова
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: антропоцентризм, антропоморфизм,
антропоморфная метафора, картина мира.

Данная статья посвящена вопросам принципа антропоцентризма, в основе которого лежит выдвигание на первый план общего субстанционального характера человеческой сущности. Автор статьи отмечает, что для настоящего исследования больший интерес представляет именно антропоморфной природы языка с выявлением конкретных лингвокогнитивных механизмов образования соответствующей лексики. Индивид накладывает строение своего организма на собственные представления о мире, что в дальнейшем и приводит к появлению антропоморфных метафор. Автор рассматривает антропоморфную метафору как универсальное средство мышления и перенесения человеческих признаков: названий частей тела, его форм, размеров, эмоций на предметы окружающего мира исходя из прожитого опыта.

Р.К. Ахметгареева, М.К. Гулкян
ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ И ВНЕДРЕНИЯ НА УЧЕБНЫХ
ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ УЧЕБНО-
РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ

Ключевые слова: конкурентоспособность, иноязычная среда,
ситуативный подход, образовательный процесс.

В статье рассматриваются вопросы разработки и внедрения на учебных занятиях по иностранному языку востребованных временем учебно-речевых ситуаций. Главный акцент сделан на необходимости готовить наших специалистов к реальной инженерной деятельности с учетом мировых тенденций. Сегодня важно научить выпускник вуза самостоятельно ориентироваться в иноязычной среде, уметь обрабатывать материалы на иностранном языке.

President D. Trump. The system of external verbalization and interpretation of the regional actualization of the strategy was carried out with the involvement of cultural and historical material, the observed methods of component and contextual analysis, as well as the method of constructing a semantic field.

Yu.V. Shuiskaya, A.V. Arepyev, E.L. Malysheva
USING QUANTITATIVE LINGUISTICS DATA
COMPARISON IN TEACHING GERMANIC LANGUAGES
(ON THE EXAMPLE OF ENGLISH AND GERMAN)

Keywords: corpus linguistics, quantitative methods
in linguistics, English, German, Russian.

The article deals with the issues of corpus linguistics data comparison in English, German and Russian languages. Through the prism of quantitative data, the evidence base of the stereotype about "tea" and "coffee" culture is shown: a comparative analysis of the relative frequency of the use of the corresponding words in three languages and its interpretation is presented.

S.S. Shumbasova
LINGUISTIC FEATURES OF POLITICAL DISCOURSE

Keywords: discourse, political discourse,
linguistic features, grammatical expressive means.

The article under consideration describes terms of discourse and political discourse from different points of view of researches and linguists. The article represents the main linguistic features of an American political discourse based on D. Trump's public speeches.

L.G. Yusupova
THE HUMAN FACTOR IN A LANGUAGE

Keywords: anthropocentrism, anthropomorphism,
anthropomorphic metaphor, picture of the world.

This article is devoted to the issues of the principle of anthropocentrism, which is based on bringing to the fore the general substantial nature of human essence. The author of the article notes that the study of the anthropomorphic nature of language with the identification of specific linguocognitive mechanisms of the formation of the corresponding vocabulary is of greater interest for this study. The individual imposes the structure of his organism on his own ideas about the world, which later leads to the appearance of anthropomorphic metaphors. The author considers the anthropomorphic metaphor as a universal means of thinking and transferring human attributes: names of body parts, its shapes, sizes, emotions to objects of the surrounding world based on lived experience.

R.K. Akhmetgareyeva, M.K. Gulkanyan
PROBLEMS OF DESIGNING AND IMPLEMENTING
EDUCATIONAL AND SPEECH SITUATIONS IN FOREIGN
LANGUAGE CLASSES

Keywords: design, foreign language environment, educational
and speech situations, educational process.

The article deals with the issues of designing and implementing in the foreign language classes the educational and speech situations demanded by the time. The main emphasis is placed on the need to prepare our specialists for real engineering activities taking into account global trends. Today, it is important to teach university graduates to independently navigate in a foreign language environment and to be able to process materials in a foreign language.

А.Ф. Барышников, В.В. Белоконь
КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕННОЙ
ЧАСТИ ПЕРСИДСКОГО СЛОЖНОГО ГЛАГОЛА

Ключевые слова: именная часть, сложный глагол, компонирующий глагол, многочленный глагольный фразеологизм, категориальная принадлежность, словообразовательная модель.

В статье детально анализируется именная часть сложного глагола по признаку категориальной принадлежности составляющих её лексических единиц. Акцент делается на арабских элементах в роли именной части, как численно превосходящих лексику иранских корней. Авторы приходят к выводу о большом потенциале образования новых сложных глаголов по модели «именная часть плюс компонирующий глагол».

А.Ф. Барышников, В.В. Белоконь
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
И КРАТКИЙ АНАЛИЗ ИМЕННОЙ ЧАСТИ
ПЕРСИДСКОГО СЛОЖНОГО ГЛАГОЛА

Ключевые слова: сложный глагол, именная часть, компонирующий глагол, словообразовательная модель, деривационные возможности.

В статье раскрывается история изучения персидского сложного глагола, делается краткий анализ его именной части, а также приводится авторская позиция в отношении данного грамматического явления.

Р.И. Бачиева, Е.В. Казанская, Г.С. Саидова, В.Б. Черемина
ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ
ПРИЗМУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ключевые слова: базовые ценности, семантическая сеть, языковая личность, цифровизация.

В статье рассмотрены особенности влияния процесса цифровизации на базовые ценности русскоязычной языковой личности. Цифровизация понимается как современная глобальная тенденция в развитии экономики, затрагивающая все сферы жизни общества. В ходе анализа текстов, содержащихся в документах национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" получены наборы значений, связанных в сознании русскоязычных респондентов с идентификацией ключевых понятий цифровизации. С помощью программного продукта TextAnalyst и ряда методов количественного анализа построена сеть понятий с высоким семантическим весом исследуемого массива текстовой информации. С целью проведения сравнительного анализа в фокус-группах респондентов и выделения вербализованных базовых ценностей русскоязычной языковой личности проведена группировка понятий в тематические группы и их анализ.

А.А. Бен Шушан
ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕАКТОВОЙ СТРУКТУРЫ
ОБОДРЯЮЩЕГО ЭМПАТИЙНОГО ПОСЛАНИЯ

Ключевые слова: вербальная эмпатия, иллокутивный тип, сфера сопереживания, ободрение, речеактовая структура, психологическая поддержка.

В статье рассматривается речеактовая структура ободряющих посланий, обладающих эмпатическим потенциалом. В качестве речеактовых компонентов эмпатического сообщения выделяются среди прочих эксплицитные и косвенные формы речевого акта пожелания, вокативы, а также одноименный речевой акт одобрения.

А.А. Бен Шушан
ИЛЛОКУТИВНЫЙ ТИП «БЛАГОДАРЕНИЕ» КАК
ИНСТРУМЕНТ ЭМПАТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Ключевые слова: иллокутивный тип, благодарение, вербальная сфера эмпатии, соболезнование, ободрение, сочетаемость, речевая тактика, сопереживание.

A.F. Baryshnikov, V.V. Belokon
CATEGORICAL CHARACTERISTICS OF THE NOMINAL
PART OF THE PERSIAN COMPOUND VERB

Keywords: nominal part, compound verb, composing verb, polynomial verb phraseology, categorical affiliation, word-formation model.

In the article the nominal part of the complex verb is analyzed in detail on the basis of the categorical belonging of its lexical units. The emphasis is made on Arabic elements in the role of the nominal part as numerically superior to the vocabulary of Iranian roots. The authors come to the conclusion about the great potential of the formation of new complex verbs according to the model "nominal part plus composing verb".

A.F. Baryshnikov, V.V. Belokon
THE HISTORICAL ASPECT OF THE STUDY AND A BRIEF
ANALYSIS OF THE NOMINAL PART OF THE PERSIAN
COMPOUND VERB

Keywords: compound verb, nominal part, composing verb, word-formation model, derivative capabilities.

The article presents the history of the study of the Persian compound verb, provides a brief analysis of its nominal part, and also gives the authors' position on this grammatical phenomenon.

R.I. Bacheva, E.V. Kazanskaya, G.S. Saidova, V.B. Cheremina
VERBALIZED BASIC VALUES OF THE RUSSIAN-
SPEAKING LINGUISTIC PERSONALITY THROUGH THE
PRISM OF DIGITALIZATION

Keywords: basic values, semantic network, linguistic personality, digitalization.

The article examines the peculiarities of the influence of the digitalization process on the basic values of the Russian-speaking linguistic personality. Digitalization is understood as a modern global trend in the development of the economy, affecting all spheres of society. During the analysis of the texts contained in the documents of the national program "Digital Economy of the Russian Federation", sets of meanings associated in the minds of Russian-speaking respondents with the identification of key concepts of digitalization were obtained. With the help of TextAnalyst software product and a number of quantitative analysis methods, a network of concepts with a high semantic weight of the studied array of textual information is constructed. In order to conduct a comparative analysis in the focus groups of respondents and highlight the verbalized basic values of the Russian-speaking linguistic personality, the concepts were grouped into thematic groups and analyzed.

A.A. Ben Shushan
PECULIARITIES OF THE SPEECH-ACT STRUCTURE OF
THE ENCOURAGING EMPATHIC MESSAGE

Keywords: verbal empathy, illocutionary type, sphere of empathy, encouragement, speech-act structure, psychological support.

The paper deals with the speech-act structure of encouraging messages with empathic potential. Explicit and indirect forms of the speech act of wish, vocatives and the eponymous speech act of approval can be identified as structural components of empathic messages of encouraging.

A.A. Ben Shushan
ILLOCUTIONARY TYPE OF "GRATITUDE"
AS A TOOL OF EMPATHETIC COMMUNICATION

Keywords: illocutionary type, gratitude, verbal sphere of empathy, condolence, encouragement, compatibility, speech tactics.

В статье рассматривается экспрессивный речевой акт «благодарения» в качестве одной из составляющих эмпатического потенциала высказывания соболезнования и психологической поддержки адресата. Выявляются наиболее частотные случаи сочетания благодарения с иллокутивными типами «соболезнование» и «похвала». Определяются способы вербализации речевого акта благодарения в рамках эмпатического общения.

S.Ch. Bitokova, T.A. Bitokova
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ
МОГОЗНАЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Ключевые слова: многозначность семантический перенос, метафора, метонимия.

В статье рассматриваются особенности метафорических и метонимических переносов в семантической структуре многозначных прилагательных. Выявляется специфика каждого из обозначенных механизмов развития полисемии. Обоснована сложность дифференциации метафоры и метонимии, обусловленная онтологическими свойствами адеквативной лексики.

A.K. Bulatova, F.K. Sagdeeva
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ
В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: табу, эвфемизм, полисемия, вторичная номинация, татарский язык, дисфемия.

В настоящей статье рассматриваются эвфемизмы татарского языка, которые ранее не выступали в качестве объекта отдельного изучения. Данное исследование осуществляется с учетом культурологической составляющей лингвистического анализа. В качестве источника послужили материалы, содержащиеся в различных словарях татарского языка, а также в татарской художественной литературе и языке средств массовой информации.

N.V. Vozmishcheva, N.M. Lukina,
G.E. Potorochina, M.N. Smirnova
ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ГЕРМАНСКИХ И ФИННО-
УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ,
ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРАХ АНГЛИЙСКОГО,
НЕМЕЦКОГО И УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: пословицы, коммуникативные функции, смысловый эквивалент, английский язык, немецкий язык, удмуртский язык, социокультурная компетенция.

В данной работе рассматривается социокультурный потенциал пословиц и поговорок германских и финно-угорских языков. Актуальность темы исследования состоит в том, что паремии способствуют обогащению устной речи специалистов в области иностранных языков, расширяют их знания о культуре, истории и ментальности представителей иных этнических групп, обогащают активный словарь, способствуют развитию социокультурной компетенции. Авторы рассматривают некоторые коммуникативные функции пословиц английского, немецкого и удмуртского языков, а также сложности их перевода на русский язык. В работе подчеркивается практическая значимость изучения фольклорного материала с точки зрения профессиональной подготовки филологов.

L.M. Giniyatullina
ВНЕШНЯЯ СТРУКТУРА СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО
ЦЕЛОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: татарский язык,

сложное синтаксическое целое, композиция, компоненты ССЦ. В статье рассматривается внешняя структура сложного синтаксического целого (ССЦ). Актуальность работы обусловлена потребностью более полного научного исследования особенностей композиции сложного синтаксического целого в татарском языке. Цель исследования – определить особенности внешней структуры сложного

The article deals with the expressive speech act of "gratitude" as one of the components of the empathetic potential in expressing condolence and psychological support to the addressee. The most frequent cases of the combination of gratitude with the illocutionary types "condolence" and "praise" are revealed. Verbalization of the speech act of gratitude in empathetic communication is determined.

S.Ch. Bitokova, T.A. Bitokova
SEMANTIC DERIVATION OF POLYSEMOUS ADJECTIVES

Keywords: polysemy, semantic transfer, metaphor, metonymy. The article deals with the features of metaphorical and metonymic transfers in the semantic structure of polysemous adjectives. The specificity of each of the indicated mechanisms of polysemy development is revealed. The complexity of differentiation of metaphor and metonymy, due to the ontological properties of adjectival vocabulary, is substantiated.

A.K. Bulatova, F.K. Sagdeeva
FUNCTIONING OF EUPHEMISMS
IN THE TATAR LANGUAGE

Keywords: taboo, euphemism, polysemy, secondary nomination, Tatar language, dysphemism.

This article examines the euphemisms of the Tatar language, which previously did not act as an object of separate study. This study is carried out taking into account the cultural component of linguistic analysis. The materials contained in various dictionaries of the Tatar language, as well as in Tatar fiction and the language of mass media served as a source.

N.V. Vozmishcheva, N.M. Lukina,
G.E. Potorochina, M.N. Smirnova
GERMANIC AND FINNO-UGRIAN PROVERBS AND FOLK
SAYINGS: SIMILARITIES AND DIFFERENCES,
TRANSLATION DIFFICULTIES (ON THE BASIS OF THE
ENGLISH, GERMAN AND UDMURT LANGUAGES)

Keywords: proverbs, communicative functions, semantic equivalent, English, German, Udmurt, social and cultural competency.

The article ponders over social and cultural potential of Germanic and Finno-Ugrian proverbs and folk sayings. The research is considered to be urgent, because proverbs enrich foreign language specialists' oral speech with new expressions, enlarge their knowledge of other ethnic groups' culture, history and mentality, develop their active vocabulary, social and cultural competence. The authors describe some communicative functions of proverbs and take into account the difficulties of their translation. The importance of folklore material studies is highlighted from a philologist's professional training point of view.

L.M. Giniyatullina
THE EXTERNAL STRUCTURE OF A DIFFICULT
SYNTACTIC UNIT (BASED ON THE MATERIAL
OF THE TATAR LANGUAGE)

Keywords: Tatar language, a difficult syntactic unit, composition, components of the difficult syntactic unit

The article considers the external structure of a complex syntactic whole (CCC). The relevance of the work is due to the need for a more complete scientific study of the features of the composition of a complex syntactic whole in the Tatar language. The purpose of the study is to determine the features of the external structure

синтаксического целого в татарском языке. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе компонентов сложного синтаксического целого.

of a complex syntactic whole in the Tatar language. The scientific novelty of the research lies in the complex analysis of the components of a complex syntactic whole.

Л.Б. Здановская

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ
«ПАНТЕОН ВЛАСТИ» / "PANTHEON OF POWER" /
"PANTHEON DER MACHT" В АСПЕКТЕ РАССМОТРЕНИЯ
КОНЦЕПТОВ СОЗИДАНИЯ

Ключевые слова: концепт, лингвокультура,
бинарная коннотация, созидание, деструкция.

В статье анализируется специфика когнитивной и языковой объективации понятия «Пантеон власти» / "Pantheon of power" / "Pantheon der Macht" на оригинальном материале публицистических изданий Х. Зайпеля, Б. Вудворда, Э. Ролл в русской, американской и немецкой языковых пространствах. Автором исследуются особенности признаковых характеристик понятия, позволяющие отнести его к концептам созидания с бинарной коннотацией.

L.B. Zdanovskaya

LINGUO-COGNITIVE REPRESENTATION OF THE
CONCEPT "PANTHEON OF POWER" / "PANTHEON DER
MACHT" IN THE ASPEKT OF CONSIDERATION OF
CONCEPTS OF CREATION

Keywords: concept, linguistic culture,
binary connotation, creation, destruction.

The article analyses the specifics of the cognitive and linguistic objectification of the concept "Pantheon of Power" / "Pantheon der Macht" on the original material of journalistic publications by H. Seipel, B. Woodward, E. Roll in Russian, American and German linguistic spaces. The author examines the peculiarities of the distinctive-feature characteristics of the concept, allowing it to be attributed to the concepts of creation with a binary connotation.

А.С. Кисельников, М.К. Гулканян, И.И. Кузнецова

ФОРМУЛА ЧИТАБЕЛЬНОСТИ COH-METRIX L2 READING
EASE КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЧИТАБЕЛЬНОСТИ
УЧЕБНОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: Coh-Matrix L2 Reading Ease, Coh-Matrix,
академический текст, читабельность текста.

Статья актуализирует тему оценки читабельности академического текста на иностранном языке. Успешность правильного восприятия информации текста зависит от различных факторов, в том числе, от его читабельности. Из широкого спектра существующих формул читабельности, в статье применяется формула Coh-Matrix L2 Reading Ease, которая является частью инструмента для анализа сложности текста Coh-Matrix. В работе произведён анализ тринадцати текстов. Корреляция Пирсона применяется для установления наличия/отсутствия зависимости между распределением текстов в учебнике и их индексов читабельности.

A.S. Kiselnikov, M.K. Gulkanyan, I.I. Kuznetsova
COH-METRIX L2 READING EASE FORMULA TO
EVALUATE ACADEMIC TEXT READABILITY

Keywords: Coh-Matrix L2 Reading Ease, Coh-Matrix,
academic text, text readability.

The success of the correct text information comprehension depends on various factors, including the readability of the text. A wide range of readability formulas exist. The article considers the implementation of Coh-Matrix L2 Reading Ease formula, which is part of the text complexity analysis tool – Coh-Matrix. The article is devoted to the assessment of the readability of thirteen academic texts written in the English language. Pearson's correlation is implemented to detect the presence/absence of dependence on the distribution of texts in a textbook in accordance with their readability indices.

Х.Х. Кузьмина, Г.К. Хадиева, Г.Р. Шакирова
АВТОРСКАЯ ИНТЕНЦИЯ В ПОЭМЕ КУЛ ГАЛИ
«КЫССА-И ЙУСУФ»

Ключевые слова: интенция, коммуникативное намерение,
стилистические категории, история языка, Кысса-и Йусуф.

В работе представлены результаты изучения лингвистических средств выражения авторской интенции в поэме XIII века «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. Выявлено, что авторская интенция Кул Гали заключается в утверждении им в поэме основных принципов ислама. В качестве вербальных средств выражения интенции Кул Гали использует тюркские стилистические средства выразительности, такие как эпитет, метафора, антитеза, афоризмы, пословицы и изречения из Корана.

K.K. Kuzmina, G.K. Khadieva, G.R. Shakirova
THE AUTHOR'S INTENTION IN THE POEM KUL GALI
"KISSA-I YUSUF"

Keywords: intention, communicative intention, stylistic
categories, language history, Kissa-i Yusuf

The paper presents the results of the study of linguistic means of expressing the author's intention in the XIII century poem "Kissa-i Yusuf" by Kul Gali. It is revealed that the author's intention of Kul Gali is to affirm the basic principles of Islam in the poem. As verbal means of expressing intention, Kul Gali uses Turkic stylistic means of expression, such as epithet, metaphor, antithesis, aphorisms, proverbs and sayings from the Koran.

В.Н. Лим

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛОКАЛИЗАЦИИ КОРЕЙСКИХ ВИДЕОИГР
НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: перевод; локализация; лингвокультурный
компонент; лексическо-грамматические трудности.

В статье анализируются лингвокультурологические проблемы, с которыми сталкивается переводчик в процессе локализации видеодискурса. Выявляются типы лингвокультурного компонента, лексическо-грамматические трудности, а также предлагаются способы переводческих решений для адекватной передачи игрового видео- контента с корейского на русский язык.

V.N. Lim

LINGUOCULTURAL PROBLEMS OF VIDEO DISCOURSE
LOCALIZATION FROM KOREAN
INTO RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: translation; localization; linguistic and cultural
component; lexical and grammatical difficulties.

The article analyzes the linguistic and cultural problems that a translator may face in the process of localization of a video discourse. The types of linguistic and cultural component, lexical and grammatical difficulties, as well as methods of translation solutions are identified.

В.М. Липицкая, В.А. Тубальцева, Д.Б. Закирова
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ DIGITAL NATIVES:
КОНВЕРГЕНЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ
МЕТОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ

Ключевые слова: традиционные методы, современные методы, электронная образовательная среда, электронный образовательный ресурс, военно-профессиональные тексты. Авторами настоящей работы рассмотрены традиционные и современные методы преподавания иностранного языка в ВУЗе. Сделаны выводы о фактической конвергенции методов, применяемых педагогами высшей школы сегодня. Кроме того, доказано правомочное превалирование методов с применением электронных образовательных технологий для современного поколения обучаемых (т. н. digital natives).

V.M. Lipitskaya, V.A. Tubaltseva, D.B. Zakirova
ENGLISH IN THE ERA OF DIGITAL NATIVES:
CONVERGENCE OF TRADITIONAL AND MODERN
METHODS OF TEACHING

Keywords: traditional methods, modern methods, electronic educational environment, electronic educational resource, military texts.

The existing traditional and modern methods of teaching foreign language in high school have been considered by the authors of the present paper. The conclusions about the practical convergence of methods, that are being applied by the staff of higher educational establishments, have been made. Apart from that, a valid and relevant prevalence of methods, which have to do with application of digital educational technologies, has been illustrated.

А.И. Мамедбейли

РОЛЬ ЧАСТИЦ В РИТОРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА
(НА ОСНОВЕ АНГЛИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ)

Ключевые слова: частицы, текст, риторическая структура, информация, отношения, служебная, новый подход. В данной статье рассматриваются функции частицы в риторической структуре текста. Материалом исследования является английские художественные тексты. Анализируя языковой материал, автор отмечает, что в данных текстах частица отличается по содержанию от своей морфологической функции, но как морфологическая единица она не сильно отклоняется от нее; в новом контексте она выполняет новую функцию первой грамматической основы в информационном пространстве. Такой подход требует, чтобы служебные части речи, в том числе частицы, характеризовались иначе, чем при традиционном подходе.

A.I. Mammadbeyli
THE ROLE OF PARTICLES IN THE RHETORICAL
STRUCTURE OF THE TEXT
(BASED ON ENGLISH LITERARY TEXTS)

Keywords: particles, text, rhetorical structure, information, relations, auxiliary.

This article discusses the functions of the particle in the rhetorical structure of the text. The research material is English literary texts. Analyzing the language material, the author notes that in these texts the particle differs in content from its morphological function, but as a morphological unit it does not strongly deviate from it; in a new context, it performs a new function of the first grammatical basis in the information space. This approach requires that the service parts of speech, including particles, be characterized differently than in the traditional approach.

Е.В. Соболева

ЦЕННОСТНО-ИНФОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО
МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИКО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: публицистический текст, языковое манипулирование, лингвистические механизмы, оценочность; ценностная информативность. Данная статья посвящена изучению прагматико-лингвистических особенностей языкового манипулирования в ценностно-информативном аспекте на материале текстов политико-публицистического дискурса. В работе ставится задача в рамках ценностно-информативного подхода провести исследование функционирования основных механизмов речевого воздействия, реализующих возможности манипулятивных стратегий и тактик оказания влияния на ментальную сферу массового адресата и имплицитного внедрения в его психику определенных ценностных установок, соответствующих концепции автора в политико-публицистическом дискурсе. Публицистические тексты анализируются с точки зрения возможности отражения в них ценностных ориентаций участников медийного дискурса: адресантов и адресатов.

E.V. Soboleva
VALUE-INFORMATIVE ASPECT OF LANGUAGE
MANIPULATION IN POLITICAL AND PUBLICISTIC
DISCOURSE

Keywords: publicistic text; language manipulation; linguistic mechanisms, evaluativeness; value informativeness.

This article is devoted to the study of the pragmalinguistic features of the value-informative aspect of language manipulation in the texts of political publicistic discourse. The paper sets the task within the framework of the value-informative approach to conduct a study of the functioning of the main speech influence mechanisms, realizing the possibilities of manipulative strategies and tactics of influencing the mass addressee's mental sphere and the implicit introduction into his psyche of certain values that correspond to the author's concept in political and publicistic discourse. Publicistic texts are analyzed from the point of view of the possibility of reflecting the participants' value orientations of the media discourse: addressees and recipients.

Э.Э. Тундума

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ В
АССОЦИАТИВНОМ ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Ключевые слова: этническая идентичность, автостереотип, гетеростереотип, ассоциативный эксперимент, Республика Тыва. В статье рассматривается структурно-содержательная общность и специфика этнических автостереотипов и гетеростереотипов жителей Республики Тыва, представленных в их ассоциативных полях на соответствующие этнонимы. Показано преобладание позитивных аксиологических оценок по отношению к представителям собственного народа в отличие от восприятия другого народа. В системе гетеростереотипов на двух языках преобладают реакции нейтральной оценки, связанные, в том числе, с номинацией гражданской и (или) этнической идентичности.

E.E. Tunduma
PECULIARITY OF ETHNIC STEREOTYPING IN
ASSOCIATIVE PERCEPTION OF THE RESIDENTS OF THE
REPUBLIC OF TUVA

Keywords: ethnic identity, autostereotype, heterostereotype, associative experiment, Republic of Tuva

The article deals with the structural and substantive generality and specificity of ethnic autostereotypes and heterostereotypes of the inhabitants of the Republic of Tuva, represented in their associative fields of the corresponding ethnonyms. The predominance of positive axiological assessments is shown in relations to the representatives of their own nation, in contrast to the perception of another nation. The system of heterostereotypes in two languages is dominated by reactions of neutral evaluation, associated, among other aspects, with the nomination of civil and (or) ethnic identity.

О.Р. Хисамов

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ РЕКУ В ВОСТОЧНОМ ДИАЛЕКТЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: восточный диалект татарского языка, река, видовой географический термин, диалектизм, Западная Сибирь. В статье исследуются видовые термины, обозначающие реки в восточном диалекте татарского языка. Проводится сравнительное исследование с другими говорами и диалектами татарского языка и другими родственными и неродственными языками. Научная новизна данного исследования определена изучением специфики категории географических терминов татарской диалектной лексики, которые обозначают реки. Географические термины, обозначающие реки в восточном диалекте являются терминами общетюркского характера и наглядно проявляют близость к татарскому литературному языку и другим его диалектам. Выявлены диалектные лексемы, которые относятся к понятию «река», выделены группы наиболее частотно употребляемых наименований с фонетическими вариантами гидрографического термина йыгыт, цагыт, чагыт, ч^мүгет; қол/қул; лагы/луғы.

А.Н. Холстинина, Т.В. Холстинина, А.В. Пороиков
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЛОКУСА ЭФФЕКТА ВЕРБАЛЬНОГО НАСЫЩЕНИЯ В
СОВРЕМЕННОЙ ПСИХО- И НЕЙРОЛИНГВИСТИКЕ

Ключевые слова: семантическое насыщение, вербальное насыщение, лексическое насыщение, ассоциативное насыщение, эффект сатиации.

В статье представлен сравнительный анализ результатов новейших исследований в области психо- и нейролингвистики, посвященных феномену вербального насыщения. Отмечается, что отсутствие единого мнения относительно локуса развития сатиации, неточности в моделировании экспериментальной части работ, а также расхождения в терминологии обуславливают необходимость дальнейшего изучения феномена, модификацию экспериментальных подходов и структурирование имеющейся информации.

Е.О. Чурюканова
ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ
НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Ключевые слова: гендер, психотип, фемининный, маскулинный, народная песня.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с гендерными исследованиями народного песенного жанра Великобритании. Определяется понятие гендера и гендерных характеристик женского и мужского психотипов. Анализируются лексико-семантические и тематические маркеры песен маскулинного и фемининного типов.

O.R.Hisamov

GEOGRAPHICAL TERMS DESIGNATING A RIVER IN THE EASTERN DIALECT OF THE TATAR LANGUAGE

Keywords: eastern dialect of the Tatar language, river, specific geographical term, dialectism, Western Siberia.

The article examines the specific terms denoting rivers in the eastern dialect of the Tatar language. A comparative study is being carried out with other dialects and dialects of the Tatar language and other related and unrelated languages. The scientific novelty of this study is determined by the study of the specifics of the category of geographical terms of the Tatar dialect vocabulary, which denote rivers. Geographical terms denoting rivers in the eastern dialect are terms of a common Turkic nature and clearly show closeness to the Tatar literary language and its other dialects. Dialect lexemes related to the concept of "river" are identified, groups of the most frequently used names with phonetic variants of the hydrographic term yugyt, tsagyt, chagyt, chtuget are identified; qol/kul; lags / meadows.

A.N. Kholstinina, T.V. Kholstinina, A.V. Poroikov
THE MAIN TRENDS AND PRINCIPLES OF STUDYING THE
LOCUS OF THE EFFECT OF VERBAL SATIATION IN
MODERN PSYCHO- AND NEUROLINGUISTICS

Keywords: semantic satiation, verbal satiation, lexical satiation, associative satiation, satiation effect.

The article presents a comparative analysis of the results of the latest research in the field of psycho- and neurolinguistics on the phenomenon of verbal satiation. It is noted that the lack of consensus on the locus of satiation development, inaccuracies in the modeling of the experimental part of research projects, as well as discrepancies in terminology, necessitate further studies of the phenomenon, modification of experimental approaches and structuring of the available information.

E.O. Churyukanova

GENDER DIFFERENTIATION OF ENGLISH FOLK SONGS

Keywords: gender, psychotype, feminine, masculine, folk song.

The article deals with issues related to gender studies of the folk song genre of Great Britain. The concept of gender and gender characteristics of female and male psychotypes is defined. Lexico-semantic and thematic markers of masculine and feminine types of songs are analyzed.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№4 2022

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 15.05.2022 Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 15.05.2022

18,1 усл.печ.л. 19,7 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 4810.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»